

2020 / 63

праздник в городе /
celebration in the city

проект
байкал /
project
baikal

А Moveable Feast, «праздник, который всегда с тобой», – так определил Хемингуэй Париж, большой город, в котором прошел счастливый период его жизни.

Город-праздник, город и праздник, пространства праздника – все это стало темой номера. И еще зимний город – для тех городов, где зима все-таки состоялась. В Иркутске этой темой, кажется, занялись всерьез (75). В Москве ставшее традиционным Путешествие в Рождество растянулось на все три месяца зимы, хоть и без природной атрибутики в виде снега, мороза и прочей необязательной ерунды. Изменения климата, между прочим, заставили Международный союз архитекторов объединить свои усилия с ООН и обнародовать Декларацию (5). Так или иначе роскошь оформления центра вывела нашу столицу в лидеры среди европейских сестер и братьев.

Конкуренция городов. Имеют ли шансы занять в ней выигрышные позиции нестолицы со своими более скромными бюджетами? Имеют – отвечает «ФОРБС ЛАЙФ» и публикует список 10 перспективных городов России, включая туда Иркутск. Между прочим, благодаря Зимнему университету (о XXI его сессии – в нашем следующем номере) и успешному Кварталу 130 (ранее не публиковавшиеся подробности на с. 62–69).

Городами-праздниками можно с полным правом назвать итальянские Сиену, Берга, Ассизи и Венецию. Города рождают свои праздники, но и праздник может вдохновить город на возрождение к новой жизни. Героями этого номера стали Пермь, Новосибирск, Норильск, Иркутск, Улан-Батор, Дрезден и Кяхта. А город, объявленный мировой столицей архитектуры 2020, – Рио-де-Жанейро (6–7) – ждет нас в гости в июле на Конгрессе МСА.

Елена Григорьева

А Moveable Feast, this is the definition Hemingway gave to Paris, a big city where he spent a happy period of his life.

A celebration city, a city and a celebration, celebration spaces have become the subject of the issue. And a winter city – for those cities which have got winter anyway. In Irkutsk, this topic seems to be seriously considered (75). In Moscow, the already traditional Journey to Christmas has lasted for the three winter months, although without natural attributes such as snow, frost and other unnecessary stuff. Meanwhile, climate change made the International Union of Architects join its efforts with the UNO and publish the Declaration (5). Anyway, the luxury of the decorated center made our capital the leader among European brothers and sisters.

As for the competition among cities, do non-capitals with their modest budgets have any chance to hit the podium? “They do”, says the FORBES LIFE and publishes the list of top 10 most promising cities in Russia, which includes Irkutsk. Among other things, it is due to the Winter University (its XXIst session will be featured in the next issue) and a successful Quarter 130 (see the details that have not been published before on pp. 62–69).

Italian cities of Siena, Berga, Assisi and Venice can be truly called celebration cities. Cities give birth to celebrations, but a celebration can also inspire the city to start a new life. The heroes of this issue are Perm, Novosibirsk, Norilsk, Irkutsk, Ulan Bator, Dresden and Kяхta. The city declared the World Capital of Architecture for 2020, Rio de Janeiro (6–7) will host us for the UIA Congress in July.

Elena Grigoryeva
editor-in-chief

Издатель выражает благодарность за помощь в создании журнала Барту Голдхоорну, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

12+

учредитель, главный редактор

Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

**корректор,
литературный редактор**
Марина Ткачева

дизайн, верстка
Татьяна Анненкова

**заместитель главного редактора
по международной деятельности**
Анна Григорьева

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

на обложке Б. М. Кустодиев «Масленица». 1919. Холст, масло. 71 x 98 см. Музей-квартира И. И. Бродского, Санкт-Петербург
на последней обложке Питер Брейгель Старший. Битва Поста и Масленицы. 1559

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 300 экз. Заказ 3430
Подписано в печать 03.03.2020
Журнал №63 от 13.03.2020

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Периодичность 4 раза в год

Цена свободная

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture “Interarch-2009” in “Periodicals” category

63

праздник в городе /
celebration in the city

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
книга	Номин Болдсайхан	Градостроительное развитие Улан-Батора	8
праздник в городе		9
	Константин Лидин	Архитектура праздника – традиции и эмоции.....	10
	Марина Ткачева Евгения Сурикова	Праздник в городе. Дискуссионный клуб ПБ.....	18
	Петр Капустин	Праздник как проектное событие городской среды.....	27
	Ольга Железняк Мирия Корелина	«Аутентичная универсальность» праздников.....	37
праздники и пространства	Елена Григорьева Константин Лидин	43
	Леонид Салмин	Праздник города и город праздника	44
	Елена Багина	Ритуальные преобразования	50
	Юлия Дианова	Звериный стиль: художественные образы для креативной Перми	54
	Елена Григорьева Константин Лидин	Квартал для Праздника. Несостоявшийся амфитеатр и универсальная лестница	62
	Анастасия Малько	«Пестрая Республика Нойштадт»: укрепление городской идентичности как средство сохранения историко-культурной среды	70
зимний город	Елена Григорьева	75
	Сергей Маяренко	Зима как источник экономического роста	76
	Алексей Козьмин	Зимний город	78
	Тимофей Киселёв Олеся Киселёва Ольга Успенская	Организация комфортной среды проживания на севере Красноярского края	80
	Елена Багина	Здравствуй, в белом сарафане.....	86
	Анна Григорьева	Конкурсы в Исландии	90
	Вера Ворожейкина	Светоцветовая навигация сибирского города (на примере Новосибирска)	92

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

12+

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia
proofreader,
literary editor
Marina Tkacheva

upmaking
Tatyana Annenkova

associate editor-in-chief for international activity
Anna Grigorieva

address of the publisher and the editorial board
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,

email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

front cover image
B.M. Kustodiev, Maslenitsa. 1919. Canvas, oil. 71x98 cm. Museum-Apartment of I. I. Brodsky, Saint Petersburg.

back cover image
Pieter Bruegel the Elder. The Fight Between Carnival and Lent. 1559.

printed by
000 "Tipografia Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 300
passed for printing: 03.03.2020
issue 63 of 13.03.2020

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID и Kaira Looor, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID and Kaira Looor, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

здание-праздник	Константин Лидин	99
	Александр Анисимов	Новая эпоха театральной архитектуры	100
	Петр Капустин	Башня.....	110
	Павел Смольянов	«Волгоград Арена». Современные конструктивные и архитектурные	
	Ольга Сулова	решения вантовой системы кровли многофункционального	
		спортивного комплекса.....	118
наследие	Николай Крадин	Малые исторические города Забайкалья:	
		архитектурное наследие Троицкосавска – Кяхты	123
	Алина Иванова	Утраченная деревянная архитектура Тихоокеанской России.....	130
post scriptum	Андрей Боков	Три утопии (памяти СССР посвящается)	138
к стилистика XX	Петр Капустин	Ар-деко: терпкие плоды забытого сада.....	142
	Александр Раппапорт	Стиль и среда.....	149
квартирный вопрос	Денис Лысюк	Проблемы внедрения и развития технологий	
	Екатерина Мамчиц	«пассивного» дома в России	150
	Олег Федоров		
	Елена Булгакова	«Черные дома» – праздник или будни города?	
	Николай Дубынин	Некоторые вопросы апгрейда архитектуры	155
	Асмик Ключко		
	Инна Дружинина	Адаптируемое жилье на примере застройки территории	
	Анастасия Холявко	микрорайона «Птичьа Гавань» в Иркутске	166
авторы		168

спонсоры номера

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
book	Nomin Boldsaikhan	Urban Development of Ulan Bator	8
celebration in the city		9
	Konstantin Lidin	Architecture of a Celebration: Traditions and Emotions	10
	Marina Tkacheva Evgeniya Surikova	Celebration in the City. PB Discussion Club	18
	Petr Kapustin	Celebration as a Design Event in the Urban Environment	27
	Olga Zheleznyak Mirya Korelina	"Authentic Universality" of Celebrations	37
celebrations and spaces	Elena Grigoryeva Konstantin Lidin	43
	Leonid Salmin	The City's Celebration and the City of Celebration	44
	Elena Bagina	Ritual Transformations	50
	Julia Dianova	The Animal Style: Artistic Images for Creative Perm	54
	Elena Grigoryeva Konstantin Lidin	A Quarter for Celebrations. A Might-Have-Been Amphitheatre and a Universal Staircase.....	62
	Anastasia Malko	"Bunte Republik Neustadt": Strengthening Urban Identity as Means of Preservation of Historico-Cultural Environment	70
winter city	Elena Grigoryeva	75
	Sergey Mayarenkov	Winter as a Source of Economic Growth	76
	Alexei Kozmin	A Winter City	78
	Timofey Kiselev Olesya Kiseleva Olga Uspenskaya	Creation of a Comfortable Living Environment in the North of Krasnoyarsk Krai	80
	Elena Bagina	Welcome Winter Dressed in White... ..	86
	Anna Grigorieva	Iceland Competitions.....	90
	Vera Vorozheikina	Light and Color Navigation of the Siberian City (the Case of Novosibirsk)	92
celebration building	Konstantin Lidin	99
	Alexander Anisimov	A New Age of Theater Architecture	100
	Petr Kapustin	The Tower	110
	Pavel Smolyanov Olga Suslova	Volgograd Arena. Modern Design and Architectural Solutions for the Cable-Stayed Roof System of the Multifunctional Sports Complex	118
heritage	Nikolai Kradin	Small and Historic Cities of Zabaikalye: Architectural Heritage of Troitskosavsk-Kyakhta	123
	Alina Ivanova	Lost Wooden Architecture of the Pacific Russia.....	130
		
post scriptum to stylistics XX	Andrey Bokov	Three Utopias (Dedicated to the Memory of the USSR)	138
	Petr Kapustin	Art Deco: Harsh Fruits of a Deserted Garden	142
	Alexander Rappaport	Style and Environment	149
housing question	Denis Lysyuk Ekaterina Mamchits Oleg Fedorov	Implementation and Development Issues of Passive House Technologies in Russia ..	150
	Elena Bulgakova Nikolai Dubynin Asmik Klochko	Are "Black Buildings" the City's Holiday or Daily Grind? Several Issues on Architecture Upgrade.....	155
	Inna Druzhinina Anastasia Kholiyavko	Adaptable Housing Through the Example of the Birds' Harbor Neighborhood Development in Irkutsk	166
authors		168

UIA at COP25: Declaration

4 December 2019 – Madrid, Spain – On the occasion of COP25, the United Nations climate conference meeting in Spain, the International Union of Architects (UIA) calls for immediate political action to enforce responsible building practices and sustainable architecture and urban design, putting a stop to harmful and wasteful construction.

Architects have a key role to play in surmounting the environmental challenges of our era. "If we hope to halt and repair global damage to the environment, the world's cities

urgently need to apply new, effective design solutions," UIA President Thomas Vonier said. He added that, "architecture has a huge potential to mitigate the impacts of climate change both on the natural world and on our quality of life."

The ideas and the technology required to develop sustainable urban environments already exist and are advancing every day. In order to use this technology and creativity to their greatest advantage, we now need a radical shift in the relevant legislation. The UIA urges national and local authorities to implement policies guaranteeing that environmental

sustainability becomes a key criteria of building practices. Municipalities and governments urgently need to stop indiscriminate destruction of the natural environment by implementing more stringent development controls, making greater investments in responsibly-sourced materials and urban energy efficiency, and carefully regulating urban growth.

The UIA calls for urban policy that respects the fundamentals of sustainable architecture and urbanism: Energy efficiency, water efficiency, land-use efficiency, materials management, low-emission transport systems, pollution reduction.

Through the inclusion of such measures in urban development legislation, policy-makers, architects and urban designers can change the face of our cities and alleviate the human impact on the world in which we live.

For more information please visit <https://www.uia-architectes.org>

Kaira Looro Competition 2020: Emergency Operations Center

The object of the 2020's competition is to design an operational centre for the management of humanitarian emergencies in Sub-Saharan Africa. The structure is intended to house and facilitate all of the most import-

Международные новости архитектуры / International Architecture News

COP25: Декларация МСА

4 декабря 2019 года в Мадриде (Испания) в рамках проведения конференции ООН по изменению климата (COP25) Международный союз архитекторов (МСА) призвал к незамедлительным политическим действиям, направленным на воплощение идей ответственного строительства, устойчивой архитектуры и градостроительства и на прекращение вредного и неэффективного производства.

Архитекторы должны играть ключевую роль в решении экологических проблем нашего времени. «Если мы хотим остановить нанесение глобального вреда окружающей среде, необходимо незамедлительно приступить к реализации новых эффективных решений в городах», – сказал президент МСА Томас Вонье. Он добавил, что «архитектура имеет огромный потенциал для уменьшения отрицательного влияния изменений климата как на окружающую природу, так и на качество нашей жизни».

Идеи и технологии, необходимые для устойчивого развития городской среды, уже существуют

и совершенствуются с каждым днем. Чтобы максимально эффективно использовать эти технологии и творческий потенциал, нам сейчас нужны радикальные изменения в соответствующем законодательстве. МСА призывает государственные и местные власти реализовать политический курс, который способствовал бы тому, чтобы устойчивость окружающей среды стала основным критерием строительной практики. Муниципалитеты и правительства должны прекратить тотальное уничтожение окружающей среды, применяя более строгий контроль над застройкой, поддерживая ответственный выбор материалов и эффективное использование энергии в городах, а также тщательно регулируя городское развитие.

МСА призывает следовать курсу развития городов, который соответствует основным принципам устойчивости архитектуры и градостроительства, а именно: эффективному использованию энергии, водных ресурсов и земли, ответственному управлению материальными ресурсами, применению транспортных систем с наименьшим уровнем выбросов и снижению степени загрязнения.

Включив подобные меры в законодательство о градостроительной деятельности, политики, архитекторы и градостроители смогут улучшить облик наших городов и уменьшить антропогенное воздействие на нашу среду обитания.

Дополнительная информация:
<https://www.uia-architectes.org>

Конкурс Kaira Looro-2020: операционный центр по чрезвычайным ситуациям

В 2020 году будет проходить очередной конкурс Kaira Looro. На этот раз он посвящен созданию операционного центра по управлению чрезвычайными ситуациями гуманитарного характера в странах Африки, расположенных к югу от Сахары. В центре международные организации и местные органы смогут обеспечивать ликвидацию чрезвычайных ситуаций и оказывать помощь пострадавшему населению.

В конкурсе могут принять участие архитекторы, дизайнеры, инженеры и студенты со всего мира. Можно участвовать индивидуально или в команде, при этом возраст хотя бы одного из членов команды не должен превышать 35 лет.

Будут присуждены 1, 2 и 3 места, поощрительные премии, 5 похвальных отзывов и объявлены 20 финалистов. Проект-победитель получит денежный приз в размере 5000 евро и возможность пройти практику в престижном бюро Kengo Kuma & Associates в Токио (Япония). Команды, занявшие второе и третье места, наряду с денежными призами получат возможность пройти практику в бюро SBGA в Милане (Италия) и Mopheti Morojele Design в Йоханнесбурге (ЮАР). Все награжденные проекты будут опубликованы в официальном издании.

ant initiatives which international organisations and local authorities must implement in order to deal with emergencies and provide aid to affected communities.

The participation is opened to architects, designers, engineers and students from all over the world. It's possible to participate in a team or individually, with at least the presence of one member under 35 in the team.

There will be project awarded for the 1st, 2nd and 3rd place, honorable mentions, 5 mentions and 20 finalists. The winning project will receive a

cash prize (€ 5000) and an internship at the prestigious Kengo Kuma & Associates in Tokyo, Japan. The second and third team will receive respectively cash prize and an internship at the SBGA in Milan, Italy, and Mopheti Morojele Design in Johannesburg, South Africa. All the awarded projects will also be published in the official book.

The competition is organized also to support the humanitarian activities of the Balouo Salo non-profit organization, to which the entire proceeds will be donated.

Registration is open from 24th

January to 31st April 2020; results will be announced on May 16, 2020.

For more information go to official website: www.kairalooro.com

2A City – Architecture Movie Awards

The 2A City-Architecture Movie Awards is founded by Ahmad Zohadi – CEO and the editor in chief of the 2A Magazine to honor architecture and movies and to celebrate movies demonstrating ancient, contemporary, and modern architecture, representing a blend of talent, idea, vision, as well as commitment.

Movies can be entered in the following Categories:

– Movie

– A story-line with an emphasis on a compelling work of architecture with social, cultural, economical, humanitarian and geographical sphere of influence and the use of modern technology to design cities.

– City life (behaviour) from the perspectives of adaptability, structural sustainability, economic prosperity, environmental friendliness, supportiveness of human (citizen's) rights, urban managements, safety, education, innovation and creativity and other significant evaluative characteristics of city life.

Конкурсные сборы пойдут на поддержку гуманитарной деятельности некоммерческой организации Balouo Salo.

Регистрация открыта с 24 января по 31 апреля 2020 года, результаты конкурса будут объявлены 16 мая 2020 года.

Дополнительная информация:
www.kairalooro.com

Конкурс архитектурного кино 2A City

Конкурс архитектурного кино 2A City (2АСАМА) был организован Ахмадом Зохади, главным редактором и исполнительным директором журнала 2А, чтобы отметить лучшие работы в области кино, демонстрирующие архитектуру прошлого и современности и наполненные талантом, интересными идеями, проницательностью и преданностью делу.

Заявки подаются в следующих категориях:

- **Кино**
- Сюжет с акцентом на интересную архитектурную работу, имею-

щую культурную, экономическую, гуманитарную и географическую сферу влияния и использующую современные градостроительные технологии.

– Жизнь города с точки зрения способности к адаптации, устойчивости строительства, экономического благополучия, бережного отношения к окружающей среде, обеспечения прав человека (гражданина), городского управления, безопасности, образования, инноваций, творчества и других важных оценочных характеристик городской жизни.

– Жизнь города с культурной и социальной точки зрения.

– Документальное кино

Документальные фильмы о жизни и работе архитекторов, градостроителей, социальных исследователей и теоретиков в области архитектуры.

– Коммерческая работа

– Завершенные проекты

– Концепции (3D-презентация-анимация)

– Анимация и видеоигра

Регистрация фильмов на конкурс 2АСАМА начинается 15 февраля и заканчивается 1 апреля 2020 года. Церемония награждения будет проходить 5 июня 2020 года в музее «Бельведер, 21» в Вене (Австрия).

Информация о регистрации:

<https://submit.2aincorp.com/login>

Рио-де-Жанейро – мировая столица архитектуры – 2020

18 февраля в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже собрались

представители городского совета Рио-де-Жанейро, Бразильского института архитекторов, ЮНЕСКО и Международного союза архитекторов (МСА), чтобы огласить программу проведения мероприятий в мировой столице архитектуры – Рио-де-Жанейро.

Весь этот год в Рио будут проводиться архитектурные мероприятия; особый акцент в них будет сделан на осуществление одиннадцатой цели повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, которая призывает «сделать города и населенные пункты открытыми, безопасными, жизнеспособными и устойчивыми». В число мероприятий, затрагивающих различные проблемы городов, входит Всемирный конгресс архитекторов МСА, который пройдет с 19 по 23 июля 2020 года. Как заявил президент МСА Томас Вонье, «Цель мировой столицы архитектуры – продемонстрировать, как архитектура может улучшить условия жизни человека и всей нашей планеты. Сейчас, в наше нелегкое время, мы получили шанс показать как простым людям, так и мировым лидерам значимость архитектуры в повседневной жизни».

Томас Вонье добавил, что «сотрудничество МСА и ЮНЕСКО укрепляет роль архитектуры и градостроительства в продвижении культурных ценностей и ориентиров, так необходимых современному обществу».

Дополнительная информация:
<https://www.uia-architectes.org>

– City Life (behaviour) from the cultural and social perspective.

– **Documentry**

Documentaries about the lives and works of architects, urban planners, social researcher and theoretician in relation to architecture.

– **Marketing**

– Built Projects

– Concept Projects [3D Presentation- Animation]

– **Animation & Video Game**

The film registration for the 2A City – Architecture Movie Awards 2020 begins on Feb 15th, 2020. The registration deadline for the 2ACAMA

2020 is April 1st, 2020. The venue for 2ACAMA is Belvedere 21 in Vienna, Austria, on 5 June 2020.

To register please visit

<https://submit.2aincorp.com/login>

Rio de Janeiro, 2020 World Capital of Architecture

Tuesday 18 February – Paris – Rio City Hall, the Brazilian Institute of Architects, UNESCO and the UIA gathered at the UNESCO headquarters in Paris today to present this year's UNESCO-UIA World Capital of Architecture programme in Rio de Janeiro.

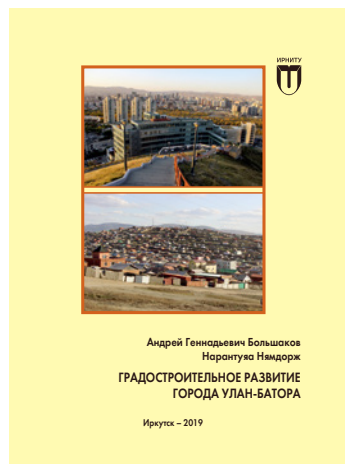
In honour of this title, Rio is holding a series of architecture-themed events throughout the entire year, with a particular focus on promoting the 11th goal of the 2030 Agenda for Sustainable Development, that is, "Make cities and human settlements inclusive, safe, resilient and sustainable". Various urban issues would be addressed during the World Capital of Architecture and the UIA World Congress of Architects (19-23 July 2020). As UIA president Thomas Vonier said, "That is the purpose of the World Capital of Architecture – to show how architecture can improve

the human condition, and our planet. We are in a time of need, and this is a chance for ordinary people and world leaders to see the value of design in everyday lives."

Thomas Vonier stated that "[The UIA] partnership with UNESCO reinforces the place of architecture and urban design in advancing cultural values and influences in society, so sorely needed in today's world."

For more information please visit <https://www.uia-architectes.org>

Большаков А. Г., Нарантуяа Н. Градостроительное развитие города Улан-Батора. – Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2019. – 102 с. /
Bolshakov, A. G., & Narantuyaа, N. (2019).
Gradostroitelnoe razvitiie goroda Ulan-Batora [Urban development of Ulan Bator]. – Irkutsk: Izd-vo IRNITU

Градостроительное развитие Улан-Батора / Urban Development of Ulan Bator

^ Рис. 1. Город Урга (будущий Улан-Батор). 1911. Рисунок художника Жугдэра

^ Рис. 2. Вид из главного храмового комплекса Гандантегчинлэн на юг, на заповедную гору Богд-Хан-Улла. 2019. Фото Андрея Большакова

В издательстве Иркутского национального технического университета (ИРНИТУ) вышла монография профессора Большакова А. Г. и преподавателя-исследователя Н. Нямдорж «Градостроительное развитие города Улан-Батора».

Авторы раскрывают систему исторических предпосылок и этапы градостроительного развития Улан-Батора. На примере генпланов определены принципы построения исторических и современных кварталов, микрорайонов и центральных мест. Подробно рассказывается о проблемах архитектурно-планировочной организации и путях их решения.

Одна из основных проблем Улан-Батора – двойственность его пространства: часть города – каменное «ядро» со средней высотой застройки до 20 этажей. Вторая половина – огромный войлочный город, хаотичный и лишенный инфраструктуры. Аналитика, данная авторами, позволяет увидеть

полную картину городской архитектурно-планировочной структуры. В книге обобщаются и выявляются особенности градостроительной эволюции Улан-Батора, разрабатываются принципы упорядочения планировки, реновации и модернизации юрточного пояса.

Содержание книги позволяет более подробно изучить архитектуру, историческую и современную градостроительную ситуацию города. Особенно интересно авторы пишут о древнем монгольском принципе преемственного развития архитектуры города в длительной перспективе и возможностях его использования в настоящее время. Методики архитектурно-планировочного развития, рассмотренные в монографии А. Большакова и Н. Нямдорж, могут быть полезны для реального проектирования не только в Монголии. Книга полезна всем, кто изучает архитектуру и градостроительство Монголии.

**Номин Болдсайхан /
Nomin Boldsaikhan**

праздник в городе / celebration in the city

Понятие праздника рассмотрено с точки зрения эмоционального содержания. Сопоставлены различные виды праздников, показано, что содержанием праздника могут быть как эмоции типа «радость – гордость», так и переживания печали, гнева и так далее. Предложен вывод о том, что эмоциональное содержание праздника (в отличие от прочих событий) заключается в высокой интенсивности переживаний. Рассмотрены принципы, связывающие эмоциональное содержание праздника с характеристиками архитектурного объекта и свойствами пространства, в котором происходит праздник.

Ключевые слова: праздник; эмоции; переживания; событие; архитектура; архитектурное пространство. /

The concept of the celebration is considered in terms of emotional content. Various types of celebrations are compared; it is shown that the content of the celebration can be both emotions of "joy - pride", and feelings of sadness, anger, and so on. It is concluded that the emotional content of the celebration (in contrast to other events) consists in a high intensity of experiences. The article considers the principles linking the emotional content of the celebration with the characteristics of the architectural object and the properties of the space in which the celebration takes place. Keywords: celebration; emotions; experiences; events; architecture; architectural space.

Архитектура праздника – традиции и эмоции /

ТЕКСТ
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение

Наверное, у большинства людей при слове «праздник» возникает представление о чем-то ярком, красочном, звонком и радостном. Фейерверк, нарядные костюмы, вкусная и красивая еда, музыка и танцы... Праздник – это интересно, весело и приятно; разве не так?

Следуя этой логике, можно указать и самую праздничную архитектурную стилистику. Конечно же, в наибольшей степени такому образу праздника – яркого, динамичного и ритмичного – соответствует стиль барокко или близкие к нему. Может быть, торжественная разновидность праздника (скажем, бал в аристократическом кругу) обязательно должен происходить в окружении ампира, а богемная встреча творцов – в диковинной роскоши ар-нуво и ар-деко?.. Во всяком случае, представление о жизни во дворцах как о сплошном празднике очень устойчиво и крепко. И дворцовый праздник насыщен не просто радостью и гордостью, а предельными, максимально выраженными эмоциями этого сектора – восторгом, восхищением, экстазом.

1. Восторг любой ценой

Создание восхитительной среды дворцовой архитектуры обходится совсем недешево. На постройке дворца Нойшванштайн король Людвиг Второй разорил казну Баварии, самого богатого из германских княжества середины девятнадцатого века. Императрица Цы Си не просто опустошила бюджет Китая, а еще и втянула Поднебесную в огромные кредиты от западных стран. Но вместо военно-морского флота для противостояния усиливающейся Японии она с фантастической роскошью перестроила и украсила Запретный город в Пекине; и этот праздник закончился восстанием ихэтуаней, вторжением альянса из восьми европейских держав и крахом династии Цин.

Пышность и великолепие дворцов важнее, чем добротность постройки. Пример – Павловский дворец, построенный в конце XVIII столетия великим князем, впоследствии императором Павлом Петровичем и его супругой Марией Федоровной. Над дворцом последовательно трудились Камерон, Кваренги, Данилов и Козлов. Устройство парка было поручено итальянскому декоратору Гонзаго.

В своих мемуарах великий князь Гавриил Константинович пишет: «В течение нескольких лет Гонзаго жил в Павловске. Каждое утро обходил он парк вместе со своим учеником Степаном Кувшинниковым, который нес по ведру белой и черной краски. Первой Гонзаго отмечал те деревья, которые нужно сохранить, а второй – которые нужно уничтожить. В результате получились те изумительные перспективы, которыми, как нигде, можно было любоваться в Павловске. Я никогда не видел такого великолепного парка и такого красивого по внутренней отделке дворца, как Павловский дворец. Это был настоящий музей – собрание картин, гобеленов, бронзы и вообще художественных вещей» [1, с. 10].

При этом качество постройки оставалось таким, что «<...> когда караул строился в зале, ему было приказано идти не в ногу, так как боялись, что провалится пол. В его прочности настолько сомневались, что даже колонны зала поддерживались особыми крюками, укрепленными на чердаке, и только казалось, что они опираются в пол» [Там же].

Период XVII–XIX веков отмечен также расцветом общественных пространств «дворцового типа». Яркий пример такого градостроительного решения – Дворцовая площадь перед Зимним дворцом в Санкт-Петербурге, с самого начала задуманная как сцена для парадов и торжественных выездов. Разноцветные мундиры и золотые каски с золотыми орлами, пышные плюмажи и начищенные кирасы кавалеров, ровные шеренги и слаженные артикулы – все это элементы праздника в ключе радости и гордости, сочетания роскоши и строгого порядка.

В тот же период расцветают и народные праздники, гуляния, ярмарки. Порядка в их течении гораздо меньше, эмоциональное наполнение этих праздников скорее относится к эмоциональному сектору «интерес – возбуждение», порой вторгаясь в соседнюю область гнева. Массовые гуляния легко переходили в разгул, часто сопровождалась азартными играми и тому подобными забавами. Зачастую праздник органично включает в себя кулачные бои и просто драки. Случались и смертельные исходы – от перепоя, в драке или от «лихих людей».

И конечно, такие праздники не могут обойтись без обильной и разнообразной еды. Праздничные пиршества москвичей блестяще описал В. Гиляровский [2].

^ Рис. 1. В. Садовников. Парад гвардии на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге. 1839. Архитектура зданий в стиле классицизма, окружающая площадь, создает эмоциональную атмосферу торжественности и имперского величия

Уличные массовые праздники в Петербурге конца XVIII – начала XIX века очень живо передает книга журналиста и бытописателя Михаила Пыляева [3]. Не удержусь, чтобы привести обширную цитату:

«Первый общественный увеселительный сад открылся весной в 1793 году на Мойке (теперь Демидовский дом трудящихся); учредил его поддиректор императорских театров барон Ванжура; увеселительный сад именовался «Вокзал в Нарышкиновом саду». Здесь каждую среду и в воскресенье давались праздники, балы, танцевальные вечера и маскарады с платою по рублю с персоны. Увеселения начинались с 8 часов вечера; посетители могли приходиться в масках и без маски. В зале, предназначенной для танцев, играло два оркестра музыки: роговой и бальный. На открытом театре давали пантомимы и сожигали потешные огни. Иногда здесь шли и большие представления, как, например, «Капитана Кука сошествие на остров с сражением, поставленным фехтмейстером Мире», или «Новый год индейцев», народные пляски и т. д.

При этих представлениях публика платила два рубля.

Здесь показывали свое искусство, как гласила афиша того времени, и путешествующие актеры, и мастера разных физических, механических и других искусств, музыканты горлые, на органах и лютне, искусники разных телодвижений, прыгуны, сильные люди, великаны, мастера верховой езды, люди со львами и другими редкими зверьми, искусными лошадьми, художники искусственных потешных огней и т. д.» [3, с. 407].

Заметим, что «горлые музыканты» – это роговой оркестр, а два рубля по тогдашним ценам представляют довольно значительную сумму: за два рубля можно было купить пуд коровьего масла или получить роскошный обед с вином и десертом в дорогом трактире.

Итак, при всем разнообразии форм, которые принимает «классический» праздник, его эмоциональное наполнение фактически располагается в довольно узком сегменте с центром в переживаниях восторга и восхищения высокой интенсивности.

в Рис. 2. Ганс Вредеман де Врис. Дворец с музыкантами. 1596. Нидерландский архитектор и художник эпохи испанского владычества в Голландии подвергался преследованиям и не мог реализовать свои замыслы в постройках. Творческий потенциал нашел выход в причудливой и яркой живописи в жанре архитектурных фантазий – эмоциональный предшественник стилей ар-нуво и ар-деко

Architecture of a Celebration: Traditions and Emotions

^ Рис. 4. Сад камней монастыря Рёан-Дзи. Праздник молчаливого созерцания

^ Рис. 6. Сюгакуин – вилла императора Гомизуно. 1659. После 18 лет царствования в возрасте 33 лет император отрекся от престола и остаток жизни провел в умиротворенном созерцании природы и растворяющейся в ней архитектуры

2. Праздник печали

Другая великая культура – китайская – во многом развивалась схожими путями. Высокий расцвет культуры Китая пришелся на рубеже эпох Тан и Сун (XI век н. э.). Дворцовые праздники того времени выглядели не менее (или даже более) пышными, яркими и упорядоченными, чем в Европе Нового времени.

Вот стихотворение «Прием в императорском дворце в честь Праздника Первого Полнолуния» одного из классиков китайской поэзии Су Ши (1037–1101), выступавшего под псевдонимом Су Дунпо:

*Бледнеет луна над дворцом Цзяньчжан,
на небе звезды редеют;
Доносит божественный ветерок
курительниц аромат,
И по-лебединому в зале Тунмин
в почтеньи вытянув шеи,
Как красное облако перед Юй-ди,
чиновники стали в ряд [4].*

Добавим несколько комментариев:

– Дворец Цзяньчжан («Построенный Чжаном») – знаменитый дворец времен династии Хань (206 до н. э. – 220 н. э.). Помещая действие в легендарный дворец эпохи Хань, самой долгой из эпох китайской истории и самой прославленной, поэт указывает на древность традиций праздника;

– Зал Тунмин (дянь) («Зал Проникающего Света»), согласно легенде, находился в небесном дворце Юй-ди, Нефритового Государя. Здесь имеется в виду парадный зал императорского дворца в сунской столице Кайфене, но подчеркивается его связь с эпохой совсем уже легендарной;

– красное облако – ему уподобляются дворцовые чиновники, одетые по случаю праздника в шелковые халаты красного цвета. Следует добавить, что цветные облака издавна считались в Китае символом благого предзнаменования, а в легендах и сказках часто выступали как «транспортные средства» небожителей;

– Юй-ди (Юй-хуан шан-ди, «Нефритовый Государь») – одно из 9 имен верховного даосского божества, повелителя неба и мира людей. Поэт упоминает даосское божество в противовес господствовавшему тогда конфуцианству как намек на высшую сущность императора, возвышающегося над конфессиональными разногласиями.

В начале XIII века Китай подвергся монгольскому нашествию и на полтора века превратился в военную

> Рис. 3. Первомайский плакат. Художник С. Иванов. 1920. Эстетика ар-нуво тесно привязана к ощущению праздника. Даже трудовой Первомай в эмоциях радости и гордости нашел свое выражение в типичной пластике и колористике модерна

империю Юань. Новый подъем китайской традиции праздников происходит только в эпоху Мин, с середины XIV века. Утонченная культура Мин во многом пытается повторить яркую жизнерадостность Тан и Сун, но как будто некое изнеможение и трепетная невзрачность пропитывает эту культуру.

Похожие процессы протекают и в Японии. Культура Хэйань, вся построенная на заимствованиях из китайской, культивирует пышное великолепие, многоцветность и причудливость. Описание жизни императорского дворца в Киото под кистью Сэй Сёнагон выглядит утонченно-эстетичным, как просвечивающие друг сквозь друга многослойные шелка одеяний придворных дам.

В конце XII века Япония, приняв политику изоляции от материкового влияния, вступает в суровую эпоху Камакура. Изнеженная наследственная аристократия «кугэ» уступает место нарождающимся кланам самураев с их кровожадной эстетикой насильственной смерти. Постепенно вырабатывается дворцовый стиль, осно-

ванный на принципах «ваби-саби» и «югэн». Этот стиль «Синдэн-дзукури», похожий одновременно на казарму и на дзэнский монастырь, трактует праздник как тихое, печальное созерцание природы. Отдых от кровавых трудов и интриг, от бесконечных клановых войн, от свирепых радостей вражды и мести. Праздник – это когда можно просто неподвижно посидеть, глядя на осеннюю листву или нежную зелень весны.

В XV веке, когда Западная Европа переживала титанический творческий взрыв Ренессанса, в Японии окончательно сформировался аскетичный «стиль Восточной горы» (Хигасияма). Дворцово-монастырский комплекс «Серебряного павильона» (Гинкаку-дзи) весь пронизан созерцательной печалью, молчаливым единением с природой и растворением в ней, как и архитектура чайных домиков, и искусство каменных садов. Поэт Мидзухара Сюоши так отразил это настроение в хакку «Загородный дворец Сюгакуин»:

в Рис. 5. Серебряный павильон (Гинкаку-дзи), личный дворец военного диктатора Японии, вершина стиля Хигасияма. В первоначальном проекте павильон предполагалось покрыть сплошным слоем серебра, но военные расходы не позволили этого сделать. Может быть, и к лучшему...

*Провожаю весну –
под дождем, до нитки промокнув,
с тучей лицом к лицу... [5]*

Такой вот праздник – поэтическое переживание само-забвенной грусти.

Если же кому-то покажется, что скорбь и печаль могут быть содержанием праздника только в контексте культуры камакура, то вот такой факт для размышления: в 2018–2019 туристическом сезоне музей бывшего концентрационного лагеря Аушвиц – Биркенау (Освенцим) посещало около 2 миллионов 152 тысяч человек в год, и это число постоянно растет (по данным сайта auschwitz.org).

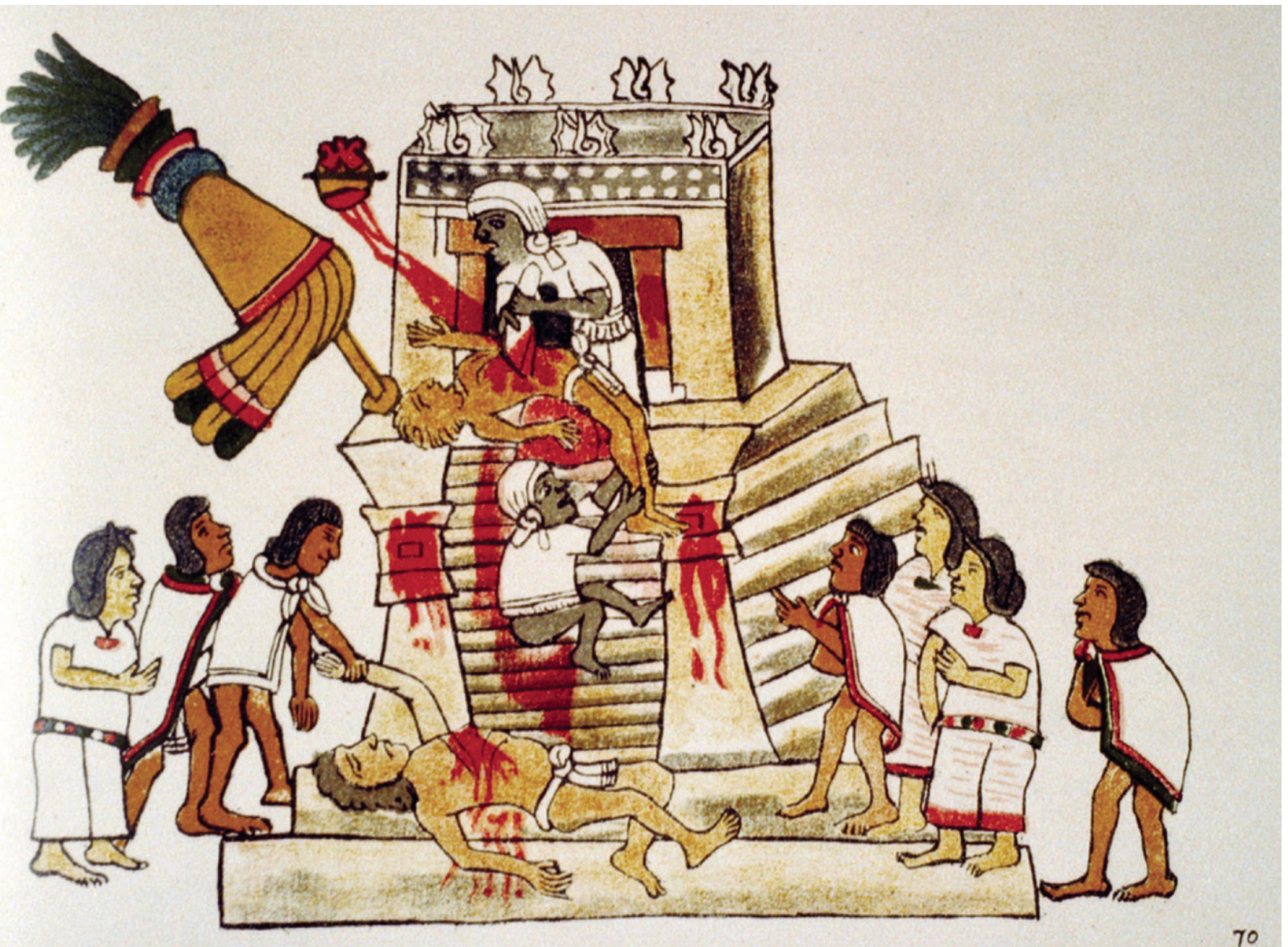
3. Праздник жестокости

В том же веке европейцы обнаружили за морем новый для себя континент, а на нем – своеобразную группу

культур. Праздничные ритуалы ацтеков и майя настолько поразили воображение суровых конкистадоров, что даже подробных описаний этих ритуалов не осталось. Массовые публичные убийства мужчин и женщин, праздничный каннибализм, залитые кровью ступени храмов и инкрустированные бирюзой человеческие черепа – все это выглядело каким-то кошмаром. Чудовищные боги наслаждались жестокостями, причем не только боги смерти Миктлантекутли и его супруга Миктлансиуатль или бог войны Уицилопочтли (Вицли-Пуцли). Массовых жертв требовал и верховный судья, бог справедливости Тескатлипока, и даже бог плодородия Кецалькоатль, Пернатый Змей (не говоря уже о его родном брате, боге грозы и несчастий Шолотле) [6].

Майянский бог кукурузы и покровитель сельского хозяйства Хуун Ахав (он же Хун-Ахпу, он же Хун Хунахпу, у ацтеков Центеотль) провел детство в играх со своим братом Вукубом Хун-Ахпу. Уже подросток братья

в Рис. 7. Праздничное жертвоприношение в честь Уицилопочтли. Кодекс Мальябекьяно. XVI век

как-то попали в подземное царство Шибальба (у ацтеков – Миктлан), где принялись озорничать и шумно играть в мяч. Разгневанные подземные боги подвергли братьев страшным пыткам и отрубили Хуун Ахаву голову. Эту голову они повесили на засохшее дерево, которое от этого ожило и начало плодоносить, а когда к дереву подошла подземная принцесса Шик, голова вдруг плюнула ей в ладонь своей кровью. От этого Шик забеременела, и ее дети воскресили Хуун Ахава в виде нового, очень полезного растения – маиса (кукурузы).

В принципе, ничего особенно оригинального в этой легенде нет. У многих сельскохозяйственных народов есть мифы об умирающих и воскресающих богах и связанные с ними праздники. Но майя и ацтеки по-своему обыгрывали миф: несколько раз в год история Хуун Ахава разыгрывалась публично, причем актера, игравшего главную роль, действительно обезглавливали. Точно так же были организованы праздники в честь других главных богов – их мифологические легенды разыгрывались с полным

< Рис. 9. Страница из Дрезденского кодекса майя (около 1200–1250). Праздник Нового года в представлении майя знаменовался сменой правящего божества.

Приблизительный перевод этой «новогодней открытки»:
 а. (Начальные дни) Маник' – Ламат. Пришел на запад Черный Оборотень, наш Мам. Костлявый – его ноша, это год смерти.
 б (раз курения) смолы пом, б (раз курения) смолы ч'ахальте Щедрому (?).
 (в сцене) 13 кусочков смолы для воскурений.
 в. Очередной владыка – бог смерти Кан Акан в доме.
 (в сцене) 6 кусочков смолы для воскурений, три хлеба и жаркое на блюде.
 с. Поставлено Первое колдовское дерево на севере, в ближайшем году Ицамна на пиру.
 (в сцене) 15 сожженных жертв. Мясо индюка на блюде и олений окорок (перевод В.Н. Талах)

праздник в городе / celebration in the city

v Рис. 8. Сцена ритуального каннибализма. Чтобы жизненная сила жертвы не пропала даром, ацтеки поедали ее, обглаживали кости и наносили на них узоры. В период ранней Конквисты таким образом было съедено несколько сотен испанцев, а также их лошадей, но ацтекам это помогло мало

^ Рис. 10. Архитектурные фантазии художников сегодня сместились в область компьютерных игр и виртуальной реальности. Новозеландский художник Стивен Моррелл (Stefan Morrell) использует цифровые технологии и образы городов в стиле киберпанк – мрачные, тревожные образы

реализмом, включая вырывание сердца у живого человека с последующим утоплением тела в священном колодце и тому подобное [7].

Праздники, основанные на переживаниях страха и отвращения, могут показаться атрибутом «темных веков», элементом средневекового зверства. Но нет: похожие по настроению события происходят и в наши дни. Например, праздник ашура у мусульман-шиитов. В день 10 октября 680 года н. э. имам Хуссейн и семьдесят его соратников претерпели мученическую смерть на поле битвы при Кербеле. В знак траура молодые правоверные мусульмане в тех странах, где это не запрещено, устраивают уличные шествия, во время которых бичуют себя железными цепями с острыми лезвиями на концах (этот обряд называется «татбир» и зачастую приводит к очень тяжелым травмам и заражениям). Детям и подросткам во время праздника разрезают кожу на голове. Люди постарше ограничиваются тем, что покрывают головы, лица и все остальное слоем грязи. Все это кровавое, жуткое и отталкивающее действие каждый год при большом стечении публики происходит в Пакистане, Афганистане, Ираке, в некоторых областях Ирана. Всего сто лет назад праздник ашура (другое название «шахсей-вахсей») происходил и в Азербайджане, и в Таджикистане в еще более опасной и кровопролитной форме, с применением сабель «тальявар» и мечей [8].

Однако и нам, представителям просвещенной западной культуры, вряд ли стоит ставить в пример свой гуманизм. Прежде чем ужаснуться пережиткам средневековья в сознании некоторых религиозных фанатиков, примем во внимание, что с точки зрения эмоционального наполнения голливудские фильмы в жанрах «экшн» и «хоррор» представляют собой такие же праздники страха, гнева и отвращения. Правда, в кино потоки крови бутафорские, но зато количество трупов и причудливость экзекуций – вне конкуренции. Да и по числу зрителей фильмы, например, Квентина Тарантино оставляют далеко позади и массовые праздники ацтеков, и пакистанскую ашуру. Какой-нибудь аятолла, проклиная западную культуру за жестокость, тоже имеет для этого немало оснований.

Заключение. Эссенция праздника

Подытожим приведенные примеры. Разнообразие праздников таково, что захватывает практически все эмоциональные области. Праздники бывают насыщенные порядком и ритмом, как военный парад. Праздники бывают яркие и пестрые, интересные и возбуждающие, как ярмарки. Существуют праздники тихие и грустные, но бывают и страшные и даже отвратительные праздники. И у каждого вида праздников есть свои древние корни и традиции, свои почитатели и энтузиасты.

Что же общего у всех этих праздничных вариантов? Что дает нам основание называть такие разные по форме и содержанию события одним и тем же словом?

Разные эмоции служат наполнением для разных праздников. Но это всегда очень сильные эмоции, иногда – на пределе того, что может выдержать человек. Если радость – то восторженная, даже экстагическая. Если страх – то смертный ужас. Если печаль – то такая, чтобы совсем раствориться в молчании.

Праздник – это событие с предельно интенсивным эмоциональным наполнением.

Предельные эмоции редки и недолговечны. Каждая из них связана с огромным напряжением душевных сил. Предельные переживания сопровождают глубокие личностные кризисы; проходя через них, личность меняется кардинально. Иногда такая перестройка выглядит как душевная травма, иногда – как естественный этап взросления, но глубокий след остается в любом случае. Праздник – это всегда инициация, посвящение, переход на новую ступеньку или в новое качество бытия.

Мирча Элиаде писал: Как мы уже говорили, "посвящение" сосуществует со всей подлинной жизнью человека. Это происходит по двум причинам: с одной стороны, потому что вся подлинно человеческая жизнь полна глубинных кризисов, испытаний, тревоги, потери и обретения самого себя, "смерти и воскресения"; с другой стороны, потому что даже самая полная жизнь в какой-то момент кажется неудачей. Речь не идет о моральном приговоре, который выносят своему прошлому, но лишь о смешанном чувстве упущенных возможностей, о том, что ты предал лучшее в себе. В такие моменты общего кризиса остается единственная надежда на спасение: начать новую жизнь,

Литература

1. Романов, В. К. В Мраморном дворце. – Москва: ВЕЧЕ, 2007. – 440 с.
2. Гиляровский В. Москва и москвичи. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 386 с.
3. Пыляев, М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. – Санкт-Петербург: Паритет, 2002. – 480 с.
4. Стихи 1000 поэтов. Антология китайской поэзии в переводах Б. Мещерякова. – URL: <http://baruchim.byethost8.com/> (дата обращения: 30.01.2020)
5. Цветы Ямабуки: Шедевры поэзии хайку «серебряного» века (конец XIX – начало XX вв.)/Пер. с яп., предисл. и коммент. А. А. Долина. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2000. – 235 с.
6. Фон Хаген, В. Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки. – Москва: Центрполиграф, 2010. – 950 с.
7. Сказания о Солнцах. Мифы и исторические легенды науа/ред. и пер. С. А. Куприенко, В. Н. Талах. – Киев: Издатель Куприенко С. А., 2014. – 382 с.
8. Monsutti A., Naef S., Sabahi Farian. The Other Shiites: From the Mediterranean to Central Asia. – Bern: Peter Lang, 2007. – 266 pp.
9. Элиаде, М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. – Киев: София, 2002–288 с.

References

- Eliade, M. (2002). *Tainye obshchestva: Obryady initsiatsii i posvyashcheniya* [Secret societies: Initiation rites]. Kiev: Sofia.
- Gilyarovskiy, V. (2016). *Moskva i moskvichi* [Moscow and moscovites]. Moscow: Izdatelstvo AST.
- Kuprienko, S. A., & Talakh, V. N. (Eds., & Trans.). (2014). *Skazaniya o Solntсах. Mify i istoricheskie legendy naua* [The legends of the Suns. Myths and historical legends of the Nahua]. Kiev: Izdatel Kuprienko S. A.
- Monsutti, A., & Naef, S. (2007). *Sabahi Farian. The Other Shiites: From the Mediterranean to Central Asia*. Bern: Peter Lang.
- Pylyayev, M. I. (2002). *Staryi Peterburg. Rasskazy iz byloi zhizni stolitsy* [Old Petersburg. Stories from the capital's past life]. Saint Petersburg: Paritet.
- Romanov, V. K. (2007). *V Mramornom dvortse* [In the Marble Palace]. Moscow: Veche.
- Stikhi 1000 poetov. *Antologiya kitaiskoi poezii v perevodakh B. Meshcheryakova* [Poetry of 1000 poets. Anthology of Chinese poetry translated by B. Meshcheryakov]. (n.d.). Retrieved January 30, 2020 from <http://baruchim.byethost8.com/>
- Tsvety Yamabuki: *Shedevry poezii haiku "serebryanogo" veka (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Yamabuki flowers: Masterpieces of haiku poetry of the Silver Age (late XIX – early XX centuries)]. (2000). (A. A. Dolina, Trans.). Saint Petersburg: Giperion.
- Von Hagen, V. (2010). *Atsteki, maya, inki, Velikie tsarstva drevnei Ameriki* [The Ancient Sun Kingdoms of the Americas: Aztec, Maya, Inca]. Moscow: Tsentrpoligraf.

то есть мечта о новом существовании, возрождении, полном и значительном» [9, с. 277].

Подлинный праздник не может быть ежедневным. Рутинное, привычное, повседневное – противоположно празднику. Праздничная архитектура – это обязательно крайнее, чрезмерное выражение эмоций. И не так важно, какие это будут эмоции: помпезность классицизма, украшательство барокко, печаль минимализма или ярость деконструктивизма. Если градус переживания возвышается над повседневным уровнем, получится праздник.

Иначе выглядит сущность пространства для праздников. Подобно театральной сцене или арене цирка, такое пространство само по себе не окрашено никакими эмоциями, оно эмоционально пусто. Но его структура такова, чтобы в этой пустоте можно было быстро развернуть декорации для спектакля на любую тему. Пространство для праздника должно быть гибким и трансформируемым. Подобно античным амфитеатрам, оно насыщено скрытыми от глаз механизмами, обеспечивающими театральные чудеса. Освещение, озвучивание, движение человеческих масс, доставка и функционирование декораций и даже вывоз мусора – все это задачи, которые должно экономно и по возможности незаметно решать пространство праздника.

Пространство праздника, архитектура праздника – обязательно сакральные, не для повседневного присутствия. Чтобы войти в состояние праздника, нужно чем-то жертвовать – ресурсами, временем, удобством привычной рутины, здравым смыслом и умеренностью. Только тогда получится не просто веселье, развлечение или мероприятие. Получится праздник, и состоится переход во что-то действительно новое.

> Рис. 11. Китайский художник Ли Дон Свон (Li Dong Swong) так увидел ближайшее будущее токийского квартала Шибуйа (Сибуя). Судя по фотографиям туристов, этот популярный район уже сейчас выглядит примерно так же. А планы застройки центра района плотной группой небоскребов действительно обещают вечный сумрак, освещаемый только рекламными огнями

Обсуждались проблемы города, возникающие как следствия или причины праздников, типология праздников, их ритуалы и соотношение с повседневностью. Предлагались варианты и маршруты городских праздников; конструирование общественных пространств как их главной организационной составляющей; особенности зимних праздников; угасание соседских общин и их значение для организации праздников.

Ключевые слова: город; общественные пространства; архитектура; праздник; повседневность; ритуал; зимний праздник.

The discussion touched upon the problems of the city as the consequences and the causes of celebrations, the typology of celebrations, their rituals and relation to everyday life. The participants discussed the ideas and routes for city celebrations; creation of public spaces as their main organizational element; peculiarities of winter celebrations; vanishing neighborhood communities and their role in the organization of celebrations. Keywords: city; public spaces; architecture; celebration; everyday life; ritual; winter celebration.

Праздник в городе Дискуссионный клуб ПБ /

подготовка текста
Марина Ткачева
Евгения Сурикова
text prepared by
Marina Tkacheva
Evgeniya Surikova

В декабре 2019 года в Доме архитектора состоялся традиционный дискуссионный клуб по теме номера ПБ «Праздник в городе». В обсуждении участвовали: член редколлегии ПБ Татьяна Анненкова; начальник Управления культуры и туризма администрации г. Иркутска Виталий Барышников; издатель и главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда», профессор ИГУ Александр Гимельштейн; издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал» архитектор Елена Григорьева; кандидат технических наук, докторант психологии Константин Лидин (София, Болгария, по видеосвязи); кандидат исторических наук, художник, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИГУ Яна Лисицина; член Общественной палаты г. Иркутска, руководитель АНО «Иркутские кварталы» Сергей Маяренко; кандидат философских наук, член редколлегии ПБ Марина Ткачева; архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, доцент ИРНИТУ Алексей Чертилов.

Елена Григорьева Праздник в городе – нескучная и очень многовекторная тема – инициирована Константином Лидиным. Очевидный эпиграф, связывающий два понятия, из старины Хэма: «Праздник, который всегда с тобой». Не уверена, что это его родная фраза: на самом деле книга, собранная по запискам 20-х годов (чемодан с записками потеряла его жена, потом он таинственным образом нашелся в середине 50-х годов), издалась через несколько лет после смерти Хемингуэя. По-английски название книги звучит как «A Moveable Feast», однако русский перевод мне нравится больше. Почему Париж он оценил как «праздник» – из-за прекрасного ли вида из окна или оттого, что в Париже была великолепная компания интеллектуалов? Ведь удивительным образом в короткий период его пребывания в Париже там оказались сразу Скотт Фицджеральд, Джон Дос Пассос, Гертруда Стайн, Джеймс Джойс – и все в одной компании. Итак, чем именно ценен город? Когда он становится праздником для его жителей и гостей: когда в нем прекрасна городская среда и архитектура, когда в нем удобно жить или когда там собираются личности? А может быть, когда жива история или весело и ярко проходят праздники, радуют горожан и прославляют город, добавляя ему

идентичности? Вот несколько векторов, которые могут быть затронуты в нашем сегодняшнем разговоре. Уверена, что появятся и новые.

Константин Лидин По обычаю я начну с определения терминов. Что такое праздник? Сразу слышно слово «праздний» – прямо противоположно работе. Я хотел посмотреть на праздник с точки зрения обыденности и необычности. Работа в том смысле, в котором она раньше употреблялась, – это набор стандартных действий, рутина. А праздник ей противоположен. Мы изо дня в день живем и повторяем поведенческие схемы: делаем по образцу, по трафарету; большая часть нашего времени заполнена рутинной. И время от времени душа начинает просить чего-то необычного.

ЕГ Вы хотите сказать, что праздник есть духовная потребность человека? И, к примеру, иркутский карнавал заполнил образовавшийся вакуум, стал порождением тоски по прекратившимся с развалом СССР массовым праздничным демонстрациям?

КЛ Очень глубокая потребность. Есть такой известный человек – Дэвид Канеман, нобелевский лауреат по экономике, хотя он психолог. Несколько лет назад у него вышла книга про две системы мышления. Одна – клишированная, вторая, параллельная первой – творческая. Невозможно жить каждый день по стандарту, становится и скучно, и тоскливо. Душа просит творчества, праздника. В какую форму это выльется – зависит от обстоятельств. Если совсем перекрыть потребность в необычном, то человек проломит эти барьеры и устроит себе праздник, пусть даже в неприемлемых формах. С этой точки зрения любопытно посмотреть на уличные беспорядки в Европе, включая Софию. Люди перекрывают движение, устраивают шествия и демонстрации, чего-то невнятно требуют. Всем понятно, что от правительства ничего таким образом не добьешься. Иногда такое ощущение, что людям просто хочется выйти на улицу и устроить что-нибудь.

ЕГ Были ли в социалистические времена в Болгарии шествия – например, первомайские?

КЛ Обязательно. Демонстрация – это классические традиционные, еще дохристианские формы праздника.

Celebration in the City PB Discussion Club

Например, переключение с сезона на сезон требует выхода из рутины. Пришла осень – и летние рутины перестают работать. Тут мы отмечаем выход из летнего режима: едим, пьем, выходим празднично одетые с песнями и танцами. После этого включается период зимних рутин. Сидим на печи, подъедаем запасы, много спим, мало двигаемся. Весной происходит обратный переход с зимнего режима на летний – соответственно, весной нужен праздник. Ноябрьские и майские праздники совпадают с традиционными древними переходами солнечного календаря, которые присутствуют чуть ли не с неолита.

Сегодня динамика жизни такая, что праздник необходим не два раза в год, а гораздо чаще. Крайняя точка зрения здесь – теория американского философа Ричарда Флориды. Его концепция креативных городов – это образ жизни, в котором «праздник всегда с тобой», рутины прерываются как можно чаще.

ЕГ Все это возникает в постиндустриальную эпоху и связано с увеличением времени праздности. Наш премьер-министр (*Д. Медведев. – Ред.*) недавно предложил сократить количество рабочих дней в неделе. Все к этому и идет: роботизация, работа в удаленном доступе... Количество времени, которым человек распоряжается самостоятельно, увеличивается. При этом должно увеличиваться и значение праздников.

КЛ Это парадоксальная ситуация, когда производство первичных товаров (еды, одежды, жилья) вышло на такой уровень, что в принципе сейчас голодать не надо. Возникает противоположная проблема: некуда товары девать. Промышленность в значительной мере работает, чтобы производить мусор. Вполне можно было сократить производство, но куда девать людей? Чем их занять? Произошла некая эволюция: сначала производили еду, потом машины, потом услуги, а сейчас и услуг слишком много. Что сейчас действительно в дефиците – это эмоции и переживания, сложные, разнообразные, красивые, гармоничные. В результате праздник становится такой потребностью, которую надо решать промышленным способом. Сейчас он производится кустарными методами, «голыми руками»; очень мало инструментов для производства праздников. Это несовременно. Если переходить

обратно в плоскость архитектуры, то сейчас стоит задача преобразовать архитектуру из «машин для жилья», по Ле Корбюзье, в машину для праздника.

ЕГ Судя по тому, что стало больше внимания уделяться общественным пространствам на государственном уровне, понимание приходит. Все-таки любовь к общественным пространствам есть не только способ самого легкого отмывания денег.

Хочу обратить ваше внимание на то, что сегодня на повестке нашего дискуссионного клуба попутная Празднику тема – Зимний город, связанная с временем года и с предстоящими праздниками. Праздник Рождества сейчас всюду эксплуатируется при конкуренции городов. Константин Львович до круглого стола цитировал *Forbs Life*, который вдруг включил в десятку перспективных городов России Иркутск благодаря 130-му кварталу и Зимнику – Международному Байкальскому зимнему градостроительному университету. Итак, зимний город и праздник.

Однажды президент Международного союза архитекторов Газтан Сью мимоходом, как само собой разумеющееся, сказал: «Большая часть населения планеты живет в тропиках». И я поняла, что мы, россияне, – исключительные экстремалы. Даже по сравнению с Канадой, потому что в том климатическом поясе, где мы живем оседло, канадцы работают только вахтовым методом. Так сложилось исторически, и мы не хотим, чтобы веками сформированная сеть сибирских городов исчезла, а территория со всеми ее богатствами осваивалась бы вахтовым методом. И когда у некоторых членов правительства прозвучала идея вахтового подхода при определении стратегии системы расселения, это вызвало неодобрение у профессионального сообщества. Грядет изменение климата; возможно, Сибирь окажется единственным комфортным поясом. Если это и случится, то, надеюсь, нескоро. Как сейчас идет жизнь в наших городах, так отличных от тропических и субтропических? В чем специфика? Есть ли плюсы или сплошные минусы? Ведь мы не только выживаем и приспосабливаемся. Что зависит от архитекторов и градостроителей в этих процессах? Просматриваются ли какие-то инновации, которые помогают жить в экстремальных условиях?

Сергей Маяренко В Канаде мы нашли университет «зимний город». В преамбуле, помимо основной концепции, они пишут: главное – «чтобы людям было комфортно жить в зимнем городе, искать в этом плюсы». Фраза заканчивается – «празднуйте зиму». Это очень важный элемент отношения. Мы в массе смотрим на зиму как на стихийное бедствие, барьер и ограничение: спрятаться, уехать, пережить, игнорировать; зиму переждать и летом жить. Но есть целое сообщество и масса форматов, которые в городах разворачиваются только зимой и возможны только зимой. К нашему экстремальному холоду я бы относился именно как к возможности. В тропическом городе есть дни, когда невозможно выйти наружу (шторм, ураган); количество наших морозных дней сопоставимо с количеством неблагоприятных дней в тропиках. Наш холод вполне преодолим, если сравнить его с ураганом и торнадо. Мы не умеем вытаскивать из зимнего климата все возможности и плюсы: первое – для радости и праздников, второе (это наша тема) – попытка найти импульс экономического развития. В наших климатических условиях можно так обустроить пространство, чтобы оно как минимум не уступало по экономическим параметрам пространствам на экваторе. Потому что сейчас становится понятно: для поддержания комфортной температуры в зданиях в жарких городах требуется намного больше энергии, чем в холодных городах в зимний период. Эти модели надо достраивать и определять, может ли зима быть источником экономического роста.

ЕГ Это один из пунктов привлечения экстремального туризма. Зимний университет красиво поставил себя на февраль. Очень многие его участники едут сюда побыть на льду Байкала, и они потом всю жизнь собой гордятся.

СМ Лед Байкала – это одно из уникальнейших явлений во всем мире. А как праздновать зиму – любопытнейшая повестка. Я очень жду зиму: зимние увлечения, зимний спорт и масса других вещей.

Александр Гимельштейн Я все-таки считаю, что в теплом поясе жить, безусловно, легче по трем мотивам. Первый – не умрешь от холода, второй – от голода и третий – не умрешь от депрессии. Потому что световой день

короткий, экстремальные температуры заставляют людей пожилого возраста не выходить из квартир. Продолжительность жизни растет, и растет количество людей, для которых нет условий. Условий для жизни, для поддержания здоровья в мало-мальски приличном состоянии, потому что у нас крайне плохо с инфраструктурой. Депрессии – это бич времени. С ними надо бороться. В том числе – праздниками.

ЕГ Итак, потребность в празднике – это самосохранение, защита от депрессии.

Алексей Чертилов У сибиряков с первой половины декабря в течение двух месяцев упадок сил: он спит много и ничего не хочет. Не зря и на Руси, и в России праздники все искусственно создавались, в первую очередь религиозные. И это спасало. По Сибири, насколько я понял из исторических источников, праздники были в основном событийные: приход первого восторга, открытие памятника Александру III. Массовые восторги и скопления людей ко времени года не привязаны. Сегодня благополучные города превращаются в города-праздники – это закономерность. И народное искусство, и праздное времяпрепровождение связаны только с освобождением человека от непосильного труда. Чем больше свободного времени, тем больше искусства, тем больше праздников. Жизнь в городах сегодня позволяет сократить рабочее время или зарабатывать деньги, не выходя из дома. Часть молодого сообщества, таким образом, постоянно живет в празднике. Сегодня еще не сформировалось сознание, что зима в Иркутске может быть праздником. Хотя самое интересное время года на Кругобайкальской железной дороге – это зима, когда Байкал открыт, снег, ветра. На этом бренде действительно можно зарабатывать, но его надо искусственно популяризировать.

АГ Про традицию XIX – начала XX века. Как таковых праздников не существовало; Новый год был в тени Рождества и очень условно мог считаться значимым праздником. Если что-то действительно происходило, то в виде балов и общественных собраний, которые делала городские власти.

ЕГ Интересно, когда елки вышли на площадь? Когда мы были маленькими, они уже существовали.

АГ Елки на площадь вышли, скорее всего, – в 50–60-е годы. А в Иркутске в начале 70-х появилась первая елка на площади.

ЕГ В Чите в 60-х годах елки уже были, в моем дошкольном детстве. Не помню, чтобы я получала особое удовольствие от них, когда уже училась в младших классах, однако свои каникулы расписывала «по елкам» – в школе, в Доме офицеров, во Дворце пионеров, у мамы на работе в лаборатории...

Татьяна Анненкова Петр I перенес Новый год на 1 января и перенял традицию установки ели в качестве новогоднего дерева у протестантской Германии. По указу Петра на новый год каждый должен был украшать цельными хвойными деревьями или ветками дороги, улицы, ворота, крыши, трактиры.

КЛ Вот странно, а отсюда, из Европы, все выглядит с точностью до наоборот. Елка и Новый год однозначно связаны с Россией. Вообще-то существует очень древний пласт славянских мифов, возникших задолго до крещения Руси, которые рассказывают о лесных духах. Дух зимней ели зовется Карачун, и он двойственный по характеру. С одной стороны, очень жестокий, он грозит неприятностями и даже смертью. С другой – может щедро одарить. Из этого образа вырастает Дед Мороз, чисто русский персонаж. Санта Клаус – персонаж Рождества, давно превратился в элемент торговли, распродажи. А вот Новый год четко связывается с русскими обычаями.

Марина Ткачева Прочитала недавно книгу И. Терновой, которая занимается краеведением. Она написала ее про иркутянку рубежа XIX–XX веков. Героиня вспоминает, какие были праздники: Рождество, Масленица, Пасха. Чем они занимались: катались на санках, ходили друг к другу в гости. Осенью начиналось время свадеб. И для каждого из этих событий был свой ритуал. Весь вопрос, радостен ли он, что там происходит и как его переживают. Это и есть тема нашей дискуссии.

АЧ Публичные праздники повторяются во многих культурах. Остается заполнять будние дни между праздниками.

КЛ Сплошная депрессия холодных мест и сплошной праздник в теплых краях – это оптическая иллюзия.

Теплое море для нас – приключение, а для жителей Таиланда – рутина. Одна моя знакомая вышла замуж за венесуэльца, и некоторое время они жили в Иркутске. Он рассказывал, что его до глубины души поразила концепция весны. Пробуждение природы – это мощное переживание, которого в тропиках нет и быть не может. Мы в Болгарии два года прожили у моря, и я могу сказать, что приморская зима гораздо депрессивнее, чем иркутская. Когда на протяжении трех месяцев нет солнца, сырость и туманы – это более депрессивно, чем –35 при ярком солнце, снеге и др.

ЕГ Кочуя по маршруту Иркутск – Москва – Иркутск, я регулярно лечусь в Иркутске солнцем. В позапрошлом декабре в Москве солнце было 8 минут. То, что я тогда приписала болезни печени (лени – отвращению ко всякого рода трудовой деятельности, по Джером Джерому), по трезвому размышлению было результатом отсутствия солнца. 7 января оно выглянуло – и у меня возобновилась бурная трудовая деятельность.

В Иркутской области есть Киренск. Потрясающее место выбрано было для города: в центре остров, с одной стороны Лена, с другой Киренга, мостов нет, но есть переправы. Зимой по льду устанавливаются деревянные мостки лучами от острова, а праздник весны заключается в том, что идет ледоход и горожане провожают эти деревянные мостки вместе с течением рек – это фантастика. Удивительно, насколько малые города, особенно в Забайкалье и Прибайкалье, богаты такими необыкновенными праздничными ритуалами.

АЧ Для сибиряков особый, дополнительный праздник – ожидание весны и тепла начинается после Нового года. Все звуки и запахи уже становятся другими; ожидание весны начинается, по моему ощущению, уже в начале января. Не пользоваться этим грех.

ЕГ Как город приспособлен к празднику и как город приспособлен к зиме? Продолжительность жизни увеличивается, увеличивается досуг и потребность старшего населения в прогулках. Но что творится с нашими тротуарами! Есть ли какие-то технологии, которые помогают исправить эту проблему?

Вот как Копенгаген прививал велосипедное движение зимой: выпал снег – в первую очередь в городе расчищают велодорожки. Это один из приемов. С увеличением прогулок, развлечений город будет больше уделять внимания тротуарам.

Некоторые города рожают собственные, особенные праздники, которые существует только там и больше нигде. Сиена, маленький городок в Италии, в центре которого находится площадь, окруженная плотным рядом домов. Площадь не плоская, а в форме раковины, на ней ежегодно проходят турниры районов – контрады; это костюмированный фестиваль с лошадьми и знаменами, красивейший праздник, который привлекает огромное количество людей, а площадь превращается в зрительские места.

А вот в Томске совсем недавно, несколько лет назад, произошло феноменальное – родился в народе и быстро распространился по России и затем по миру необычный праздник – «Бессмертный полк». Сейчас, когда смотрят города, выбирая площадки для благоустройства, первый вопрос: а где ходит «Бессмертный полк»? Сразу становится понятно, что является главным линейным общественным пространством города.

АЧ «Бессмертный полк» – это своего рода возрождение демонстрации 9 Мая, всенародного шествия.

ЕГ По-моему, это другое. Советские демонстрации были формализованные, под руководством партии и правительства. Сейчас правительство тоже подхватило идею, но все же она вышла из народа.

АГ На мой взгляд, опрокинута концепция. Всем хорошо и весело на этом мероприятии, а вообще-то все должны идти и рыдать. Должны быть память и страдание, а не «можем повторить».

КЛ Все же это ностальгия по демонстрациям; «Бессмертный полк» родился на этой волне. Отсутствие официальных массовых выступлений приводит к народным инициативам.

АГ Государство подключилось, и через пять лет все будут противиться «обязаловке».

МТ Карнавал в Иркутске тоже формализовался.

АГ Не стоит слишком хвалить карнавал «первой версии»: он не был карнавалом мечты, хотя и не был формализован властями. Изначально в нем был некий корпоративный дух, некая ярмарка амбиций и тщеславия городских компаний. Это не было общегородским мероприятием – люди просто были зрителями. Поэтому общегородским делом он не стало ни в коей мере.

ЕГ Помню, года три назад фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» проходил в Иркутске и совпал с днем города. Мы с нашими звездными гостями не могли перейти улицу К. Маркса из-за карнавала. Гости были потрясены этим зрелищем и настоящим весельем. А вечером – концертом Дениса Мацуева под открытым небом в сквере Кирова. Яркое впечатление об Иркутске.

СМ Понятие «креативный город» очень ценное. Творческий неутилитарный город – что это такое и зачем он нам нужен? Рационального в нашу жизнь очень много, а компенсация может быть за счет праздника, за счет креативных вещей, создаваемых в таком городе. Креативный город – одна из наиболее интересных концепций: город, который работает с эмоциями, с креативным мышлением, где успешно развивается цифровая среда, которая усиливает все это.

АГ Однажды на фабрику «Вид» директор пригласила двух не городских (по месту рождения) девушек из Новосибирского технологического университета, обеспечила каждую всем необходимым. В итоге обе вернулись в Новосибирск через короткое время под предлогом того, что Иркутск – село. Я сначала был возмущен, а теперь понял причину. Город Новосибирск – город самодвижения молодежи, абсолютно самодостаточный. Это креативный неутилитарный город, и есть тип мышления новосибирского молодого человека, который невозможно навязать.

Виталий Барышников У нас был театральные проект «Мимолет», его выдавили, он исчез из города. Карнавал был попыткой внедрить что-то в нашу почву, но в итоге все превращалось в демонстрацию трудящихся. Что касается «Бессмертного полка». Я задаю сейчас вопрос коллегам: может быть, нужно объединить шествие молодежных колонн и подразделений силовых и воинских структур и Бессмертный полк, стартующие из одного

и того же места с разницей в полтора часа? Тем более что все те, кто присоединялся к утреннему шествию с колоннами, теперь предпочитают идти совместно с Бессмертным полком. Это уже давно не скорбный путь, это постепенно превращается в карнавал: коляски декорируют в танки – это неприемлемо. Люди давно эту концепцию превратили в своеобразный маскарад, детей уже наряжают. Пройдет какое-то время – и это уже будет карнавал с портретами.

Яна Лисицина Римляне раз в год носили маски своих предков по городу. И, похоже, у нас получается так же – прикосновение к роду. Это не заставишь делать насильно, человек сам принимает решение – нести портрет деда или нет. Конечно, есть элемент карнавала, когда наряжают ребятишек, но почему бы и нет – так людям нравится. Иной вектор получается: положили асфальт, а люди пошли по-своему – так, как им удобно, но суть осталась.

АЧ Если человек получает удовлетворение от повседневной творческой работы – это и есть формула праздника. И у него нет потребности участвовать в массовом празднике, чувство удовлетворения и так есть. А если мы говорим о людях, которые занимаются рутинной работой: банкир, клерк и др. – таким людям после рабочего дня хочется праздника. Творческий процесс человеку заменяет массовый праздник.

АГ Усталость свойственна даже людям творческих профессий.

АЧ Таких людей немного, но они есть. И чем больше их будет появляться, тем меньше будет массовых праздников.

ВБ Вопрос необходимо делить на несколько частей. Есть праздник как акт самостоятельного творчества, и есть пространство праздника, специально организованное властями. Когда проектировался 130-й квартал, долго мы спорили про центральную площадь: была попытка в план регенерации включить специально сконструированное альтернативное скверу Кирова (площади Сперанского) общественное пространство. Была попытка создать точку притяжения творческих людей. Мало того, была попытка создать арт-дирекцию, которая бы этим пространством управляла. В реальности это пространство таким и является, но не тем, которое проектировали его вы, Елена Ивановна.

ЕГ По сравнению с тем, что было запланировано, площадь пространственно ущербна.

ВБ Тем не менее, там сегодня проходят концерты: лестница используется как зрительный зал, ставится сцена. Это пространство работает – не так интенсивно, как нам бы хотелось, но все же работает. Так же, как и Иерусалимская лестница. Праздник в городе создается с двух сторон: с одной стороны – инфраструктура, которую формируют власти. Объездная дорога в Солнечный, залив Якоби, который в Крещение превращается в пространство праздника, пространство ипподрома – это и пространство общественных праздников. Не только к властям нужно апеллировать. Например, власть уже подключилась в проект «Бессмертный полк», и мы боимся этого. Но мы понимаем, что этот проект привлекает дополнительных участников и просто устранить власть тоже не может хотя бы потому, что это вопросы безопасности. Если говорить о креативности, то «Иркутские кварталы» стремятся придумать это пространство. Сегодня есть ребята, которые делают деревянные фигуры-головоломки. Они мобильны и могут устроить данный проект на площадке любого праздника. Недавно были на молодежном форуме в библиотеке ИГУ – это 10–15 аттракционов-головоломок, в которые играют и со взрослыми, и с детьми. Это не просто бизнес, а общественная инициатива. У меня была идея ко Дню города в этом году,

которая, к сожалению, не реализовалась. Я позаимствовал ее на Дне Москвы. Там вся Тверская улица становится пешеходной, но не актеры идут по центру, а наоборот, зрители проходят по улице и смотрят в разных точках разные мероприятия: спектакль, интерактив, выступление, история, кафе. Пытались сделать это как альтернативу карнавалу, потому что тема выгорает. А мы пытаемся ограничить чисто коммерческие рекламные блоки-колонны, чтобы это не было карнавалом тщеславия.

ЕГ Вы уже определили пространство, в котором это будет разворачиваться?

ВБ Планировали от ул. Ленина и Марата, от К. Маркса до Александра III и бульвар Гагарина. Попытка такая была: книжная ярмарка в рамках проекта «Культурная столица», детский фестиваль книги от ул. 5-й Армии до бульвара Гагарина. Пространство было специально организовано достаточно быстро.

ЕГ Мне кажется, что и театральные пространства можно было бы связать маршрутом: драмтеатр на Карла Маркса, площадь Дворца спорта на Ленина, пространство перед Музыкальным театром (сейчас это пространство совсем не работает, хотя очевиден его потенциал, особенно после открытия Иерусалимского парка). Театры объединяются цепочкой общественных пространств и маршрутом шествия.

ВБ В прошлом году появилась интереснейшая идея пешеходных аудиоэкскурсий по историческому центру Иркутска, попытка романтизировать Иркутск. Очень похожую экскурсию ребята устроили в машинном отделении ледокола «Ангара», делая ее креативной интерактивной экскурсией. Любопытное пространство, не очень раскрученное. Сейчас грант выиграло братство святителя Иннокентия при поддержке администрации города: делается аудиогид, который записывается в приложение «IZI travel», там 150 объектов, делают русский, английский и еще хотят сделать китайский вариант. Сейчас добавляется еще 120 объектов – это уже не только XIX век, но и советская история, попытка осветить историю советского Иркутска.

ЕГ Замечательно, что Фогель работает с современной архитектурой как с достопримечательностью; усилил нашего журнала явно недостаточно, чтобы донести ценность определенных объектов и ценность периода советской архитектуры. Мы предлагаем свою помощь с информацией. Если советская архитектура будет входить в экскурсии – это здорово.

Я надеюсь, что они не забыли и про видовую площадку Выходо-Иерусалимской площади. С нее начинались раньше экскурсии: до сих пор отсюда сохранились виды на панораму исторического центра Иркутска.

ВБ Сейчас мы пытаемся наполнить это пространство не просто красивыми тротуарами, но и исторической информацией: чтобы там были стенды с георгиевскими кавалерами и др. Оттуда уйдет креативность, не отвечающая закону (зоогалерея), останется тихое пространство отдыха. На заседании Общественной палаты были представлены общественные пространства по программе народной инициативы, которые будут выполняться в следующем году. Появится модернизация пространства парка «Комсомольского» в Иркутске-II. Есть пожелания жителей, конкретного проекта нет, он еще обсуждается. Вампиловский скверик появился в Первомайском, Долгая Падь, которую много лет принимали за свалку, возродилась как общественное пространство.

ЕГ В журнале ПБ длительное время существовала рубрика «Скверы, которые мы потеряли», и Падь Долгая была включена в этот список убиваемых скверов.

ВБ За озером в Долгой Пади появится ФОК.

АЧ В следующем году ледоколу «Ангара» 120 лет;

программа празднования правительством подготовлена. Это инициатива микрорайона Солнечный – провести совместное мероприятие, используя несколько площадок на его территории.

ВБ Мы договорились со Ступиным как с руководителем музея, в структуру которого входит ледокол, встретиться и обсудить эту программу, но пока не было возможности. Сейчас еще появилась попытка репликации «Бессмертного полка», превращение его в микрорайонный праздник. Причем не всегда это делается с политическим умыслом, а этого реально хотят жители: хотят пройти по Солнечному, мимо памятника Жукову, по аллее Сибирских Дивизий. Как к этому относиться? Я не знаю.

ЕГ Я знаю, что жители пригородного Хомутово не едут в Иркутск, у них проходит свое шествие.

По Солнечному: мы сейчас рисуем концептуальный проект берега, примыкающего к 25-й гимназии. Пытаемся восстановить смыслы и насытить жизнью две оси – безымянные пешеходные бульвары, которые были заложены шестидесятниками. На комиссии по топонимике я как-то говорила, что мы мечтаем одному из двух безымянных пешеходных бульваров, который идет транзитом через весь Солнечный и доходит до «Байкал-Бизнес-центра», присвоить имя архитектора Владимира Буха, одного из двух главных авторов проекта застройки «Верхний бьеф» (Солнечный). Мы к этому тщательно готовимся: собираемся открыть мобильную выставку по архитекторам-шестидесятникам и истории проекта Верхнего бьефа. Идея дополнилась предложением о посадке в конце июня 2020 года аллеи Архитекторов на одном из участков бульвара. Второму безымянному пешеходному бульвару хотим дать имя архитектора Вячеслава Воронежского, градостроителя, автора проекта этого жилого района и концепции Байкальского луча. Мы прошли по бульварам. Эти пространства сохранились, в центре – частично неухоженная, частично великолепная (лиственницы, тополя) дендрология, мощение требует обновления. Тем не менее поток есть, и частный бизнес стремится именно сюда, используя первые этажи. Киоски поставлены вразнобой, у некоторых приличный дизайн, а встречается и «первобытный». И надземный переход над проспектом Жукова, предусмотренный проектом шестидесятников, вполне возможно реализовать: пространственных преград нет. Потенциал этих двух недостаточно благоустроенных бульваров велик.

ВБ Недавно от жителей поступило предложение о переходе, чтобы люди ходили до остановки, не прерываясь на дороге. Идея живая.

АГ Надо закрепить названия, если решение будет принято; а то без адресов все сливается.

ЕГ Там есть несколько мест, где возможно строительство отдельных домов. Адреса могут закрепить названия в будущем...

А как с праздниками в малых городах и селах?

ВБ Я был в Сиене, хорошо помню и представляю это пространство и контрады. Это правда праздник, который поддерживается на протяжении нескольких столетий. Флоренция уничтожила своего соперника, обрубив ему все возможности развития, и Сиена осталась средневековым маленьким городишком – они сделали из этого свой капитал. Они подчеркивают различия райончиков, устраивают соревнования. Сиена производит потрясающее впечатление именно потому, что там огромное количество туристов, это прямо хемингуэевский праздник, на который приезжают со всего мира. По сути, это день города, который погружает в старину.

ЕГ Меня покорила площадь в Сиене, очарование и преимущество малых городов: город воспринимаешь весь.

ВБ В Иркутской области село Анга – депрессивнейшая история. Но появился Центр святителя Иннокентия, появился храм, который начал строиться еще 15 лет назад, появился музей и культурный центр, в котором и музей, и гостиница. Появилась точка притяжения. Местные жители 20 лет наблюдали со стороны, как приезжие иркутяне пытаются рассказать про их знаменитого предка; сейчас они меняют свое восприятие. С другой стороны, Качуг, будучи районным центром, – проезжий. Если едут на Жигалово, на Шишкинские писаницы и дальше на север, тогда едут в Ангу: там можно переночевать, прикоснуться к истории. Исторически Анга и была центром экскурсий, это древнее село.

ЕГ Но самым старым селом является Бельск, 1626 год основания. А самый старый город – Киренск – через 10 лет будет праздновать 400-летие. Вообще интересна традиция превращения семейных праздников – свадьбы и т. п. – в общие. Это виднее всего в малых городах, селах.

АЧ Особенно – праздник при забое свиней, когда установились первые морозы. В прежние времена это событие было приурочено к 7 Ноября.

МТ И капусту тогда солили...

АЧ В Анге есть проблема: жители так и остались оторваны от инициатив; они живут в своей деревне примитивной и проблемной жизнью. И на их глазах приезжают богатые праздные туристы, не понимающие их жизнь. Этот конфликт остается и будет присутствовать еще очень долго.

ЕГ Туристы никогда не живут жизнью местных.

ВБ Конфликт может провоцировать склоки и нападения друг на друга; злоба и недовольство будут накапливаться. Когда мы создавали эту идею, то хотели старую школу приспособить под другую функцию и построить новую школу вблизи храма, чтобы село почувствовало, в чем польза центра. Сейчас постройка паломнического центра уже не актуальна, а тогда благодаря обмену жители бы понимали, каковы перспективы. Замечу, что праздник большого города никогда не будет праздником для сельского образа жизни. Здесь другая история. А есть какие-то примеры новых праздников, возникающих в пространстве городов из цифровой истории?

СМ Мы вспомнили монстрацию.

ВБ Монстрация – это самиздатовская протестная альтернатива демонстрации.

АГ Контркультурная.

ВБ Это то, что делали Митьки: попытка амбициозной культуры создать примитив. Где такие праздники есть?

АГ В «Forbs Life» в списке перспективных городов есть территории, где происходили яркие событийные вещи.

ЕГ Идет конкуренция, борьба за выживание. Придумывают, на чем можно сыграть; это же целый комплекс мероприятий, не обязательно только праздник. Город Мышкин – мышки, Суздаль – праздник огурца. Они новые, но они основаны на поисках идентичности.

АГ Великий Устюг – родина Деда Мороза. К сожалению, Сибирь оказалась в стороне от Деда Мороза...

ВБ А есть праздники, которых в принципе не могло быть, а они возникли?

АГ Может быть, праздники косплей – направление в субкультуре, перевоплощение в различные роли, заключающееся в переодевании в костюмы и отыгрывании характера, пластики тела и мимики персонажей компьютерных игр, кинематографа, литературы, комиксов, аниме

и манги. Довольно большое молодежное движение, присутствует и в Иркутске.

ЕГ Это некий карнавал. Карнавал изначально – аналог русской Масленицы, он проходит перед католическим постом.

КЛ Карнавал от демонстрации не отличается ничем: смысл этого праздника в том, что он демонстрирует, что мы живы. Смысл карнавала – преодоление смерти; в некоторых вариантах, например, мексиканском, это очевидно. Новые праздники появляются, только если общество сомневается, живо оно или нет. Скажем, в Европе очень сильное движение геймеров. Это многотысячные международные сборища любителей компьютерных игр. Мощное движение, которое до сих пор растет, люди собираются и демонстрируют, что они существуют не только в виртуале. И я думаю, что, возможно, мы недооцениваем «Бессмертный полк», его международность. По сути, в Европе это очень мощное движение, которое несет антиправительственный характер, потому что правительству его недолюбивает. Смысл «Бессмертного полка» – продемонстрировать, что эти люди бессмертны, они живы, но не буквально, а в символической карнавальской форме.

ЕГ Сейчас популярны реконструкции. Это тоже переосмысления – относятся ли они к новым праздникам или это всегда было?

АГ В нашей стране это постсоветская история.

ЕГ В забайкальском городе Шилка в удельном соотношении на 1000 жителей больше всего героев Советского Союза – 13. В этом городке происходят реконструкции событий Великой Отечественной войны, туда съезжаются издалека.

АГ Это не вполне реконструкция, а чистая игра. Реконструкция – это попытка прихода на памятное место событий и реконструкция самого события, а не просто переосмысления.

КЛ У нас в Иркутске есть и другие группы, которым хотелось бы доказать свое существование. Можно ли попробовать спрогнозировать потенциальные праздничные социальные группы в городе? Есть ли такие группы в городе, которых мы не замечаем? Это группы, которые могут организовать действительно уникальные проекты.

ВБ Есть такие группы. Приведу пример последних пяти лет. Мэр говорит следующее: гоняли ребята, любящие технику, по проспектам города, их никто остановить не мог, они по ночам устраивали гонки. Он попытался эту группу перевести из разряда маргиналов в разряд нормальных ребят, которые занимаются техническим видом спорта. В 2016 году впервые в сквере Кирова сделали официальные соревнования, вложились в них по полной. Городские службы даже понять не могли, что от них требуется. Но когда сделали, ночью «Автодор» все убрал и почистил, а на следующее утро положили новую дорожную разметку, так как на соревнованиях вся старая разметка была стерта колесами машин. В итоге все увидели, что они нормальные ребята. Им дали площадку под Академическим мостом – автодром рядом с двумя автошколами. Они там постоянно создавали флешмобы: триколор, буквы из машин. А в 2019 году на День молодежи от КНС стартовал драг-рейсинг. Мы полтора года согласовывали с ГИБДД и др. эту возможность, и они показали себя. Это была попытка дать возможность им легально выйти на городской уровень: они сами останавливают и разбираются с нарушителями. Очень много возникает сложностей с технической точки зрения (безопасность, согласования с органами), но это очень видный пример. Праздник получился, для них это попытка выйти из тени, ведь их никто не замечал, их гоняли и задерживали.

ЕГ Наши друзья-велосипедисты очень активно и последовательно проводят свою политику в Иркутске (месяц назад участвовали и в нашем проходе по центру совместно с широко известным блогером Ильей Варламовым). В Москве велопарады с участием не только велосипедистов, но и пешеходов – они гигантские, перекрывают Садовое кольцо.

ВБ Правильный пример; мы их тоже поддерживаем, хотя существует внутреннее сопротивление: ведь проще всего не разрешить. В прошлом году мы включили велосипедистов в День города; просто перед шествием пустили их на полчаса раньше, чтобы они проехали по Карла Маркса, совершили то, о чем мечтали. Они обещали, что придут 10000 велосипедистов, но на самом деле пришло 2500. Потому что им хотелось и в шествии поучаствовать, и проехаться.

КЛ Наверное, это могут быть совсем неожиданные группы. Может, в Иркутских кварталах предусмотреть праздник иркутских художников?

ЯЛ Со студентами так можно. А вот художники-профессионалы работают сами по себе. Их труд не коллективный, в отличие от актеров, музыкантов. Как вы представляете этот праздник?

ЕГ В календаре сценариев, который мы расписали на Иерусалимскую лестницу, планировались художественные выставки, пленэры всех будущих художников (училище искусств) и студентов-архитекторов, у которых есть рисовальная и акварельная летняя практика; выставка и продажа картин там возможна. В списке сценариев есть и театральные идеи: ведь поблизости театральное училище и Музыкальный театр, есть и поэтические. Но мы не можем это организовать «сверху», все само должно родиться.

ЯЛ Скорее, речь идет об уличных художниках: стрит-арты, перформансы, инсталляции. Что-то одномоментное, яркое, что привлечет зрителя.

ЕГ Иерусалимская лестница с верхней и нижней площадками в концепции предстает как стартовая в системе общественных пространств и имеет очень большой потенциал как событийное пространство.

К вопросу о новых ритуалах: как известно, Иерусалимская гора – памятное место, где похоронено 120 тыс. иркутян. Цветники, которые находятся внутри лестницы, по сути, – дань памяти: цветы могут высаживать горожане-потомки, городские сообщества, общественные организации и конфессии. Мы предложили с этого начинать День города, но только не стихийно, а под кураторством дендролога, Горзеленхоза, обеспечивающего подготовку земли и саженцы. Посадка цветов вместо возложения венков. Заодно и отношение к сохранности может поменяться.

МТ Казалось бы, эта акция – не совсем праздник. Но я бы назвала это «тихий праздник» по аналогии с тихим отдыхом.

ВБ Праздник для художника – это выставка, вернисаж и профессиональное общение друг с другом. Сейчас есть попытка большого проекта, который начала галерея Дианы Салацкой, Музея истории города организовать областную выставку.

ЯЛ В Иркутске работы продать достаточно сложно. А просто сделать выставку – это, скорее, кропотливый труд. Но открытие экспозиции – это действительно всегда праздник.

КЛ Самые крупные праздники художников – аукционы, где покупают картины. «Сотбис», «Кристи» проводят крупнейшие аукционы, которые одновременно и крупные праздники искусства.

< Праздник Курбан-байрам. Некоторые мусульмане молились прямо на улице Карла Либкнехта в Иркутске. Автор фото Тимур Балашов <https://irkutskmedia.ru/news/391094/>

ВБ А может, чтобы появился праздник, надо не просто доказать, что мы живы? Может, это попытка людей, которых не замечают или которых обидели, устроить массовое действие? И устроили они праздник, чтобы их заметили?

АГ Может, мы ищем несуществующее понятие? По-настоящему натуральное создается само – самоорганизация. Ее могут загубить, подпортить или поддержать, но оно происходит само. Если это не происходит само – значит, не нужно.

ВБ Еще пример. Вспомните праздник «Сияние России», он появился в 1993 году по всей стране, инициирован сверху как реакция на конфликт ветвей власти (национальные поlyingающие окраины, национализм, парад суверенитетов, сепаратизм). В этой ситуации государство попыталось наложить рамку. У нас он прижился, потому что инициаторами были М. Сергеев, В. Распутин, Б. Говорин, владыка Вадим. Конечно, сейчас этот праздник выродился в ритуал, но тем не менее продолжается до сих пор, несмотря на то, что ушли ключевые личности. Вот пример того, что возникла потребность и была инициирована властью. Насколько это удалось – не знаю, но тематика национальных праздников все больше и больше становится такой традицией.

ЕГ Мы не коснулись темы национальных праздников. Вторгшиеся в нашу жизнь новые праздники связаны с мигрантами из Средней Азии. Мусульманские праздники – специфические. Для нас это не праздное любопытство (извините за каламбур), а вполне практический вопрос потому, что Иркутские кварталы многоконфессиональные: мечеть, два православных храма, армянская церковь, синагога неподалеку. Как среду приспособить к этому? Что можно и нужно разрешать и поощрять, а что необходимо ограничить?

АЧ Мусульманские праздники депрессивные, их невозможно вписать в праздничную структуру современного города.

ВБ Вопрос не в том, что их нужно вписать в ткань культуры города, а чтобы им найти место, не провоцирующее конфликты со стороны других конфессий. Праздник

запретить невозможно. В итоге мы их скорректировали их: праздничная молитва в мечети, а резание барашков в Жилкино, в цехе с участием Роспотребнадзора, по всем санитарным правилам. Это получилось. Но мусульмане живут в своем пространстве, нас не замечают. Важно, чтобы это было все упорядочено, зарегулировано. В Иркутске делается все не просто, несмотря на толерантность.

АЧ Общины все очень разные и непохожи друг на друга, даже внутри одной религии разные, например, в Азербайджане и в Иркутске.

ВБ Хочу поговорить не столько о праздниках, сколько о жизни двора, о том, как всех объединить. Когда мы общались с Муруновым, он говорил: кто научится соединять разноректорные интересы жителей одного подъезда и двора, тот станет будущим депутатом, политиком, общественным деятелем. Потому, что всем жителям нужно разное и свое. Тот, кто все объединит, станет блестящим коммуникатором и организатором праздников. Пока таких универсальных примеров нет.

АЧ Есть очень живой исторический пример – это советские коммуналки. Там праздники встречали вместе. Если сейчас кому-то удастся собрать лестничную площадку, а тем более весь подъезд, на Новый год – это будет подвиг. Хотя сегодня собираются в интернете – это вроде городской коммуналки.

ВБ Лично я вспоминаю коммуналки с ужасом, хотя приходил туда только ночевать. Но у нас была женщина – гениальный коммуникатор, она знала, как и кому что поручить в подготовке. Ее место не занято, к сожалению.

ЕГ Традиции соседского проживания во времени меняются. Когда-то на окно выставлялся патефон, весь двор под эту музыку танцевал. Я такие времена еще помню. Как будут меняться соседские традиции сосуществования в новую постиндустриальную эпоху? Совсем ли исчезнут или, благодаря тому, что общественные пространства становятся модными и обустроенными, соседские и иные сообщества выйдут на них и создадут свои новые праздники? Пожалуй, все же – второе: тоска по общению, желание подтвердить, что мы живы, делают праздник необходимым во все времена.

Городской праздник с давних времен является желанным событием для горожан, но у него есть миссия значительно более фундаментальная, нежели развлечение. Можно предположить, что эта миссия связана с поиском возможных путей развития города и его культуры. В статье делается попытка обозначить возможный подход к восстановлению проектных смыслов праздника и наметить стратегию интерпретации роли архитектуры в этом процессе. Ключевые слова: городской праздник; проектность и проектирование; «театральность» в архитектуре и театрализация архитектуры; утопия; агора; событие; повседневность; ритуал; сакральное и профанное. /

A city celebration has been an event welcomed by urban dwellers for a long time, but it also has a more fundamental mission rather than entertainment. We can suppose that this mission is related to the search of possible ways of development of the city and its culture. The article presents a possible approach to restoration of design meanings of a celebration and outlines a strategy for interpretation of the role of architecture in this process.

Keywords: city celebration; projectivity and design; "theatricality" in architecture and theatricalization in architecture; utopia; agora; event; everyday life; ritual; the sacred and the profane.

Праздник как проектное событие городской среды / Celebration as a Design Event in the Urban Environment

Архитектура индифферентна к праздникам, равно как и к будням; она слишком долговечна для того, чтобы быть ситуативной. Она выше всех человеческих событий и сопровождающих их эмоциональных перепадов, она лишь предоставляет им вместилища. Город, тем более городская среда, напротив, живо и горячо откликаются на праздники, не остаются равнодушны к эмоциям, событиям, к потоку меняющихся ситуаций; ловят их и каким-то образом утилизируют, а затем возвращают, порождая новое, неизвестное, витальное и вирулентное. Праздник – это и есть возобновляемый опыт эмпатического переживания времени и пространства. Уроки Праздника, кажется, не менее значимы и потенциально плодотворны для урбаниста и архитектора, нежели другие известные уроки.

События и вещи

«Анри Бергсон называл беспорядок порядком, который мы не можем увидеть. Порядок, зарождающийся на Стрипе, – это сложный порядок. Это не элементарный строгий порядок проектов реконструкции городов или модного ныне "тотального дизайна", направленного на создание мегаструктур. Это скорее олицетворение противоположного вектора» [1, с. 77]. «Обыденное и безобразное» городского праздника, будучи однажды обнаружены и осознаны как «сложный порядок», как живое символическое пространство, наполненное говорящими формами и непустыми знаками, стало наиболее радикальной анти-тезой модернистскому немотствованию, а еще большей – идее архитектуры как чего-то вневременного, безличного и безадресного. Урок, увы, оказался плохо усвоен архитектурной профессией второй половины XX в., что само по себе не ново: столь же плохо были ею освоены уроки Утопии, опыт многочисленных провалов в попытках изобретения «языков архитектуры». Профессия, по определению, – дело самоуверенных. А для самоуверенности нет ничего лучше, чем простая, а не сложная, картина мира, простой порядок простых вещей.

Праздник ломает порядок вещей, перемешивает и остраивает их. Праздник незамкнут, его правила открыты. В отличие от классических ансамблей или модернистских композиций, праздник не ограничивает себя избранны-

ми телами, не проводит предварительный кастинг форм, не вводит фейсконтроль на входе. Всякий праздник есть в той или иной мере «праздник непослушания». Городской праздник для модернистов, действительно, безобразное, даже отвратительное происшествие – худшее, что может случиться с городом (война, даже ядерная, их не так пугала: свои постройки, вслед за Ф. Л. Райтом для Гуггенхайма, они умели приспособить под ее прогнозируемые требования). Оттого и праздники в модернистскую эру скукоживаются до пресных посиделок на кухне, а в модернистском альтер-эго, в ар-деко, вырождаются в марш-парады, в колонные шествия военных и спортсменов.

Архитектура обнаруживает неготовность ответить на зов Праздника. Вряд ли стоит ставить ей это в вину; не менее неадекватны также инженерия и дизайн, политика и юриспруденция, рациональный менеджмент и хозяйственный прагматизм. На то он и праздник, чтобы ставить все закосневающие практики с ног на голову. Но в случае с архитектурой обидно вдвойне: ведь именно она стояла у колыбели празднеств в ритуалов, она тысячелетиями умела вместить их в себя, а тут вдруг оказалась бесчувственной к рефлексии разрыва формы и содержания: вентурианская «сложность», «избыточность» от Кристофера Александера, «open-minded» Денизы Скотт-Браун – вся эта средовая и «праздничная» по духу проблематизация оказалась профессии не под силу. Разумеется, был сдвинут с пьедестала функционализм, были осмеяны куцые «пропедветики», поставлены на должное место аскетические наборы геометрических форм – «калфавиты» катехизисов новой веры, заразившей в начале XX столетия весь просвещенный мир. Открытость начала боязливо заглядывать в огромные и тяжелые двери храма архитектуры. Но изменился и мир вокруг.

Событие городского праздника и во времена Франсуа Рабле было далеко от невинности, а его вещи и знаки уже тогда не были простыми сигнатурами, уже несли в себе двусмысленность, опережая качество всех знаков Нового времени, вскрытое Мишелем Фуко, – «злонамеренность» [2]. Тем более непроста ситуация «слабых» аполоний маргинальных функционализму состояний постструктуралистской и постмодернистской рефлексии – всех этих гетеротопий [3] и прочих аномалий пространства

text
Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

^ Питер Брейгель Старший. Фламандские пословицы, или Мир вверх тормашками. 1559

^ Венецианский карнавал, 2019
«Идеальный город всегда существует внутри или под городом реальным, отличный от него как мир мысли от мира фактов».
G. Argan; цит. по: Данилова, И.Е. Итальянский город XV века, с. 73

и времени, пришедших в наше стремительное время на смену больших нарративов экстремального (а городской праздник, равно как и чумной карантин или военная осада, относился к таковым). Эта ситуация, случившаяся после всех мыслимых событий, после «оргии» истории (Ж. Бодрийяр и Ф. Фукуяма), оказалась внутренне опустошена, бессобытийна, но при этом донельзя перегружена содержаниями, которые она уже не в силах переварить. Закрытость вошла уже в плоть самих вещей; теперь мы вынуждены постоянно иметь дело с «хищными вещами века». Теперь программа, претендующая на возвращение к утраченным смыслам праздника, вынуждена быть пост-пост-невинной, насквозь артифицированной и артифицирующей, тотально и многожды рефлексивной, лукавой: «Программа <...> существовать в мире, созданном людьми, иначе говоря, жить внутри фантазии – <...> настолько амбициозна, что реализовать ее можно <...> только никогда ничего не формулируя в открытую» [4, с. 7].

Праздник и повседневность

Однако сама городская среда где-то в своей глубинной структуре – празднична. Можно считать такое суждение мещанским, но имеет право на жизнь и точка зрения (ее, в частности, высказал А. Г. Раппапорт), что мещанство и породило представление о городской среде, позволило осознать ее как ценность, а в дальнейшем отделить среду от города как предмета урбанизма, переживаемую чувственную реальность от абстрактно-идеальных действительностей планировочных схем и генпланов. Наконец, мещанство само есть праздничная (но не праздная) повседневность, наполненная разнообразными событиями и смыслами – пусть сентиментальными, но живыми. Это, конечно, не «радость труда», которую пели социалисты от У. Морриса до А. Гастева: это радость жизни, самоценная и самодостаточная. К ней можно относиться по-разному, но она первична, базисна: построенное на среде существованию отличается от построенного на идее нормирования, с равной эффективностью производящей как микрорайоны, так и концлагеря. Кстати, проблематика пресловутого «комфорта» в городской среде упирается именно в это парадигмальное различие:

имманентная и самодостаточная радость повседневного обитания не приемлет внешней квалиметрии, не измеряется и не создается ею.

В таком случае что есть в городской среде праздник? Если сам город, по словам Ф. Броделя, «как бы цезура, разрыв» [5, с. 509], то что такое разрыв в этой ткани повседневности, прерывающей несамоосознающее (unselfconscious) дление догородского существования? Что возникает в этой второй рефлексии, какие открытия свершаются там? Понятна роль праздника в условиях, когда он дает временную отдушину, иллюзию освобождения от тягот и мрака повседневного бытования и непосильных будних трудов; понятен бахтинский «карнавал», устраняющий привычные отношения и стереотипы, угнетающие население все остальное время. Но что происходит во время праздника в полноценной, слитой со своими обитателями среде, то есть «внутри» этой радости повседневного бытия?

Кристофер Александер, связывая проектное сознание с культурой «самоосознающей», видел его место в рефлексии над многообразием фактов повседневности. Факты («атомы», «единицы») осознанны и ценностно осмыслены, но они инертны, они не вступают во взаимодействие, не порождают новое. Вторая рефлексия приводит картину в движение, но с ней сопряжен и риск ошибок, и постоянный, растущий спрос на креативность [6]. Не похоже ли это на игру и праздник?

Артификация и рефлексия

Проектность праздника интуитивно известна всем, но она нетривиальна. Праздник артифицирует среду; он одновременно выявляет, делает выпуклыми имеющиеся в ней сущности, нередко остающиеся без должного критического внимания, но он же и генерирует новообразования известного, а то и приносит новое со стороны: чужое, воспринятое в игровой экзальтации, перестает быть чуждым, адаптируется. Смеховая культура, описанная М. М. Бахтиным, действует и здесь, она выполняет не только функции разрядки и социально-психологической компенсации, но проектные функции инкультурации: обновление, восполняющее целостность городского чувства, восстановление инновационных

> Альберт Шпеер. «Храм света», инсталляция из зенитных прожекторов. Организация пространства съезда НСДАП в Нюрнберге, 8 сентября 1936

«В том же городе, где расцвели первые представления о принципах буржуазной культуры, кинический реализм и городской юмор, достиг своего завершения мелкобуржуазный господский цинизм – в виде лишнего всякого юмора массового марша колонн, закончивших позже в военных могилах». П. Слотердаjk о Нюрнберге

потенциалов городской культуры, их встряска. Поэтому праздник городу необходим, он упраздняет отжившее, косное. Без праздника город умирает, становится холодным морфологическим подобием себя живого. Увы, такие изменения не попадают в поле наблюдения градостроителя, имеющего раг excellence дело с холодной морфологией. Но они видны культурологу, социологу и другим гуманитариям.

Праздник, как и артификация (своеобразная «возгонка» мышления и креативности) – условия существования городов. Вопрос лишь в периодичности и длительности: такие состояния непрерывно или просто долго длиться не могут; это не только разрушительно, но и непродуктивно. Развитие, как известно, осуществляется шагами, тактами поступательного движения. Отсюда – структурирующий время ритм, задающий мерность процессам повседневности.

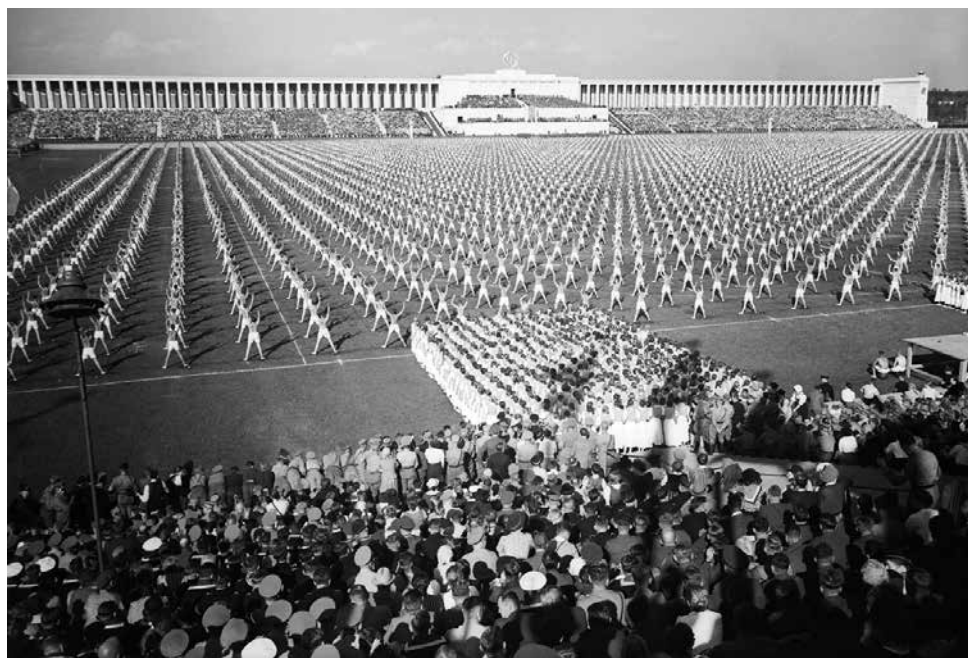
Хронотоп праздника парадоксальным образом и трансцендентен среде, и принадлежит ей. Праздник дает городу как бы дополнительное измерение, ставит перед ним зеркало (не страшно, если даже нарочито кривое – ведь его кривизна известна). Праздник подчеркивает, что никакая «комфортная» среда не вечна и не абсолютна, но так же несовершенны и все наши практики работы с городами. Какие бы задачи перед нами ни стояли, какие бы амбиции или ориентиры ни влекли нас, все они требуют переоценки, все должны быть взвешены на весах ироничного и критичного отношения к самим себе и наличествующему у нас инструментарию. Упования на некий «вечный» и не обсуждаемый профессионализм в преобразованиях города и городской среды, равно как и призывы к «усилению образования» для тех же целей выглядят на фоне обсуждаемого нами как наивный натурализм, как возврат в несомоосознающее состояние. Ведь всегда уместен вопрос: как называется подразумеваемая в таких упованиях профессия? Архитектура? Урбанизм? Урбанистика? Менеджмент? Или, быть может, «градостроительство»? Дело даже не в исторической случайности имен, нередко возникающих из идеологических авантюр по прихоти случая или по ошибке переводчика. Нет и не может быть профессионально (т. е. предметно и дисциплинарно) организованной деятельности, способ-

ной монополизировать реальность городского развития или способной иметь дело со всей полнотой феномена городской среды. Это принципиально полипредметные, межпрофессиональные и метадеятельностные реалии; в подходе к ним у архитектора есть, несомненно, известные предпочтения, но не более того. Праздник в городе – хорошее напоминание архитекторам о том, что городская среда вовсе не находится у них в кармане, а проектирование в ней и для нее – не следование нормам и стереотипам: оно требует сильной артифицирующей встряски и напряжения чувствительности, рефлексии и воображения. И иронии тоже.

Игра и агора

Если городская среда – феномен с префиксами меж- и мета-, то осмысленное действие с ней только одной профессии – архитекторов – не может не быть взаи-

в О спорт, мир ли ты?
День массовой гимнастики.
Нюрнберг, Германия,
8 сентября 1938

> Карнавал в Барселоне, февраль–март 2019. «Звезды, камни, деревья не могут научить его ничему. Он может научиться всему из одного лишь поведения людей в городе». Платон, «Федр», о «человеке агоры»

модействием также и со всеми иными деятельностями, предметами, ценностями, знаниями, установками... Не может не быть сознательно организованным диалогом. Сложность организации подобных диалогов известна, как и то, что, пожалуй, лучшей организационной формой их является игра. Организационно-деятельностные, стратегические и др. игровые формы коллективного взаимодействия сильны и эффективны, потому что в них действует процесс «распредмечивания» (Г. П. Щедровицкий сравнивал его с принятым в Тавистокском институте человеческих отношений термином «размораживание» [7, с. 139]): преодоления предметной или профессиональной ограниченности, раскрытие мышления и направление его не на дразги текущего момента, но на обретение видения совместного будущего. Он говорил: игра снимает «ведра с голов» (есть даже соответствующая схема, как это происходит). Игра разоблачает ложь и неправомерные конвенции (стереотипы, социальные мифы, клановые предубеждения, профессиональные поверья и пр.). Но карнавал также разоблачает и переодевает в иные одежды; всякий праздник раздевает обыденность, трагестирует персонажей, в каждом празднике есть игра.

Игра и праздник объединяют людей, они предоставляют пространство и время для раскрытия нового, более высокого (или смехового низкого) и совершенного взгляда на дела и вещи, важные многим. Греческая агора демократических времен служила для того же: выходя на нее, свободные граждане полиса обсуждали вопросы и решали, как жить далее, что считать теперь благом, что злом, каков должен быть идеальный правитель, какими должны быть законы. В рефлексии этой общественно-политической практики Платон осуществил ход, который по праву можно считать протопроектным: в «Государстве», «Законах» и «Политике» он впервые обсуждает саму возможность сознательного полагания эйдоса. Нет никакой возможности обсуждать эйдос или форму (если по Аристотелю) медного изделия или каменной постройки в отрыве от материала (меди или камня), нет возможности помыслить форму в ремесле (в т. ч. зодчестве) как нечто творимое [8, с. 200–202], но помыслить идеальную форму полисного устройства, оказывается, можно: она не закреплена в повседневном

опыте, она виртуальна, дискутируема, открыта к доопределению и уточнению. Из текстов Платона вырастает великая традиция социально-политической утопии, без которой немислимо было бы возникновение и обособление того, что мы сегодня именуем проектированием [9].

Агора, игра и праздник – хронотопы городского самосознания, всякий раз определяющего себе границы, испытывающего их на прочность и проницаемость для иного; это организованные площадки коллективного городского трансцензуса, способного «захватить будущее» и объективировать его в управляемых и остранных формах – пока без «камней и меди», без конкретики «реализации», в «наброске», в чистой идее.

Карнавал и Утопия

М. М. Бахтин в «Рабле» отметил утопическую природу народного городского праздника, но не считал нужным развернуть эту догадку. Нам же она представляется ключевой, причем не в метафорическом смысле и вовсе не сопоставимой несбыточностью утопических грез и праздничных иллюзий, но в строгом техническом смысле: праздник, с его смеховыми и игровыми аспектами, как и утопия, с ее ненавязчивым и остранным дискурсом, являются первичными формами ценностного (не целевого!) осмысления возможного и желаемого будущего. И тем самым – его приближения. Бахтин и вовсе утверждает, что «только тысячами слагавшаяся могучая народная смеховая культура» дала опору для освобождения от морока средневековья и выхода европейского человечества в Ренессанс [10, с. 301] (*курсив мой – ПК*). Только благодаря сформированному ею «убеждению в необходимости и возможности радикальной смены и обновления всего существующего творцы Ренессанса и могли увидеть мир так, как они его видели» [10, с. 302]. Однако упомянутая тысячелетняя утопическая традиция способна поколебать эту категорическую монополию на визионерство. У утопии как кабинетного интеллектуального и литературного мудрствования вовсе не меньше прав на создание плацдармов осознания повседневности и полагания иного, лучшего мира, нежели у шумного и многолюдного площадного праздника, карнавала, которому Бахтин придавал смысл собирателя всех видов

< Салют в Омске. День города.
Технологизация праздника – неумолимый тренд. Последняя новинка – световые фигуры в небе из запрограммированных дронов – видимо, они придут на смену салютам или дополнят их. Пределом осмысленности этого тренда является, однако, вовсе не техническое совершенство, но эффект синергии горожан: пока он воспроизводится, праздник и город живы

народных празднеств, в т. ч. и отмирающих. Нельзя забывать, что такие плацдармы мысли и воображения были в чудовищном дефиците на протяжении долгих веков человеческой истории; принять этот факт избалованным разнообразными футурологиями, фантастикой, программированием развития, проектированием всего *et cetera* современникам совсем непросто. В ремесле – тотальной и предельной организационной форме деятельности до Нового времени – они были невозможны, запрещены религией, обществом (в норме) – отвергались, как и сама идея нового. По той же причине современным исследователям зачастую трудно осознать трансцендентальную природу праздника, за разнообразием богатой фактуры развлечений и увеселений увидеть приоткрываемую им дверь в Иное [11].

Утопия и Карнавал – две протопроектные формы мышления о возможном и привлекательном мире, если угодно – о «будущем». Объединяет их «необязательность» и заданная самим характером повествования/действия «сбивка фокуса», не дающая никакой возможности сосредоточить воображение ни на месте, ни на времени осуществления грезимого и обыгрываемого, что совсем не мешает остро переживать необычные условия, образы, отношения приоткрывающегося нового мира. Можно предполагать, что эти две формы не состояли в конкуренции, скорее они дополняли и подпитывали друг друга. Заметим: Рабле столь же активно и творчески использует жанр утопии, сколь Платон использовал жанр мифа, в т. ч. в описании вымышленных путешествий, чудных островов и миров-изолятов вроде Телемской обители [12].

Утопия – *par excellence* индивидуальная, авторская стратегия мышления, а карнавал – стихия коллективного «мыследействия». Но значимо не исходное различие, а достигнутое соединение: вероятно, утопическая рефлексия и гуманистическое понимание городского праздника позволили мыслителям и писателям европейского Возрождения парадоксально (и иронично) переосмыслить схоластические диспуты и развернуть новый тип полагания чистого замысла: это оказалось возможным сделать, опираясь на Платона, на инструментально преобразованную им роль мифа. До проектирования оставалось совсем недалеко.

Эликсиры и конденсаты

Событие и хронотоп выглядят почти синонимами: ведь всякое событие случается здесь и теперь, а всякий хронотоп событиен, иначе ему не удержать время и место в единстве; их соединяет лишь событие. Однако смыслы праздника в городе трансцендентны и месту, и времени, и самому городу; его коннотации преодолевают границы хронотопа, но при этом не отрываются от событийности, скорее пролонгируют ее, распространяют на иные времена и веи, влияют на город и городскую повседневность через память, посредством пространственных и вещных следов. Праздник, этот живительный эликсир среды, выплескивается за свои пределы – видимо оттого, что он очень востребован. Или востребован он именно по причине своей нелокальности; пусть он даже был сугубо местным праздником, став брендом, он меняет образ места, придает ему транстерриториальный масштаб. Закончившись, праздник не испаряется, но уходит в плоть города, в его смысловую ткань, накапливается через влияние на местную проектную культуру, хранящую все прохваты возможного, прошлого, виртуального. Все это, как и нереализованные проекты для этого города, и пресловутая «история его проектного освоения» – слои местной ноосферы, ее ощутимые сгустки, ждущие случая напомнить о себе, обязывающие принимать те, а не эти определенные решения. Города можно квалифицировать по мощности таких смысловых исторических отложений. Даниил Андреев использовал термин «эгрегор» – конденсат содержания места, становящийся самостоятельной сущностью и управляющей его эволюцией. Наиболее яркий пример описываемого нами из опыта последнего времени – история с проектными инициативами на месте Нижегородской ярмарки. Праздник – это регулярное и периодическое событие, преобразующее город едва ли не на всю его глубину, впечатывается в его поры и гуморы и не исчезает. Не один только Париж есть «праздник, который всегда с тобой».

Совсем иные конденсаты пел Яков Моисеевич Гинзбург, предлагавший поставить в центр проектировочного воображения функцию. Гинзбург довольно романтично понимал эту «функцию»: она сохраняла права самоопределения и требовала некоторых интеллектуальных

> Парад в Санкт-Петербурге во времена Павла I

усилий по ее объективации со стороны исследователя-проектировщика. Но с объективацией в истории архитектурного проектирования случился постыдный казус: она оказалась отождествлена с заранее готовыми типологиями зданий и сооружений: профессия тяготела к стабильности, ей были ни к чему открытые всем ветрам и потокам поиски процессов, событий или сущностей. Не до праздников: функционализм суть мир унылых будней.

Функция и Иное

Подозрения в постоянном присутствии рядом Иного – большего, нежели известный мир – относятся к вечным движущим импульсам возникновения всех мифологий, религий и эзотерик. Эти ощущения неизбежны, хотя мир прагматизма и позитивизма изо всех сил делает вид, что незнаком с ними. В то же время ничто, пожалуй, так не обнажает чувство присутствия Иного в архитектуре и особенно в городском пространстве, как... функционализм. Потуги функционализма все объяснить, все оправдать и все контролировать неизменно заканчиваются крахом, и крах этот сам может уже служить своеобразным театром – зрелищем разотождествления.

Город самопроизволен; в этом его фундаментальный смысл, причина его способности порождать новое. Комфорт, функциональность, всякая деловая серьезность городов легко обрушиваются вовнутрь самих себя, приводя к коммунальным катастрофам или бытовым драмам. «Функция» города выглядит чем-то вроде okazji, которую не преминет использовать прагматичный ум, не замечающий ничего иного, прежде всего – живых импульсов «нефункционального», на которых и паразитируют его уверенные шаги. Вместе с этими импульсами остаются не опознаны риски построения на зыбких песках, представляющихся надежными и устойчивыми основаниями.

Эта глубинная природа города, поселения, всякого «организованного пространства», а также и человеческого времени, оформляется ритуалом. Ритуал резонирует с импульсами и «толчками земли» (К. Кастанеда), структурирует их и переводит в организованности всего собственно человеческого. Ритуалы – в своем разнообразии – есть то, за счет чего происходит локализация Мышле-

ния, Деятельности, Духа, Чувства, овещствление надежд или страхов; это «уплотнение пространства», создающее место (а Место во многих языках и есть Город). Ритуальные пляски и козловождения, тавтология заклинаний и магических действий – древние квазиархитектурные способы «утаптывания» места, его обживания, наполнения смыслами, персонификации. Ритуал родствен игре и театру, но в игре и театре проявляется уже рефлексия и связанные с ней мотивы отстранения – дистанции наблюдения, созерцания: становятся возможными эстетическое отношение, культ и культура. Мир уже может быть положен как объект культивирования и заботы.

Культивирование такого рода (и архитектура как его центральная практика), скрывающее свое мистериальное происхождение, лишь имеет в виду всякий возможный прагматизм и потребную функциональность; этого более чем достаточно для их удовлетворения. Когда же эти поверхностные эффекты начинают застилать глаза, занимать сакральное место, тогда рвется и без того тонкая связь с истоками. К счастью, шабаш низкого недолог, и начинается возврат к истокам: сегодня мы переживаем именно такое состояние.

А карнавал – парадоксальное средство выбить клин клином. Он доводит до гротеска «шабаш низкого», отрицает его смехом, осуществляет инверсию верха и низа (в амбивалентной карнавальной топике сделать это нетрудно), избавляет прагматическое сознание от иллюзии устойчивости. Карнавал, при внимательном рассмотрении, не противостоит функциональности: он гипер- или метафункционален; тем самым он и способен приоткрывать двери в Иное.

Сакральное и профанное

«Это священная игра, необходимая для блага общества, чреватая космическим провидением и социальной перспективой, но она всегда остается игрой, деятельностью, которая, как это понимал Платон, совершается вне и над трезвым житейским морем повседневных нужд и серьезности», – писал Йохан Хейзинга в «Homo ludens» [13, с. 39–39]. Но так ли трезва, так ли серьезна сама архитектура везде и всегда?! Скорее напротив: начавшись с легендарных дионисийских архитекторов, она и донныне

< Декабристы сумели объединить в одном перформансе плац-парад, майдан и зрелище для бедных. Санкт-Петербург, 14 (26) декабря 1825

не протрезвела, она готова увлечься всяким соблазном, сместиться в Иное, причем всем своим корпусом, без остатка, и перипетии XX века в полной мере о том свидетельствуют [14].

Здесь мы имеем дело с непреложностью Иного: существуя не здесь и не теперь, оно может быть разыграно в нашем здесь и теперь, войти в плоть Dasein, причем войти даже не как виртуальное или грезимое, но чувственно-игровым образом – как непосредственно переживаемое (а следуя Бахтину и Рабле, и как телесное: не зря столько внимания уделено телесному низу!). Есть – говорит нам городской праздник – весомый, внятный императив игрового и «несерьезного»; он сомасштабен реалиям повседневного дления городской жизни, всем этим не в меру самоуверенным и нарочитым серьезничаниям «здорового смысла»; он даже, на поверку, не противостоит им: он ничуть не уступает по реалистичности вещам и фактам, а по фактурности и экспрессии намного их превосходит. Но говорит он не о наличном, его сообщения не прагматичны и далеки от ползучей эмпирии. Праздник никогда не скажет словами педанта Л. Кана: «Знание – это то, что вы извлекаете из вещей, которые уже существуют». О нет! Из несуществующих вещей и событий (или уж: из существующих в особенным образом организованном хронотопе) извлекается гораздо более существенное – то, что влечет, к чему стоит стремиться, о чем мечтать или хотя бы о чем шутить.

Профанное и сакральное в городском празднике не только неразличимы: в нем они соединяются в Одно, которое, раз возникнув, способно существовать и в буднях. Праздник есть способ существования симбиотических тел, в котором симбиоз уже почти не виден, а целенаправленно организованный синтез уступает права игровому персонажу – его величеству Синкрету, этому травестирированному и осмеиваемому королю всех карнавалов.

Описываемое нами может показаться жестким или даже циничным. Но что еще можно ожидать от цивилизации, глубоко травмированной утратой всего синкретичного? Она регулярно восполняет свою травму в ритуалах идентичности, ставших календарными датами, превращенных в обязанность бюджетных трат, с вме-

ненной в норму веселостью, забыв, к чему, собственно, идентичность восстанавливается. Праздник сегодня действует по привычке – то есть ритуальным, едва ли не формальным образом.

Симулякры и эрзацы

Это исчерпание трансцендентальных ресурсов городского праздника – наиболее тревожная и печальная тенденция последних времен. Празднику сильно навредили как официоз колонных маршей и парадов, так и уличные протесты, майданы, переводящие игру в экстагическое разрушение настоящего. И у того, и у другого подозрительно много праздничных черт, их хронотопы сильны; они заметно (ненадолго, но с долгим «послевкусием») трансформируют среду или пространство. Изуродованный беспорядками город впечатляет не меньше зрелищ, вроде устроенного А. Шпеером светового шоу в Нюрнберге. Но за всем этим стоит не игра и не веселье, а война и смерть. Й. Хейзинга поставил под сомнение сохранение современной войной игрового характера, присущего ей в древности. Война и спорт в античности потому и были взаимозаменяемы, что представляли собой два различных вида ристалища. Похоже, на наших глазах и спорт теряет игровое содержание, превращаясь в циничный бизнес, химические махинации и политические разборки. Игра становится редкостью, для ее культивирования уже приходится строить специально и сложно организованные гнездовья, применяя всю мощь методологического и игротехнического инструментария.

Партийное увеселение в духе факельных шествий в масках, равно как и разгром городских площадей и улиц обывателями, являют темную сторону города, его ожившее и зашевелившееся хтоническое подполье. При очевидном различии это – две стороны одной и той гипертрофированной самопрезентации одной части городской жизни в ущерб всем остальным. Ничем не отличается от вышеописанных и ЛГБТ-парад. Мрачного карнавализма в нем хватает, однако было бы ошибкой принимать его за специфически окрашенную проектность. Здесь не открываются позитивные просторы, нет утвердительности и созидательности; оттого нет и подлинного смеха. Это – утомительные и монотонные

симуляции праздника, его выморочные имитации, лишенные проектности.

На место городского праздника способны прийти эрзацы. Выхолащивание праздника, его излишняя опека, а тем более внедрение праздников-клонов и праздников-симулякров, разрушительны для форм городского воображения. Травмированное же воображение, редуцированное и сведенное к популярным штампам или к утвержденным свыше фигурам идентичности, медленно, но неуклонно сжимает пространство возможного, извращает сферу желаний и целей, сокращает число «степеней свободы» городского организма. В таком пространстве не может полноценно существовать проектная культура: ее конфигурации вытягиваются узкую направленную линию – в луч, ведущий к безальтернативно правильному «будущему». Описываемое совсем не плохо для архитектуры, которая, как заметил Дж. Оруэлл, процветает и при тоталитариях. Но нельзя забывать: архитектура и городская реальность (т. е., собственно, среда) не совпадают.

в Театрализация способна достигать вершин местной идентичности, но с ней связана иная крайность: гротеск анахронизма. Вероятно, эта крайность и сгубила в своё время так называемый русский стиль в эклектике XIX столетия

Точно так же губительно для среды инфицирование ее вымышленным в бюрократической тиши нормативным «комфортом». Яркие раскрашенные «пилули» типовых детских площадок не спасают положения, ибо и они суть симулякры радости и веселья. Непонимание обсуждаемого со стороны тех, кто мог бы и должен был все это понимать, есть, разумеется, результат ослабления гуманитарной, а вслед за ней проектной и управленческой культуры. Но в центре всякого понимания стоит персональный жизненный опыт горожанина и его рефлексия – и то, и другое столетиями оттачивалось феноменом городского праздника, а с его ослаблением начало меркнуть и опроцаться.

Соучастие и зрелище

Медленное, но неуклонное ослабление роли праздника в городе начинается с Нового времени. Живое, телесное соучастие всех горожан в тотальном-на-время событии, в котором они и заложники, и акторы хронотопа, понемногу замещается безопасной бинарной картинкой театра, в котором есть лицедеи и зрители: хронотоп оказывается расколот, а увидеть можно лишь то, что вам покажут. Превращение мира в «картину» и человека в субъекта внутри сущего есть, по Хайдеггеру, один и тот же процесс новоевропейской истории. Заметим, что картинное восприятие мира, невозможное, как подчеркивал М. Хайдеггер, для античной Греции, не присуще и архитектуре той же эпохи. Но оно находит себе и сторонников, и оправдание в Новое время (ортогональное проецирование, перспектива, репрезентативные гравюры Э.-Л. Булле и К.-Н. Леду, Паноптикон Иеремии Бенетама, «фасадность» классицизирующих неостилей и пр.). Зрение и зрелищность помещаются в центр этого нового мира, что предельно наглядно воплощено в известной гравюре Леду с театром Безансона в зрачке. Картинность, разумеется, непосредственно связана со становлением в эту эпоху архитектурного проектирования, т. е. проектного (проецирующего) и модельного метода работы, ставшего наиболее полным и последовательным институтом «представляющего мышления» (разумеется, не столько в смысле представления-шоу, но полагающего

мышления, ставящего перед собой картины желаемого и кладущего в мир приближающие его артефакты).

Вместе с тем начинается то, что принято именовать театрализацией архитектуры. Здесь представление-шоу вступает в свои права. Не будет преувеличением сказать, что история театрализации архитектуры совпадает с историей проектных изображений, начиная с урбинских ведут или ортогональных проекций, вводимых в качестве нормы Л.-Б. Альберти. Новая страница этой истории – бурный всплеск масс-медиа и отмирание коллективного праздника, компьютерные игры и связанный с ними индивидуализм. Последний, казалось бы, преодолевается в т. н. совместных играх, но и они остаются вдали от феномена со – бытия, то есть их повествования отнюдь не переходят в коллективные деяния, не достигают перформативности.

Однако история проектирования – отдельная тема и большая проблема, в которой мы отметим лишь тот факт, что она развертывается в новоевропейской истории благодаря эксплуатации вековых ресурсов архитектуры, но также, видимо, и за счет исчерпания собственной, имманентной проектности городов. Заметим: интерес к городской среде лишь по сопричастности был «анти-профессиональным» для архитекторов, как было принято считать еще лет тридцать назад и о чем сегодня многие забыли (а молодежь и не знает). Среда не враждебна архитектуре уже потому, что у городской среды и архитектурной традиции один всепроницающий конкурент, давно схвативший их мягко, но не оборимой хваткой – рационализм и объективизм «вмывает» из городов проектность; им теперь для развития требуется внешнее проектирование. Но точно так же оно лишает архитектуру ее исконной ритуальности и событийности (или, если угодно, «театральности»); ей становится потребна театрализация, это искусственное средство восстановления жизнеподобия.

Архитектура и Среда

«Пиршество зрения», востребованное рыночной культурой зрелища, обеспечивается не «стихийным творчеством масс», давно монополизированным идеологиями и сер-

висами, и отнюдь не глубинной и имманентной архитектурной способностью к организации устойчивых структур событий, значимых для человеческой жизни в архаическом и даже еще средневековом обществе – то есть отнюдь не архитектурной «театральностью» (об этом см.: [15]). Этот новый, все растущий запрос удовлетворяется заимствованными средствами из самых различных источников, среди которых собственно театр – лишь первый по частоте отсылок и по метафорической сопричастности к собираемому образу таких источников.

«Театр» в процессах театрализации – не более чем метафора. Она не запрещает прямой перенос художественных средств или композиционных принципов из арсенала театрального искусства или сценографии, но вовсе не указывает на некий неисчерпаемый кладезь, в котором хранятся и ждут использования готовые заранее средства или инструменты рационально спланированного процесса. Театрализация, реально протекающая в архитектуре с Нового времени, не является чьим-то проектным замыслом или хозяйственной программой в актуальной среде и культуре в целом. Хайдеггер сказал бы, что это «судьба бытия» – праздничная и оживленная по видимости, но невеселая по сути.

Она не является результатом чьего бы то ни было идейно-художественного вредительства (хотя нередко и наносит эстетический вред); она (видимо) не проводится как политика, но реализуется как конвенция, по умолчанию. Ее реализация не выглядит сколь-либо последовательно и непротиворечиво; ее конвенция свободна как от монотонности воплощения, так и от позитивности внедрения. В каких-то случаях она носит даже защитный характер в отношении диктата коммодифицирующей визуальности. Театрализация – базовый процесс безличного дискурса власти зрелища, а потому в рефлексивном, игровом понимании – своеобразная защита от их иссушающей власти.

Круг замкнулся: сегодня архитектура, сознательно культивирующая театрализацию, может вернуть городам некоторую часть утраченной ими праздничной средовой проектности. Для этого, разумеется, архитектуре придется преодолеть столь свойственные ей чванство, элитаризм и персонализм, но опасаться ущерба достоинству

^ Ключевым вопросом остается местная подлинность традиции праздника. Когда его идеи всеобщие, космополитичны, праздник перестает быть ресурсом локального развития, становится туристическим аттракционом. Увы, технологии брендинга нередко ведут к этому

< Москве 869 лет. День города на Красной площади

или авторитету архитектуры при этом не стоит; сегодня освобождение от идолов профессионального самомнения выступает едва ли не единственным путем обретения новых, а также и восстановления забытых древних возможностей. И разве не этому учит традиция городского праздника, со смехом расстающегося со всякой предвзятостью и ограниченностью?

Литература

1. Вентури, Р., Скотт Браун, Д., Айзенур, С. Уроки Лас-Вегаса: забытый символизм архитектурной формы. – Москва : Strelka Press, 2015. – 212 с.
2. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – Санкт-Петербург : A-cad, 1994. – 406 с.
3. Фуко, М. Другие пространства. Гетеротопии // Проект International. – 2008. – № 19. – С. 171–179
4. Колхас, Р. Нью-Йорк вне себя: Ретроактивный манифест Манхэттена. – Москва : Strelka Press, 2013. – 336 с.
5. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – Москва : Прогресс, 1989. – Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. – 622 с.
6. Alexander C. Notes on the Synthesis of Form. – Harvard Univ. Press, 1964. – 216 p.
7. Щедровицкий, Г. П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1986. – Москва : Наука, 1987. – С. 124–146. – URL: <http://skachate.ru/filosofiya/18078/index.html> (дата обращения: 10.01.2020)
8. Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 1. Аристотель. Метафизика. – М. : Мысль, 1976. – С. 63–448
9. Капустин, П. В. Утопия в эволюции архитектурного проектирования. Часть III. Изображая утопию // Архитектон: известия вузов. – 2012. – № 1 (37). – URL: http://archvuz.ru/2012_1/1/ (также см. части I, II и IV) (дата обращения: 10.01.2020)
10. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – Москва : Худож. лит., 1990. – 543 с.
11. Некрылова, А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. – Ленинград : Искусство, 1988. – 215 с.
12. Рабле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. – Москва : Правда, 1981. – 560 с.
13. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – Москва : Прогресс, 1992. – 464 с.
14. Капустин, П. В. «Антиархитектура» – Проектирование – Среда: «Отсутствующее» и его отражения // Сборник научных трудов и докладов на Девятых и Десятых Иконниковских чтениях «Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии» / Сост., отв. ред. И. А. Добрицына. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 52–57
15. Капустин, П. В., Лесневская, Р. В. Стратегии театрализации в городском интерьере // Проект Байкал. – № 56. – 2018. – С. 52–58

References

- Alexander, C. (1964). Notes on the Synthesis of Form. Harvard Univ. Press.
- Aristotle (1976). Metaphysics. In Aristotel. Sochineniya v 4-kh tomakh, (Vol. 1, pp. 63-448).
- Bakhtin, M. M. (1990). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovia i Rennsansa [François

Rabelais's creative activity and national culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozh. lit.

Brodel, F. (1989). Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV-XVIII vv [Material civilization, economics and capitalism. XV-XVIII centuries]. Vol. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Moscow: Press.

Foucault, M. (1994). Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things: archeology of the humanities]. Saint Petersburg: A-cad.

Foucault, M. (2008). Drugie prostranstva. Geterotopii [Other spaces. Heterotopias]. Project International, 19, 171-179.

Huizinga, J. (1992). Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya [Homo ludens. In the shadow of tomorrow] (G. M. Tavrizyan, Trans.). Moscow: Progress.

Kapustin, P. V. (2012). Utopiya v evolyutsii arkhitekturnogo proektirovaniya [Utopia in the evolution of architectural design]. Part III. Izobrazhaya utopiuyu. Architecton: izvestiya vuzov, 1(37). Retrieved January 10, 2020 from http://archvuz.ru/2012_1/1/

Kapustin, P. V. (2017). "Arkhitektura" – Proektirovanie – Sreda: "Otsutstvuyushchee" i ego otrazheniya ["Architecture" – Design – Environment: The "Missing" and its reflections]. In I. A. Dobritsyna (Ed.), Sbornik nauchnykh trudov i dokladov na Devyatikh i Desyatikh Ikonnikovykh chteniyakh "Voprosy teorii arkhitektury. Arkhitektura: sovremennyi opyt professionalnoi samorefleksii". Moscow: LENAND.

Kapustin, P., & Lesnevskaya, R. (2018). Strategies of Theatricalization in the Urban Interior. Project Baikal, 15(56), 52-58. doi:10.7480/projectbaikal.56.1321

Koolhaas, R. (2013). Nyu-York vne sebya: Retroaktivnyi manifest Manhettena [Delirious New York: a retroactive manifesto for Manhattan]. Moscow: Strelka press.

Nekrylova, A. F. (1988). Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseneniya i zrelishcha: Konets XVIII – nachalo XX veka [Russian national city holidays, entertainments and spectacles: Late XVIII – early XX centuries]. Leningrad: Iskustvo.

Rabelais, F. (1981). Gargantua i Pantagruel [Gargantua and Pantagruel]. Moscow: Pravda.

Shchedrovitsky, G. P. (1987). Skhema mysledyatelnosti – sistemno-strukturnoe stroenie, smysl i sodержание [A mental activity scheme – a system and structural framework, meaning and content]. In Sistemnyye issledovaniya, Metodologicheskie problemy. Ezhegodnik, 1986 (pp. 124-146). Moscow: Nauka. Retrieved January 10, 2020 from <http://skachate.ru/filosofiya/18078/index.html>

Ventury, R., Scott Brown, D., & Eisenur, S. (2015). Uroki Las-Vegasa: zabytyi simbolizm arkhitekturnoi formy [Lessons of Las Vegas: forgotten symbolism of the architectural form]. Moscow: Strelka Press.

Праздник как пространство, объединяющее в органичное целое традиции и специфику современной культуры, погружающее аутентичные образы и обычаи в реалии сегодняшнего мира, предстает актуальной частью существования «места», территории, города. Способность уникальных, автохтонных особенностей праздников интегрироваться с универсальными нормами позволяет использовать праздники в качестве своеобразной имиджевой системы, продвигающей территорию и ее идентичность. Ключевые слова: праздник, традиции, аутентичные образы, идентичность, имиджевый потенциал. /

Celebrations as a space integrating traditions and peculiarities of contemporary culture and immersing authentic images and customs in today's realities is an important part of the existence of a "space", a territory and a city. The ability of unique and autochthonous peculiarities of celebrations to be integrated with universal standards makes it possible to use celebrations as an image system promoting the territory and its identity.

Keywords: celebration; traditions, authentic images; identity; image potential.

«Аутентичная универсальность» праздников / “Authentic Universality” of Celebrations

Успех территорий и продвижение городов во многом обусловлены самобытностью место-пространства, состоянием «культурной жизненной силы места» («cultural vitality») – ключевого критерия жизнеспособности, креативности и привлекательности территории [6], что в немалой степени зависит от историко-культурного наследия «места» и его освоенности, встроенности в современное транскультурное и жизненное пространство. Частью такого пространства является актуальная сегодня дихотомия уникального-универсального, которая успешно реализуется в городских праздниках. Способность праздника к сохранению и передаче культурных ценностей, интерпретации традиций территории и адаптации их к реалиям современности позволяет использовать праздник как своеобразный инструмент управления развитием территорий за счет обращения к имиджевому потенциалу праздников. Он культивирует «аутентичные образы», создает дополнительный коммуникационный канал и более широкое информационное поле. Уходя своими корнями в глубокую историю, индустрия праздничных развлечений и традиции убранства среды трансформируются и обеспечивают кросскультурные контакты между носителями различных культур, взаимовлияние и заимствование элементов этих культур [11].

Праздник – пространство культуры, идентичности и свободы, часть жизни и интеркультурная система

Традиционно праздник определяется как особое состояние человеческого мира, форма свободного времяпрепровождения (по Платону), т. к. свобода является «началом всех начал» в жизни человека (Аристотель) [7, с. 20]. Праздник олицетворяет выход за границы сложившихся социокультурных правил и норм, «когда культура отрицает ею же самой санкционированные нормы и ценности» [12]. В то же время праздник, по М. М. Бахтину, служит «первичной формой человеческой культуры» [1, с. 11]; через него задается общая система ценностей, объединяющая социум в целое. С. И. Ожегов, описывая праздник, определяет его комплексно как день торжества, установленный в честь/в память кого-либо/чего-либо; день, отмечаемый обычаем и/или церковью; выходной,

нерабочий день; день радости и торжества по поводу чего-нибудь; день игр, развлечений и т. п. [9].

Исследованию различных видов праздников, традиций, индустрии праздничных развлечений и убранства среды посвящены работы Аверинцева С. С., Аничкова Е. В., Афанасьева А. Н., Бахтина М. М., Кокса Х., Лавриковой И. Н., Леви-Стросса К., Лихачева Д. С., Мазаева А. И., Миллера В. Ф., Николаевой Е. В., Проппа В. Я., Толстого В. П., Топорова В. Н., Тэрнера В., Фрейденберга О. М., Фромма Э., Фрэзера Дж. Д., Хейзинги Й., Шемякина Я. Г., Элиаде М. и др.

Одной из популярных в настоящее время форм праздника являются фестивали. Происходящее от латинского «festivus» (веселый, забавный) и итальянского «la festa» (праздник). Это понятие изначально применяется для названия крупных пиров, религиозных праздников и передвижных ярмарок. Если первые фестивали связываются с хозяйственными циклами, то сегодня слово «фестиваль» охватывает различные виды праздников – этнонациональных, религиозно-обрядовых, культурных, профессиональных, городских и др.

Первые строки в рейтинге самых брендовых праздников, как правило, занимают фестивали, имеющие многовековые истории и/или отражающие этническую специфику и мифологию «места». Многие из традиционных фестивалей не только отождествляются с символами места, но и являются своеобразными франшизами, приобретшими мировую популярность (ирландский фестиваль Святого Патрика, Новый год по восточному календарю и т. п.).

К яркой разновидности фестивалей относятся карнавалы (от сочетания итальянских слов carne («мясо») и vale («прощай»), французская версия – carnaval), истоки которых уходят в языческие традиции римских сатурналий, народные гуляния Средневековья и популярные праздники, предшествовавшие Великому Посту и сохраняющие по сей день черты дохристианских культов. Фактически ставшие синонимом неординарности, карнавалы вбирают в себя не только свойства традиционных культур, но и все современные тренды, становятся неотъемлемой частью городской жизни и праздничной урбанистики.

текст

Ольга Железняк
Мирия Корелина /
text
Olga Zheleznyak
Miriya Korelina

^ Рис. 1. Фестиваль огней в Лионе. Франция. –URL: https://tonkosti.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0

> Рис. 2. Немецкий карнавал (фашинг/фастнахт). Кельн, Германия. – URL: https://www.de-online.ru/fasching_vremja_veselitsja

Город, затрагивая все сферы человеческой жизнедеятельности, неразрывно связывается с самобытностью место-пространства [3], в котором он развивается как единая историческая составляющая и фундаментальная основа праздничной культуры, в свою очередь влияющая на успех территорий, из года в год восстанавливая «испорченный временем» миропорядок [13]. При этом во время праздничного торжества городское пространство превращается в сценарно-организованное «место» с уникальным образом и структурой. Различные аспекты жизни «праздника в городе» как системы, соответствующей территориальным ресурсам, культурному потенциалу и перспективам развития, представлены в трудах современных исследователей [2; 5; 7; 8; 10; 11] и вызывают все более широкий интерес в отечественной культуре [4].

Современный праздник – «аутентичная универсальность» в дихотомии уникальное-глобальное

Будучи пространством своеобразного сосуществования традиций и современности, праздник сегодня представляет собой интеграцию культурных образцов, модных тенденций и коммерческих интересов, служит формой повышения привлекательности территории и вовлечения инвестиций. Соответственно, ключевые концепции многих праздников строятся на основе взаимодействия историко-культурных традиций и образов, характеризующих праздник и место проведения, с одной стороны, и современных аспектов жизни общества, технологий и актуальных трендов в художественно-проектной сфере, с другой.

К ритуально-обрядовым нормам и опыту существования народных праздников довольно часто обращаются специалисты в процессе создания сценариев различных праздников, поиска стилистики дизайна среды, образов персонажей и визуальных символов, а также при восстановлении традиций «места». Так, попыткой возрождения древней обрядовой культуры кельтов является знаменитый Beltane Fire Festival в Эдинбурге. Современные последователи чествуют лето, энергию солнца и огня, воспроизводя старинный ритуал разжигания огня и сопровождая его элементами модного театрального шоу,

парадом ряженных, гигантскими костюмами, живой музыкой, танцами, огненными играми и хмельным пиром. Захватывающая, красочная феерия ежегодно привлекает многочисленных гостей и является частью позитивного имиджа Эдинбурга, способом его создания и продвижения. Современные интерпретации популярного праздника Холи не ограничиваются массовыми цветовыми мистериями, ритуальными росписями и покраской зданий. Они также включают церемонию создания «ковров» из собранных на утренней заре цветов, изготовление которых символизирует ритуальное украшение Земли и приветствие божественному Махабали. Немецкие карнавалы («фашинг» или «фастнахт») как неизменная часть образа жизни горожан и сегодня начинаются с условной передачи власти в городе Королю, Королеве и Шуту, под руководством которых обыденный уклад жизни в степенных германских городах опрокидывается с ног на голову, превращаясь в арену грандиозных празднеств, феерически завершающихся в «Розовый понедельник».

Актуальным становится смешение старинных традиций с различными видами современных массовых развлечений. Ярким примером подобного симбиоза и интеграции служит карнавал Марди Гра («Жирный вторник») в Новом Орлеане. Сложившееся на основе привезенного из Франции обычая, восходящего к языческим ритуалам, это европейское торжество трансформируется христианской практикой, а затем образами американской поп-культуры, джазовой музыкой, фривольностями в духе сексуальной революции 70-х гг. XX века и пр. Приобретая статус одного из самых грандиозных карнавалов мира, новоорлеанский Марди Гра становится брендом города, популярным не только среди горожан, но и среди многочисленных гостей, влияя тем самым на процветание индустрии туризма, превращая фестиваль в успешный коммерческий проект, продвигающий и развивающий идентичность территории и ее инвестиционную привлекательность.

Наиболее широко распространенные праздники, обрядовые нормы которых переносятся в современную праздничную культуру и воплощают «аутентичную универсальность», – это Новый год и Рождество. Каждый фрагмент праздничного сценария приобретает при этом индивидуальное звучание и включает традиционные

карнавалы и маскарады, феерический дизайн среды, цветосветовые шоу, современную трактовку уникальных ритуально-обрядовых атрибутов праздника, что интегрирует энергию свободы, «рождения заново» и счастливого преображения [8]. Как правило, такие развлечения собирают множество горожан и гостей города, оказываются одинаково интересными для детей и взрослых. Так, все большую популярность и размах приобретают празднования Нового года в Москве, сочетая элементы традиционной культуры, ностальгические «перепевы» советских обычаев и ультрамодные инсталляции и шоу. Например, новогодний фестиваль «Ледовая Москва» на Поклонной горе уже который год восхищает гостей и ставит рекорды посещаемости, знакомя посетителей с российским образом жизни и достижениями в науке, спорте, культуре и искусстве. Основная тема праздника 2020 г. воплощается в эффектно расцвеченной ледяной скульптуре, раскрывающей уникальный мир российской культуры и семейных ценностей, и сопровождается разнообразной развлекательной программой. В то же время в Сокольниках проходит фестиваль «Волшебных фонарей», выполненных в классической китайской технике. Удивительный мир разноцветных арт-объектов, мифических животных, растений, китайских эндемиков и русских сказочных персонажей создает ту фантастическую атмосферу, которая свойственна чуду новогоднего праздника. Используя традиционные техники и материалы в сочетании с современными технологиями, новогодние торжества в городе превращаются в феерические шоу на стыке древних обрядов и модных мифов.

Еще одной формой интерпретации традиций, интеграции уникальности места и универсальных архетипов/образов, погружения исторических норм в современную жизнь территории являются фестивали исторической реконструкции. Посвященные культуре и традициям разных стран и/или конкретных городов, такие праздники позволяют совершать своеобразное «путешествие во времени» (например, исторический фестиваль «Времена и эпохи» в Москве и пр.). Основные правила формирования исторического праздника учитывают реальные события и стремятся воссоздать аутентичные материальные и духовные реалии быта, обрядов, политической жизни

разных стран, народов, территорий, например, фестиваль викингов Up Helly Aa, фестиваль «Карфагеняне и римляне» в Картахене, рыцарский турнир в Кальтенберге, фестиваль «Роза с пятью лепестками» в Чески-Крумлове и др. Подобное погружение в аутентичность события в рамках фестиваля сопровождается метафорическим «размыканием» пространства-времени, отыгрываемом в сценарии, обрядах, дизайне среды и атрибутике.

Возможности городских праздников, направленные на идентификацию места, реализуются в сценариях праздников, организации среды, визуальных и виртуальных символах, событийном маркетинге и публикациях в СМИ. Все это выстраивается на базе органичного взаимодействия традиций и инноваций, сочетая историко-культурную автохтонность территории, универсальные ценности и современные технологии.

Имиджевый потенциал праздника

Создание праздничной атмосферы как неизменной и традиционной составляющей городской жизни не только является процессом формирования пространства свободы и досуга, системой становления и поддержания коллективной национальной идентичности, но нередко напрямую вовлекается в «со-творение» имиджа города, когда праздник превращается в способ продвижения региона и борьбы за инвесторов и инвестиции, за туристов и информационные потоки. Эксклюзивные имиджевые праздники, праздники-имиджи места могут порождаться уникальностью места и культуры, т. к. подобный праздник, его содержательная основа, как правило, встраиваются в культурные архетипы территории. И напротив: уникальный праздник способен создавать уникальный имидж «места», оказывать влияние на формирование особого видения «места» и способов освоения городского пространства. Любой имиджевый праздник аутентичен месту, проявляет его идентичность и, одновременно, органично вписывается в современную культуру, технологию, универсальные тренды. Повышая узнаваемость «места», праздник становится частью имиджа города, превращается в источник инноваций, новых идей и даже нового качества жизни. Такая тенденция актуальна и получает сегодня широкое распространение в различных

^ Рис. 3. Фестиваль волшебных китайских фонарей. Москва, Сокольники, 2020. Фото К. Просолупова

> Рис. 4. Празднование Нового года в Китае. – URL: https://joinfo.ua/goroskop/1150763_Kak-pravilno-vstrecchat-Kitayskiy-Noviy-god-noch-7.html

v Рис. 5. Фестиваль огней в Лионе. Франция. – URL: https://tonkosti.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0

странах: направленные на создание позитивного имиджа городов «Рыжий фестиваль» в Ижевске (в основе фестиваля – высокий «индекс рыжести» удмуртов); «День тигра» во Владивостоке («тигриное шествие-нашествие» как символ бережного и уважительного отношения к природе и ее обитателям); масштабный фольклорный праздник «Троицкие хороводы в Орловском Полесье» (возрождение и сохранение славянской культуры, знакомство с традициями российской глубинки и стран ближнего зарубежья); костюмированный «Парад Русалок/Mermaid Parade» в Нью-Йорке; международная фиеста воздушных шаров в Альбукерке, США и др.

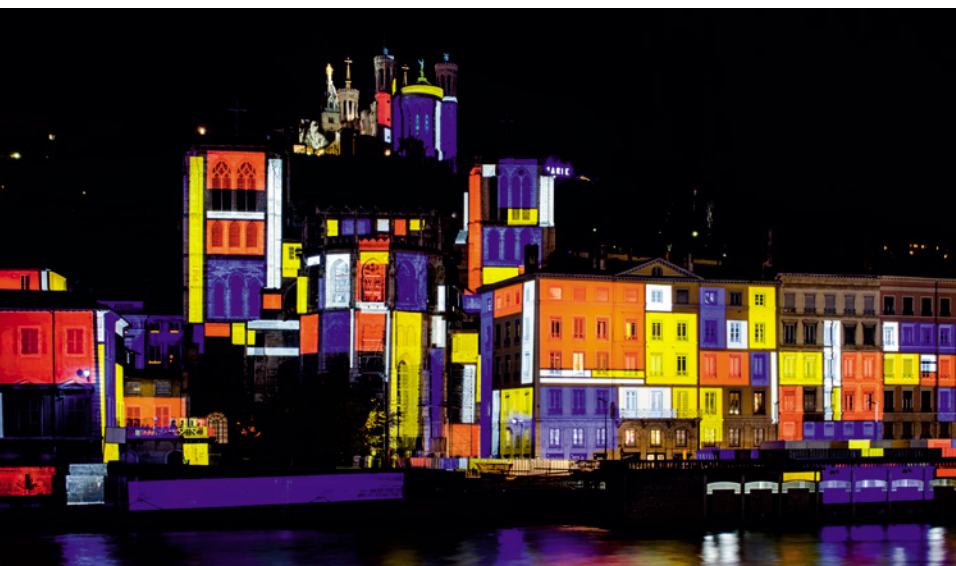
Особый «праздничный код города», выстроенный на основе идентификационных характеристик «места» и оригинальных концепций праздника, проявляет самобытность праздничных ритуалов города, отражает автохтонность обрядов и их соотнесенность с универсальными культурными стереотипами. Это и превращает праздник в своеобразную визитную карточку, часть имиджа территории/города, способ идентификации и туристического

притяжения. Примером такой «визитной карточки», формой выявления исключительности места можно считать стремительно завоевывающий популярность фестиваль «Алые Паруса», внесенный в рейтинговый лист мирового туризма. Удачно найденный образ праздника выпускников, который прочно «привязан» к Санкт-Петербургу, превращается сегодня не только в часть городского имиджа, но и в символ выпускного бала для всех российских школьников. Кульминацией этой фантастической театрализованной мистерии, невероятного цветосветового и пиротехнического шоу на воде становится появление парусника мечты с алыми парусами.

В качестве еще одного образца подобной «визитной карточки» можно привести праздник света в Лионе – крупнейший в Европе праздник уличной иллюминации. Восходящий своими корнями к 1643 г., он постепенно трансформируется в Фестиваль Огней, воплощая образы традиционного праздника в современные технологичные формы. В фестивале обычно принимают участие многочисленные профессионалы, горожане и более трех миллионов туристов, которых каждый год привлекает в Лион это событие. Сопровождаемое десятками различных цветосветовых инсталляций на многочисленных площадках города, свето-шоу в Лионе представляет собой оригинальный способ проявления аутентичности города, особенностей его архитектурного облика и сотканых из живых огней и лучей света фантастических садов. Искусно направленный свет, причудливое разнообразие огней (нейтральных и цветных, статичных и динамичных, мигающих и бегущих), лазерные шоу и пышные салюты – весь этот арсенал современных средств помогает создать неповторимый образ праздника, сделать его частью имиджа города, повысив узнаваемость.

Классические карнавалы (венецианский, бразильский и др.) с многовековой традицией давно превратились во всемирные бренды, имиджи «места», раскрывающие его уникальность и привлекающие многочисленных гостей.

Поводом для имиджевого праздника могут служить местные ресурсы – например, «аграрное изобилие», порождающее тематические фестивали, карнавалы, парады овощных, плодовых, цветочных культур (международный

< Рис. 6. Фестиваль огней в Лионе. Франция. – URL: <http://hellotraveler.ru/frantsiya/interesno-znat/prazdnik-sveta-v-lione/>

праздник огурца в Суздале, праздник-фестиваль «Сызранский помидор»; арбузный фестиваль в городе Камышин Волгоградской области; фестиваль яблок и сидра Big apple в Херефордшире (Англия); веймарская луковая ярмарка (Германия); фестиваль винограда в Угрюпе (Турция); парад цветов Bollenstreek (Нидерланды); городской фестиваль Iris Day в Брюсселе (Бельгия) и др.).

Если же в городе много снега и льда, то и они могут стать его символами, имиджевыми знаками «места»: Снежный фестиваль в Саппоро (Япония); Харбинский фестиваль льда и снега; фестиваль ледяной музыки в Гейло (Норвегия), сибирский фестиваль снежной скульптуры в Новосибирске; фестиваль «Волшебный лед Сибири» в Красноярске и др. Самый крупный зимний фестиваль в мире – «Winterlude», по статистике, в последние годы приносит Канаде значительную популярность. По мнению исследователей, именно фестивали «Winterlude»,

известные на весь мир и регулярно привлекающие многочисленных туристов, превращают провинции Канады в «снежную столицу мира». Они позволяют погрузиться в культуру места, традиционные обряды и зимние развлечения с карнавалами и спортивными состязаниями, а также в их современные транскультурные/универсальные интерпретации. Интегрируя самобытную специфику места и общезначимые архетипы праздника и культуры в специфическое целое, в «аутентичную универсальность», масштабная «зимняя интерлюдия» захватывает провинции Онтарио и Квебек и делает «Winterlude» одной из главных достопримечательностей места, его символом и брендом, репрезентирующим город и территорию.

Таким образом, способность праздника быть пространством, объединяющим в органичное целое традиционные ритуалы и специфику современной жизни, погружаю-

в Рис. 7. Фестиваль «Алые Паруса». Санкт-Петербург. – URL: <https://dedmaxopka.livejournal.com/20630.html>

в Рис. 8. Снежный фестиваль в Саппоро. Япония. – URL: <https://etotam.com/?p=4133>

> Рис. 9. Зимний фестиваль «Winterlude», Канада.
– URL: <https://www.ottawatourism.ca/ottawa-insider/winterlude/>

щим аутентичное, автохтонное в реалии сегодняшнего мира, превращает феномен праздника в чрезвычайно важную составляющую существования «места», территории, города. Кроме того, потенциальная возможность уникальных особенностей праздников интегрироваться с универсальными нормами, понятными для разных культурных сообществ, позволяет использовать праздники в качестве своеобразной имиджевой системы, актуальной для продвижения территории, привлечения инвестиций, становления положительной репутации. Яркость и эксклюзивность образов, сценариев и дизайна праздников проявляет и усиливает их имиджевый потенциал.

Литература

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – Москва: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Генкин, Д. М. Массовые празднества. – Москва: Просвещение, 1975. – 140 с.
3. Железняк, О. Имидж и брендинг территории: модный тренд и/или актуальный дискурс современной жизни и культуры // Проект Байкал. – 2018. – № 58. – С. 44-49
4. Железняк, О. Е., Киселева, Е. В. Цветосветовая среда города // Проект Байкал. – 2009. – № 19. – С. 115-117
5. Жигульский, К. Праздник и культура. – Москва: Прогресс, 1985. – 336 с.
6. Золотухина, Д. А. Стратегии формирования историко-культурного имиджа российских регионов: на примере Костромской, Новгородской и Тульской областей: дис.... кандидата культурологии/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2011. – 184 с.
7. Мазаев, А. И. Праздник как социально-художественное явление (опыт историко-теоретического исследования). – Москва: Наука, 1978. – 392 с.
8. Николаева, Е. В. К типологии современного городского праздника (от праздника Мифа к мифу Праздника) // Праздник в пространстве современной городской культуры. – Екатеринбург, 2009. – С. 44-51
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка/Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – Москва: Рус. яз., 1988. – 750 с.
10. Орлов, О. Л. Праздничная культура России. – Санкт-Петербург: Культ-информ-пресс, 2001. – 160 с.
11. Праздник в пространстве современной городской культуры // Материалы Всероссийской конференции с элементами научной школы для молодежи (26-28 ноября 2009). – Екатеринбург: Издательство ООО «Арт-Кондуктор», 2009. – 345 с.
12. Шемякин, Я. Г. Праздник как историко-культурный феномен: мир идеала и реальность власти. – URL: https://mipt.ru/education/chair/liberal_arts/courses/history/shemyakin_new.php (дата обращения: 25.12.2019)
13. Элиаде, М. Священное и мирское/Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. – Москва: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

References

- Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura Srednevekovyia i Rennessansa* [Francois Rabelais's works and folk culture of Medieval and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Eliade, M. (1994) *Svyashchennoe i morskoe* [The sacred and the profane] (N. K. Garbovsky, Trans.). Moscow: Izd-vo MGU.
- Genkin, D. M. (1975). *Massovye prazdnenstva* [Mass celebrations]. Moscow: Prosveshchenie.
- Mazaev, A. I. (1978). *Prazdnik kak sotcialno-khudozhestvennoe yavlenie (opyt istoriko-teoreticheskogo issledovaniya)* [Celebration as a social and artistic phenomenon (historico-theoretical study)]. Moscow: Nauka.
- Nikolaeva, E. V. (2009). *K tipologii sovremennogo gorodskogo prazdnika (ot prazdnika Mifa k mifu Prazdnika [To the typology of modern city celebrations: from the Myth's celebration to the Celebration myth])*. In *Prazdnik v prostranstve sovremennoi gorodskoi kultury*. Yekaterinburg (pp. 44-51).
- Orlov, O. L. (2001). *Prazdnichnaya kultura Rossii* [Russian culture of celebration]. Saint Petersburg: Kult-inform-press.
- Ozhegov, S. I. (1988). *Slovar russkogo yazyka* [Russian language dictionary] (N. Yu. Shvedova, Ed.). Moscow: Rus. yaz.
- Prazdnik v prostranstve sovremennoi gorodskoi kultury* [Celebration in the context of contemporary city culture]. (2009). Proceedings of the All-union conference with elements of a scientific school for youth (November 26-28, 2009). Yekaterinburg: Izdatelstvo 000 "Art-Konduktor".
- Shemyakin, Ya. G. (n.d.). *Prazdnik kak istoriko-kulturnyi fenomen: mir ideala i realnost vlasti* [Celebration as a historico-cultural phenomenon: the world of the ideal and the reality of power]. Retrieved 25 December, 2019 from https://mipt.ru/education/chair/liberal_arts/courses/history/shemyakin_new.php
- Zheleznyak, O. (2018). *Image and Territorial Branding: a modern trend and/or a topical discourse of the present-day life and culture*. Project Baikal, 15(58), 44-49. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1393>
- Zheleznyak, O. E., & Kiseleva, E. V. (2009). *Tsvetosvetovaya sreda goroda* [Light and colour environment of the city]. Project Baikal, 6(19), 115-117. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/issue/view/19>
- Zhigulsky, K. (1985). *Prazdnik i kultura* [Celebration and culture]. Moscow: Progress.
- Zolotukhina, D. A. (2011). *Strategii formirovaniya istoriko-kulturnogo imidzha rossiiskikh regionov: na primere Kostromskoi, Novgorodskoi i Tul'skoi oblastei* [Strategies of formation of a historico-cultural image of Russian regions: case studies of Kostromskaya, Novgorodskaya and Tul'skaya oblasts]. Dissertation of Ph.D. candidate in culture studies. M. V. Lomonosov Moscow State University.

Площади столь же обязательны в структуре античных и средневековых городов, как праздники – в календаре. Именно на площадях во время массовых действий происходили встречи сельских жителей с горожанами и постепенное преобразование традиционных аграрных праздников в нечто урбанистичное. Лео Салмин анализирует взаимоотношения европейского города и праздника в их совместном развитии.

Любой праздник ритуален. Но всякий ли ритуал достаточно праздничен, чтобы создать собственное пространство в городской ткани? Об этом размышляет Елена Багина на примере разнообразных ритуалов встречи Нового года.

Есть ли место древним, языческим праздникам в современном городе? Уже не первый год идут споры об использовании «звериного стиля» в дизайне современной Перми.

Сто тридцатый квартал Иркутска – вытянутый по форме, как будто подхваченный мощным движением державы на Восток. Зажатый между двумя магистралями, неудобный по рельефу, депрессивный квартал, казалось, вовсе не навел на праздничные мысли. По замыслу архитекторов, однако, на пересечении человеческих потоков было запланировано уникальное универсально-праздничное пространство. В продолжение разговора о знаковом для Иркутска квартале – материал о судьбе амфитеатра и трансформации площади в ходе реализации проекта.

О необычной традиции одного из кварталов Дрездена рассказывает Анастасия Малько. «Пестрая республика Нового города» каждый год расцветает в этом по-немецки сдержанном, но по-саксонски жизнерадостном городе. Праздник руками горожан сам создает себе пространство.

Елена Григорьева, Константин Лидин

праздники и пространства / celebrations and spaces

Squares are as integral to the patterns of antique and medieval cities as holidays to the calendar. It was on the squares where rural dwellers met with urban ones during mass events and traditional agricultural holidays gradually turned into urban celebrations. Leo Salmin analyses interrelations between a European city and a celebration in their current state.

Any celebration has ritual features. But is any ritual festive enough to create its own space in the urban fabric? Elena Bagina studies various examples of New Year's celebrations.

Is there room for ancient and pagan celebrations in a contemporary city? The use of 'animal style' in the design of present-day Perm has been debated for several years already.

The 130 Quarter in Irkutsk is elongated, as if carried away by a powerful eastward movement of the state. Sandwiched in between two arterial roads, this depressive quarter with unfavorable terrain did not seem to inspire celebration ideas. However, the architects envisioned a unique universal celebration space at the intersection of human flows. To continue the discussion about the quarter, one of Irkutsk landmarks, we are publishing the article on the fate of the amphitheatre and the transformation of the square during the realization of the project.

Anastasia Malko speaks about an unusual tradition of a neighborhood in Dresden. Year after year, 'Bunte Republik Neustadt' flourishes in this city, which has both German self-restraint and Saxonian cheerfulness. The celebration creates a space for itself with the help of the citizens.

Elena Grigoryeva, Konstantin Lidin

Рассматриваются отношения и взаимовлияния праздника как ритуала и города как пространства, в котором праздник развивается и изменяется на протяжении многих веков. Анализируются проявления доурбанистического генезиса праздника в условиях города, средневековая модель городского праздника и смысловое выхолащивание праздника в Новое и новейшее время.
Ключевые слова: праздник в городе; средневековый город; локализация; народное тело; хореография праздника; пьяцца; мифология; ритуал. /

The article considers relations and mutual influence of a celebration as a ritual and a city as a space where a celebration develops and transforms throughout many centuries. The article analyses the features of pre-urban genesis of celebrations in the context of the city, a medieval model of the urban celebration and a semantic hollowing-out of the celebration in the modern and contemporary times.

Keywords: celebration in a city; medieval city; localization; people's body; celebration choreography; piazza; mythology; ritual.

Праздник города и город праздника / The City's Celebration and the City of Celebration

текст
Леонид Салмин /
 text
Leonid Salmin

Город и праздник. Многие века в разных социокультурных дискурсах они выясняют отношения между собой, то становясь синонимами, то выступая противоположностями. То город старается предстать в облики всеохватывающего праздника, то, наоборот, праздник стремится отождествить себя с городом до полной неразличимости. И по мере развития городов это выяснение отношений все более и более усложняется и запутывается.

Сопологая в поле нашего внимания город и праздник, мы с неизбежностью возбуждаем схоластический спор о первородстве. Что первично, а что вторично? Что вызывает к жизни праздник, а что порождает город? Вечный вопрос о яйце и курице...

Впрочем, если присмотреться внимательно к современным практикам городских праздников, то кое-какие подсказки к историческому развитию сюжета «праздник в городе» можно обнаружить и сегодня. К примеру, в России в теплое время года, в дни государственных праздников можно наблюдать массовый выезд городского населения за пределы мегаполисов – на дачные и садовые участки. Внешне это выглядит как побег от праздника, как желание горожанина укрыться от суеты, тесноты и шума массовых гуляний, от бессмысленных всплесков общественной экзальтации. Однако сама эта миграция с последующим почти ритуальным припаданием к земле обнаруживает архаический аграрный генезис праздника. Огромное число городских жителей предпочитает языческое в своем истоке единение с плодородной стихией земли бесплодным городским гулянием в рамках предложенной муниципалитетом праздничной программы.

Конечно, в стране, где население городов еще в ближайшем прошлом росло за счет притока из сел и деревень, сохранение связи с землей естественно. Культурная память аграрного уклада не исчезает с переездом в город, продолжая определять ключевые поведенческие сценарии, в том числе и отношение к праздникам. Важнее тут другое. Архаическая часть сознания горожанина хранит те глубинные смыслы праздника, которые практически выхолащены современной городской культурой.

Человек греко-римской античности, уже глубоко погруженный в городскую жизнь, но еще не утративший

память аграрных ритуалов, понимал праздник отнюдь не в том значении санкционированной «праздности» или «коллективного безделья», в каком понимает его житель современного мегаполиса. Для жителя античного города (в большей степени для грека, в чуть меньшей степени для римлянина) праздник – проявление нравственного деятельного участия, личного включения в религиозный и социальный ритуал, разворачивающийся как бы в двух направлениях: по горизонтали (по линии единения с телом земли – рождающей и кормящей) и по вертикали (по линии коммуникации с богами – управителями времени и судеб). Эта символическая конструкция определила нечто вроде ментальной архитектуры праздника еще до того, как сформировалась в своей пространственной морфологии архитектура города.

В древней, доурбанистической модели праздника уже закреплены сакральные ценности и объекты поклонения, уже оформлены ключевые смыслы ритуалов и обрядовых сценариев. Архаическая матрица праздника задает протосемантику горизонтали и вертикали как главных векторов общественного и личного со-бытия – акта единения с землей как истоком и итогом жизни и с небом как обителью духа. В такой ритуально-символической конструкции праздника отношения горизонтали и вертикали, а точнее, земли и неба есть не просто пересечение, но важнейшее для архаического сознания взаимодействие, более того – битва смысла и бессмыслицы, логики и абсурда, тлена и бессмертия. В празднике возвращенный аграрной культурой человек через проживание своего телесного единства с другими людьми и с их общей матерью-землей находит утешительное оправдание своему краткому пребыванию в мире. Ландшафт дает ему надежду на возрождение, но лишь в меру того, как сознание его в земной жизни стремится вверх, к самосовершенствованию, к обретению богоподобия.

Таким образом, разворачивающийся в земном ландшафте праздник всегда центростремителен, и центр его определен точкой наибольшей телесной плотности социума и, при этом, наибольшего же ментального (религиозного, нравственного, интеллектуального) возвышения – как общественного, так и личного. В архаической матрице праздника уже заложена программа простран-

^ Новогодние празднования в Москве

ственной локализации. И в этой праздничной локализации уже просматривается пространственный архетип города.

Мы вправе предположить, что рожденный аграрной культурой праздник есть историческое предвосхищение города. Мы можем усматривать в празднике один из важнейших механизмов «ноосферизации» планеты. Праздник как своеобразный всплеск доурбанистического культурного ландшафта словно бы стягивает в узел материю и дух человеческой цивилизации, концентрируя коллективную телесность и нравственное общественное сознание. Такое ярчайшее состояние сжавшегося в праздничный ландшафтный локус человеческого сообщества обнаруживает максимальную близость к идеалу гражданского общежития. Можно предположить, что город формируется как стремление закрепить это кажущееся почти идеальным состояние. Город рождается в диалектическом взаимодействии этоса и пафоса как овеществленный праздник. Именно отсюда берет

начало вся позднейшая поэтика города как перманентного праздника (подобно хемингуэвскому «празднику, который всегда с тобой» и т. п.).

Со времени античных полисов город в той или иной мере одновременно воплощает в своей пространственно-символической структуре и коренящуюся в аграрном языке мифологию, и практическую дисциплину жизни гражданской общины. И если праздник – явление периодическое, непостоянное в своих пространственных и временных границах, как бы пульсирующее, то город, напротив, стабилен, инертен и склонен подчинять своей физической статике любые разворачивающиеся внутри него процессы. Город последовательно инкапсулирует праздник в себе, длительное время развивая всё своё пространство как изоморфное празднику, но в конечном итоге всё же локализуя его в пределах ограниченных, пусть и центральных городских территорий.

Эта программа постепенного подчинения праздника городу, программа его «овнутрения» с особой убедитель-

в Питер Брейгель Старший. Битва Поста и Масленицы. 1559

v Праздничные гуляния и танцы в Нюрнберге. 1449

^ Карнавальный «Штурм ада» – кульминация масленичного шембартлауфа в Нюрнберге. 1539

ностью разворачивается уже в Средневековье. Европейский средневековый город дает образец, возможно, самых сбалансированных взаимоотношений между городом и праздником. Всей структурой пространства, всей пластикой своей архитектурной плоти средневековый город запечатлевает и выражает хореографию праздника – от индивидуального жеста до слитного движения человеческой массы. Речь, впрочем, о такой «массе», в которой отнюдь не утрачивается индивидуальность отдельного человека: ведь людской массой в масштабах средневековой демографии могло восприниматься и ничтожное по современным статистическим представлениям число, скажем, в полсотни человек. Но дело даже не в числе; дело в содержательной включенности каждого горожанина в праздничный ритуал, в реальной его сопричастности смыслу большого коллективного жеста. Такое было возможно, покуда, с одной стороны, сам праздник не утрачивал своей конвенциональности внутри городского сообщества, покуда сохранял преимущественно религиозно-мистерийный характер, и, с другой стороны, пока город адекватным образом архитектурно отражал праздник в своем пространстве, сценируя его как пластически, так и символически.

Средневековые города Европы (по крайней мере, в своем историческом ядре) по сей день хранят живую память органического единства архитектурного пространства и праздничного действия. К примеру, такие города Италии, как Сиена и Перуджа, Венеция и Падуа, Флоренция и Верона при всех существенных различиях их ландшафтных, пространственно-планировочных и архитектурных особенностей, неизменно сохраняют ключевые пространственные коды и сакральную геометрию потенциального праздника. Горизонталь и вертикаль символически воплощены в формах улиц и храмовых колоколен, водных путей и дворцовых башен. Но кульминация праздника происходит там, где горизонталь и вертикаль пересекаются, давая горожанину ощутить свою одновременную принадлежность бренному миру земли и бессмертному миру неба. Местом переживания и осознания такой идентичности для пьяцца средневекового итальянского города становится пьяцца. Пьяцца – тот удивительный тип городского пространства, в котором малое соединяется с большим, а часть

проясняет отношения с целым. На пьяцце горожанин превращается в гражданина, а прихожанин постигает смысл земного предстояния перед Высшим. На пьяцце тело и дух сталкиваются друг с другом в парадоксальной стихии праздника.

Парадоксальность – неотъемлемая черта праздничного ритуала, поскольку праздник, разворачивающийся, вроде бы, в границах города и городских порядков, в то же время есть и акт выхода за границы, акт нарушения норм, жест непослушания. Праздник – время свободы, он дает всякому участнику бесплатную индульгенцию за временное нарушение запретов, определяющих контуры повседневного поведения. Праздник в городе словно бы проверяет на прочность религиозную и общественную мораль будней. Праздничное снятие табу активизирует символические инверсии «телесного низа» и «духовного верха», о которых в свое время емко говорил М. М. Бахтин, исследуя народную смеховую культуру Средневековья и Ренессанса. Таким образом, пьяцца как кульминационное пространство праздничной стихии есть место не просто гражданского единения, но точка чудесного личного преображения, место индивидуальной духовной трансформации. И это, пожалуй, главная ценность в отношениях средневекового города и разворачивающегося в нем праздника: возможность отдельному человеку ощутить себя микросмосом, живой каплей, в которой во всей полноте отражается и концентрируется созданный Богом мир. Праздник, собственно и складывается как калейдоскопическая феерия множества отдельных торжествующих сердец, в которой ощутимо неповторимое биение каждого.

Разумеется, дело не только в магии средневекового городского пространства, но в большей степени – в индивидуальном самосознании городского жителя, который еще не отчужден ни от города, ни от гражданской городской общины. Конечно, и в наши дни можно наблюдать, как в старых итальянских городках местные общины (религиозные, цеховые, спортивные и др.) проводят праздничные шествия с песнями, девизами и барабанным боем, завершающиеся массовым вечерним застольем прямо на уютной пьяцце, под открытым небом. Даже сегодня эти праздники народного единения и ликования в среде средневекового города сохраняют свою естественность

и неформальность. Однако стороннему наблюдателю, не живущему в сердце старого города и воспринимающему окружение как своеобразные декорации, трудно избавиться от ощущения некоторой этнографической музеификации подобных праздничных событий. Все же современный исторический контекст, даже в условиях прекрасно сохранившейся средневековой урбанистической ткани, существенно меняет смыслы городского праздника. И если это так в отношении сохранившегося средневекового города, то что уж говорить о городах, сформировавшихся позднее и развивавшихся по кардинально иным сценариям.

Урбанистическое развитие с XVI–XVII веков и до наших дней принципиально изменило отношения между городом и праздником. В ходе урбанизации праздник постепенно утрачивал прежнюю градообразующую роль в культуре, все более становясь лишь средством продвижения тех или иных градостроительных реконструкций, мотивированных иными причинами и ценностями. Этому в огромной степени способствовало сопровождавшее рост городов социальное и субкультурное дробление монолитной некогда городской общины. Праздник стал вполне рационально и прагматично используемым топливом в практиках реализации различных городских политик, преимущественно выражающих интересы власти. Мифология праздника как индивидуального и всеобщего сакрального причастия постепенно заместилась безличной энергией толпы, канализованной в русло массовых шествий, стояний, сидений и разного рода иных санкционированных телодвижений масс. Коллективное народное тело праздника, олицетворявшее некогда нравственную общность и единение в духе, переросло в безответственную урбанистическую биомассу, управляемую ныне многосложной городской социомеханикой.

Конечно, можно сказать, что это слишком широкое обобщение и что в небольших городах, сохранивших приватный масштаб и живую память средневековой культуры, органика праздничного поведения людей ощущается и в современных условиях. Это действительно так. Скорее всего речь идет о тех урбанистических ситуациях, где рост города сопровождается стремлением создать нечто чудесной консервации былых форм праздничного народного единения и массовости, где прежнее живое содержание праздника ушло, а его мумифицированные формы становятся инструментом политического или идеологического манипулирования и приобретают гипертрофированный характер урбанистической мегаломании.

В этом смысле любопытен и показателен, конечно же, отечественный опыт. В России, как нигде, праздник в городе тождествен демонстрации величия (страны, города, региона – масштаб может быть разным), за которым абсолютно стирается индивидуальный человеческий смысл сопричастности общему. Личное, интимное, лирическое содержание, делающее праздник со-бытием, актом коммуникации друг с другом множества горожан, движимых всплесками индивидуального нравственного чувства, выдавливается из поля городской праздничной публичности. Это вполне закономерно для страны, где исторический опыт гражданской городской общины и сценариев ее самоопределения минимален, а опыт феодального произвола и тотального дисциплинарного и репрессивного подавления экстремален.

В современном российском мегаполисе логика исторического выхолащивания былых ритуально-символических смыслов праздника, логика подчинения праздника дисциплине города, его нормам и целям, в особенности, в тех случаях, когда город имеет для осуществления подобной стратегии необходимые ресурсы, приводит к трансформации праздника в грандиозный фейк, выстраиваемый согласно представлениям и вкусам бесконечно далекой от горожан городской бюрократии и бизнес-спонсоров.

Праздник не растет от земли, не инициируется носителями низового гражданского самосознания, а спускается сверху, с управленческих высот власти, давно подменившей собою сакральную вертикаль духа.

В отличие от городов Европы, где, с одной стороны, сохраняется живая генетическая память о праздниках многовековой давности, а с другой – нет безграничных неконтролируемых населением ресурсов, направляемых на эскалацию праздничности, современные отечественные практики организации праздника в городе дают пример доведения сюжета обесмысливания праздника до совершенно гиперболических форм. В сверхцентрализованном государстве львиная доля ресурсов, обеспечивающих праздник, стянута в столицу. Москва, даже в повседневности своей воспринимаемая населением России как грандиозный город-праздник, как круглосуточная феерия торжества, демонстрирует всей остальной стране «национальный эталон» праздника даже в тех случаях, когда праздник имеет нейтральное в политическом или идеологическом отношении звучание.

К примеру, картина недавних новогодних празднований в Москве (2019/2020) дает образец беспрецедентной концентрации зримой «праздничности» на квадратный метр городской территории. Количество временных сцен, площадок, аттракционов, эстрад и театров под открытым небом не знает себе равных; объемы иллюминации призваны поражать воображение всех, включая туристов, приехавших из богатых европейских столиц; число задействованных артистов, спортсменов, волонтеров не поддается счету... И конечно же, все это – грандиозный бриллиантовый антураж, где в ходе массовых гуляний происходит демонстрация праздничного сплочения народного тела вокруг разнообразных символов невероятной властной щедрости. Праздничная символика визуализирует стародавний (в нынешних реалиях не столько духовный, сколько политический) идеал Москвы как Третьего Рима. Рим на празднования и всякого рода триумфальность тоже, как известно, был весьма щедр.

Проблема лишь в том, что контекст современной жизни с ее практическими реалиями вынуждает город, инициирующий праздник в своем пространстве, предельно жестко его ограничивать. Город не допускает никаких неконтролируемых выплесков праздничной экзальтации за пределы специально выделенных территорий. Никаких рудиментов средневекового игрового «непослушания» или нарушения табу не допускается. Скопление народа, слияние его в толпу в тех объемах и количествах, в каких это неизбежно предполагает современный мегаполис, становится фактором потенциальной опасности. Праздник в мегаполисе вообще становится потенциальным источником опасностей – от простого хулиганства до возможных попыток терроризма. Поэтому на смену многим прежним смыслам городского праздника приходит гарантия безопасности и обеспечивающий эту безопасность гигантский штат полиции и прочих силовых ресурсов. В результате праздник, хотя и распространяется в пространстве города, в самых концентрированных своих проявлениях все же локализуется в жестких границах полицейских оцеплений, антитеррористических транспортных заграждений и перекрывающих улицы аркад из рамок досмотра. Понятно, что в таких условиях праздник неизбежно растрчивает свою глубинную трансцендентность: он лишается таинства, он утрачивает смысл эмоционального события как опыта ментального перехода, как краткого проживания смерти и возрождения, он теряет силу человеческого преображения и потому для отдельного горожанина лишается нравственного значения.

В современном мире взаимоотношения города и праздника усложнились настолько, что можно строить

^ v Новогодние празднования в Москве

великое множество гипотетических сценариев их дальнейшего развития. Город может убить праздник. Праздник может уйти из пространства города в совершенно иные измерения. Праздник может вдохнуть в город новые смыслы. Город может родить новые праздники. Праздник и город могут вообще не зависеть друг от друга и не пересекаться. При определенных условиях праздник может разрушить или преобразить город... Вариантов несть числа. Вопрос лишь в том, что выбираем мы сами, люди, живущие в городах и желающие обрести в этом проживании живые, неповторимые и радостные смыслы.

Литература

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – Москва: Художественная литература, 1990. – 541, [2] с.: ил.
2. Даркевич, В. П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX–XVI вв. – Москва: Индрик, 2006. – 556 с.
3. Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – Москва: Искусство, 1990. – 396 с.
4. Гофф, Ж. Ле. Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр./общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича. – Москва: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
5. Салмин, Л. Город и чума // Проект Байкал. – 2010. – № 60. – С. 64–69
6. Салмин, Л. Невидимая Москва. К проблеме города как визуального дискурса // Проект Байкал. – 2018. – № 55. – С. 46–50

References

- Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura Srednevekovyia i Rennessansa* [François Rabelais's works and folk culture of Medieval and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Darkevich, V. P. (2006). *Sovetskaya prazdnichnaya zhizn Srednevekovyia IX-XVI vv.* [The social festive life of Medieval in the 9th-16th centuries]. Moscow: Indrik.
- Goff, Zh. Le. (1992). *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West] (Yu. L. Bessmertnyi, Trans., Ed.). Moscow: Izdatel'skaya gruppa Progress, Progress-Akademiya.
- Gurevich, A. Ya. (1990). *Srednevekovyi mir: kultuira bezmolstvuyushchego bolshinstva*. Moscow: Iskusstvo.
- Salmin, L. (2018). Invisible Moscow. The issue of a city as a visual discourse. *Project Baikal*, 15(55), 46-50. doi:10.7480/projectbaikal.55.1280
- Salmin, L. (2019). The City and The Plague. *Project Baikal*, 16(60), 64-69. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1475>

U|Y|M
T S U M M O S C O W

С Новым Годом Happy New Year *С Новым Годом*

U|Y|M

U|Y|M

Попытки властей искусственно создать праздник оказываются напрасными, если у него нет глубоких исторических корней и поддержки общества. Традиционные праздничные ритуалы преобразуют город на короткое время «праздничных дней». Площади, улицы и дома при этом не изменяются. Официальные праздники зависят от идеологии: если на смену одной приходит другая, то для проведения новых праздничных ритуалов города перестраиваются, сносятся старые храмы и монументы, возникают новые. Ритуальное пространство приобретает новые пространственные качества и символы, которые претендуют на долгую жизнь. Ключевые слова: город; праздник; ритуал; праздничные декорации; перестройка городов; смена идеологии. / Governments fail when trying to create a celebration without deep historical roots and the society's support. Traditional celebration rituals transform the city for these few "leisure days", while squares, streets and buildings do not change. Official celebrations depend on the ideology: if one ideology replaces another, cities are reconstructed, old temples and monuments are demolished and new ones appear to organize new celebration rituals. The ritual space acquires new spatial qualities and symbols, which are supposed to live long. Keywords: city; celebration; ritual; celebratory decorations; reconstruction of cities; shift in ideology.

Ритуальные преобразования /

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

В лесу родилась елочка...
Раиса Кудашева

*Links zwei drei vier
links zwei drei vier
links zwei weiter, Fischer!*
Wolfgang Borchert

Праздники бывают разные: религиозные, государственные, профессиональные, гендерные... Не все они преобразуют город, не все любимы. И как бы ни старались власти искусственно создать праздник, сколько бы ни украшали в городах улицы и площади, все усилия могут быть напрасными, если у этого праздника нет глубоких корней.

Религиозные и властные ритуалы формируют город, для их проведения выделяются особые места и строятся грандиозные сооружения. Со сменой религии или власти эти места утрачивают былую значимость, но сохраняют притягательность. И потому на месте языческих храмов строились христианские соборы и монастыри, на площадях сносились памятники бывлым властителям и появлялись новые. В советское время в зданиях церквей открывали клубы и на постаментах памятников царям ставились фигуры Ленина или еще кого-нибудь из святых Октябрьской революции. Демонстрации в СССР по форме очень напоминали крестные ходы.

Новые религии и идеологии, укореняясь, всегда придавали праздникам ушедших верований новый смысл, частично оставляя в обиходе старые ритуалы. В христианском почитании святых сохранились древние формы язычества. На Руси образ Ильи Пророка в чем-то похож на языческого Перуна. Иудейский обычай празднования Пасхи появился задолго до Исхода евреев из Египта. Ветхозаветная Пасха стала прообразом Пасхи христианской.

Праздник вырастает из ритуалов и обрядов. Это время, вырванное из контекста быта. В праздничной системе одна часть церемоний разыгрывается дома, в семье, а другая часть происходит в общегородском и – шире – общегосударственном масштабе. Если нет праздника в семье, день, обозначаемый в календаре как праздник,

таким является только формально.

Праздник – это не просто «праздничные дни», «день закланий», в который ничего нельзя начинать и делать. Это время, которое формирует особенности мировосприятия народа и национальное единство. Архаичные ритуалы шаббата в иудаизме поражают туристов. С вечера пятницы до вечера субботы жизнь замирает. В шаббат в высотных зданиях городов Израиля лифт останавливается на каждом этаже. Религиозному еврею нажать нужную кнопку недопустимо – это работа. Нельзя подогреть пищу, нельзя готовить... «потому что в шесть дней сотворил Господь небо и землю, а в день седьмой почил и покоился».

Существуют ли сегодня в России религиозные праздники и праздничные ритуалы, которые поддерживаются всеми горожанами, преобразяя город? На этот вопрос хотелось бы ответить положительно, но население современных больших городов и особенно мегаполисов слишком разнородно. Религиозные праздники, некогда объединявшие всех, ныне празднуются только членами той или иной конфессии. На городскую среду они влияют, но весьма ограниченно: например, для автомобильного движения перекрывают несколько улиц, что создает неудобства большинству горожан.

Сегодня в России праздник праздников – Новый год. Его ждут, к нему готовятся. История празднования Нового года в России началась во времена царствования Петра Алексеевича. Пётр I повелел отмечать новый, 1700 год и новый век 1 января, украшая жилища ветвями и деревьями сосны, ели и можжевельника. Так, 7208 год от сотворения мира сменился 1700 годом от Рождества Христова. Но украшали ёлки к Новому году только в дворянских и мещанских домах. Крестьяне Новый год не праздновали, только Рождество и Святки.

После Октябрьской революции поначалу празднование Нового года и Рождества было повсеместным. Но после 1927 года в Советской России началась антирелигиозная кампания, и праздновать Рождество запретили. Новый год в ночь с 31 декабря на 1 января все тем не менее отмечали. И только через 10 лет, в 1937 году, специальным декретом Совета Народных Комиссаров было официально

^ Рис. 1. Бенито Муссолини выступает на площади Венеции. Нач. 1930-х гг.

Ritual Transformations

разрешено отмечать Новый год: день объявили праздничным. Разрешили в общественных местах устанавливать украшенные елки и проводить новогодние утренники для детей и балы для взрослых.

И все-таки Рождество, которое традиционно отмечалось раньше Нового года, было важнее для русских православных христиан, которых октябрьский переворот не мог заставить отказаться от веры предков. Но календарь после Октябрьской революции ввели новый, и получилось, что сначала Новый год по новому стилю, потом Рождество по старому стилю и Старый Новый год.

Древний символ Рождества – звезда. Новогоднюю ель в СССР тоже стали украшать звездой. Однако три луча, в отличие от Вифлеемской, советская звезда потеряла. Православные богословы считают, что именно восьмиконечная звезда загорелась на небе во время Рождества Христова, а потому восьмиконечные звезды украшают православные храмы. Пятиконечная звезда – символ иной и тоже древний: ее изображение найдено археологами в наскальных рисунках Ближнего Востока, Греции, Японии и доколумбовой Америки. В разных культурах она означала военную доблесть, защиту от опасности, верный путь, 5 ран Иисуса Христа и 5 ежедневных молитв

мусульманина. В масонстве пятиконечная звезда символизирует свет, знание и совершенство. В перевернутом виде звезду иногда рассматривают как символ свободной воли человека. Однако чаще всего перевернутая пентаграмма является самым узнаваемым «сатанинским символом».

С елкой все тоже не так просто. Традиция украшать новогоднюю ель, к примеру, была у древних кельтов. В Европе традиция наряжать ель на Новый год началась в Германии. Историк Ингеборг Вебер-Келлерманн обнаружила в хронике бременской гильдии, датированной 1570-м годом, упоминание об установленной в жилом помещении маленькой елке, украшенной яблоками, орехами, финиками, кренделями и бумажными цветами. В рождественскую ночь детям членов гильдии разрешалось хорошенько «потрясти» дерево и собрать подарочный урожай. Ритуал прижилась, и семьи стали именно так наряжать ели в своих домах к Рождеству. У Томаса Манна в романе «Будденброки» есть описание роскошной рождественской ели, украшенной серебряной мишурой и белыми лилиями, с блестящим ангелочком на макушке. Традиция вешать на елку блестящие украшения, а внизу класть подарки окончательно устоялась к концу XIX века.

^ Рис. 2. Первомайская демонстрация на Красной площади в Москве. Начало 1930-х гг.

^ Рис. 3. Демонстрация 7 Ноября в Москве. 1920-е гг.

v Рис. 4. Елка в Кремле. 1960-е годы

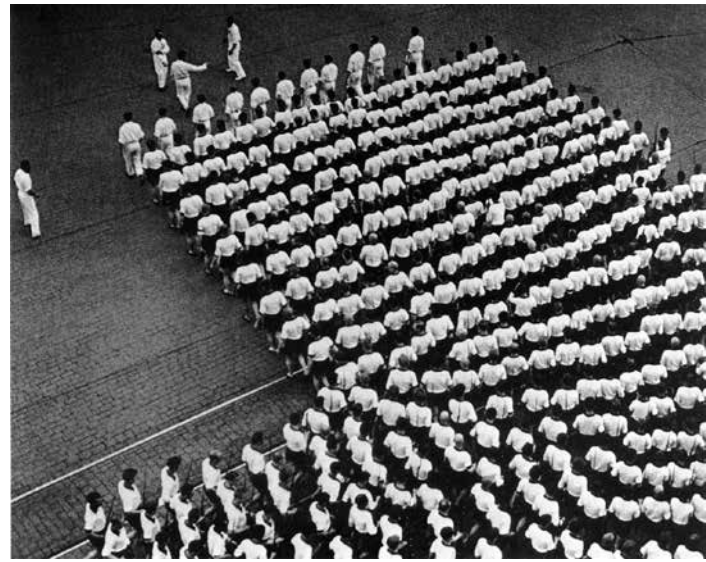
v Рис. 5. Елка в клубе. 1970-е гг.

> Рис. 7. Новогодняя елка. Немецкая гравюра. Сер. XIX в.

> Рис. 8. Парад физкультурников в Москве. Конец 1920-х гг. Фото А. Родченко

^ Рис. 6. Елка в Кремле. Конец 1930-х гг.

В конце 1930-х годов в СССР елки вернулись на городские площади. Их украшали вплоть до 1990-х годов огромными игрушками и гирляндами электрических лампочек. (Какими теплыми и наивными такие украшения кажутся нам сегодня! Может быть, только в небольших городках настоящие новогодние ели еще украшают именно так). Рядом с елками строили снежные горки. В клубах организовывали новогодние вечера для взрослых и детские утренники с обязательными подарками – наборами сладостей. Прыгали детки на этих утренниках в костюмах снежинок и зайчиков, водили хороводы с Дедом Морозом и Снегурочкой, хором кричали: «Елочка, зажгись!» Так было в СССР, так остается и сейчас.

Суровый на вид Мороз Иванович, Мороз-Воевода – новогодний маг и волшебник со своей внучкой (или дочкой) Снегурочкой стали в России традиционными новогодними персонажами. Без славянского сказочного фольклора тут, конечно, не обошлось, но и Святой Николай к нему тоже имеет косвенное отношение.

Еще один новогодний персонаж – Снеговик. Постепенно из снежной бабы он превратился в существо мужского рода. Это неудивительно: древнее язычество почитало женщин-покровителей, патриархальные персонажи появляются гораздо позже. Фольклорные корни у этого персонажа тоже глубокие. Историки говорят, что снеговики появились в доисторические времена. Снег – материал доступный; для ритуальных скульптур, которые нужны были на короткое время праздника, очень удобный. В странах, где выпадал снег, снеговиков лепили всегда. Поводы были и праздничные, и непраздничные.

В Книге Часов, молитвеннике для рядовых прихожан христианской церкви, относящейся примерно к 1380 году, на полях был изображен снеговик, поджариваемый на огне. Странная для европейского костюма того времени шляпа на его голове должна была символизировать еврея. В XIV веке преследование евреев в Европе было в самом разгаре, и символическое действо с фигуркой из снега неслучайно.

В Брюсселе в конце XV – начале XVI века во время рождественских праздников проводили «фестивали снежных скульптур», благо климат в ту пору это позволял сделать. В 1511 году отрицательные температуры

в Бельгии держались в течение шести недель подряд, начиная с 1 января. На улицах Брюсселя в ходе импровизированного фестиваля, известного как «чудо 1511 года», появилось более 110 скульптур, сгруппированных в 50 сцен. Были там снежные изваяния приличные и очень неприличные. Ставший впоследствии знаменитым миниатюрный бронзовый фонтан «Писающий мальчик» имел своего снежного предшественника. Сатана был изображен на этом фестивале в облике короля «Страны Мороза». Пожалуй, Дед Мороз в России в облике сатаны никому в страшном сне бы не приснился. Не обошлось и без фривольных фигурок. Служители церкви старались их разрушать, но они появлялись вновь и вновь. Материально-телесный низ в народной карнавальной культуре находил и снежное воплощение.

Власти в России празднование Нового года поддерживают. В последнее время все больше и больше денег тратится на украшение городов. На площадях строятся ледяные городки с тематическими ледовыми скульптурами, горками, качелями, каруселями, экранами, на которых в режиме pop stop крутятся культовые фильмы типа «Ирония судьбы» и «мультки». Понятно, что для строительства такого праздничного городка с площадей изгоняются автомобильные стоянки, место огораживается... Никого не пускают. И за забором строится нечто, что должно явиться сюрпризом для горожан, удивить, вызвать восторг и ликование. Ворота в такие ледяные городки в последнее время делаются узкими. Рядом стоят охранники и внимательно осматривают взглядом всех входящих. Самые высокие горки платные. Вместо настоящей елки – переливающиеся огнями конусы. Получается, что такой конус – символ символа. Древний смысл новогодней ели при этом почти утрачивается.

Точно так же потеряла сакральный смысл и иллюминация. Некогда действия с огнем были мистериальными во всех мировых религиях. Огонь и свет воспринимались как чудо. Сегодня медиаэкраны, медиафасады, ежедневная разноцветная подсветка зданий – явление повседневное. Праздничная иллюминация удивления не вызывает, поскольку световых эффектов в городах слишком много и в будни. Властям приходится создавать нечто грандиозное, как это было сделано в этом году

The Animal Style: Artistic Images for Creative Perm

искусства и современного постмодернистского. По признанию Э. В. Боякова, в Перми исторически сложился «какой-то особенный человеческий тип, с которым совсем не просто взаимодействовать» [15]. Ряд отечественных и зарубежных исследователей обращает внимание на то, что модель креативного города Р. Флориды может противоречить традиционным культурным кодам, уже сложившимся или еще формирующимся в крупных городах [12]. Э. Пратт отмечает, что не следует преувеличивать влияние креативного класса на экономическое развитие городов, что важным является оценка потенциала занятости горожан в креативных индустриях [8].

Представляется, что неудача культурного проекта была вызвана неверно выбранным для его реализации методологическим основанием. Для российских городов наиболее приемлемой является модель креативного города, представленная в концепции британского исследователя Ч. Лэндри. Он предложил признать базовым ресурсом развития креативной среды города местный человеческий капитал. Не приглашенные извне творческие профессионалы, а сами жители города как носители уникальных знаний о нем, включая местных управленцев и объединения интеллектуалов, должны быть мотивированы на активное участие в выдвижении творческих идей и продвижении полезных новаций [3; 4]. Культурное наследие выступает действенным имиджевым ресурсом для города, а визуальный облик городской среды приобретает креативный характер с помощью средств современного искусства. Примером создания креативной среды в российском городе может служить город Киров, сосед Перми. В Кирове в качестве местного имиджевого ресурса активно продвигается дымковский народный промысел и главная его составляющая «Дымковская игрушка» – вятская глиняная игрушка с орнаментом и ярким колористическим оформлением. «Дымковский стиль» сегодня активно применяют архитекторы, художники, дизайнеры и культурологи для создания композиционных, колористических и декоративных решений в открытом городском пространстве и интерьерной жилой среде [14].

«Пермь» – это историческое, мифологизированное название камской земли, образ легендарного места. Соот-

ветственно, для современной Перми важнейшим имиджевым ресурсом выступает пермский звериный стиль; через его образы горожане познают историю происхождения города, легенды о древнем народе «чуди» – предках пермяков. Гипотезой для исследования является предположение о том, что в современной репрезентации образов пермского звериного стиля в архитектуре, скульптуре и дизайне городской среды произведения авторов-творцов скорее ориентированы на феноменальное «ядро» (мифы, легенды, предания), чем на исторические факты. Целью статьи является изучение искусствоведческого потенциала пермского звериного стиля и выявление перспектив репрезентации его образов в визуальном облике Перми с последующей выработкой проектных предложений по реализации модели «креативный город».

Методология и методы

Определение места пермского звериного стиля в пермской геокультуре производилось с опорой на теорию геокультурного брендинга территории, разработанную в трудах Д. Н. Замятина [13]. Используя метод составления протообразных карт, в нашем исследовании была разработана культурно-ландшафтная карта Перми. Карта составлена на базе математической теории графов, где отдельные культурно-географические образы выступают как узловые точки сети. В пунктирных кругах обозначены базовые маркеры пермской геокультуры (рис. 1).

Использование структурно-семиотического метода позволило выделить основные образы пермского звериного стиля, раскрыть их мифологический контекст и семантику. Разработка модели колористической палитры пермского звериного стиля проводилась по методу цветового анализа Ж.-Ф. Ланкло [5]. Для исследования были привлечены фотоколлекции музейных экспонатов Пермского краеведческого музея (артефакты бронзовой металлопластики VIII–XI вв.). Метод художественно-стилистического анализа применялся в работе над созданием стилизованных образов, предназначенных в дальнейшем для их репрезентации в городских креативных пространствах Перми. Применение компьютерно-графического моделирования позволило разработать варианты художественно-конструктивных решений в пермском зверином стиле для средового дизайна.

^ Рис. 3. Памятник архитектуры (ул. Пермская, 45). 1909

^ Рис. 4. Архитектурный декор здания (ул. Советская, 28а). 1996

Результаты

Пермский звериный стиль – это сложившийся в эпоху средневековья у народов европейского северо-востока и Зауралья метод художественного литья из меди, бронзы и других сплавов по изготовлению изделий культового и повседневного назначения. Созданные древними металлургами изделия с образами звериного стиля нашли отражение в творчестве пермских мастеров XIX – начала XXI вв. К основным образам пермского звериного стиля следует отнести образы медведя в жертвенной позе, человеколось, ящеров, птиц, лошадей, собак, женщин-богинь и семьи. Семантика этих образов основывается на традиционных принципах историзма и нарративизма, на выявлении причинно-следственных связей в истории развития духовной культуры населения пермского Прикамья эпохи средневековья. По археологическим данным, на развитие искусства пермского звериного стиля повлияли культурные связи древнего населения прикамского региона со среднеазиатскими культурными центрами (Ахеменидская, Кушанская, Парфянская державы). Влияние иранского (сасанидского) искусства отчетливо прослеживается в образах «хищных птиц», «кричащих птиц», «собаки-птицы», «всадников верхом на конях и волках» [11]. Самым востребованным в среде

архитекторов, искусствоведов и дизайнеров стал образ «медведя в жертвенной позе». Медведь являлся особо почитаемым животным у древнего населения прикамского региона. Медвежьи клыки выполняли функцию амулета для охотников, за ними признавали лечебные качества. У зауральских племен был распространен обычай снимать с убитого медведя шкуру вместе с лапами и головой и укладывать в переднем углу жилища на стол так, чтобы морда находилась между лапами. Это делалось с целью проведения магического обряда поклонения медведю (так называемый «медвежий праздник»).

Впервые образ «жертвенного медведя» в архитектурном декоре общественных зданий Перми использовался в начале XX в. Архитекторы заимствовали не весь набор приемов, характерных для столичного (московского и петербургского) зодчества, а лишь те, которые позволяли наглядно выразить стиль в традиционном для Урала материале – дереве, металле и кирпиче. Так, архитектор К. П. Икорский в оформлении проемов дверей и окон дома Инженерного товарищества (1909; ул. Пермская, 45) использовал прием геометрической стилизации образа «жертвенного медведя», выбрав материалом исполнения кирпич. Кирпичная кладка в округлой форме задавала внешний контур медвежьей головы, а наклонно поставленные кирпичи символизировали его «уши».

В оформлении наличников окон на фасадах деревянных домов также присутствовали зооморфные мотивы, зачастую их форма напоминала позу и голову медведя. В 1990-е годы похожие приемы начал применять в своих проектах архитектор М. И. Футлик. Вырезанные из цельного камня жертвенные медведи «поддерживают» арочные конструкции и придают креативность фасаду административного здания (1996; ул. Советская, 28а).

Образы «человеколось» и «ящеров» также передают информацию о духовной культуре древних пермяков. Уникальное сочетание образов человека и лесного животного – лося – характерно только для архаичной культуры Пермского края. Человеколосьи в воображении людей были своеобразными лесными духами-охранителями верховного божества и семейного очага. Эти защитные качества демонстрируются и на древних артефактах. Композиция строилась на центральном образе

v Рис. 5. Чудские образки: крылатый человеколось (слева), птица, лось и рыба на ящере (справа). Бронза. VII–VIII в.

^ Рис. 6. Дизайн электробуса и остановки «Октябрьская площадь». 2018

(образах), помещенных в особую рамку. Ее вертикальные стороны представляли собой вытянутые столбики с изображениями человекокопий, фигуры и головы которых направлены к центральной линии. Рога этих существ, смыкаясь или переплетаясь, образовывали верхнюю сторону окаймляющей рамки. Ящер выступал как хозяин подземного («нижнего») мира, покровитель недр. Ящеры наделялись способностью к передвижению и по суше, и по воде, неся на себе другие мифические существа. Сегодня в городской среде Перми стилизованные образы человекокопий и ящеров встречаются в оформлении автотранспорта и остановочных транспортных комплексов, Центрального универмага, малых архитектурных форм.

В пермском зверином стиле особое место занимают образы «женских богинь». Семантически образ богини специалисты связывают с Великой Матерью, вселенским порождающим все живое божеством. В средние века женские богини изображались с туловищами птиц, слоноподобными ногами, орлиными крыльями. Головы богинь нередко венчались профильными образами хищных птиц. Современные интерпретации этого образа можно видеть в оформлении Центрального универмага, фасада административного здания (Арх. М. И. Футлик, ул. Екатерининская, 114; 2005).

Обозначим ряд препятствий, не позволяющих сегодня использовать весь полезный потенциал пермского звериного стиля в визуальном облике Перми. Во-первых, следует говорить об ограниченности выбора архитекторами и дизайнерами образов звериного стиля при реализации своих проектов. В сущности, образами медведя в жертвенной позе, единичных человекокопий, ящеров и женщин-птиц ограничивается представительство пермского звериного стиля в предметно-пространственной среде Перми. Во-вторых, в колористике открытых пространств города не отражена традиционная полихромия пермского звериного стиля и производная от нее цветовая палитра. В-третьих, нередко в городской медиа-среде происходит смешение стилизованных образов звериного стиля с образами из других пластов пермской символики. Чаще всего происходит смешение образов медведя в жертвенной позе с идущим серебряным медведем, изображенным на гербе Пермского края. Последний же схож со стилизо-

ванными образами полигонального медведя мега-фестиваля «Пермский период. Новое время» и полигонального «радужного» медведя – туристического бренда «Пермь Великая». Подача медвежьих образов в информационных потоках в типовом красно-белом оформлении вызывает возникновение медиаэффекта слияния этих образов. Но главной следует признать проблему обезличенности фестивального движения в Перми.

Объекты-носители стилизованных образов пермского звериного стиля существуют вне фестивальной и массово-развлекательной сферы жизни города. Определить их место в пространстве проходящих в городе праздничных мероприятий, шествий и карнавалов не представляется возможным. Таким образом, возникает противоречие: пермский звериный стиль прочно вошел в общественные пространства Перми, однако его искусствоведческий потенциал не реализуется в праздничной и массово-досуговой повседневности.

Возможно, причины кроются в том, что в действующих планах развития культурной сферы Перми, реализуемых городским сити-менеджментом, не заложена общепризнанная в международном профессиональном сообществе концептуальная идея: успешная культурная сфера зависит не только от экономической эффективности. Как отмечает Дж. Пек, нецелесообразно вести дискуссии

v Рис. 7. Чудские образы: богини-птицы. Бронза. IX в.

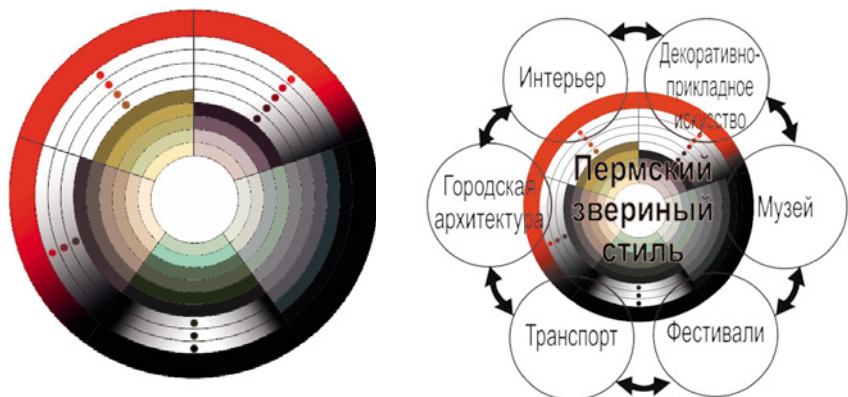
^ Рис. 8. Архитектурный декор здания (ул. Екатерининская, 114). 2005

о развитии креативности городской среды, не учитывая событийность и мнение горожан. Во многих европейских городах креативность ошибочно рассматривается в контексте соединения современных мотивов городского дизайна с неолиберальными экономическими императивами. Вклад творческих людей оценивается, в конечном счете, по своей экономической функциональности и рассматривается просто как показатель благоприятного конкурентного климата [6]. Этой же позиции придерживаются и другие зарубежные исследователи [2].

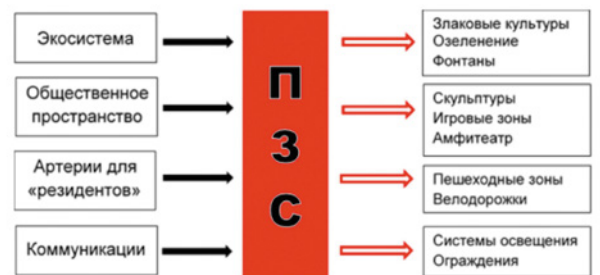
Одним из прогрессивных путей разрешения обозначенной проблемы мы считаем органичное включение уже существующих «носителей» стилизованных образов пермского звериного стиля в фестивальное движение и общественные пространства для праздников. Для этого предлагается осуществить следующие необходимые меры: разработка и внедрение в предметно-пространственную среду Перми цветовой палитры пермского звериного стиля, а также стилистическое преобразование такого важного объекта городской инфраструктуры, как пешеходные улицы и бульвары. Оформление на постоянной или на временной основе (во время фестиваля, праздника) пешеходных улиц и новых пешеходных маршрутов в пермском зверином стиле оживит досуговую повседневность горожан.

v Рис. 9. Модель колористической палитры пермского звериного стиля

Решая данные задачи, для объектов городской среды Перми была разработана модель колористической палитры пермского звериного стиля (Рис. 9). Репрезентация семантики цвета позволяет глубже понять традиции предков, донести смысл выбора и использования определенных тонов в разных сценариях повседневности. При выявлении цветовой гаммы во внимание было принято замечание Ю. Б. Серикова о том, что еще в древности на Урале широко использовались различные оттенки красного (оранжевый, бурый, коричневый, малиновый), белый (чисто белый, светло-серый, темно-серебристый), желтый (золотистый), зеленый, черный, прозрачный [18]. Данную модель рекомендуется использовать в качестве связующего элемента в процессе колористического проектирования городской среды Перми. Актуальными темами для Перми, кроме обезличенности фестивальных площадок, является разработка колерных паспортов общественных и жилых зданий, продвижение фирменного стиля в транспортной сети, удовлетворение возрастающего спроса в интерьерном декоре, придание местного колорита сувенирной продукции и т. д.

Внесение в уличную среду Перми художественных образов пермского звериного стиля создает условия для организации праздничных мероприятий в общественных пространствах. Проанализируем потенциальные

^ Рис. 10. Пермский звериный стиль в уличном пространстве

^ Рис. 11. Фонтан с образами пермского звериного стиля

^ v Рис. 12. Тематические скульптуры

возможности использования пермского звериного стиля в оформлении пешеходных улиц. Обозначим и раскроем содержание четырех выделенных параметров (Рис. 10).

Экосистема. Тематически пермский звериный стиль ассоциируется с природными ресурсами, а пешеходные улицы и бульвары могут выступать как «экосистемы», в которых результаты деятельности творчески мыслящих людей органично вплетаются в природные объекты. В структуру экосистемы следует включить такие элементы, как озеленение, биодренаж, водопроницаемые тротуары, искусственные водоемы, фонтаны. Фоновой основой композиции звериного стиля выступают зеленые насаждения и зоны с посадками сельскохозяйственных культур. Проиллюстрируем оформление фонтана – элемента экосистемы пешеходной улицы, в котором отражаются символы пермского звериного стиля.

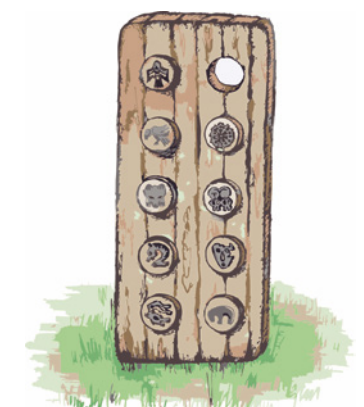
Общественное пространство. Пешеходные улицы города включают различные уличные объекты: игровые детские и спортивные площадки, ярмарки и кафе, зоны отдыха и развлечений, скульптуры и арт-объекты. Именно здесь организуется фестивальная жизнь и досуг горожан. Передать художественную выразительность пермского звериного стиля целесообразно посредством использования маркеров – тематических скульптур с обязательной их привязкой к функциональной направленности деятельности административных учреждений и общественных организаций города, расположенных вдоль пешеходных улиц. Это могут быть как одиночные арт-объекты, так и парк тематических скульптур. Представим авторские решения скульптурных композиций для ряда учреждений Перми. Например, для фармацевтической академии можно предложить скульптуру «Озверин» («пластина с таблетками»), для медицинского университета – скульптуру «Утка», для торгового колледжа – «Весы», а для городских поликлиник – скульптура, символизирующая «богиню жизни».

Артерии для «резидентов». Пешеходными улицами и бульварами пользуются разновозрастные группы населения для передвижения по городу с разной степенью мобильности. Благодаря таким элементам, как пешеходный тротуар и непрерывная сеть велосипедных дорожек горожане могут использовать улицу для удовлетворения

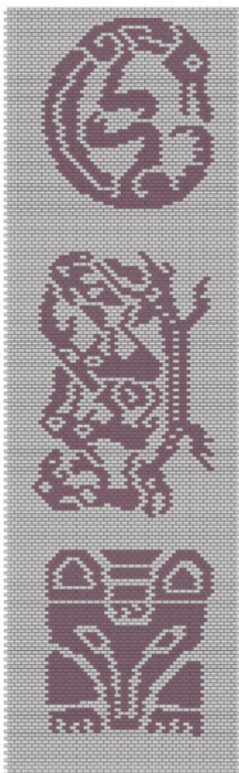
своих самых разных потребностей (деловых, досуговых, оздоровительных, культурно-познавательных). Для покрытия пешеходных тротуаров возможно использовать тротуарную плитку нескольких цветов, которыми при укладке можно образовать орнаменты стилизованных образов пермского звериного стиля. Конструктивной особенностью скамеек на тротуарах являются их металлические боковые части, выполненные на основе геометрической стилизации образа «жертвенного медведя». В целом композиция в округлой форме задает внешний контур медвежьей головы, а наклонные выступы призваны символизировать его уши.

Коммуникации. Обеспечение приятной, комфортной для пешеходов улицы невозможно без планирования систем освещения. Современными тенденциями в дизайне городского уличного пространства являются разнородные типы источников света, как декоративного, так и функционального назначения. Поддержка художественного образа и стиливых особенностей осуществляется за счет использования орнаментов на опорных столбах (насечки, косичка, кольца), а также колористических решений. Одним из вариантов достижения целостности геометрических стилизаций является композиционное решение ограждений, где каждый из пяти элементов конструкции представляет собой значимый образ пермского звериного стиля (крылатый человеколось, медведь, всадники, лось, птица).

Важно не только делать уличную среду интересной и комфортной для жителей. По существу, эту задачу можно решить и с помощью привычных техник и средств стрит-арта. Считаем, что идейно-художественная основа проектного решения должна основываться на исторически-событийном и философско-культурологическом контекстах. Так, для молодежи как самой активной и мобильной категории горожан тематические скульптуры в пермском зверином стиле выступают хорошо узнаваемыми объектами, нагруженными мифическими смыслами и современным контентом. В праздничных мероприятиях городского, фирменного или профессионального значения тематические скульптуры можно использовать в качестве опорных точек в программах их проведения.

v > Рис. 13. Тротуарная плитка пешеходной зоны

Обсуждение

В создании креативных пространств современного города должны принимать активное участие горожане, общественные объединения и творческие группы. При этом, как отмечают С. Давуди и В. Зонневельд, максимальный доступ к культуре всех горожан не должен привести к популизму и размыванию представлений о креативности [2]. Опыты репрезентации образов пермского звериного стиля в архитектуре, скульптуре и дизайне должны опираться на феноменальное «ядро» пермской геокультуры. «Внутреннее кольцо города становится удобной площадкой для не очень богатых творческих и интеллектуальных индустрий, таких как дизайнерские и интернет-компании, начинающие предприниматели, дизайнеры и художники, которые все вместе экспериментируют с новыми продуктами и услугами и создают самобытную атмосферу, важную для развития города», – замечает Ч. Лэндри [3, с. 69]. Таким образом, людям с творческим мышлением, осознающим важность проблемы качества городской среды, предоставляется поле для практической реализации своих конкретных предложений и проектов. Данные выводы не противоречат исследованиям Дж. Пека, который критически оценивает теорию креативного класса Р. Флориды, в частности, положения о том, что работники сферы услуг и физического труда страдают нехваткой креативности и не играют никакой положительной роли в системе креативной экономики города [7].

Обсуждение ряда авторских предложений по реализации в Перми модели «креативный город» состоялось в рамках Конкурса на разработку лучших дизайн-проектов по благоустройству ул. Макаренко и пешеходной ул. Крупской Мотовилихинского района Перми, проводившегося в период с 1 июня по 30 сентября 2019 г. В экспертную комиссию вошли муниципальные чиновники, главный архитектор города, дизайнеры, культурологи и искусствоведы. По итогам публичных защит и голосования экспертов наш проект был признан лучшим в номинации «Профессионалы» (Ю. В. Дианова. Диплом, I место). Согласно отзывам жюри, наибольшее одобрение получила идея создания в уличном пространстве парка больших скульптур, стилизованных в пермском зверином стиле. Кроме того, эксперты положительно оценили

конструктивный подход к оформлению скамеек и лавок на пешеходной улице.

Считаем, что обсуждение вопросов о возможностях реализации искусствоведческого потенциала пермского звериного стиля на конкурсной основе стимулирует креативные предложения от всех желающих. Пешеходные улицы, фасады зданий, монументальная скульптура, арт-объекты становятся объектом для индивидуального и коллективного творчества, выражения важных для гражданина процессов эмоционально-эстетического характера. В свою очередь, это создает основу для успешной организации праздничных мероприятий, шествий, фестивального движения. Дизайн городской среды, основанный на доминирующих визуальных образах и цветах пермского звериного стиля, позволяет найти компромиссные решения в организации праздников анималистической тематики и фантастических театрализованных фестивалей.

Заключение

По геокультурному принципу исследователи называют Пермь «воротами в Европу» и «окном в Азию». Городу, носящему имя древней земли, не удалось получить статус «культурной столицы Европы». Однако темпы развития социально-экономического потенциала, инфраструктуры города и степень удовлетворенности его населения зависят от правильно выбранной стратегии его геокультурного брендинга. По примеру Ульяновска, Казани и Каргополя пермским властям и местным сообществам необходимо консолидировано подать заявку в Сеть креативных городов ЮНЕСКО (UCCN). Общеизвестно, что UCCN была создана в 2004 г. и объединяет 180 городов в 72 странах мира. Перми следует заявиться на два направления: «развитие ремесел и декоративно-прикладного искусства» и «сфера дизайна». Успешному включению Перми в UCCN будут способствовать развитие местных имиджевых ресурсов, составляющих основу пермской геокультуры. Соответственно, пермский звериный стиль следует использовать в качестве геокультурного основания для осуществления стратегии городского геокультурного брендинга Перми, конечной целью которого является реализация модели «креативный город»

по примеру развития европейских городских агломераций. Перспективы дальнейшего изучения данной темы видятся в исследовании малоизученных вопросов стилиобразования и колористики в дизайне. Образы мифических животных скифо-сибирского и хуннского стиля сегодня представлены в национальных стилиевых направлениях обустройства жилых интерьеров в Иране, Узбекистане, Таджикистане (текстиль, посуда, мебель). Анимализм в дизайне интерьеров сегодня представлен этностилиевыми направлениями в странах Европы и США (африканский декор, интерьер в стиле «сафари», «рустик»). Искусствоведческий потенциал пермского звериного стиля, полезный для городской среды, предлагается раскрывать и через обращение к международным практикам оформления уличного пространства.

Литература

1. Boren Young, C. (2010). Getting Creative with the 'Creative City'? // Towards New Perspectives on Creativity in Urban Policy. International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 35, No. 7, 1799–1815
2. Davoudi, S., Zonneveld, W. (2012). Amsterdam: A Multi-Cultural Capital of Culture // Cultures and Globalization. Cities, Cultural Policy and Governance. SAGE Publications Ltd, 145–152
3. Landry, C. (2000). The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators. London, Earthscan
4. Landry, C., Murray, C. (2017). Psychology & the City: The Hidden Dimension (Illustrated ed.). Gloucestershire, United Kingdom
5. Lenclos, J.-Ph. (2004). Colors of the World, W.W. Norton & cy, New York, London
6. Peck, J. (2005). Struggling with the creative class. International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 29, No. 4, 740–770
7. Peck, J. (2007). The Creativity Fix. – URL: https://www.researchgate.net/publication/237794705_The_Creativity_Fix (дата обращения: 01.12.2019)
8. Pratt, A.C. (2011). The cultural contradictions of the creative city. City, Culture and Society, Vol. 2, Iss. 3, 123–130
9. Florida, R. (2003). The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York, Basic Books
10. Florida, R. (2009). Who's Your City?: How the Creative Economy is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life. New York, Basic Books
11. Вильданов, Р. Ф., Мельничук, А. Ф. Влияние сюжетов Сасанидского и Согдийского серебра на образы пермского звериного стиля // Вестник Пермского университета: История. – 2005. – № 5. – С. 66–69
12. Волошинская, А. А., Комаров, В. М. Опыт реализации креативного города в России // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – № 4 (463). – С. 637–648
13. Замятин, Д. Н. Геокультурный брендинг территории: методика и методология // Библиотечное дело. – 2015. – № 4 (238). – С. 5–10
14. Кузнецова, А. В., Тетенькина, О. Л. Дымковская игрушка как элемент айдентики (на примере города Кирова) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2015. – № 4 (9). – С. 131–137
15. Овчинникова, Н. Н. «Мы все в этом проекте были стalkerами»: интервью с Эдуардом Бояковым // Журнал СОЛЬ. – № 6 (9). – С. 18–24
16. «Пермский проект»: концепция культурной политики Пермского края / Авторский коллектив: Н. В. Гладких, Е. В. Зеленцова, Е. Х. Мельвил и др.; рук. проекта Е. В. Зеленцова. – Пермь: Агентство «Творческие индустрии», 2010. – 121 с.
17. Проханов, А. А. Человек Звезды: роман. – Москва: Вече, 2012. – 349 с.
18. Сериков, Ю. Б. Краски и цвет в ритуалах древнего населения Урала // Народы и религии Евразии. – 2012. – № 5. – С. 122–142

References

- Boren, T., & Young, C. (2010). Getting Creative with the 'Creative City'? Towards New Perspectives on Creativity in Urban Policy. International Journal of Urban and Regional Research, 35(7), 1799–1815.
- Davoudi, S., & Zonneveld, W. (2012). Amsterdam: A Multi-Cultural Capital of Culture. Cultures and Globalization. Cities, Cultural Policy and Governance. SAGE Publications Ltd, 145–152
- Florida, R. (2003). The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York: Basic Books.
- Florida, R. (2009). Who's Your City?: How the Creative Economy is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life. New York: Basic Books
- Gladkikh, N.V., Zelentsova, E.V., Melville, E.K. et al. (2010). "Permiskii projekt": kontseptsiya kulturnoi politiki Permskogo kraia ["Perm project": The concept of cultural policy of the Perm region]. Perm: Agentstvo "Tvorcheskie industrii".
- Kuznetsova, A.V., & Tetenkina, O.L. (2015). Dymkovskaya igrushka kak element aidentiki (na primere goroda Kirova) [Dymkovo toy as an element of identity (case study of the city of Kirov)]. Sovremennye problemy servisa i turizma [Modern problems of service and tourism]. 4 (9), 131–137.
- Landry, C. (2000). The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators. London: Earthscan.
- Landry, C., & Murray, C. (2017). Psychology & the City: The Hidden Dimension (Illustrated ed.). Gloucestershire, United Kingdom.
- Lenclos, J.-Ph. (2004). Colors of the World, W.W. Norton & cy, New York, London.
- Ovchinnikova, N.N. (2011). "My vse v etom proekte byli stalkerami: intervyyu s Eduardom Boyakovym" [Interview with Eduard Boyakov: "We were all stalkers in this project". Zhurnal SOL' [Magazine SALT], 6 (9), 18–24.
- Peck, J. (2005). Struggling with the creative class. International Journal of Urban and Regional Research, 29(4), 740–770.
- Peck, J. (2007). The Creativity Fix. Retrieved December 1, 2019 from https://www.researchgate.net/publication/237794705_The_Creativity_Fix
- Pratt, A.C. (2011). The cultural contradictions of the creative city. City, Culture and Society, 2(3), 123–130.
- Prokhanov, A.A. (2012). Chelovek zvezdy: roman [Star man: a novel]. Moscow: Veche.
- Serikov, Yu.B. (2012). Kraski i tsvet v ritualakh drevnego naseleniya Urals [Paints and color in the rituals of the ancient population of the Urals]. Narody i religii Evrazii [Peoples and religions of Eurasia], 5, 122–142.
- Vildanov, R. F., & Melnichuk, A. F. (2005). Vliyanie syuzhetov Sasanidskogo i Sogdiiskogo serebra na obrazy permskogo zverinogo stilya [The influence of the stories of Sasanian and Sogdian silver on the images of the Perm animal style]. Vestnik Permskogo universiteta: Istoriya [Bulletin of Perm University: History], 5, 66–69.
- Voloshinskaya, A. A., & Komarov, V. M. (2017). Opyt realizatsii kreativnogo goroda v Rossii [Experience of implementing a creative city in Russia]. Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika [Economic analysis: theory and practice], 4 (463), 637–648.
- Zamyatin, D. N. (2015). Geokulturnyi brending territorii: metodika i metodologiya [Geocultural branding of territories: methods and methodology]. Bibliotечноe delo [Library science], 4 (238), 5–10.

> Рис. 14. Композиционное решение освещения и ограждений

Проект регенерации исторического квартала 130 в Иркутске уже много лет привлекает внимание специалистов и широкой публики. В статье рассмотрена идеология проекта с точки зрения создания городских пространств, предназначенных для массовых праздников. Различные аспекты городского праздника были рассмотрены и предусмотрены в проекте квартала. Реализовать удалось не все.

Ключевые слова: архитектура; городской дизайн; урбанистика; история; городской праздник; Иркутск; квартал 130. /

The project for the regeneration of historical quarter 130 in Irkutsk has attracted the attention of specialists and the general public for many years. The article discusses the ideology of the project from the point of view of creating urban spaces intended for mass holidays. Various aspects of the city celebrations were considered and provided for in the design of the quarter. Not everything was implemented.

Keywords: architecture; urban design; urban studies; history; city holiday; Irkutsk; quarter 130.

Квартал для праздника Несостоявшийся амфитеатр и универсальная лестница /

ТЕКСТ

Елена Григорьева
Константин Лидин /
text
Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin

Введение

Традиции уличных праздников, как и большинство общественных явлений, с течением времени испытывают своеобразные приливы и отливы. Высокий расцвет массовых общественных празднований пришелся на вторую половину XIX века. На улицы и площади в этот период с большим размахом выплескиваются древние языческие праздники, связанные с солнечным календарем славян, – зимний и летний солнцевороты, весеннее и осеннее равноденствия и т. д. Православная церковь относится к ним двойственно. С одной стороны, часть праздников отождествляется с библейскими событиями (так, Коляда, праздник зимнего солнцеворота, соединился с Рождеством). С другой стороны, церковь неодобрительно смотрит на жизнерадостные и буйные формы празднования. В Иркутске два года подряд (в 1861 и 1862 годах) конец декабря совпал с крупными катастрофами: сначала случился большой пожар, а на следующий год – землетрясение. Официальная церковь объяснила это Божьим наказанием за греховное веселье. Начиная с 1863 года газета «Иркутские епархиальные новости» постоянно публикует нравоучительные статьи, в которых осуждаются разгульные обычаи новогоднего празднования. По настоянию иркутского архиепископа Парфения и по указанию генерал-губернатора М. С. Корсакова новый, 1863 год встретили без «обычной веселости», замененной 1 января 1863 г. «крестным покаянным вокруг города ходом» [1]. Но все-таки авторитет церкви оказался недостаточно силен, чтобы полностью исключить массовые уличные гуляния из праздничного календаря.

Кроме старинных праздников, в конце XIX – начале XX века календарь обогащается множеством новых поводов для веселья: День Сибири (8 ноября, годовщина вхождения Сибири в состав Российской империи), Татьянин день, День белого цветка (1 мая, день благотворительной помощи туберкулезным больным), торжественные годовщины воцарения дома Романовых, годовщины Отечественной войны 1812 года, день рождения А. С. Пушкина и т. д. На рубеже веков общее число общественных праздников в году приближалось к тридцати [2].

Общественные праздники в Иркутске принимают множество разнообразных форм. Тут и традиционные, пере-

нятые у крестьянских предков катания на санях, качели и карусели, танцы и игры (в том числе кулачные бои). Городская культура добавляет веселья в виде театральных представлений (уличный театр с Петрушкой, с дрессированным медведем и ряжеными), с французской кадрилию и публичными концертами. И конечно, с едой и питьем: с блинами, пирогами, бубликами, сбитнем, горячим пивом и вином и так далее, и так далее...

Иркутск во второй половине XIX века становится крупным международным центром, привлекающим к своим праздникам иностранцев и с Запада, и с Востока. В 1870-х годах французы Радо и Сулье открыли в Иркутске балаган, в котором выступали китайские и японские цирковые артисты – акробаты и фокусники [3].

Обширному набору общественных праздников соответствовала структура городского пространства. Характерная для Иркутска малоэтажная деревянная застройка, плотная и беспорядочная, прерывается обширными площадями и променадами. Площади обычно пусты и выглядят довольно скучно, но зато во время гуляний они до краев наполняются яркой и шумной праздничной толпой.

В течение XX века массовые публичные праздники становятся все менее частыми и яркими. Большинство праздников – это домашние или корпоративные события. Массовыми остаются только самые древние праздники славянского солнечного календаря: зимний солнцеворот (конец декабря – Новый год, Рождество), весеннее равноденствие (конец марта – Масленица, Пасха, Первомай), осеннее равноденствие (конец сентября – Осенины, Рождество Богородицы, Седьмое ноября). Летний солнцеворот (Иван Купала, конец июня), ассимилированный церковью под именем Рождества Иоанна Предтечи, в список официальных праздников СССР вошел с 1958 года как День советской молодежи.

Менялся и характер городских праздников. Массовые гуляния XIX века – это события, в которых активно участвовали сами горожане. Праздники века двадцатого все больше превращались в зрелища, в которых большинству горожан отводилась роль пассивного наблюдателя. Дольше всех продержался Новый год с катанием на ледяных горках, фейерверками и массовым уличным весельем,

^ Рис. 1. Праздничные мероприятия в честь пятилетия ТРК «Модный квартал» в 130-м квартале. – URL: <http://en.geo.pro/city/trk-modnyy-kvartal/>

< Рис. 2. Генплан. Проект планировки, 2010

A Quarter for Celebrations A Might-Have-Been Amphitheatre and a Universal Staircase

но и он постепенно сошел до одной-единственной ночи.

Соответственно «растворялись» и городские пространства, предназначенные для массовых гуляний, — замещались парковками, объектами точечной застройки, частными владениями.

1. Сто тридцатый квартал: вперед, к традициям городских праздников

Проект 130-го квартала с самого начала задумывался как место для праздников в традиционном ключе. Общая концепция, образ квартала обсуждались именно с точки зрения создания атмосферы массового гуляния. Пространство квартала должно было получиться ярким, цветастым (меньше опасались пестроты, чем серости), подвижным и разнообразным. Усадебный принцип деления квартала задавал четкий, хотя и несколько синкопированный ритм. Квартал должен был звучать громко и звонко, как радостная музыка. Даже запахи были не забыты: характерной «одоральной симфонией» квартала должны были стать ароматы свежеприготовленной еды, блинов и пирогов, меда и чая. Но основным инструментом создания праздничного потенциала, конечно же, стала структура застройки.

Главная площадь 130-го квартала формировалась с самого начала на пересечении трансгородского общественного пространства с внутриквартальной биссектрисой.

Еще героическое поколение иркутских архитекторов-шестидесятников предложило идею трансгородского луча — зеленого сквозного диаметра, соединяющего Ушаковку с Ангарой. В «дикие девяностые» влиятельная домостроительная компания лоббировала землекопство, перекрывшие зеленый диаметр посередине. В конце нулевых годов, когда рождалась Концепция квартала, первоначальный сквозной диаметр сократился до связи между Иерусалимским мемориальным парком и Театральной площадью с набережной Ангары (бульваром Гагарина) и островами.

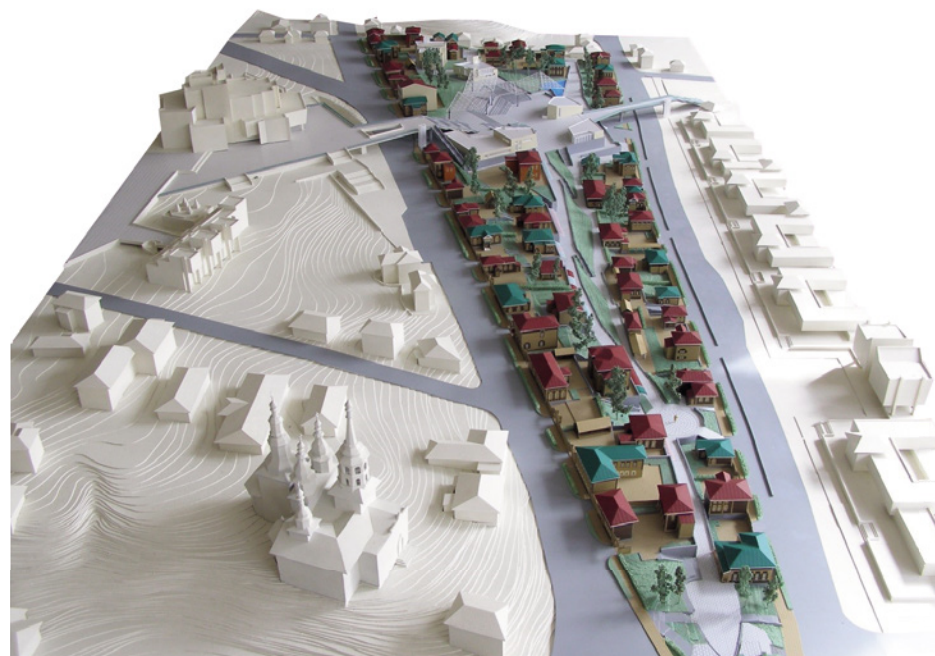
В проекте 130-го квартала была заложена идея продления Театральной площади платформой-переходом над магистралью (улицей Седова). Длинная биссектриса треугольного квартала, его центральный променад,

должна была вместить главный пешеходный поток новой градостроительной единицы (рис. 2, 3).

Узкий и длинный квартал, зажатым двумя магистралями, не располагал тротуарами нормальной ширины. Они и прежде были заметно меньше, чем требуют современные нормативы, а к моменту реконструкции их окончательно «съели» магистрали. Изменять же красные линии мы посчитали некорректным по отношению к историческому облику квартала. Так родился променад на неудобных центральной продольной оси квартала. Сквозной внутриквартальный пешеходный путь, отделенный от шумных магистралей, ритмично прерывается небольшими площадями — небольшими, но достаточными для организации праздничных событий.

Эта идея была реализована, и именно она обусловила коммерческий успех 130-го квартала, ставшего излюбленным местом прогулок, деловых встреч, свиданий для иркутян и гостей города.

в Рис. 3. Фото с макета. На первом плане — сквер на стрелке 130-го квартала.

> Рис. 4. Променада поднимается вверх и ведет к главной площади. 2012. Фото Анатолий Бызов

в Рис. 5. Подключение студенческого потока к системе общественных пространств 130-го квартала. Концепция части квартала в границах улиц 3-го Июля, Красного Восстания, Сударева.
 Проектирование АНО Востоксибакадемцентр РААСН, 2019.
 Архитекторы Елена Григорьева, Андрей Макаров

2. Каждая площадь – со своим лицом

Система общественных пространств внутри квартала состоит из главного луча-променада и нанизанных на него площадей. В процессе реализации, как только квартал начал жить самостоятельной жизнью, эти площади стали быстро приобретать индивидуальность, свой уникальный смысл и легенду.

На стрелке расположена входная площадь – сквер на месте бывшего лютеранского кладбища. Здесь были захоронены первый иркутский губернатор Карл Фраундорф и первый комендант города Иван Антонович фон Линеман, но в начале пятидесятых годов лютеранскую кирху снесли, а кладбище заровняли. Долгое время бы-

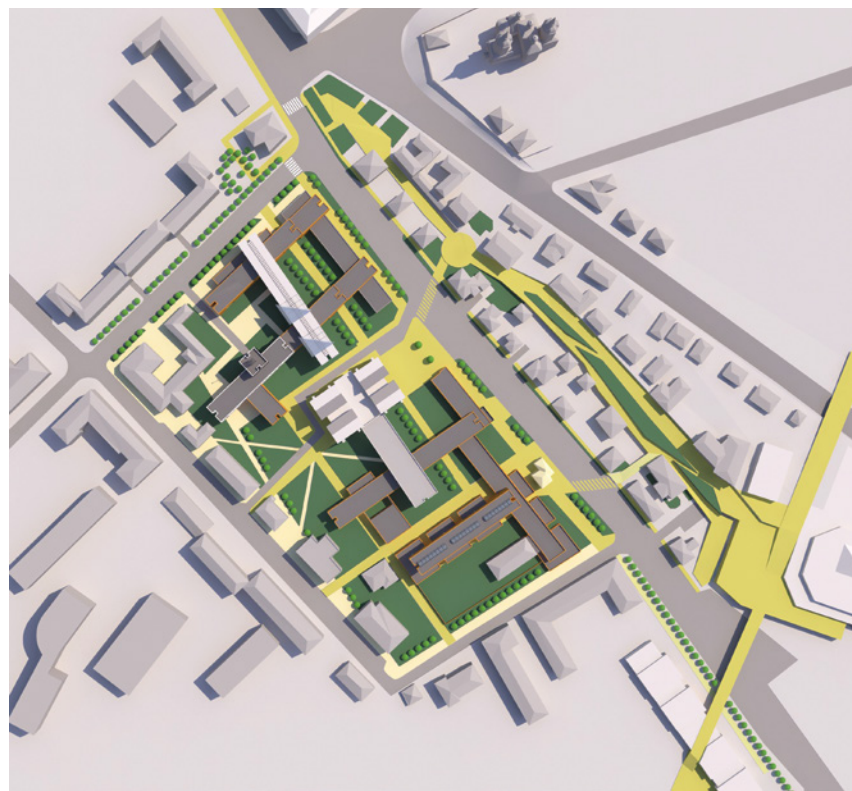
товала городская легенда о том, что место это «нехорошее». Много лет на месте сквера стоял гранитный камень с бронзовой табличкой – обещанием поставить памятник декабристам, но все проекты такого памятника по разным причинам мистически проваливались.

Концепция и проект планировки не нарушали исторически сложившуюся структуру из уважения к памяти места. Только гранитное обещание памятника декабристам убрали. В середине 2010-х в середине площади воздвиг массивный бронзовый Бабр, скульптура геральдического животного с иркутского герба. Образовалась весьма популярная фотозона для желающих запечатлеться на фоне брутального монумента [4].

Вторая площадь – маленькая Круглая – трактовалась авторами как «иркутский Монмартр». Окруженная четырьмя кафе с летними или даже всепогодными террасами, она, по первоначальному замыслу, должна была стать местом притяжения художников и музыкантов. Хозяева кафе восприняли идею с пониманием и даже отвоевали радиальное мощение брусчаткой у строителей, когда те в предвзвешенной спешке хотели упростить благоустройство. В самом центре разместился вращающийся «Диск для загадывания желаний»: согласно легенде, на нем надо покрутиться, чтобы сбылось самое заветное желание. Сейчас эта площадь исполняет по большей части транзитную и распределительную функцию. Авторы предлагают усилить поток за счет студентов и сотрудников медицинского университета, расположенного в квартале напротив. В Концепции соседнего квартала, разработанной теми же авторами в 2019 году, система ОП двух кварталов закольцовывается (рис. 5).

Почти сразу после Круглой площади центральный променада разделяется на два рукава, идущих по средней и нижней террасам квартала. На средней террасе, в геометрическом центре треугольного квартала расположена главная площадь, связанная большой лестницей и пешеходным мостом с Театральной площадью. Именно здесь, по замыслу авторов проекта, должны были проходить наиболее массовые и яркие праздники в традиционном историческом ключе.

Идея главной площади у пересечения трансгородского и внутриквартального променадов основывалась на ам-

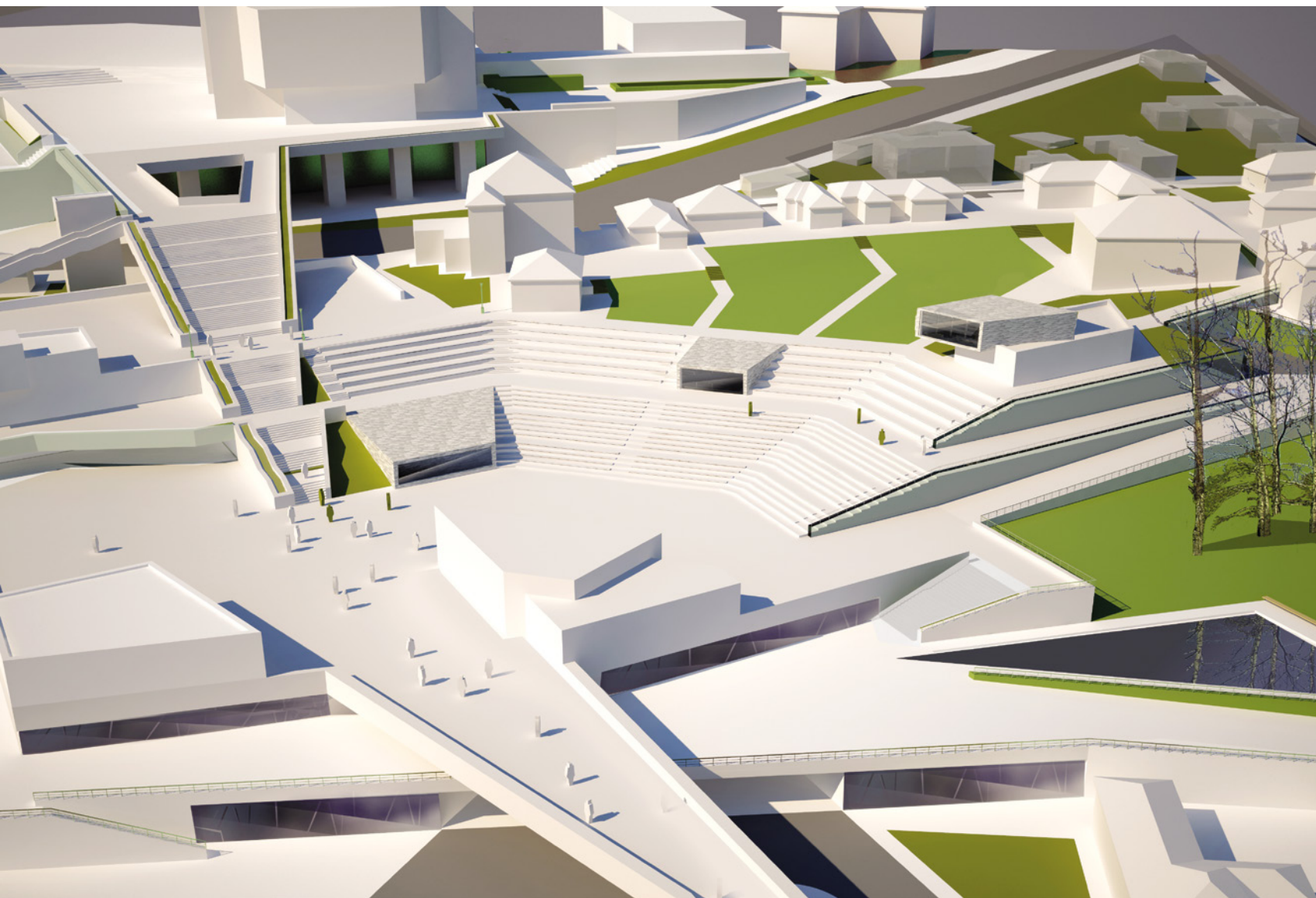
фитеатре, символе античных демократий [5]. Многофункциональный зал на открытом воздухе вместимостью 2000 и более зрителей (с учетом партера и лестницы) должен был стать ареной для городских праздников во все сезоны. Авторы составили календарь событий на весь год. В зимнее время партер амфитеатра преобразовывался в каток для проведения соревнований фигуристов и массовых катаний горожан. Габариты площади выверялись для возможности оборудования хоккейной коробки и проведения соревнований «Золотой шайбы» городского, регионального и сибирского масштаба. Блок артистических уборов превращался на зиму в инфраструктуру катка, а выходящие на амфитеатр кафе служили еще и комфортабельными ложами для зрителей и просто наблюдателей, подобно Рокфеллеровскому центру на Манхэттене. В теплое время года амфитеатр должен был вмещать самые разнообразные события – театральные, спортивные, концертные и т. д. (рис. 6).

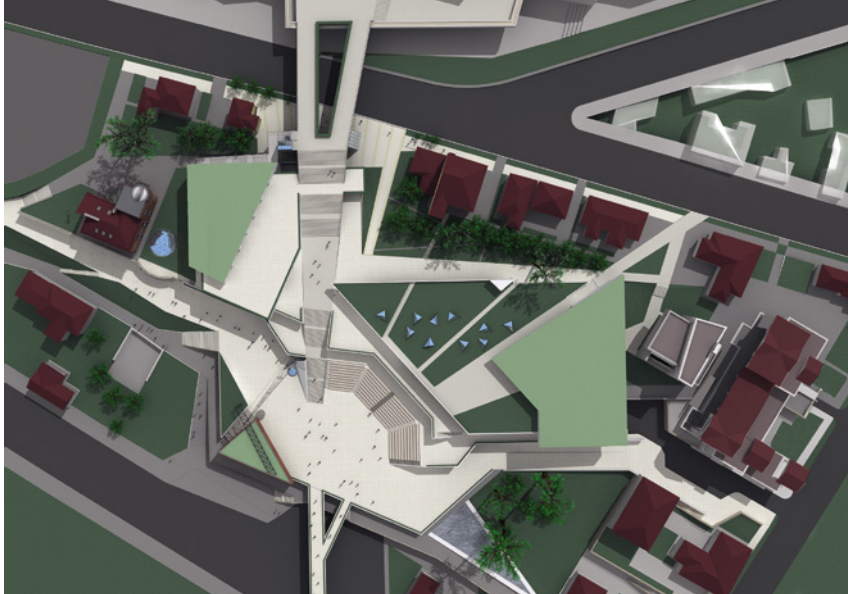
3. Битва за амфитеатр

Судьба главного общественного пространства квартала складывалась непросто. Первоначальный (утвержденный!) проект был передан новым руководством Иркутск-гражданпроекта на переработку другой проектной организации. Крупный инвестор, который собирался строить на этом месте торговый центр, был категорически против такого «неэффективного» использования внутриквартального пространства. Новый проектировщик послушно увеличивал квадратные метры, уничтожая принцип вписанности в рельеф. Авторы первоначальной концепции, естественно, возражали. Площадь могла исчезнуть вообще, а вместе с ней амфитеатр и лестница. В конфликтную ситуацию вмешался губернатор, и в 2012 году авторы концепции были привлечены к созданию так называемого Согласительного проекта [6].

Выполненный по заказу инвестора торгового центра «Модный квартал», Согласительный проект был призван

в Рис. 6. Главная площадь с амфитеатром. Проектное решение 2010 года

< Рис. 7. Согласительный вариант МУПП. 2011–2012.
Архитекторы Елена Григорьева, Андрей Макаров,
Марк Меерович

вернуть главные принципы построения системы общественных пространств квартала. Центральное многоуровневое универсальное подземное пространство (МУПП) нужно было подчинить правилам, заложенным в концепцию и проект планировки 2009-2010 годов. В результате плотного взаимодействия авторов с инвестором и маркетологами многое удалось: в проект вернулись террасы и входы в здание с каждой из террас. Вернулась и главная лестница – важный элемент системы общественных пространств центра города. Она соединила Театральную площадь с платформой-переходом и центральную площадь квартала. Не удалось отстоять амфитеатр, даже в сокращенном виде.

Вот краткое описание «завоеваний» Согласительного проекта, выполненного по поручению губернатора Дмитрия Мезенцева в 2012 году, разработанного в плотном контакте с заказчиком. Этот вариант, с одной стороны, находится в русле с концепцией регенерации квартала, а с другой, всемерно направлен на повышение эффективности функционирования торгового центра.

В частности, входы в торговый центр были перекомпонованы авторами. Так, главный вход на уровне главной площади раскрылся навстречу потоку людей, идущему с площади и по пешеходному бульвару. Кроме того, два входа второго уровня также претерпели изменения в лучшую сторону: вход с нижней террасы был сориентирован по одной из двух главных осей движения потоков наземного уровня и выведен на ось атриума со световой призмой наверху. Другой вход, который вводит людей с остановки общественного транспорта на ул. 3 Июля, сделан значительно более парадным и сориентирован на ось 12-метрового прохода.

Сутью данного проекта является возвращение к террасному построению объемов новой застройки. Во-первых, это соответствует историческому рельефу, повторяет его. А во-вторых, приближено к масштабу исторической деревянной застройки, так как каждая терраса торгового центра получает высоту не более одного этажа.

Авторы проекта предусмотрели, что с пуском в эксплуатацию торгового центра, который, безусловно, явится дополнительным фокусом притяжения, поток горожан увеличится. Эта толпа должна быть организована самой

< Рис. 8. Согласительный вариант МУПП. Вид с виадука над ул. 3-го Июля

архитектурой. И рассредоточена – по террасам и частично по площади. Главная праздничная площадь предполагает многообразие сценариев: проведение концертов и выступлений (по билетам, с временной изоляцией части пространства на период проведения мероприятия). Важно подчеркнуть, что в предлагаемой компоновке обеспечивается беспрепятственный подход звезд эстрады от спецтранспорта непосредственно на сцену, минуя толпы фанатов. И при выступлении заходящее солнце не будет бить им в глаза. Что касается зрителей, то временно сооружаемая сцена будет экранировать трибуны амфитеатра от закатного солнца.

Было предусмотрено также расположение катка в более удобном месте – рядом с помещением для выдачи коньков и прочего спортивного инвентаря, а также близко к террасе, с которой мамочки смогут наблюдать за своими чадами.

Появилась еще одна терраса, которая связывает один из уровней главной площади с музеем Детского центра Железной дороги с потоком пешеходов к улице Кожова и далее в микрорайон Парковый.

А вот позиция авторов согласительного варианта о стилистике фасадов. Историческую архитектуру не следует использовать в качестве аналога для стилизации фасадов нового крупного торгового центра. Сибирь – это место, где традиционно перемешивались культуры переселенцев. Но, перемешиваясь, эти культуры не растворялись, не исчезали. Подтверждение этого мы видим в стилиях декора регенерированной части квартала, где соседствуют классицизм Санкт-Петербурга, восточные буддийские мотивы, московское барокко.

В современной архитектуре мы обязаны воплотить «палитру культур», а не давно ушедшие стили, а именно: а) восстановить прошлое в его исторических формах (это сделано в исторической части квартала), б) создать современную архитектуру в ее современных формах (здесь, на центральной площади).

Мы за инновации при условии сохранения истории.

В торговом комплексе будут использоваться современные технологии. Здесь будут продаваться современные модные вещи. Его станут посещать современные люди. Торговый центр должен стать ярким примером современ-

ной архитектуры. Сдержанной, умеренной, но современной. Нельзя рядить его в архаичные одежды. Подобный маскарад не пойдет на пользу имиджу квартала в целом.

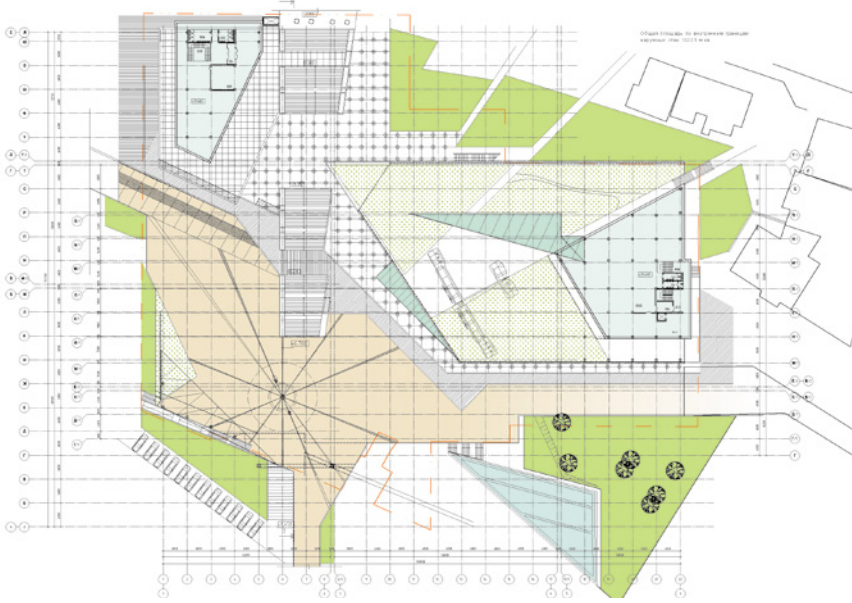
В дальнейшей проработке проекта, необходимо обратить самое пристальное внимание на так называемый пятый фасад – на крыши. 130-й квартал – это особый случай. Здесь крыши выступают отдельным объектом восприятия. Они видны уже из фойе музыкального театра и с мостового перехода через ул. Седова. Беспорядочное расположение на них вентиляционного оборудования, воздуховодов, дымоходов и проч. – недопустимо. Нужно заранее, еще на стадии проекта, «прибраться» на крышах – превратить технические сооружения в сознательно спроектированный дизайнерский объект.

В согласительный вариант были возвращены перспективы организации еще одного потока пешеходов, перпендикулярного центральному променаду квартала. Этот поток должен был соединить площадь перед Музыкальным театром и набережную Ангары. Его структура также опиралась на принцип чередования динамичных, «проточных» участков с рекреациями, на которых поток пешеходов замедлялся и вовлекался в разнообразные визуальные события.

Главная лестница, идущая от музыкального театра, в согласительном варианте была подкорректирована – сделана не сплошной, а разделена остановочными площадками, на которых можно передохнуть, полюбоваться панорамой квартала и рассредоточиться по террасам. Это значительно удобнее для пешеходов.

Чтобы сделать гуляние по променадам квартала еще интереснее и для лучшей ориентации людей в пространстве, предлагалось и сами террасы сделать различными по мощению. В частности, продолжающееся благоустройство главного бульвара вело непосредственно к главному входу в торговый центр, и это явилось дополнительной направляющей, дополнительным ориентиром для посетителей.

На общественном пространстве характер благоустройства иной. Если на террасах он подчеркивает линейные перемещения людей, то здесь задача иная – концентрировать и организовывать толпу. Поэтому мощением заданы направления движения. На поверхности площади

< Рис. 9. Согласительный вариант МУПП. Мощение площади и террас

должна была быть зафиксирована точка пересечения основных осей всего общественного пространства. Эта точка намекала на строчку из неофициального гимна города: «Любимый Иркутск – середина земли». Здесь предлагалось установить плоскостное бронзовое изображение на земле розы ветров с указателем сторон света, табличками с указанием расстояний от центра земли до периферийных городов (Парижа, Берлина, Лондона, Стамбула и Пекина). Каждый иркутянин или приезжий обязательно должен был подойти к этому символическому обозначению «середины земли» и загадать желание, которое непременно исполнится. Только посетив это место и встав на этот «пуп земли», гость Иркутска может сказать, что он был в столице Восточной Сибири.

Фантазия авторов проекта насыщала площадь «пространственными ограничителями», формирующими место для праздничных событий. Здесь должны были возникнуть пространственные конструкции, из которых монтируется сцена; вертикальная ажурная конструкция, акцентирующая центральный вход в торговый центр, переключаясь по своему образу с «пирамидой-фонарем» наверху торгового центра и порталом входа в нижний ярус центра; сохраненная реликтовая роща и бассейн на нижней террасе (рис. 10) [7].

Заключение

Отстоять амфитеатр не удалось. Победила концепция выжимания максимального объема торговых площадей. Слово маркетологов оказалось определяющим, перевесило аргументы архитекторов. Образ сложного, многоуровневого и многофункционального пространства, предложенный в Согласительном проекте, был реализован в сильно урезанном виде. Но все-таки он был реализован.

Функция вместительности для массовых праздников теперь отошла к лестнице, ведущей от виадука над улицей Седова до главной площади на среднем ярусе торгового центра. Могла не состояться и лестница, но здесь усилия авторов увенчались успехом. Лестница, которую авторам удалось отвоевать от уничтожения новыми проектировщиками центрального объекта, и выполняет, насколько это возможно, роль несостоявшегося амфитеатра (рис. 1).

Времена меняются, и традиции, казалось бы, прочно забытые, возвращаются снова. Опыт эксплуатации центральной площади квартала совместно с лестницей с размещением на ней зрителей показал, что сторонники амфитеатра были правы. Каждое крупное мероприятие на площади несет дополнительную прибыль владельцам торгового центра «Модный квартал». Будь там амфитеатр, праздников, а следовательно, и прибыли (и налогов в бюджет!) было бы больше.

Вполне возможно, что мрачные пессимистические настроения эпохи перманентного кризиса когда-то отступят, и старинные массовые праздники солнечного календаря оживут, – может быть, под новыми именами. И снова понадобятся пространства для массовых гуляний: красивые променады и бульвары, широкие площади, полные творческой пустотой, как театральная сцена. Упрямые архитекторы продолжают работать над системой общественных пространств, ведущей к реке Ангаре (рис. 11), и рисуют площадь ниже будущего надземного перехода над улицей 3 Июля. С амфитеатром.

Литература

1. Гончаров, Ю. М. Общественные праздники в городах Сибири в конце XIX – начале XX в. // Известия АлтГУ. – 2013. – № 4 (80). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-prazdniki-v-gorodah-sibiri-v-kontse-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 20.02.2020)
2. Некрылова, А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. 2-е изд., доп. – Ленинград : Искусство, 1988. – 215 с.
3. Гаврилова, Н. И. Динамика праздничного досуга горожан Иркутской губернии второй половины XIX в.: традиционные народные календарные праздники // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2015. – Том 13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-prazdnichnogo-dosuga-gorozhan-irkutskoy-gubernii-vtoroy-pолоviny-xix-v-traditsionnye-narodnye-kalendarnye-prazdniki> (дата обращения: 20.02.2020)
4. Лидин, К. Перипатетический променад по спорному кварталу: Анализ горожанства одного иркутского квартала // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 134–137
5. Григорьева, Е., Меерович, М., Муллаярлов, С. Регенерация исторического квартала в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова в Иркутске // Проект Байкал. – 2010. – № 23. – (2010). – С. 41–51

< Рис. 10. Согласительный вариант МУПП. Вид с ул. 3-го Июля

6. Григорьева, Е. Антология проектов Марка Мееровича // Проект Байкал. – 2019. – № 60. – С. 28–37

7. Григорьева, Е., Меерович, М. Продолжающаяся жизнь деревянного города. Иркутск Идеология комплексной регенерации квартала № 130 исторической деревянной застройки (ул. 3-го Июля, Седова, Кожова) // Проект Байкал. – 2009. – № 22. – С. 90–94

References

Gavrilova, N. I. (2015). Dynamics of town dwellers' leisure activities in Irkutsk Governorate in the second half of the XIXth century: Traditional public official holidays. In *Izvestiya Irkut. gos. un-ta. Seriya: Istoriya* (Vol. 13, pp. 55-65). Retrieved February 20, 2020 from <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-prazdnichnogo-dosuga-gorozhan-irkutskoy-gubernii-vtoroy-poloviny-xix-v-traditsionnye-narodnye-kalendarnye-prazdniki>

Goncharov, Yu. M. (2013). Public celebrations in Siberian cities at the end of the XIX – beginning of the XX centuries. *Izvestiya AltGU*, 4 (80). Retrieved February 20, 2020 from <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-prazdniki-v-gorodakh-sibiri-v-kontse-xix-nachale-xx-v>

Grigoryeva, E. (2019). Anthology of Mark Meerovich's Projects. *Project Baikal*, 16(60), 28-37. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1470>

Grigoryeva, E., & Meerovich, M. (2009). (2009). *Prodolzhayushchayasya zhizn' derevyannogo goroda. Irkutsk. Ideologiya kompleksnoi regeneratsii kvartala № 130 istoricheskoi derevyannoi zastroiki (ul. 3-go Iyulya, Sedova, Kozhova)* [The continuing life of the wooden city. Irkutsk. Ideology of a complex regeneration of the Quarter 130 with historical wooden housing (the 3rd of July St., Sedova St. and Kozhova St.)]. *Project Baikal*, 6(22), 90-94.

Grigoryeva, E., Meerovich, M., & Mullayarov, S. (2010). *Regeneratsiya istoricheskogo kvartala v granitsakh ulits 3-go Iyulya, Sedova, Kozhova v Irkutске* [Regeneration of the historic quarter within the 3rd of July St., Sedova St. and Kozhova St. in Irkutsk]. *Project Baikal*, 7(23), 41-51. doi: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.23>

Lidin, K. (2015). A Peripatetic Promenade Around a Debatable Quarter: Analysis of Urbanism in Irkutsk's Quarter. *Project Baikal*, 12(45), 134-137. doi:10.7480/projectbaikal.45.897

Nekrylova, A. F. (1988). *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha: Konets XVIII – nachalo XX veka* [Russian national holidays, entertainments and performances: Late XVIII – early XX centuries] (2nd edition). Leningrad: Iskusstvo.

^ Рис 11. Концепция окрестностей 130-го квартала. Проектирование АНО Востоксибакадцентр РААСН, 2018–2019. Архитекторы Елена Григорьева, Дарья Кремлева

Организация праздничных мероприятий в городском пространстве может рассматриваться как один из методов сохранения и укрепления городской идентичности жителей, препятствующих разрушению ценной историко-архитектурной среды. На примере района Ойсере Нойштадт (Дрезден) рассматривается организация праздника городского квартала, проведение которого инициировано жителями и позволило не только предотвратить снос ценных исторических зданий, но сохранить целостную аутентичную историко-архитектурную среду.

Ключевые слова: праздничный фестиваль; «Пестрая Республика Нойштадт» (Bunte Republik Neustadt); архитектурная историко-культурная среда; пассаж художественных дворов (Kunsthofpassage); Ойсере Нойштадт (Äußere Neustadt). /

Organization of celebrations in the urban space can be considered as one of the methods of preservation and strengthening of urban identity used by residents to prevent destruction of the valuable historico-architectural environment. The case study of Äußere Neustadt is used to consider organization of a celebration in an urban neighborhood initiated by local people, which made it possible not only to prevent demolition of valuable historic buildings, but also to preserve a genuine historico-architectural environment.

Keywords: festival; Colourful Republic of Neustadt (Bunte Republik Neustadt); architectural Historico-Cultural Environment; Art Courtyard Passage (Kunsthofpassage); Äußere Neustadt.

«Пестрая Республика Нойштадт»: укрепление городской идентичности как средство сохранения историко-культурной среды /

ТЕКСТ
Анастасия Малько/
text
Anastasia Malko

Район Ойсере Нойштадт

Район Ойсере Нойштадт, построенный в XIX веке в эпоху грюндерства¹, расположен в северной части города Дрездена. Основная функция района – жилая, район характеризуется блокированной застройкой с закрытыми внутренними дворами (рис. 1, 2). Площадь района Ойсере Нойштадта – 115 гектаров, население составляет около 18 тысяч человек [1, с. 37].

Район сохранил историческую целостность и единство городского ансамбля, практически не пострадал во время Второй мировой войны, благодаря чему была сохранена исторически сложившаяся планировочная структура района. Кроме того, он не подвергался реконструкции в период существования Германской Демократической Республики (ГДР), когда сохранение уцелевших исторических зданий было затруднено в рамках директивных методов управления градостроительной деятельностью и государственной собственности, а финансовая поддержка нормального эксплуатационного состояния этих зданий не были приоритетными. В 1960-1980-х годах в Дрездене строились крупные жилые комплексы массовой панельной застройки, что приводило к разрушению исторической ткани этих районов.

Однако район Ойсере Нойштадт в этот период не подвергся реновации и находился в состоянии стагнации, что сохранило аутентичную историческую ткань района [2, с. 38-41]. Власти были готовы «отказаться» от района Ойсере Нойштадт, не имея финансовой возможности ни для реставрации, ни для нового строительства. Несмотря на имеющийся новый План застройки района (Bebauungsplan), из-за нехватки финансовых средств реализация была проведена лишь частично, только на площади Альбертплац (Albertplatz) (рис. 3). Согласно этому плану несколько улиц должны были быть полностью заменены панельной застройкой, а многие внутренние дворы очищены. При этом предполагалось значительное расширение центральных улиц Алаунштрассе (Alaunstraße) и Герлитцер-/Ротенбургерштрассе (Görlitzer-Rotenburgerstraße) с преобразованием их в мощные транспортные магистрали. В результате могла произойти полная утрата исторически значимых градостроительных и архитектурных особенностей

района. В конце 1980-х годов району Ойсере Нойштадт угрожал неминуемый снос, который был предотвращен благодаря гражданским протестам [2, с. 52, 3].

Сегодня район представляет собой градостроительно-исторической средой, характерной для германских городов периода грюндерства. Исторически сложилось, что основной состав жителей – студенческая молодежь и люди свободных профессий, люди, занятые народными промыслами, художники и др. В результате сформировалась разнородная культурная среда. Именно это делает квартал уникальным, многофункциональным: ателье, мастерские, магазины с изделиями ручной работы и т. п. Одной из характерных черт, подчеркивающих сформировавшийся «творческий Дух места» данного района, можно назвать красочное оформление фасадов проживающими в нем художниками (рис. 4).

Особенностью района Ойсере Нойштадт является пассаж художественных дворов (Kunsthofpassage). Он образован соединением пяти разных внутренних дворов, позволяющим объединить две противоположные улицы: Алаунштрассе (Alaunstraße), 70 и Герлитцер Штрассе (Görlitzer Straße), 23-25. Проект выполнен по планам группы дрезденских архитекторов: Мюллер-Мюллер (MüllerMüller), Кнерер и Ланг (Knerer&Lang), Хайке Беттхер (Heike Böttcher) и Мейер Бассен (Meyer Bassin) и был полностью завершен в 2001 г. Инициатором проекта выступил собственник и управляющий компании Ginkgo Projektentwicklung GmbH Танкред Ленц (Tankred Lenz). В 1997 г. исторические здания, имеющие охраненный статус, должны были быть отреставрированы. В ходе проекта возник вопрос: что делать с внутренними дворами (Innenhoffen)? Для развития и расширения функции пространства возникла идея комбинации жилой, коммерческой и общественной функций. Для этого была проведена реорганизация жилой застройки и создание непрерывной системы общественных пространств с художественным оформлением фасадов. В результате возникло 80 кондоминиумов и 20 коммерческих зон, предоставленным ателье, мастерским, студиям и магазинам для изделий ручной работы, а также детская площадка и зеленая зона. Дизайн каждого двора выполнен по мо-

¹ Рис. 1. Район Ойсере Нойштадт, 1932. Фото Вальтер Хан (Walter Hahn), SLUB/ Deutsche Fotothek

v Рис. 4. Ойсере Нойштадт. Художественное оформление фасадов на улицах Алаунштрассе, Катариненштрассе (Katharinenstraße), Герлицер Штрассе (Görlitzer Straße), 2011. Фото Анастасия Малько

"Bunte Republik Neustadt": Strengthening Urban Identity as Means of Preservation of Historico-Cultural Environment

тивам определенной темы: «животные», «мифические существа», «метаморфозы», «элементы» и свет» (рис. 5). Владелец был вдохновлен идеями испанского архитектора Антонио Гауди и австрийского архитектора Фриденсрайха Хундертвассера и хотел привнести что-то оригинальное и неповторимое в застройку района Ойсере Нойштадт [4]. Реализация проекта осуществлялась на протяжении примерно пяти лет с 1997 по 2002 г.

«Двор животных» (Hof der Tiere). В дизайне фасадов использованы образы тропических животных, жирафов и обезьян. Во дворе организовано пространство отдыха для детей с фонтаном по проекту каменщиков Маркуса Санднера (Markus Sandner) и Оливера Матца (Oliver Matz) и летнее кафе для взрослых. Двор выполнен из природного материала – песчаника, характерного для региона, что позволяет ему хорошо вписаться в исторический контекст. Для балконов использован природный материал – ивовые прутья.

«Двор метаморфоз» (Hof der Metamorphosen). Разработан Арендом Цвикером (Arend Zwicker) и контрастирует с оживленным двором животных. Для декорации фасада использованы 15-метровые щиты с изогнутой поверхностью и встроенными стекловолоконными жгутами. Вечером они освещаются скрытыми проекторами. При перемещении в пространстве двора изменяется его восприятие.

«Двор элементов» (Hof der Elementen). Это творчество трех художников: Аннете Пауль (Annette Paul), Кристофа Роснера (Christoph Roßner) и Андре Темпеля (André Tempel), вдохновленных архитектурой Санкт-Петербурга, в которых яркими элементами внешнего вида выступали водосточные трубы. Во время дождя во дворе звучит «музыка фасада».

«Двор света» (Hof des Lichtes). Он является центром пассажа с несколькими проекционными поверхностями, обеспечивает мультимедийные представления, инсталляции и кинопроекции. Во дворе установлены металлические зеркала, которые в солнечную погоду создают различные цветные отражения в зависимости от положения солнца.

«Двор мифических существ» (Hof der Fabelwesen). Выполнен по проекту художницы Виолы Шёне (Viola

Schöpe), главная идея которой заключалась в создании пространства трансформации за счет мифологических фигур [5].

У каждого двора есть свои функции: жилая, торговая, ателье ручной работы, галереи искусства; кроме этого, в пассаже круглый год проводятся небольшие театральные выступления, выставки, ярмарки и многое другое. Таким образом, пассаж художественных дворов представляет собой своеобразное пространство праздника, действующее круглый год [2, с. 63].

Кроме небольших праздничных мероприятий, проводимых в пассаже художественных дворов, в Ойсере Нойштадт сформировалась устоявшаяся система традиционных праздничных фестивалей, проводимых на протяжении многих лет: рождественские рынки, Международный летний фестиваль театра, развлечений и музыки «Шaubудензommer» (Schaubudensommer) и праздник района «Пестрая Республика Нойштадт» (нем. Bunte Republik Neustadt, сокращ. BRN). Фестиваль «Пестрая Республика Нойштадт» вызывает особый интерес у туристов

^ Рис. 2. Район Ойсере Нойштадт 2017. Фото Петер Хашенц (Peter Haschenz)

v Рис. 3. Район Ойсере Нойштадт. Модель плана реконструкции района в ГДР, 1988. Архив Отдела генерального планирования города Дрездена

^ Рис. 6. Главная улица района Алаунштрассе в обыденное время и во время праздника, 2014

v Рис. 5. Район Ойсере Нойштадт. Пассаж художественных дворов, 2017. Фото Анастасия Малько

и гостей города. Он уже стал достопримечательностью всего города Дрездена и известен далеко за его пределами. По мнению автора, фестиваль отражает городскую идентичность района и таким образом привносит свой вклад в сохранение аутентичной исторической среды.

Праздничный фестиваль «Bunte Republik Neustadt» (BRN)

После многочисленных протестов против сноса исторической застройки в конце 1980-х гг. как одно из следующих действий в июне 1990 г. была организована так называемая «Пестрая Республика Нойштадт», просуществовавшая до 1993 г. Она представляла собой «игровое микрорайон-государство» (имела свой паспорт, герб и флаг и являлась своеобразной длительной акцией протеста против угрозы разрушения исторической среды и выселения жителей района [2, с. 66]. За основу флага Пестрой Республики Нойштадт был принят флаг ГДР, содержащий в центре герб ГДР, однако в герб ГДР на флаге был вписан (пришит) Микки-Маус. Микки-Маус на флаге символизировал западный мир и ожидаемое воссоединение с Западной Германией [6].

Игровой микрорайон-государство представлял собой координирующий центр для проведения системы различных протестных акций против разрушения старинной застройки и изгнания жителей.

Район по уровню комфортности жилья значительно уступал другим районам города; стоимость аренды в этом районе была значительно меньше, поэтому основную категорию жителей района составляла студенческая молодежь и люди свободных профессий с низким доходом. Угроза сноса для них означала полную потерю жилья и малую возможность приобретения какого-либо другого. Это явилось основой особой социальной активности в проведении множества протестных акций, которые в итоге привели к созданию BRN. Акции не могли остаться незамеченными администрацией города. Снос исторической среды был прекращен, а район Ойсере Нойштадт объявлен районом бережной регенерации с последующим проведением мер по комплексному восстановлению и реставрации исторической застройки [7].

В 1993 году правительство самораспустилось, но с этого момента ежегодно в третий выходной день июня в районе Ойсере Нойштадт проводится фестиваль «Пестрая Республика Нойштадт». Событие из протестной акции переросло в важный фестиваль соседства, искусства и культуры [2, с. 67]. В эти дни весь район закрыт для транспорта, а жители, торговцы и деятели народных ремесел организуют на улицах мастер-классы по на-

родным ремеслам, гастрономические, художественные или культурные мероприятия. Фестиваль подчеркивает уникальность района и объединяет жителей квартала, жителей Дрездена, а также гостей города (рис. 6). В 2010 г. был создан «Музей Пестрой Республики Нойштадт». В музее проводятся фотовыставки и фиксируется история фестиваля [8].

Прошедшие протестные акции, трансформированные в систему праздничных мероприятий, являются свидетельствами глубокой укорененной территориальной (городской) идентичности жителей микрорайона Ойсере Нойштадт, которая воспрепятствовала разрушению архитектурной историко-культурной среды. Можно отметить, что администрация города Дрездена не пошла по пути запрета, а инициировала преобразование протестной акции в районный праздничный фестиваль, послуживший одним из средств развития общественного пространства и сохранения городской идентичности жителей микрорайона.

В рамках фестиваля происходит трансформация обычного городского пространства в праздничное. Трансформацию осуществляют сами горожане. Пространство улицы без транспорта значительно «расширяется», появляются различные уровни его использования. Тротуар становится местом отдыха, проезжая часть – бульваром: все пространство становится пешеходным.

Каждый, живущий в Нойштадте, может выйти на улицу и открыть свою «творческую мастерскую». Праздничной традицией является совместный завтрак в субботу утром, когда жители района выносят свои столы и стулья, чтобы завтракать всем вместе, «всей улицей».

Кроме того, на фестивале можно увидеть традиционные блюда народов разных культур, к которым принадлежат горожане, оказавшиеся, по воле судьбы, в Дрездене; в том числе традиционно представлены русские деликатесы: блины и борщ.

Мероприятия охватывают все возрастные категории. Для детей действует большое количество самодельных аттракционов: «качели-диваны», водные аттракционы, «бег на черепахах» и другие. Большое количество музыкальных групп дают уличные концерты для молодежи.

Празднование проходит в свободной форме народных гуляний, улица города превращается в своего рода «гостиную». Праздник везде, праздник во всем, буйство красок и массовое творчество.

Организация фестиваля

Администрация города осуществляет общую координацию, формирует программу праздника по мере подачи заявок. Программа формируется с февраля по март. При подаче заявки вносится взнос за участие. Заявка должна соответствовать юридическим требованиям использования общественного пространства (нем. *Sondernutzungen der öffentlichen Straßen in Dresden (Sondernutzungssatzung)* [9] и правилам проведения фестиваля. Приоритет отдается заявкам, которые предполагают активное участие горожан. Администрация обеспечивает охрану общественного порядка и устанавливает особый регламент движения транспорта с учетом проведения праздничных мероприятий [10]. Чтобы сохранить функциональный баланс района, для проведения праздничных мероприятий отводятся определенные общественные пространства, а также имеются «зоны спокойствия» в которые можно выйти из праздничного пространства и отдохнуть (рис. 7).

С 2000 г. ведется постоянное улучшение правил проведения фестиваля. В настоящее время находится на рассмотрении регламент о правилах его проведения [11].

Можно отметить прогрессирующую динамику увеличения количества участников. Если в 1990 г. (первый год

^ Рис. 8. «Пестрая Республика Нойштадт». Атракционы для детей, «качели-диваны», карусель, 2006; 2007. Фото Катя Фридрих

проведения праздника) количество участников составило примерно 500 человек [12], то уже в 2014 достигло 100000 человек [13]. Как отмечает служба администрации города, фестиваль все больше из народного праздника превращается в коммерческое мероприятие [14]. Разрабатываемый регламент направлен на сохранение праздника именно как праздника горожан района Ойсере Нойштадт. Вводятся ограничения на коммерческие мероприятия и обеспечиваются преференции для горожан – жителей микрорайона. В частности, это зоны бесплатного использования для детских аттракционов,

v Рис. 7. Расположение мероприятий, 2016. План. Архив официального сайта «Пестрой Республики Нойштадт». – URL: www.BRN-Dresden.de; обработка А. Малько

Lageplan zu den Möglichkeiten der Inanspruchnahme öffentlichen Verkehrsraumes auf entsprechenden Antrag zum Stadtfest Bunte Republik Neustadt 2016 (BRN 2016) vom 17. bis zum 19. Juni 2016

^ Рис. 9. «Пестрая Республика Нойштадт». «Улица гостиная», 2015. Фото Анастасия Малько

художественных выставок, предоставление территорий под спонтанные бесплатные стенды без предварительной регистрации. Регламент призван сохранять, укреплять и развивать праздничную культуру фестиваля и обеспечить поддержку в первую очередь творческим ассоциациям и жителям района [11].

В 2017 году был организован постоянно действующий главный координирующий центр фестиваля, которое называется «Бюро Пестрой Республики Нойштадт». Бюро занимается не только вопросами подготовки фестиваля, но и рефлектирует социальное состояние в квартале, создавая своеобразный мост между жителями и администрацией города. Его цель – активировать как можно больше социальных сил для решения проблем и вопросов района Ойсере Нойштадт [14].

Праздничный фестиваль «Пестрая Республика Нойштадт» стал неотъемлемой частью культуры района, фактически превратился в нематериальное культурное наследие, способствующее сохранению городской идентичности, которая, в свою очередь, способствует сохранению историко-архитектурной среды.

Выводы

Укорененная городская идентичность жителей – фактор, препятствующий разрушению и утратам архитектурных историко-культурных объектов. Формирование и укрепление городской идентичности должно рассматриваться как направление работы для сохранения архитектурных объектов историко-культурного наследия. Для укрепления самосознания и идентичности могут быть использованы кратковременные праздничные мероприятия.

В городе Дрезден группой активных граждан для сохранения ценных архитектурных историко-культурных объектов была проведена длительная общественная акция защиты в форме «игрового микрорайона-государства» «Пестрая Республика Нойштадт». Администрация города, проанализировав ситуацию, пошла не по пути воспрепятствования и запрета этой общественной акции, а структурирования ее в систему праздничных мероприятий – фестиваль «Пестрая Республика Нойштадт», который превратился, фактически, в нематериальное историко-культурное наследие.

Литература / References

1. Landeshauptstadt Dresden, Kommunale Statistikstelle (2017). Statistische Mitteilungen. Stadtteilkataloge
2. Giesecke, U. (2007). Die Äußere Neustadt – Aus der Geschichte eines Dresdner Stadtteils. Dresden: Sandstein Verlag
3. Stiftung Äußere Neustadt Dresden: <https://www.stiftung-dresden-neustadt.de/> Date accessed: 25. jan. 2015
4. Schröder, M. (2019). Die schönste Passage der Welt wird gefeiert. Was macht die Neustädter Kunstthofe nach wie vor einem der beliebtesten Orte in Dresden? Sächsische Zeitung
5. Kunstthofpassage: <https://kunstthof-dresden.de/> Date accessed: 04. Feb. 2020
6. Interview mit der Leiterin des Museums Bunte Republik Neustadt Ursula Wacker, Stadtteilarchiv 04. Februar 2020
7. Erhaltungssatzung der Landeshauptstadt Dresden nach § 172 Absatz 1 Nr. 1 des Baugesetzbuches für die Dresdner Äußere Neustadt vom 24. März 1994, ergänzt und geändert durch Beschluss des Stadtrates vom 12. Januar 1995
8. Stadtteilhaus Dresden-Äußere NeustadtBRN-Museum. Available at: <https://www.stadtteilhaus.de/brn-museum.html> Date accessed: 25. Jan. 2015
9. Landeshauptstadt Dresden. Satzung der Landeshauptstadt Dresden über Erlaubnisse und Gebühren für Sondernutzungen der öffentlichen Straßen in Dresden (Sondernutzungssatzung) Vom 6. Oktober 2005
10. Landeshauptstadt Dresden. Stadtteilstiftung Bunte Republik Neustadt 2020 Available at: <https://www.dresden.de/de/rathaus/aktuelles/brn.php> Date accessed: 25. Jan. 2020
11. Zenker, L. (2019). Neue Ideen für BRN. Available at: <https://www.neustadt-ticker.de/143467/aktuell/neue-ideen-fuer-die-brn> Date accessed: 25. Jan. 2020
12. Bunte Republik Neustadt Dresden (BRN-Dresden). Available at: <http://www.brn-dresden.de/index.html> Date accessed: 25. Jan. 2015
13. Riepl W. (2014). Bunte Republik Neustadt einige Zahlen. Available at : <https://statistik-dresden.de/archives/11061> Date accessed: 25. Jan. 2020
14. Landeshauptstadt Dresden. Die Neustadtkümmern Available at: <https://www.dresden.de/de/rathaus/stadtbezirksaemter/neustadt/neustadtkuemmerin.php> Date accessed: 25. Jan. 2020

*Когда могущая Зима
Как грозный вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, –
Навстречу ей трещат камни
И весел зимний жар пиров*

А.С. Пушкин, Пир во время чумы

Для жителей высоких широт ЗИМА чаще всего выступает в качестве опасной и враждебной сущности. Снег, мороз и короткий световой день действительно выглядят как тяжелая помеха для красивой и легкой жизни. Не зря же три четверти человечества проживает в тропиках. Однако более глубокий взгляд на феномен зимы и зимнего города убеждает: зима может принести немало возможностей и преимуществ. Для России эта тема особенно важна, без преувеличения, стратегически. И не только потому, что Генерал Мороз не раз выручал страну в годы военной угрозы.

Иркутяне озадачились вопросом, какие выгоды можно извлечь из ЗИМЫ. На площадке ИРНТУ в феврале состоялась конференция «Привлекательность и экономика зимнего города». Ректор Технического университета Михаил Корняков и модератор конференции Сергей Маяренко предложили участникам включиться в поиски способов жизни «в гармонии с зимой». Мы открываем эту тему на страницах журнала и начинаем аккумулировать конкретные примеры того, как наличие «зимних факторов» привносит специфику в образ жизни людей, в развитие городов, в архитектуру и общественные пространства, и собирать идеи и технологии по обустройству городов в суровых климатических условиях.

*When great and mighty winter stirs
And, like a chieftain wrapped in furs,
Upon us sends its shaggy soldiers
Of biting frost and stinging snow
It's met with fire's crackling smolder,
And wintry warmth of feasts aglow.*

A. S. Pushkin, A Feast in Time of Plague.
Translated by M. E. Yankelevich

Traditionally, WINTER seems dangerous and hostile to people who live at high latitudes. Indeed, snow, frost and little daylight seem to be a heavy obstacle for a beautiful and easy life. Not for nothing do three-fourth of the humankind live in the tropics.

However, a deeper insight into the phenomenon of winter and winter cities makes us believe that winter can bring a lot of opportunities and advantages. This issue is particularly important for Russia, even strategically important. Not only because General Frost often helped the country in times of military danger.

Irkutsk citizens decided to find out what benefits they can get from WINTER. The Irkutsk National Research Technical University hosted a conference devoted to "Attractiveness and Economy of a Winter City". The rector of the Technical University, Mikhail Korniyakov and the moderator of the conference, Sergey Mayarenkov invited the participants to search for the ways of life "in harmony with winter". We are launching this theme on the pages of our journal to begin to accumulate concrete examples of how the presence of "winter factors" brings specific features to the people's way of life, to the development of cities, to architecture and public spaces; and to collect ideas and technologies for the improvement of cities in severe climate conditions.

зимний город / winter city

ЕГ

Elena Grigoryeva

Рассматривается потенциал территорий, находящихся в холодном климатическом поясе. Формулируются проблемы, способные стать «точкой роста» для таких территорий, направление исследований теоретической подготовки для осуществления практических мероприятий. Подчеркивается инвестиционная привлекательность «зимних» городов, в частности Иркутска. Ключевые слова: Иркутск; проект «Зимний город»; «летний» город; экономический рост; климатические ресурсы; стратегические инициативы. /

The article considers the potential of the territories located in a cold climate zone. The author outlines the issues that can become a “growing point” for such territories, as well as the direction of theoretical studies for implementation of practical measures. The investment attractiveness of “winter” cities and Irkutsk in particular is highlighted.

Keywords: Irkutsk; project “Winter City”; “summer” city; economic growth; climate resources; strategic initiatives.

Зима как источник экономического роста /

текст
Сергей Маяренко /
text
Sergey Mayarenkov

Написанию этого текста предшествовали несколько серий мероприятий и проектов 2019 г.: стратегическая игра в Бекасово по программе Школы культурной политики П. Г. Щедровицкого, разработка концепции пространственного развития ИРННТУ, реализация проекта «Иркутские кварталы», работа над различными городскими проектами в Сибирской лаборатории урбанистики, серия мероприятий по разработке инновационно-образовательных экосистем, организованных П. Лукшей и Агентством стратегических инициатив, открытие трека «Зимний город» в Точке кипения ИРННТУ, участие в Зимнем острове. Впервые идея была представлена на Острове 10–22 и вызвала интерес экспертов и Д. Пескова, после чего мы взялись за более глубокую ее проработку. Осенью 2019 г. мной был представлен развернутый доклад работы группы «Зимний город» на стратегической сессии по развитию ИРННТУ, в котором я попытался обобщить работу большого коллектива участников и собственные разработки. В настоящее время работа требует доказательств и доработки сформированных тезисов и идей. Представляется, что она может вызвать интерес и обсуждение даже в таком предварительном состоянии в силу необходимости осуществлять работу незамедлительно и совместно. Это может стать началом формирования большой научно-исследовательской и практической повестки, новым прочтением многих нереализованных идей и обменом опытом.

Слова «зима», «мороз» наводят страх, особенно на иностранцев. Человек приспособился к жизни в холодном климате очень давно, однако достаточно массовое заселение этих территорий планеты происходит последние несколько сот лет и связано с развитием технологий. Наибольшая плотность приходится на комфортные и теплые климатические зоны. Ближайшие достаточно свободные территории, на которых возможно комфортное проживание – зоны со среднегодовой температурой, близкой к 0°C. Они частично расположены в границах умеренно-континентального, континентального и южных районах зоны резко континентального климата, к которой относится Иркутск, южное побережье Байкала. Это не Арктика; отличительной особенностью этих территорий является наличие ярко выраженных четырех сезонов с достаточно комфортной зимой без экстремально

низких температур; обилие солнечных дней, вызывающих интерес довольно многочисленных групп людей из южных стран, что подтверждается растущим туристическим потоком в зимний период.

Многолетний опыт работы с российскими городами говорит о том, что российские города, расположенные в зоне умеренного климата – это «летние» города, незначительно адаптированные к зимним условиям: дома теплые, но улицы, общественные пространства и логистика достаточно дискомфортны и небезопасны. Мороз представляет серьезную опасность для жителей таких городов: жители и компании «ведут борьбу» с зимой, и технологии преодоления зимних проблем находятся только на начальной стадии развития. Для освоения и развития территорий зима создает значительные трудности; многие отрасли экономики «падают в спячку»: массовое строительство зданий, дорожное строительство, благоустройство. Проекты подвержены «зимнему удорожанию»: аккумуляторы разряжаются и отключаются на морозе, техника выходит из строя, гололед, перепады температур разрушают инженерные объекты и т. п. Города и экономика «зимних городов» проигрывают конкуренцию «летним».

Таким образом, возникает ряд вопросов. Возможно ли сделать зиму источником экономического роста и «приручить» ее; есть ли в холодном климате экономические выгоды?

Какой смысл людям жить в таких холодных условиях, если исключить цель освоения сырьевых ресурсов?

Возможно ли сделать жизнь в холодных климатических зонах комфортной и безопасной?

Возможно ли создать конкурентоспособные по сравнению с южными территориями условия для жизни и работы? Какие виды экономической деятельности на этих территориях к этому располагают?

Возможно ли создать достаточную для развития плотность жизнедеятельности и коммуникации людей?

Возможно ли полноценно осуществлять экономическую деятельность круглогодично, сохраняя темпы летнего периода и не неся чрезмерных расходов на «зимнее удорожание»?

Могут ли зима и трансформация зимних городов создать спрос на инновации?

Winter as a Source of Economic Growth

Однако можно рассмотреть зиму как источник для экономического роста и возможность для развития экономики зимних городов. Зима «производит» неограниченный объем снега и льда, этих «одеял природы», что с древних времен было строительным материалом северных народов. Охлаждение и заморозка способствуют удешевлению некоторых химических реакций, снижаются затраты на охлаждение в центрах обработки данных – это естественный и бесплатный холодильник. Производство холода дороже производства тепла, затраты на кондиционирование помещений в Дубае не меньше затрат на отопление в зимних городах. Да и «Генерал Мороз» исторически был помощником.

Поставленные вопросы и экономические возможности зимы создают условия, вызов для предпринимателей, изобретателей и инженеров. Необходимо разработать технологии и создать стратегию исследований для решения этих задач и поиска конкурентоспособных видов экономической деятельности в эпоху новой промышленной революции. Иркутский политехнический университет (ИРНИТУ) мог бы стать центром знаний о «зимних городах» и освоении территорий с умеренным климатом, изучения и накопления лучших «зимних технологий»: испытательные полигоны и лаборатории, форматы международного и междисциплинарного взаимодействия. Университет может находиться в кооперации с мировыми институтами в этих областях знаний, занять свою нишу в мировой системе разделения труда.

В настоящее время практически отсутствуют индустрии, способные обеспечить превращение российских городов, находящихся в холодных климатических зонах, в комфортные и экономически эффективные «зимние города»; их необходимо создать. Необходимо пересмотреть традиционные градостроительные подходы и архитектуру зимних городов. Например, в летних городах во время проливного дождя можно километрами передвигаться по городу и не намочить; эти решения отражены в градостроительной политике: здания и улицы составляют единую систему. Подобные решения могут быть применимы и по отношению к холоду. Есть примеры: в советское время были реализованы проекты районов, связанных единым крытым пешеходным коридором. В летних городах дождевая вода включена в хозяйственный оборот, а мы

до сих пор вывозим снег за пределы города, расходуя только на это миллиарды рублей ежегодно вместо того, чтобы извлекать из этого экономическую выгоду. Зимние города должны быть более компактными, плотными, тогда появляется возможность сделать их более экономически эффективными. Необходимо создать комфортные зимние общественные пространства и трансформируемые в зимнее время, ремонтпригодные улицы, дать возможность жителям зимних городов находиться на открытом воздухе, в тоже время быть защищенными от холода и ветра, создать зимнюю альтернативу электросамоката. Экология города в зимний период сильно отличается от лета из-за находящейся в зимнем покое растительности.

Иркутск по нескольким причинам – идеальный город, в котором можно реализовать эту концепцию, провести трансформацию летнего города в зимний. Увеличивается туристический спрос на зиму, следовательно, расходы, связанные с реализацией проекта «Зимний город» можно разделить с миром, так как этот проект имеет инвестиционный и экспортный потенциал. Зимний город – это экспортный российский продукт. Большое количество солнечных дней, наличие Байкала и байкальский лед, зимняя тайга и разнообразие ландшафта создают конкурентное преимущество для Иркутска. Наконец, сегодня в Иркутске сложилась уникальная ситуация, получен успешный опыт реализации крупных проектов регенерации центра города и наличие крупных незастроенных земельных участков в самом центре города, в том числе на территории «Иркутских кварталов».

Зимние города и четыре ярко выраженных сезона – это другое, более разнообразное качество жизни. Снег дает возможность для большого количества видов спорта и развлечений, чего нет в южных городах. В северных городах Китая так говорят о зиме: «Зима – это подарок Бога». Люди могут выбирать для себя разный формат жизни, на свой вкус. Зимние города найдут своего ценителя и свои таланты. Рынок трансформации традиционных технологий и городов к зимним условиям – это «голубой океан» для талантливых российских создателей технологических стартапов, которые будут иметь возможность выхода на глобальные рынки, используя естественные преимущества территории и которым будет экономически целесообразно, комфортно жить и работать в зимних городах.

Автор рассуждает о проблематике зимнего города, рассматривая аспекты инженерной и транспортной инфраструктуры и поднимая вопросы создания и эксплуатации закрытых общественных пространств.

Ключевые слова: зима; общественный транспорт; закрытые общественные пространства; альтернативная энергетика. /

The author considers the problems of a winter city, touching upon the aspects of engineering and transport infrastructure and bringing up the issues of formation and maintenance of closed public spaces. Keywords: winter; public transport; closed public spaces; alternative energetics.

Зимний город / A Winter City

текст
Алексей Козьмин /
text
Alexei Kozmin

В 2014 году в журнале «Эксперт – Сибирь» вышла моя небольшая статья, в которой поднимались вопросы, связанные с жизнью в сибирских городах, в зимних городах. С тех пор прошло уже шесть лет, поэтому можно сделать новый обзор. Давайте посмотрим, что произошло за это время. Изменилась ли ситуация в зимних городах России?

Проблемы зимнего города связаны в первую очередь с удобством проживания в сибирских городах, поскольку суровый климат и не слишком комфортные условия жизни часто являются главными причинами переезда из северных городов и Сибири. И если мы ставим вопрос о повышении комфортности и привлекательности сибирских городов, то мы должны решать эти проблемы.

Рассмотрим, о чем говорилось в той статье и что изменилось с того времени.

1. Инженерные системы городов

Как известно, все сибирские города имеют централизованные системы тепло- и водоснабжения. Зимой эти системы работают на весь город, а летом их готовят к зиме. Это не изменилось со времен СССР. Мы по-прежнему поддерживаем жизнеобеспечение крупными централизованными системами, тратя на них колоссальное количество ресурсов, занимаясь энергосбережением в основном уже в домах, да и то не всегда.

Здесь ситуация начала меняться к лучшему. Шесть лет назад я писал, что если хозяин ставит в квартире индивидуальные приборы учета тепла, занимаясь энергосбережением, то во многоквартирных домах он будет продолжать платить за теплоэнергию по количеству квадратных метров.

В 2018 году Конституционный суд РФ принял решение, что индивидуальные приборы учета тепловой энергии имеют приоритет и люди, которые их устанавливают, могут платить за теплоэнергию по факту потребления. Это очень важное решение, которое позволяет уменьшать энергопотребление и заставляет производителя-монополиста задумываться, как снизить затраты, чтобы быть более эффективным.

В то же время в сибирских городах необходимо тестировать применение локальных систем энергообеспечения

с использованием современных технологий, в том числе солнечных коллекторов, солнечных батарей, тепловых насосов. В некоторых районах Сибири количество солнечных дней даже в зимнее время достаточно велико.

Показателен пример Северного Китая, где солнечные коллекторы используют для производства тепловой энергии и горячей воды. К сожалению, в Сибири это не стало распространенной практикой. Пока мы останавливаемся на развитии централизованных сетей, во все новые районы города тянем трубы и затем вынуждены их обслуживать. Сети изнашиваются, происходят аварии... И тут уже встает вопрос безопасности и жизнеобеспечения города. Конечно, когда системы независимы, они более эффективны. Здесь есть простор для разработки и внедрения новых технологий жилищно-коммунального обеспечения зимнего города. В этом направлении могут работать наши инновационные компании, вузы и бизнес.

2. Комфортный общественный транспорт

Очень важный сектор для жизни сибирских городов и крайне слабо развитый в Сибири. За прошедшие шесть лет ничего не было сделано. Все те же самые маршрутки, холодные трамваи, чуть более теплые троллейбусы, запущенные остановки... Несмотря на отсутствие достаточного количества парковок и пробки, люди в условиях зимы выбирают личный транспорт, потому что никому не хочется стоять на холодной остановке, ждать долгое время автобус или троллейбус.

Приоритет общественного транспорта не подлежит сомнению, а значит, для развития этой сферы нужны какие-то прорывные технологии. Мы вкладываемся в развитие дорожной сети, но вложение в общественный транспорт по объему гораздо меньше и значительно эффективнее.

Сейчас, не имея достаточных средств, мы решаем вопросы развития улично-дорожной сети точно: делаем где-то двухуровневые развязки, расширяем дороги, тем самым смещая пробки в другое место. Развитие общественного транспорта решает эту проблему коренным образом: люди станут использовать общественный транспорт, если это будет комфортно, если он будет ходить с нужной частотой и если остановки будут теплые.

Пока, к сожалению, этот вопрос системно не решается. Здесь нужна политическая воля.

3. Комфортное передвижение по городу

Здесь имеется в виду передвижение пешком и на средствах индивидуальной мобильности: самокатах, велосипедах, скейтах, моноколесах и т. д. Понятно, что в условиях зимних городов эксплуатировать эти транспортные средства достаточно сложно. Но и передвигаться пешком часто тоже невозможно, потому что при планировке городов и в СССР, и сейчас в России пешеход не воспринимался как единица, для которой планируется город. Город всегда планируется под транспорт. Даже понятия «транспортный каркас», «транспортная схема» есть, а понятия каркаса пешеходных путей нет. И ни в одном генеральном плане его нет.

Многие города начинают об этом задумываться, но задумываются в общем, без привязки к сезонам. Передвижение по зимнему городу не должно быть постоянно связано с преодолением сугробов, разрывов, грязи, луж. По некоторым дорогам вообще пройти невозможно, потому что узкие тротуары завалены снегом. В России в первую очередь чистятся дороги, а тротуары – по остаточному принципу. А например, в Скандинавии сначала чистят велосипедные дорожки, на некоторых из них есть подогрев, потом тротуары, а уже потом автодороги. И это тоже специальная политика. Людям в итоге удобнее передвигаться на том транспорте, который более экологичен и выгоден.

4. Создание систем подземной урбанистики

Необходимо создавать пространства, где люди в зимний сезон смогут передвигаться и проводить время в комфортной среде. В центрах старых городов такие решения сложно внедрять по понятным причинам: там есть сети, есть историческая среда, но новые микрорайоны можно планировать так, чтобы были переходы между зданиями и общественными центрами, между жилыми комплексами и торговыми центрами. Теоретически можно даже запускать общественный транспорт внутрь комплексов, в нижние этажи, чтобы люди меньше времени проводили на холоде. Конечно, это будет связано с определенными затратами, но зато существенно повысит комфортность проживания.

В городах, где часто идут тропические ливни, например в Гонконге, сделаны крытые переходы между зданиями и обеспечивается проход насквозь между домами. Целый город на уровне второго-третьего этажа. Можно передвигаться, не спускаясь вниз, на дорогу. И если идет ливень, ты под него никогда не попадаешь. Подобную систему, но защищающую от снега, ветра и холода, можно планировать при строительстве новых районов зимних городов.

Там же можно создавать зимние общественные пространства, где люди смогут встречаться. Понятно, что есть уличная зимняя активность, когда можно пойти на каток, на горку и т. п., но все это уже не очень хорошо работает при -20 , потому что очень холодно, а в -30 уже совсем не работает. Для этого в зимних городах должны быть места, где можно провести время, и это не только торговые центры. Сейчас молодежь часто идет в торговые центры зимой и там проводит время, не покупая ничего, а просто встречаясь.

Такие общественные пространства, если мы говорим про подземную урбанистику, вполне могут создаваться. Они должны быть общественными в классическом смысле этого понятия, как говорил Вячеслав Глазычев, т. е. не должны никому принадлежать. Это городские общественные пространства. Это может быть общественный центр, куда люди могут прийти и просто там посидеть, например. Там могут быть элементы бизнеса: какая-то кофейня, магазинчик, но само пространство не должно принадлежать бизнесу, потому что иначе это уже превращается в выжимание денег из потребителя. А эти деньги есть не у всех.

Учитывая продолжительность зимы от полугодя и больше, а также актуальность проблемы сокращения населения в сибирских городах, считаю необходимым в программы городского развития и генеральные планы городов добавить раздел «Зимний город». Как город живет зимой? Как он развивается? Какие мероприятия направлены на повышение комфортности среды в зимний период? Какие есть общественные пространства для проведения времени зимой? Это все очень важно, потому что зимний город и летний город в Сибири – это два абсолютно разных города.

Рассматривается процесс натуральных исследований и проектирования в заполярных широтах Красноярского края. Анализируются современные проблемы условий проживания на Крайнем Севере, влияние комфортной среды обитания на обеспечение стабильности заселения и предотвращения оттока населения с северных территорий, привлечение и удержание молодых специалистов и молодежи в целом на Севере. Приводятся примеры проектных решений для создания современных условий жизнеобеспечения, результаты социологического анализа и соучастного проектирования населения, проживающего на Севере (Хатанга, Кресты, Жданиха).

Ключевые слова: Север; комфорт; жизнеобеспечение; инфраструктура; соучастное проектирование; социологический анализ.

The article considers the field observations and design in the polar latitudes of Krasnoyarsk Krai. It analyses the contemporary problems of living conditions in the Extreme North, the influence of the comfortable environment on the settlement stability and the prevention of migration out of northern territories, as well as attracting and retaining of young specialists and young people in general in the North. The authors provide the examples of design solutions for creation of contemporary living conditions, the results of the sociological analysis and participatory design that involved inhabitants of the northern territories (Khatanga, Kresty, Zhdanikha).

Keywords: North; comfort; life sustenance; infrastructure; participatory design; sociological analysis.

Организация комфортной среды проживания на севере Красноярского края /

текст

Тимофей Киселёв
Олеся Киселёва
Ольга Успенская /
text
Timofey Kiselev
Olesya Kiseleva
Olga Uspenskaya

Введение

Создание удобной, благоустроенной и комфортной среды проживания и сохранение этнической культуры людей, проживающих в высоких широтах, сегодня превратилось в одну из первоочередных задач для поддержания экономического благополучия и привлекательности жизни на Севере.

Для обеспечения экономической стабильности населения, проживающего на северных территориях, невзирая на маленькую плотность (средняя плотность населения, проживающего на Севере, составляет менее одного человека на кв. км при общей плотности населения планеты 40 человек на кв. км), для дальнейшего освоения Заполярья требуются большие капиталовложения. Чтобы обеспечить приток работоспособного населения и создать прецедент для развития современных комфортных условий для работы, повседневной жизни, быта и досуга, необходимо развивать не только вахтовые системы застройки северных территорий, но создавать полномасштабные поселения с развитой инфраструктурой.

В 2014 г. принята государственная программа «Социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года». Согласно этому документу, одним из основных критериев экономического освоения арктических и северных территорий станет бережное отношение к природным ресурсам, энергоэффективность и предоставление людям, проживающим на территории Крайнего Севера, современных комфортных социальных и культурных условий быта.

Сегодня отсутствие комфортных условий проживания является одним из основных факторов оттока из городов и более мелких административных образований Севера и, в частности, северных территорий Красноярского края, профессиональных кадров, а экономически выгодная система вахтовых поселений не решает социальных проблем населения. Недостаточно внимания уделяется структурным, характерным только для условий проживания в северных широтах, особенностям общественной и жилой застройки. В современной рыночной экономике общественная и жилая среда формируется посредством взаимовыгодной работы заказчика и капиталовложений инвестора с целью получения сверхприбыли, но при этом

крайне редко внимание уделяется сохранению культурно-этнографических ценностей и особенностям быта жителей Крайнего Севера.

Стремление к быстрой экономической окупаемости и нежелание вкладываться в допроектные исследования и культурологические экспедиции приводят к появлению монотонной сверхплотной застройки, снижению качества среды проживания, нарушению экологии и мерзлотно-грунтовых условий северных поселений. В свою очередь, эти факторы приводят к утрате индивидуальных характеристик застройки, утрате самобытности и культуры северных поселений, разрушению, а где-то и уничтожению малочисленных этнических групп жителей Севера.

Становится настоятельной необходимостью создание качественных условий жизни населения, проживающего на Севере: формирование территориальной инфраструктуры с общей развитой системой застройки, строительство жилых и социально-культурных объектов с комфортными условиями проживания, обобщение российского и зарубежного опытов проектирования и строительства с использованием современных технологий на территории Заполярья.

Северные широты характеризуются суровыми природно-климатическими условиями: длительным холодным периодом с низкими температурами (280 дней с середины сентября до начала мая, из них в среднем 130 дней метели; средняя январская температура $-39,7^{\circ}$), коротким и прохладным летом (с конца июня до конца августа, температура в среднем $+13,6^{\circ}$). Для большинства северных районов Красноярского края характерно рассредоточение населенных пунктов, слабое развитие дорожно-транспортной сети, отсутствие необходимой материально-технической базы для строительства. В советский период индустриализации существовавшая практика быстрого заселения и промышленного освоения северных территорий имела в основном отраслевой характер. Северные территории Красноярского края и тогда, и сейчас в основном использовались как донорские. Социальные и эколого-экономические факторы учитывались мало или вовсе не учитывались. Только в последние годы органы управления страной и местного самоуправления осознали масштаб проблем; теперь

< Рис. 1. Фрагмент жилой среды Норильска. Фото Олеся Киселева

Creation of a Comfortable Living Environment in the North of Krasnoyarsk Krai

и на федеральном уровне принимаются программы для поддержания и дальнейшего развития территорий страны, находящихся за полярным кругом.

Основные трудности в формировании комфортной среды проживания в экстремальных северных условиях – создание постоянной развитой инфраструктуры, строительство дорог и жилья, сохранение этноса, развитие аутентичного народного хозяйства. Существующие промышленные предприятия должны быть напрямую заинтересованы в развитии этих важных народно-хозяйственных отраслей экономики и культуры, так как это, в свою очередь, гарантирует обеспечение предприятий квалифицированными рабочими. А успешная работа таких стратегически важных для страны промышленных предприятий, как Норильский горно-металлургический комбинат, лесокомбинат и золотодобывающие предприятия в Игарке, горнодобывающие предприятия в Талнахе напрямую зависит от организации комфортной среды проживания людей на этих территориях.

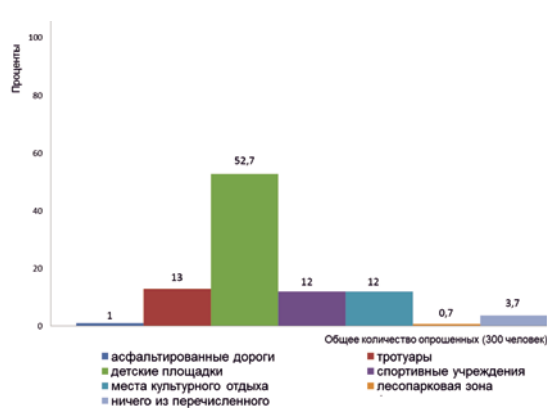
Северные города Красноярского края имеют два варианта организации и застройки: первый – город сталинской архитектуры Норильск с бетонными многоэтажными зданиями, широкими улицами и просторными площадями, построенный за полярным кругом в 1935 году. Второй – вахтовые поселки, которые разрушают природную среду, а временный характер жилья приводит к возникновению опустевших поселений (рис. 1), оттоке населения в центральную часть России [1; 3].

Ученые Н. Ю. Замятина и А. Н. Пилясов пришли к выводу, что для сурового северного климата, очевидно, нужны промежуточные формы архитектуры с быстро возводимым, модульным, трансформирующимся и легко адаптируемым жильем [2, с. 161]. Требуется активный поиск инновационных прорывных ресурсосберегающих технологий и на их основе – формирование экологически безопасных, комфортных территориально-промышленных комплексов принципиально нового типа.

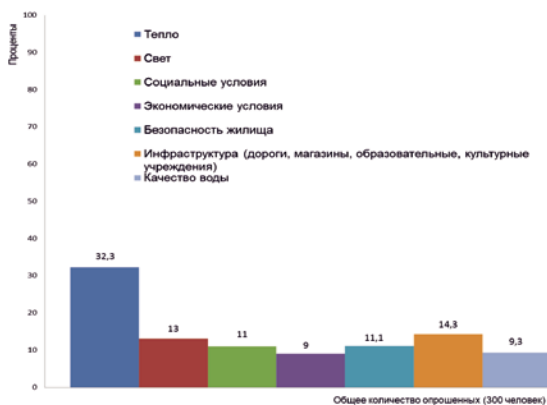
Сегодня радикально меняется подход к организации планирования на северных территориях. Важнейшую роль в нем играют органы местного самоуправления; внедряется соучастное проектирование с подключением исследователей северных поселений и ученых, чьи

разработки помогут создать качественно новые условия проживания на Севере.

Изучением проблем северных территорий Красноярского края занимаются не только специалисты разных направлений, но и ведущие ВУЗы страны. Сибирский федеральный университет, действуя в рамках комплексного и междисциплинарного подхода к изучению проблем северного региона, ведет работу в нескольких направлениях. Одним из структурных подразделений СФУ является Институт архитектуры и дизайна, в котором на кафедре архитектурного проектирования с 2016 г. ведутся исследования, связанные с освоением и развитием Севера.

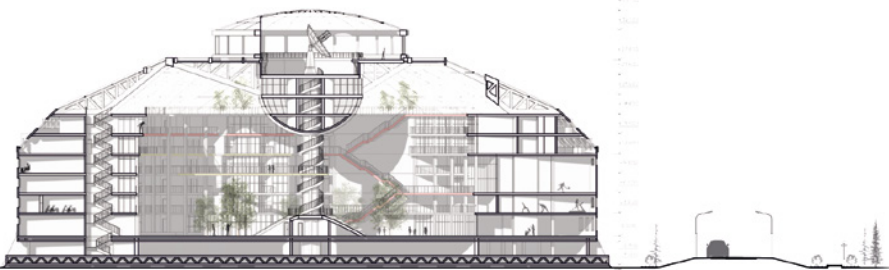
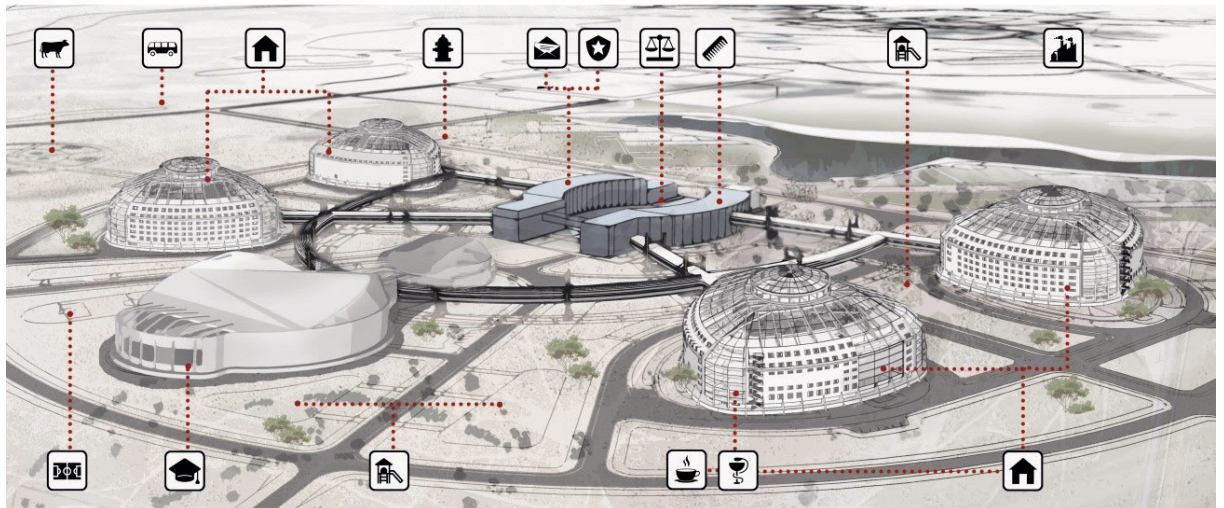
< Рис. 2. Диаграмма оценки качества благоустройства северных поселков

< Рис. 3. Диаграмма оценки комфорта проживания в Хатанге, Крестах и Жданихе

^ Рис. 5. Градостроительная концепция поселка Тухард. Проект. Авторы Е. Бурцева, О. Пантелеева; руководитель О. Киселева

^ Рис. 6. Дом-комплекс в поселке Тухард. Проект. Автор Е. Бурцева; руководитель О. Киселева

Основными задачами инициативного исследовательского проекта, в котором задействованы студенты и преподаватели ВУЗа, а также органы местного самоуправления (краевой парламент) являются: создание комфортной среды северных поселений; формирование массовых типов северной застройки для комфортного проживания; сохранение и актуализация этнокультурного слоя населения; применение энергоэффективных технологий в проектировании для районов Заполярья. В настоящее время ведется научно-проектная работа в нескольких направлениях: реновация северных поселений; формирование жилых и общественных зданий для северных широт; актуализация направлений арктического туризма; создание заполярного комплекса агроархитектуры и современных стратегических объектов.

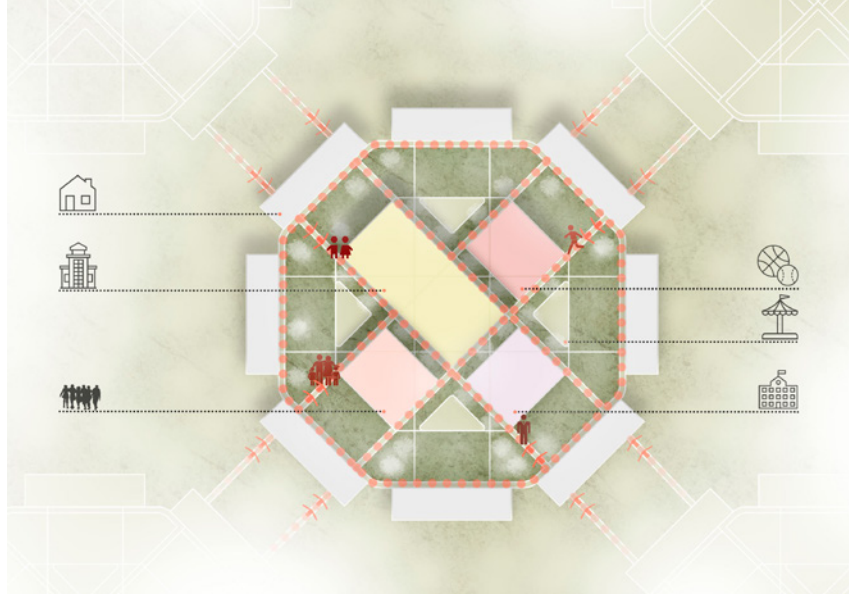
> Рис. 4. Диаграмма факторов, необходимых для повышения комфортных условий проживания в Хатанге, Крестах и Жданихе

В процессе исследовательской работы была организована экспедиция под руководством преподавателя кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна СФУ Киселевой Олеси. Целью этой поездки было проведение натурных исследований жилья, инфраструктуры, экологии и экономической составляющей проживания на отдаленных северных территориях. Были обследованы Норильск, Хатанга, Караул и Жданиха, расположенные на севере Красноярского края. Работа велась не только в архивах и административных подразделениях данных населенных пунктов, но проводился и социологический опрос населения, что дало возможность более остро почувствовать проблемы людей, проживающих в столь сложных климатических условиях. Большая часть опрошенных не занята на производстве, которое является градообразующим элементом формирования поселков; пятая часть населения – управленцы, треть проживающих в поселках – пенсионеры. Таким образом, более 80% проживающих являются потребителями бюджетных средств и, следовательно, обеспечение их комфортного существования в экстремально суровых условиях северных широт осуществляется государством.

Респонденты недовольны низким уровнем организации культурного времяпрепровождения: отсутствие мест для проведения культурно-массовых мероприятий, недостаточное количество спортивных сооружений, отсутствие благоустройства – все это вызывает негативные эмоции в отношении организации комфортного проживания в Заполярье (рис. 2).

Большинство опрошенных высказывалось за обустройство уютных дворов, формирование современных зон быта и отдыха. Элементарное отсутствие тротуаров (а это в XXI веке!) в период весенне-осенней распутицы ввергает людей в уныние.

Первое место в предпочтениях среди опрошенных занимает тепло (32,3%), на втором вместе стоит инфраструктура (14,3%), на третьем – свет (13%). Эти показатели комфорта являются самыми значимыми для жителей Севера (рис. 3). Полярная ночь в высоких широтах требует дополнительной соляризации. Проблему можно решить строительством крытых сооружений для массового досуга, где освещение (хоть и искусственное) будет

^ Рис. 7. Концепция жилого комплекса для малых населенных пунктов на севере Красноярского края. Проект. Автор А. Фролова; руководитель О. Киселева

работать на повышение психоэмоционального тонуса граждан. Немаловажными вопросами для жителей Севера при анкетировании явились качество воды, экономические условия и безопасность жилища. Качество жилья – самая важная задача, которая стоит перед государством, работающим для улучшения качества жизни людей на Севере. Для комфортного проживания граждан на Севере требуется новый современный подход к проектированию жилья, в котором наилучшим образом сочетались бы все социальные условия жизни.

Более 31,4% опрошенного населения утверждает, что государство недостаточно поддерживает программы по улучшению проживания на Севере, недостаточно развита система соучастного проектирования (рис. 4). Местные власти только в последнее время начали осознавать пользу привлечения местного населения и волонтеров к созданию комфортной среды проживания, тем самым давая понять северянам, что улучшение быта – не прерогатива власти, а совместная деятельность.

Особое место занимают проблемы медицины: 18,3% населения обеспокоены уровнем медицинского обслуживания.

Отдаленность северных территорий и особенности климата делают невозможным внедрение повсеместно высокоскоростного интернета и качественной связи на хорошем уровне; это отметили при анкетировании 16% респондентов. Часть населения предлагала улучшить снабжение северных районов продуктами питания, разнообразить их и снизить стоимость продуктов (10,4%). Некоторая часть проживающих на Севере граждан пришла к осознанию необходимости снижения теплопотерь при эксплуатации зданий, а следовательно, к созданию новых типов поселений на северных территориях (9,3%).

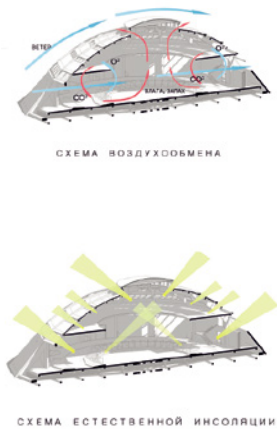
Несмотря на суровый климат, недостаточно качественные условия проживания, отсутствие перспектив для профессионального роста молодежи и множество проблем, сопряженных с бытом, только один из десяти опрошенных жителей поселков хотел бы выехать на «большую землю». Среди опрошенных жителей северных городов каждый третий из десяти пожелал выехать на постоянное место жительства в среднюю полосу России.

Исходя из проведенного социологического опроса, можно выделить ряд проблем, препятствующих организации комфортного проживания в северных широтах. Отсутствие хотя бы минимального благоустройства в большинстве населенных пунктов влечет за собой ряд социальных проблем: несоблюдение энергосберегающих технологий при возведении зданий любого типа ведет к потерям тепла, что особо актуально в условиях проживания на Севере; недостаточное количество общественных зон отдыха и обустройство уютных дворов лишает жителей полноценного общения; отсутствие тротуаров приводит к затруднительному и небезопасному передвижению.

Исследования в поселке Тухард Таймырского автономного округа, проведенные группой студентов ИАиД СФУ под руководством О. Киселевой, выявили ряд социальных и градостроительных проблем. В процессе работы появилось проектное предложение «Концепция развития поселка Тухард с применением энергосберегающих технологий» (рис. 5, 6). Проект представляет собой новый район с развитой социальной инфраструктурой, благоустройством территории и организованными рекреационными зонами для отдыха населения.

По предлагаемому генеральному плану территория развивается по радиальной схеме, предполагающей расположение на центральной оси объектов общественного назначения. По обе стороны от центральной части поселка планируется расположение многофункциональных жилых комплексов, соединенных крытыми переходами как между собой, так и с общественными объектами, что актуально в условиях северных широт из-за продолжительной полярной ночи и наличия длительного зимнего периода с очень низкими температурами [2]. Передвижение по переходам осуществляется с помощью транспортных средств, не наносящих ущерб экологии (электросамокаты, гироскутеры, велосипеды и т. п.). В концепции проекта предусмотрены территории для занятия сельским хозяйством, на которых размещаются семейные фермы для обеспечения поселка сезонной продукцией в течение всего года [4].

Такая планировочная структура позволит компактно соединить все жилые и общественные подразделения

^ Рис. 9. Семейная ферма в суровых условиях Севера. Проект. Автор В. Гридина; руководитель О. Киселева

района, сократив радиусы доступности, что является важным аспектом при проектировании в суровых условиях Севера.

В настоящее время основной проблемой в северных городах является физический износ зданий и аварийное состояние жилого фонда, непригодное для проживания. Так, в Норильске ежегодно демонтируется по 1 аварийному многоквартирному дому. Основная причина аварийного состояния жилых домов – деформация оснований и фундаментов зданий, физический износ стеновых панелей и блоков из газозолобетона, обладающего низкими свойствами теплопроводности и прочности.

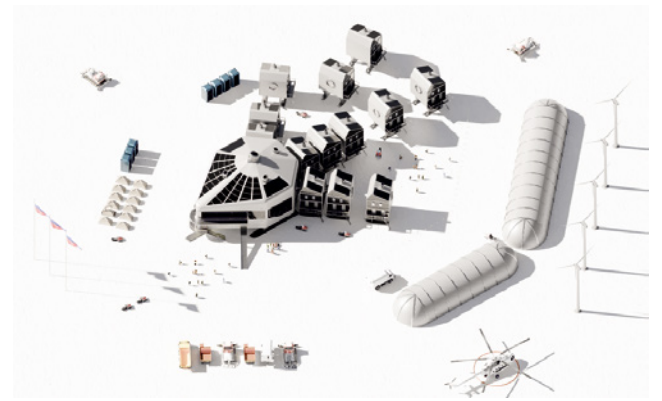
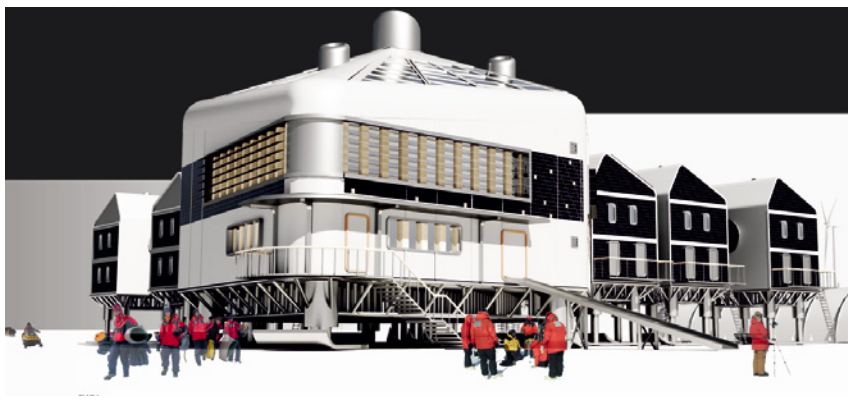
Некоторое время назад кафедрой архитектурного проектирования ИАиД СФУ совместно с Инженерно-строительным институтом была проведена разработка новых подходов к проектированию жилых зданий для северных территорий Красноярского края. Составлено предложение по оптимизации архитектурно-планировочных решений для проектирования в северных широтах. Особое внимание при работе над этим проектом уделялось критериям увеличения комфортности зданий и сооружений, применению современных технологий с альтернативными источниками энергии в использовании инженерного обеспечения зданий, пересмотрены требования к противопожарной безопасности зданий, требования к уменьшению веса зданий, что важно для проектирования в условиях вечной мерзлоты. Разработаны модульные трансформируемые конструкции, которые позволят

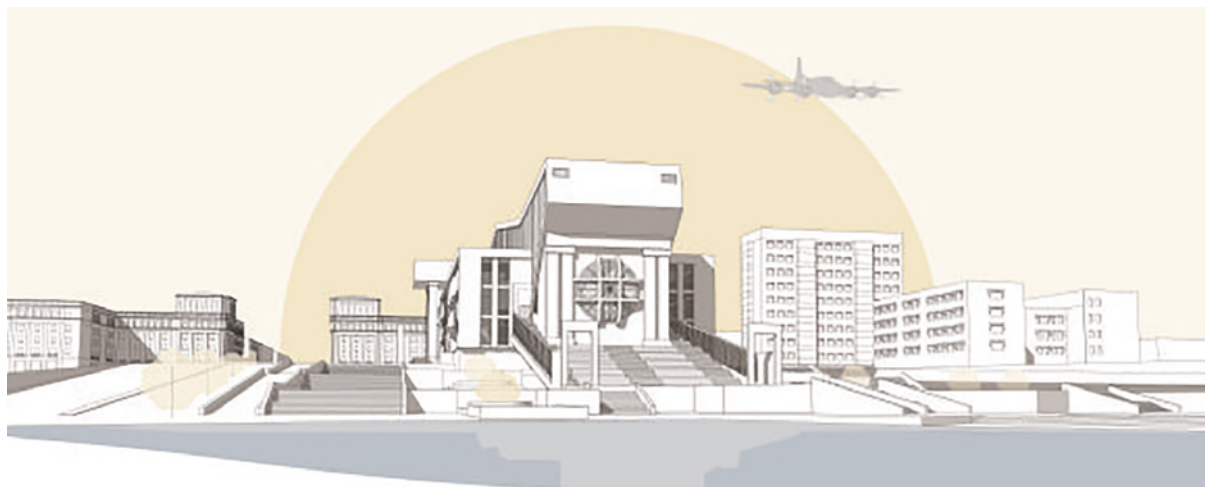
добиваться большей компактности при проектировании (рис. 7).

Участие сотрудников института в международных конференциях по проблемам Севера побудило к продолжению научно-исследовательских работ в выбранном направлении. В частности, осуществляются разработки модульных строительных конструкций для более экономичного строительства на северных территориях. Необходимость применения строительных инновационных технологий российских разработчиков как существенно уменьшающих затраты на возведение зданий и сооружений на территории Заполярья обсуждалась на встречах с депутатами Законодательного собрания Красноярского края; достигнуто понимание между властями и исследователями в подходах к этим проблемам.

Разработан новый технологический комплекс по производству деревянных сборных конструкций-модулей. Представленные на встрече ЛСТ-панели более просты в транспортировке в отличие от нынешних конструкций из простого или клееного бруса, их производство значительно экономичней используемых аналогов. Ожидается, что использование ЛСТ-панелей для строительства на Севере удешевит себестоимость возводимых зданий в 2-4 раза. Предлагается производить модульные конструкции с использованием экологически чистых материалов, позволяющих легкую утилизацию, тогда как утилизация металлических и железобетонных изделий требует больших капиталовложений.

v Рис. 8. Туристическая база в Арктике. Проект. Автор Т. Гатин; руководитель О. Киселева

< Рис. 10. Дворец пионеров в Норильске. Проект. Автор Е. Романова; руководители О. Киселева, Т. Киселев

На территории Норильска сформировалась экспериментальная платформа для возведения малоэтажных жилых домов на ростверках ранее демонтированных построек. Преподавателям кафедры архитектурного проектирования предложено разработать проект быстро-возводимых малоэтажных жилых домов, включающих основные социальные функции.

Многолетний опыт исследовательской и проектной деятельности в условиях Крайнего Севера помог сформулировать критерии, учитывая которые можно приблизить жизнь северян к условиям проживания на «большой земле». Для этого необходимы более современные подходы к организации материально-технического оснащения жизни населения, проживающего на Севере, реализующиеся не только с поддержкой градообразующих предприятий. Требуется комплексное внедрение государственных программ для сохранения не только крупных, но и малых северных городов и поселков, сохранение и приумножение этнических групп и поселений, а это возможно только при создании современных комфортных форм проживания, что и призваны делать архитекторы, проектировщики и строители.

Создание современной системы расселения предотвратит отток жителей с Севера, появится заинтересованность в возвращении после получения образования в других городах, что повлечет формирование профессиональных кадров из коренного населения северян, которые более остро ощущают проблемы жизни в условиях Севера.

Несколько лет на кафедре архитектурного проектирования ИАиД СФУ преподаватели О. Киселёва и Т. Киселёв со студентами занимаются проектированием объектов разного назначения на севере Красноярского края (рис. 8-11). Несколько проектов взято за основу реального проектирования; некоторые проекты стали победителями и лауреатами общероссийских и международных конкурсов. Намечена дальнейшая работа по научным исследованиям северных территорий Красноярского края. В рамках академических практик предполагается развернуть экспедиции в северные и арктические города края, провести изучение архивных материалов, сделать анализ износа жилых и общественных зданий. Участие

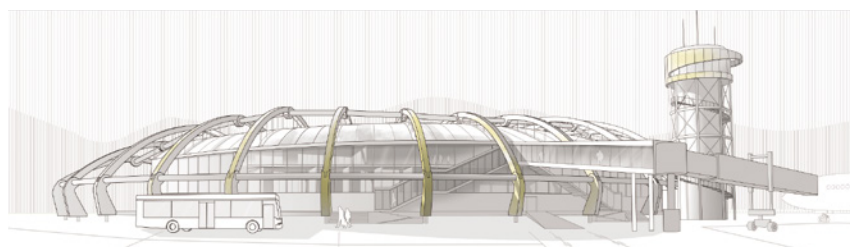
в научно-практических конференциях поможет показать реальную ситуацию проживания на Севере исследователям разных специальностей и продемонстрировать перспективность северных территорий Красноярского края, несмотря на их труднодоступность. Это регион с большими, еще не освоенными землями, с народами, сохранившими свои культурные традиции и обычаи, с несметными богатствами природных ресурсов, уникальным растительным и животным миром, способным влюбить в себя с первого взгляда.

Литература

1. Замятина, Н. Ю. Арктическая урбанизация как фронтир // Научный вестник ЯНАО. – 2016. – №3 (92). Обдория: история, культура, современность. – С. 114-120
2. Замятина, Н. Ю., Пилысов, А. Н. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. – Москва: УРСС, 2018. – 400 с.: ил.
3. Замятина, Н. Ю. Пульсирующие города и фронтирная урбанизация российской Арктики // Пути России: Север – Юг: сборник статей. Том XXIII/под общ. ред. М. Г. Пугачевой и В. П. Жаркова. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. – С. 22-30
4. Наумов, А. С., Паук, А. Я., Сидорова, Д. А., Юрлова, А. И. Городское сельское хозяйство в Арктике: российский и зарубежный опыт. – URL: <http://meridian-journal.ru/articles/gorodskoe-selskoe-hozyaystvo-v-arktike-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyit/> (дата обращения: 29.11.2019)

References

- Naumov, A. S., Pauk, A. Ya., Sidorova, D. A., & Yurlova, A. I. Gorodskoe selskoe khozyaistvo v Arktike: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Urban agriculture in the Arctic: Russian and foreign experiences] (2019). Meridian, 2(20). Retrieved November 29, 2019 from <http://meridian-journal.ru/site/article?id=1212>
- Zamyatina, N. Yu. (2016). Arkticheskaya urbanizatsiya kak frontir [Arctic urbanization as a frontier]. Nauchnyi vestnik YaNAO, 3(92), Obdoriya: istoriya, kultura, sovremennost, 114-120.
- Zamyatina, N. Yu. (2017). Pulsiruyushchie goroda i frontirnaya urbanizatsiya rossiiskoi Arktiki [Pulsating cities and frontier urbanization of the Russian Arctic]. In M. G. Pugacheva & V. P. Zharkov (Eds.), Puti Rossii: Sever – Yug: sbornik statei (Vol. XXIII, pp. 22-30). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Zamyatina, N. Yu., & Pilyasov, A. N. (2018). Rossiiskaya Arktika: k novomu ponimaniyu protsessov osvoeniya [The Russian Arctic: toward a new understanding of the development processes]. Moscow: URSS.

^ Рис. 11. Аэропорт в Хатанге. Проект. Автор А. Узингер; руководители О. Киселева, Т. Киселев

Зимние образы русской архитектуры уникальны. Барокко, классицизм, модерн в условиях зимы раскрываются наиболее полно. Конструктивизму и прочим «измам» 1920-х годов снежный покров безразличен. Убогость панельных пятиэтажек и новых «этажерок» зимой проявляется резче.

Ключевые слова: зима; Россия; зимние образы архитектуры. /

Russian architecture has unique winter images. Baroque, Classicism and Modern reveal themselves most fully in the winter context. Constructivism and other "isms" of the 1920s are indifferent to the snow veil. In winter, the misery of prefabricated five-storey apartment blocks and new "towers" becomes more obvious.

Keywords: winter; Russia; winter images of architecture.

< Санкт-Петербург. Лев и здание Двенадцати коллегий.
Фото Сергей Астапов

Здравствуй, в белом сарафане... /

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Говорят, в России зима встречается с осенью в день Покрова Богородицы: «грязь на Покров – зима встанет через четыре седмицы, снег – будет ранней и морозной».

Последнее время 14-го октября все больше грязь. Где ты, «в белом сарафане из серебряной парчи»? Некогда в середине осени твое дыхание уже было ощутимо, и предвкушение рождественских и новогодних праздников поднимало настроение.

*Игры, братские попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышут бешеные тройки,
Снег топоча у крыльца [1].*

Да, Петр Вяземский, хороша была зима в России в конце XIX века, не то, что в Германии, где снег – «<...> рыхленькое тесто, вял народ и вял мороз» [1].

Мрачноватая пифия с косичками Грета Тунберг говорит о всемирном потеплении и прочих экологических проблемах. Маркетинговый ход «Грета» не помогает для спасения подмоченной репутации Greenpeace и партии зеленых, но все-таки после ее больших монологов закрадывается сомнение – а вдруг льды растают, Йоулупукки и Дед Мороз скинут шубы, потонут Венеция и Петербург, в Сибири зима станет европейской. В это верить не хочется. Даже солидные ученые сегодня не могут сказать точно, что нас ждет – потепление или похолодание.

А пока, в начале 2020 года, нет зимы ни в Москве, ни в Петербурге; снег – «рыхленькое тесто». Но новогодняя иллюминация в центре Москвы по пышности не уступает мировым столицам. На окраинах, правда, все буднично. 84 площадки, где все украшено и сверкает – это лишь крошечные точки в огромной Москве. Праздник на улицах и площадях только в туристическом центре. Там все чрезмерно и безудержно по-русски. Но нет снежного покрывала, которое так уместно в зимней Москве.

В XIX веке тоже случалось, что зима запаздывала: «В тот год осенняя погода стояла долго на дворе. Зимы ждала, ждала природа – снег выпал только в январе», – читаем у Пушкина [2].

В 2019 году зима проиграла осени декабрьское сражение, но собравшись с силами в Сибири, она захватила Урал и Поволжье, а там, возможно, и до Москвы доберется.

Снежный покров в русских городах на время усмиряет царство урбанистического хаоса. Осенняя живопись сме-

няется зимней графикой. Деревья засыпают в объездах белых двойников. В незамерзших полыньях городских водоемов плавают обленившиеся утки. От утомительных перелетов они в последнее время массово отказываются. Почему угас их инстинкт – орнитологи не знают. Гуси и лебеди вслед за кряквами остаются в городах. Они рискуют: зима, несмотря на климатические капризы, может показать свой нрав. Уткам холода не нужны, а русские города без снега и мороза не могут показать себя во всей красе.

Зимой боярские хоромы и церкви времен царя Алексея Михайловича подобны цветным графинам и кубкам на белой скатерти государева стола. Прозвище второго Романова на царском троне было Тишайший (по-латыни clementissimus), но XVII век в истории России принято называть «бунташным»: войны с Польшей, Соляной бунт, раскол Русской Православной Церкви, восстание Степана Разина – далеко не весь список трагических событий, случившихся в это царствование. Так или иначе, свое прозвище государь Алексей Михайлович оправдал: 30 лет он выводил страну из кризисов. При нем произошло воссоединение Украины с Россией. Ныне в «Незалежной» стараются забыть о речи Богдана Хмельницкого на Переяславской Раде и не вспоминать, что народ единодушно «вопил»: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!» [3]. Жизнь во времена Алексея Михайловича была суровой, а архитектура – удивительно праздничной: строили ажурные, как будто игрушечные пятиглавые церкви, дворцы и палаты, украшенные прихотливой лепниной, карнизами, пилястрами, изразцами, резными наличниками, витыми столбиками... На фоне белого снега Храм Рождества Богородицы в Путинках некогда радовал прихожан яркими красками. Времена изменились: храм сейчас просто белый. Но даже белый он на фоне снега очень наряжен. Церковь Святой Живоначальной Троицы в Никитинках зимой, будто боярыня в бархатной шубке и ярком платке. Росписи в интерьерах этой поры – летняя фантазия, согревающая душу зимой. Связь узорочья XVII века с русским народным искусством очевидна. И в то же время этот стиль имеет черты европейского позднего Возрождения и барокко. Но если бы европейские прототипы

^ Иркутск. Знаменская церковь. Фото Елена Багина

^ Иркутск. Зима. Фото Елена Багина

Welcome Winter Dressed in White...

не были переосмыслены российскими и украинскими мастерами, архитектура XVII века не выглядела бы так органично русской зимой.

Узорочье времен Алексея Михайловича сменил стиль, который называют «нарышкинское барокко». Искусствоведы, боясь ошибиться, говорят, что есть в «нарышкинском барокко» черты маньеризма, отголоски готики, ренессанса, романтизма, русского деревянного зодчества и Бог весть чего еще. Но не в этом дело. Западные и восточные заимствования в российской архитектуре легко узнаваемы, но всегда кажутся исконно русскими. Холодные оттенки зимнего неба, снег, северное солнце, не дающее глубоких теней, меняют заимствованные формы. Немецкие принцессы и принцы тоже становились русскими на российском престоле. Говорили многие из них до конца жизни с акцентом, но их дети – уже чисто.

Созданные западными мастерами шедевры петровского барокко зимой обретают свойства, которых у них не могло бы быть ни в Германии, ни в Швейцарии, ни во Франции. Трезиниевский Петропавловский собор и рavelины крепости на фоне замерзшей Невы неповторимы. Зимой в них больше строгости и монументальности.

Летний сад в морозы выглядит мрачно: обнаженные статуи античных богов прячутся от снега и холодов в грубых дощатых ящиках; липы, клены и грабы в снежном убранстве, правда, не теряют своей прелести. Но зима все-таки разрушает идиллию барочного парка. Сад – Летний, и этим все сказано. Зимой летним парадизом петровские вельможи наслаждались в оранжереях.

Говорить о разных ипостасях барокко XVIII века невозможно без его сибирской ветви. Само понятие «сибирское барокко» предложил иркутский краевед Д. А. Болдырев-Казарин в своей работе «Народное искусство Сибири» (1924). Барочные церкви – гордость Иркутска, Тюмени, Красноярска, Тобольска и Верхнеудинска.

Сибирское барокко – архитектура, расцветающая зимой. Так, обманутые комнатным теплом, расцветали некогда экзотические цветы в маленькой оранжерее Марии Николаевны в иркутском доме ее ссыльного мужа Сергея Григорьевича Волконского.

В зеленом летнем уборе сибирские барочные храмы не так ярки, как зимой. В лютые морозы горожане заходят сюда не только помолиться, но и согреться – душу

v Иркутск. Крестовоздвиженская церковь. Фото Елена Багина

^ Иркутск. Дом на набережной. Арх. В. А. Павлов. Фото Елена Багина

^ Санкт-Петербург. Сфинкс. Фото Сергей Астапов

отогреть, на яркое узорочье полюбоваться. Бурятам, исповедующим буддизм, декор иркутской Крестовоздвиженской церкви понятен. Без влияния буддийских храмовых построек здесь не обошлось: естественный мультикультурализм в России существовал испокон века. Нетерпимость в условиях сурового климата – непростительная глупость.

Деревянные сибирские дома с многоярусными кружевными наличниками преобразуются зимой. Крашенные в яркие цвета на фоне белого снега, они нежны и изящны вопреки суровости и мощи природы. Окна в старинных деревянных домах небольшие, «чтобы тепло не выстужалось». Между рам нередко с осени хозяйки клали вату, а на нее яркие искусственные цветы или гроздь ярины, «чтобы глаз радовался».

Каменные дворцы и церкви привычны. То ли дело – Ледяной дом. Камергер А. Д. Татищев предложил Анне Иоанновне зимой 1739 года построить такой на Неве между Адмиралтейством и Зимним дворцом для увеселения. Творение Петра Еропкина простояло всего три месяца. Шутам Анны Иоанновны Авдотье Бужениновой и опальному князю Михаилу Голицыну, попавшему в шуты за тайное венчание с католичкой, после скоромошней свадьбы «первая брачная ночь» в Ледяном доме чуть не стоила жизни.

Профессор физики Георг Вольфганг Крафт, который делал расчеты прочности этого увеселительного шедевра, писал: «<...> и гораздо великолепнее казалось, нежели когда бы он из самого лучшего мрамора был построен, для того, что казался сделан быть будто бы из одного куска, и для ледяной прозрачности и синего его цвета на гораздо дражайший камень, нежели на мрамор походил <...>». Ледяной дом был небольшим: длина – 17 м, ширина – 5,5 м, высота – 6,5 м. Внутри были вырезаны интерьеры гостиной, буфета, спальни и туалета. В камине спальни горели ледяные дрова, вымазанные нефтью [4].

Ныне ледяными домами уже никого не удивить. Стоксовавшиеся по зиме европейцы забавы ради ночуют в ледяных кроватях на оленьих шкурах и платя за это удовольствие немалые деньги. А уж сколько стоят новогодние ледяные городки... Но ведь праздник!

Архитектурные шедевры времен Екатерины Великой на фоне северного неба и снега подобны бордовым

и зеленым самоцветам в золотой оправе. Белый покров подчеркивает их силуэт и отрывает от земли. Иногда зимой они кажутся случайно забредшими на русскую землю иноземными призраками. Летом эти призраки вновь обретают плоть.

Холод и снег избавляют сохранившиеся дворцовые и парковые ансамбли Петербурга от толпы и, возможно, чтобы почувствовать дух XVIII века, нужно приезжать в Петергоф и Павловск зимой. Барокко и классицизм несовместимы с толпой. Толпа во дворце – символ бунта и разрушения.

Бело-желтый ампир, пристанище великого духа античности, в России не боится мороза. За строгими окнами классических особняков, затянутыми морозными узорами, некогда гремели зимние балы. Те, кто вышел в декабре 1825 года на Сенатскую площадь, не снимали на этих балах сабель и шпор. Им было не до танцев.

Эклектичные постройки второй половины XIX зимой позволяют мысленно отправиться в путешествие в теплые экзотические страны (дом Мурузи в Петербурге), вспомнить русское узорочье (особняк Игумнова в Москве), побывать в готической сказке (Петергофский вокзал) ... Не без утрат шедевры эпохи историзма пережили советскую эпоху, потому что построены на века, «не боятся ни жары и ни холода». В снежные сумерки доходные дома и особняки этой рациональной и в то же время мистической эпохи оживают. Белое покрывало скрывает утраты. Впрочем, эти здания стареют с достоинством. Попытки омолодить их современными косметическими методами не всегда удачны. Гореставраторы не понимают, почему тянутые вручную профили нельзя заменять пластиковыми.

В 1920-х годах авангардисты эти постройки ненавидели. Некоторые архитекторы и сегодня с небрежением говорят: «эkleктика», но построить ничего сопоставимого «в стилях» XIX века не могут. Выучка не та.

Конструктивизму и прочим «измам» 1920-х годов снежный покров безразличен: им вообще безразличен и природный, и городской контекст. Эти «буки» не способны на диалог. Немногочисленным фанатам авангарда начала XX века все равно – смотреть на эти постройки летом или зимой.

Снег в русских городах подчеркивает убогость хрущевских пятиэтажек и новых «этажерок». Исключение составляют Дом на набережной В. А. Павлова в Иркутске и еще некоторые истинные шедевры советского модернизма 60–70-х годов XX века, которые зимой преобразуются. Жители этого дома видят из окон незамерзающую Ангару в туманной дымке и противоположный берег реки.

А обитатели новых высотных домов на окраинах Москвы или Екатеринбурга, если повезет, могут увидеть с высоты энного этажа белую равнину, далекую деревню и свечки золотых куполов. Кто-нибудь, глядя на этот чисто русский пейзаж, возможно, вспомнит князя Евгения Трубецкого и его «Умозрение в красках»: «Когда смотришь издали при ярком солнечном освещении на старинный русский монастырь или город, со множеством возвышающихся над ним храмов, кажется, что он весь горит многоцветными огнями. А когда эти огни мерцают издали среди необозримых снежных полей, они манят к себе как дальнейшее потустороннее видение града Божьего» [5].

Зимой застрявшим в восьмибалльных пробках, уставшим от суеты рабочего дня горожанам нет дела до архитектурных красот, даже если они едут по берегу Невы или Москвы-реки. Мир они воспринимают через фейсбук или инстаграм – там «френды», у которых случился отпуск, выкладывают фотографии идиллических снежных пейзажей, зимние виды Ростова Великого, Костромы, Коломны, Иркутска, Красноярска...

Зимой инфантильные адепты современного искусства в соцсетях призывают братьев по разуму участвовать в городских то ли в инсталляциях, то ли в флешмобах – например, сделать всем вместе длинный-предлинный шарф и повязать его на чугунную ограду моста, «чтобы городу стало теплее». Призывы не остаются без внимания. Такой шарф в прошлом году «украшал» в Екатеринбурге «Плотинку». В этом году кто-то одел стволы деревьев на бульваре в красные гетры, и уже который год городской сумасшедший превращает екатеринбургские фонари в подобие домашних торшеров, надевая на них оранжевые абажуры. Недавно милые молодые люди с голыми щиколотками по последней европейской моде раскладывали домашние подушки на промерзших лавках екатеринбургских автобусных остановок. Подушки, правда, быстро исчезли. Скорее всего, их сфотографировали, выложили в сеть и убрали. Сфотографировано, выложено в сеть – значит, было. А что? Это веселее, чем сидеть на лекциях по урбанистике, где рассказывают о пассивных домах, энергосбережении, выделенных полосах для общественного транспорта, велосипедных дорожках и прочих почти нереальных для зимней России вещах.

«Умные дома», «умные города», электромобили... Когда-нибудь в России это случится и будет работать в условиях зимы. И вертикальное озеленение, припорошенное снежком, тоже будет хорошо выглядеть. Правда, весной придется все заново вертикально озеленять. Но это не беда: современные русские западники ради того, чтобы было как у цивилизованных европейцев, еще и не на такие подвиги способны. Забыли, верно: «что для русского здорово, то для немца карачун!» И наоборот. А дальше у Вяземского в знаменитом стихотворении и вовсе резко сказано:

*Немец к мудрецам причислен,
Немец дока до всего,
Немец так глубокомыслен,
что провалишься в него.
Но по нашему покрову
Если немца взять врасплох,
А особенно зимою,
Немец – воля ваша, плох. [1].*

Да, в Европе есть «пассивные дома», велосипедные дорожки, общественный транспорт замечательно

работает... Но почему-то европейский опыт на русскую землю плохо переносится. А если и переносится, то какая-то ерунда всегда получается. Не рассчитан этот опыт на русский менталитет.

Вот, к примеру, первый снег припорошил тонкий лед на городских водоемах: обязательно кто-нибудь рискнет, несмотря на грозные таблички, прогуляться до середины реки или пруда. И будет горд собой, если не искупается в ледяной воде. А если искупается и выживет – значит, «авось» и тут сработал. Российскую зиму, которая всегда наступает неожиданно, и «авось» как принцип русской жизни никто отменить не может – ни депутаты Государственной Думы, ни президент, ни верующие в глобальное потепление и миссию Греты Тунберг.

А любопытному иностранцу в Россию лучше всего приезжать под Новый год. Ему покажут то, что он нигде и никогда больше не увидит: белые просторы, сохранившиеся старинные кремли и церкви (или руины, что тоже романтично, особенно зимой), кирпичное узорочье купеческих особняков, милые деревянные домики с белым дымом из труб и замысловатыми наличниками, заснеженные крыши, березы на фоне ярко-синего неба. Приведут в ресторан «Русская изба», где накормят блинами с икрой. Иностранец не будет задумываться над тем, что ему показали не современную жизнь, а идиллические образы XIX века, которые мы все знаем по рождественским и новогодним открыткам. Недаром ностальгирующие граффитисты пачкают стены домов надписью: «Верните мне мой девятнадцатый век». Вотще: это уходящая натура.

«Так в какой же город нужно приехать, чтобы лучше ощутить прелесть русской зимы?» – спросит иностранец. «Чем меньше городок – тем лучше», – будет ответ. Где-нибудь в Мышкине или Гороховце зимой только что выпавший снег пахнет мякотью арбуза, вечером мягко светятся окна в деревянных домах. На настоящие елки к Новому году вешают дедовские стеклянные игрушки: расписанные вручную шары, самолетики со звездами, бусы, дедов морозов, снегурочек... В Мышкине или Гороховце сладкая зимняя идиллия, греющая сердце путешественника. Но задерживаться там не нужно, чтобы в праздную голову не приходили ненужные мысли о том, как живется обитателям Мышкина в домах без центрального отопления, без супермаркетов, без вечного праздника столиц, последнее время лишенных в наказание за «западничество» нормальной русской зимы.

Литература

1. Вяземский, П. А. Масленица на чужбине. – URL: <http://ruspoeti.ru/aut/vyazemskij/t/16.html> (дата обращения: 30.12.2019)
2. Пушкин, А. С. Евгений Онегин. – URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (дата обращения: 04.01.2020)
3. «Волим под царя восточного, православного» – URL: <https://zen.yandex.ru/media/rusplt.ru/volim-pod-caria-vostochnogo-pravoslavnogo-5a609f0ac5feafcaeda6c16f> (дата обращения: 08.01.2020)
4. Ледяной дом императрицы Анны Иоанновны. – URL: <https://www.culture.ru/materials/75704/ledyanoi-dom-imperatricy-anny-ioannovny> (дата обращения: 02.01.2020)
5. Трубецкой, Е. Н. Умозрение в красках. – URL: <https://lib.pravmir.ru/library/book/1235> (дата обращения: 02.01.2020)

References

- Ledyanoi dom imperatitsy Anny Ioannovny [The Ice House of Empress Anna Ioannovna] (n.d.). Retrieved January 2, 2020 from <https://www.culture.ru/materials/75704/ledyanoi-dom-imperatricy-anny-ioannovny>
- Pushkin, A. S. (n.d.). Eugene Onegin. Retrieved January 4, 2020 from <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index/html>
- Trubetskoy, E. N. Umozrenie v kraskakh [Contemplation in colours] (n.d.). Retrieved January 2, 2020 from <https://lib.pravmir.ru/library/book/1235>
- Volim pod tsarya vostochnogo, pravoslavnogo [We want to be ruled by an Orthodox Christian tsar from the East]. (2018) Retrieved January 8, 2020 from <https://zen.yandex.ru/media/rusplt.ru/volim-pod-caria-vostochnogo-pravoslavnogo-5a609f0ac5feafcaeda6c16f>
- Vyazemsky, P. A. (n.d.). Maslenitsa na chuzhbine [Maslenitsa in a strange land]. Retrieved December 30, 2019 from <http://ruspoeti.ru/aut/vyazemskij/t/16.html>

Рассматриваются архитектурные конкурсы, проведенные в Исландии для северной территории этой страны, на проекты нового центра для посетителей и нового гостевого дома. Проекты-победители были выбраны благодаря уважительному отношению к территории, а также стремлению сохранить гармонию ландшафта и использовать все его преимущества.

Ключевые слова: Исландия; центр для посетителей полей черной лавы; гостевой дом для термального курорта; ландшафт./

Bee Breeders is introducing its first country-based architecture competition series, with the sites located in northern Iceland. In the debut competition of this series, the organizers sought design proposals for a new visitor center to be located within the Black Lava Fields of Iceland. In the second competition, which was run in partnership with Vogafj's Farm Resort, they sought ideas for a new Thermal Springs Guest House. The winning entries were selected for their respect of the sites, maintaining the landscapes' harmony and taking advantage of the sites' surroundings.

Keywords: Iceland; Black Lava Fields Visitor Center; Thermal Springs Guest House; landscape.

The Iceland Black Lava Fields Visitor Center competition was the first in a series of competitions set in sites across northern Iceland. The jury selected winning proposals that drew from Icelandic heritage and traditional materials, experimented with varied forms, and considered ways of balancing opacity with transparency to offer both insulation from the cold and views to the surroundings. Those proposals that were restrained and respectful to the site spoke most clearly to the jury, who sought ideas for maintaining the landscape's harmony.

The first prize winner was Mikkel Vadstrup Schmidt from Denmark. His 'Cast in Fire' project featured sharp edges and contours corresponding to the sharp forms of the site's rock formations. The dark metal cladding was balanced by warm, light-coloured woods on the interior with an open plan organized around a fireplace and skylight.

Second prize was awarded to Luís Henrique Alcântara and Vladimir Alcântara of the Brazil-based company ARCH-TY, whose submission derived from the 'mass of coagulated

Конкурсы в Исландии / Iceland Competitions

> Проект центра для посетителей полей черной лавы в Исландии. Mikkel Vadstrup Schmidt (Дания). Первое место в конкурсе / The Iceland Black Lava Fields Visitor Center by Mikkel Vadstrup Schmidt from Denmark, 1st prize winner

Компания Bee Breeders открывает серию архитектурных конкурсов на территории сельской местности северной Исландии.

Для первого конкурса организаторы принимали проекты здания, которое будет расположено на черных лавовых полях Исландии. Во втором конкурсе, организованном совместно с семейным гостевым домом термального курорта Vogafjós, предлагались идеи для строительства нового гостевого дома.

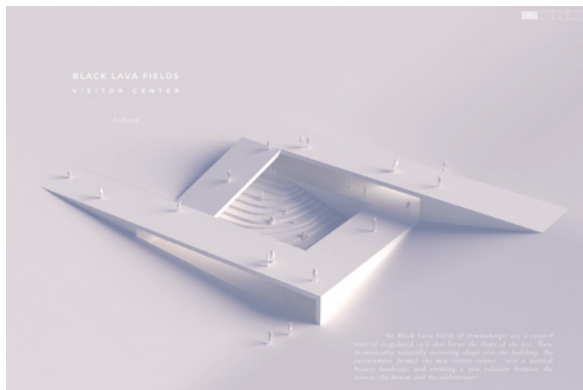
Конкурс на проект центра для посетителей полей черной лавы в Исландии стал первым в серии конкурсов на создание проектов. Жюри выбрало победителей, которые при создании своих проектов основывались на наследии Исландии и использовании традиционных материалов, экспериментировали с различными формами и изучали способы гармоничного сочетания темноты и прозрачности, делающими доступным вид на окружающую местность, одновременно предлагая хорошую теплоизоляцию. Жюри высоко оценило проекты, которым присуща сдержанность, уважительное отношение к территории и стремление сохранить гармонию ландшафта.

Первое место занял проект датчанина Mikkel Vadstrup Schmidt. Острые грани и контуры его «отлитого в огне» проекта соответствуют заостренным формам пластов горных пород участка. Темное металлическое покрытие сочетается с теплым и светлым цветом дерева в интерьере свободной планировки, в центре которого находится камин, а наверху – естественное освещение.

Второе место присуждено Luís Henrique Alcântara и Vladimir Alcântara из бразильской компании ARCHTY, чей проект произошел из «массы застывшей лавы, определяющей форму участка». Третью премию получила команда Sala Hars из США. Члены команды Juan Sala и Douglas Harsevoort предложили проект треугольного здания, которое стоит на пяти сваях и обеспечивает прекрасный обзор территории.

Дополнительная информация:
blacklavacenter.beebreeders.com

> Проект центра для посетителей полей черной лавы в Исландии. Компания ARCHTY (Бразилия). Второе место в конкурсе / The Iceland Black Lava Fields Visitor Center by ARCHTY from Brazil, 2nd prize winner

v Проект центра для посетителей полей черной лавы в Исландии. Компания SALA HARS (США). Третье место в конкурсе / The Iceland Black Lava Fields Visitor Center by SALA HARS from the USA, 3rd prize winner

rock that forms the shape of the site.' Third prize went to a team from a US-company Sala Hars. Entrants Juan Sala and Douglas Harsevoort designed a triangular building based on five means through which the site can be observed.

To learn more about the Competition, visit blacklavacenter.beebreeders.com

The Iceland Thermal Springs Guest House competition was part of a series of design competitions based on sites around northern Iceland. Participants were tasked with creating an additional guest house for the traditional Vogafj s Farm Resort. The use of earthwork, wood, and water, were common themes in the submitted proposals, and the jury favoured those that showed the most respect for the site and explored the capacity to offer visitors a truly special, local experience.

Второй конкурс – на проект нового гостевого дома для термального курорта в Исландии – организован совместно с семейным гостевым домом курорта Vogafj s Farm Resort. Он также вошел в серию конкурсов на создание проектов для северной территории острова. Участникам предлагалось создать дополнительный гостевой дом для традиционного курорта.

Общей темой представленных на конкурс проектов было использование земли, дерева и воды. Жюри отдало предпочтение работам конкурсантов, которые продемонстрировали большое уважение к данной территории и изучили все возможности, чтобы подарить посетителям по-настоящему необычные ощущения от знакомства с местной достопримечательностью.

Первое место получил Eric Conzales из США. Его «гостевой дом противоположностей» состоит из двух главных сооружений. Одно сооружение – «частный» дом, а второе выступает в роли «общественного» дома, где могут собираться гости. Два квадратных в плане дома – это инь и янь, уравновешивающие друг друга через общий дощатый настил, который ведет к горячему бассейну и камину.

Второе место досталось участнику Nuttapol Techopitch из тайской компании Looklen Architects Co., Ltd. Его проект «Плывущие сезоны» представляет собой серию гостевых домиков, установленных на приподнятых опорных рельсах, чтобы защитить природу данного участка. Marwan Hamama из Франции получил третье место за проект «Singleton», который представляет собой линейную триаду, состоящую из каменных габионовых внешних стен, стального каркаса и деревянных интерьеров.

Дополнительная информация:
icelandguesthouse.beebreeders.com

**подготовка текста
Анна Григорьева/
text prepared by
Anna Grigorieva**

First prize was awarded to Eric Conzales from the United States, whose Converse Guest House offered two primary structures. One structure services as the 'private' house with the second functioning as the 'public' house with common areas for guests to gather. The two square-plan buildings are a yin and yang, balancing one another across a common boardwalk leading to a heated pool and fireplace.

Second prize went to Nuttapol Techopitch of Looklen Architects Co., Ltd., Thailand. Their 'Sailing Seasons' project featured a series of guesthouses set on a raised foundation of rails to preserve the nature of the existing site. Marwan Hamama from France took third prize for the project 'Singleton', which is a linear triad of programs made of stone gabion external walls, steel framing, and wood interiors.

To learn more about the Competition, visit icelandguesthouse.beebreeders.com

< Проект нового гостевого дома для термального курорта в Исландии. Eric Conzales (США). Первое место в конкурсе / The Iceland Thermal Springs Guest House by Eric Conzales from the USA, 1st prize winner

< Проект нового гостевого дома для термального курорта в Исландии. Компания Looklen architects co., ltd. (Таиланд). Второе место в конкурсе / The Iceland Thermal Springs Guest House by Looklen architects co., ltd. from Thailand, 2nd prize winner

Холодный климат, короткий световой день, специфика традиционной культуры городов Сибири, и в частности Новосибирска, требуют улучшения светоцветовой навигации в темное время суток. Для ориентирования пешеходов лучше всего использовать световую проекцию. Проецирование ориентирующих символов на горизонтальные и вертикальные поверхности позволит даже в короткий зимний день указывать путь, создавать позитивное настроение. С учетом интереса к проектированию умного города, управление системой светоцветовой навигации с личного гаджета также вносит новизну в исследование. Ключевые слова: светоцветовая навигация городских пространств; световой дизайн; колористика города; навигационная система; Новосибирск.

Siberian cities with cold climates, short daylight hours and specific features of local traditional culture, such as Novosibirsk, need improvement of light and color navigation at night time. It is best to use light projection to improve pedestrian orientation. The projection of orienting symbols on horizontal and vertical surfaces will allow not only to indicate the way, but also to create a positive mood even on a short winter day. Given the existing interest in designing a smart city, managing the color navigation system from a personal gadget is also a novelty in the study. Keywords: light and color navigation; light design; city coloristics; wayfinding system; Novosibirsk.

Светоцветовая навигация сибирского города (на примере Новосибирска) /

текст
Вера Ворожейкина /
text
Vera Vorozheikina

Одной из проблем светоцветового оформления современных российских городов является противоречие в концепции дневной и вечерней городской навигации. Это противоречие обусловлено существенными различиями в требованиях к художественной выразительности дневного и вечернего облика города. В отличие от своего дневного состояния, вечерний город нуждается в дополнительных выразительных средствах, решающих задачи освещения, оживления городской среды, дополнительной эстетической поддержки архитектурной пластики фасадов. Используемая в вечернее время световая композиция приобретает дополнительные качества динамичности, игривости, порой приближающейся к гротесковой. Колористические решения становятся смелее, светоцветовые инструменты разнообразнее.

Практические проблемы современных российских городов – дефицитность утилитарного освещения, фрагментарность системы городской навигации и пространственной идентификации, отсутствие акцентов в узловых точках городских пространств, композиционная путаница и визуальный «мусор». Они рождают затруднения в ориентировании, тревожность и визуальный дискомфорт горожан, вызванный ощущением гомогенности, бессвязности и прерывистости транспортно-пешеходных маршрутов и рекреационных общественных пространств. Особенно остро дискомфорт ощущается в период межсезонья и вегетативной депрессии.

Статья содержит результаты исследовательской работы в составе аналитической группы Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств. Исследования проводились на материале транспортно-пешеходного пространства проспекта Карла Маркса – магистрали городского значения в городе Новосибирске. Теоретические основы светоцветовой навигации опираются на уже существующий опыт проектирования системы ориентирования, колористики и освещения города.

Пик исследования проблем колористики города в России пришелся на 1990-е гг., когда вице-президент Международной ассоциации по цвету Андрей Владимирович Ефимов провел в Москве семинар, на котором выступали многие исследователи, специализирующиеся в области

изучения городского света и цвета. Так, В. Ж. Елизаров отметил, что анализ местной цветовой культуры включает изучение палитры и влияние традиционных цветосочетаний в архитектуре, живописи, декоративно-прикладном искусстве и ремеслах; анализ исторической эволюции архитектурной полихромии и цветовой культуры региона; исследование символики цвета в культуре региона, ее роли в архитектурной полихромии [1]. Такой подход имеет определенные особенности применения, поскольку, как отметил А. В. Ефимов, «специфика колористики новых городов состоит в том, что она не имеет исторических корней» [2, с. 254]. В таком городе природно-климатическое влияние будет играть первостепенную роль, город будет переживать «детство колористики» [2, с. 255] и стремиться использовать потенциал более старых городов, чтобы скорее достичь пика своего развития. Авторы Н. И. Щепетков [3], С. В. Когушина [4], Г. А. Матовников [5] и др. сформировали комплексный взгляд на проблему освещения города. Для ориентации в среде города пешеход должен построить в голове общий план маршрута, сверить узнаваемые ориентиры с траекторией своего фактического движения. Чем более гомогенна городская архитектура, тем труднее построение «когнитивных карт» в качестве базы пространственной идентификации. Учение о когнитивных картах лежит в основе трудов многих исследователей в области навигации: П. Артура, Р. Пассини [6], а также в концепции К. Линча «legible city» [7].

Методика формирования светоцветовой навигации города включает комплексный анализ светоцветовой среды и основывается на мировом опыте. Суть методики заключается в том, чтобы, во-первых, провести натурное обследование территории с последующей фотофиксацией объектов среды в разное время суток и года для изучения их текущего светоцветового состояния. Для определения уровня идентификационного потенциала средового объекта следует классифицировать объекты по степени динамичности (устойчивые, условно меняющиеся, быстро меняющиеся). Для определения навигационной дефицитности исследуемой среды необходимо оценить существующее состояние архитектурной колористики, искусственного освещения и средств навигации. Особен-

< Рис. 1. Главный корпус НГТУ. – URL: (дата обращения: 09.04.2019)

< Рис. 2. Шестой корпус НГТУ. – URL: <https://www.fb.nstu.ru/> (дата обращения: 09.04.2019)

Light and Color Navigation of the Siberian City (the Case of Novosibirsk)

ности формирования светоцветового состояния среды города обусловлены градостроительными, природно-климатическими, экономическими, культурными и другими факторами. Далее следует определить, какие из факторов доминируют. Градостроительный анализ поможет выявить доминанты социально-пространственного каркаса города. Культурные предпочтения местных жителей устанавливаются в ходе социологического опроса и помогают разработать концептуальное решение архитектурно-художественного оформления среды города. Влияние природно-климатических факторов определяется путем сравнения изображений, фиксирующих состояние среды в разное время суток и года. Отдельные предложения по архитектурно-художественному решению городских пространств должны базироваться на общей концепции, обеспечивая целостность пространства и узнаваемость его фрагментов в составе целого.

В вечернее время пешеход ориентируется, в первую очередь, на световые доминанты – элементы архитектурного освещения и фонари. В российских городах зачастую роль таких элементов выполняют подсвеченные рекламные конструкции. Их уязвимость в качестве световых доминант состоит в непостоянстве визуального контента и трудной узнаваемости, а также в усталости от восприятия их как избыточного визуального «шума».

Проспект Карла Маркса в Новосибирске имеет протяженность около 1,5 км и ориентирован с юго-запада на северо-восток. Проспект выходит через площадь имени Лыщинского к Коммунальному мосту через Обь и далее ведет на правый берег в Центральный район города. Проспект пересекается с несколькими улицами: Геодезической и Космической. Прилегающие к проспекту территории имеют квартальную застройку. Фрагмент обследуемой территории ограничен площадью Карла Маркса и площадью имени Лыщинского. Маршрут включает станции метро «Площадь Маркса» и «Студенческая», а также остановки наземного транспорта «Улица Ватутина», «Станция метро Студенческая» и «Жилмассив Горский» (площадь имени Лыщинского). Важным объектом инфраструктуры является территория кампуса Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) и Сибирского университета потребительской

кооперации (СибУПК). Особенностью кампуса НГТУ является прилегающая территория с регулярным сквером, имеющая ограждение по периметру. Фронт застройки проспекта составляют 43 строения различного назначения – жилые здания, общежития, административно-деловые и офисные, учебные и административные корпуса ВУЗов. На маршруте расположены предприятия питания, магазины, офисы банков, аптечные пункты, салоны связи и кинотеатр. В рамках исследования было зафиксировано около 1000 различных объектов инфраструктуры. Для восстановления текущего колористического состояния среды использовались специально подготовленные фотоматериалы. Покрытие улично-транспортной сети асфальтовое. Пешеходная зона, наряду с асфальтовым покрытием, имеет покрытие тротуарной плиткой. Встречается открытый земляной грунт.

Объектами быстро меняющегося слоя навигации проспекта являются полиграфическая наружная реклама, световая проекционная реклама и элементы праздничного оформления (декоративные элементы и световые гирлянды).

Квартальная застройка территорий, прилегающих к проспекту, сложилась в 1940–50-х гг. и включает типовые «хрущевки» и полногабаритные «сталинки» с преимущественной отделкой из серого камня. Первые этажи домов используются под коммерческие нужды и изобилуют крыльцами и входами, снаружи пестрят рекламой и вывесками, которые в темное время суток обеспечивают освещение. Среди однотипных зданий на маршруте можно выделить здания НГТУ в стиле конструктивизма: несколько корпусов, отличающихся по этажности (самый высокий в десять этажей). Первый корпус пятиэтажный и окрашен в темно-красный цвет, что делает его особо приметным (рис. 1).

Здание второго корпуса серого цвета, оно интересно входным решением: одноэтажная пристройка из красного кирпича включает вывески с названием факультетов. Со стороны проспекта хорошо виден корпус (рис. 2) в десять этажей, выполненный в стиле конструктивизма из стекла и бетона.

Отличается выразительностью корпус (рис. 3), в отделке которого использованы облицовочные плиты красного

^ Рис. 3. Седьмой корпус НГТУ. – URL: <https://nsk-history.livejournal.com/46630.html> (дата обращения: 09.04.2019)

^ Рис. 4. Кинотеатр «Аврора». – URL: (дата обращения: 09.04.2019)

и белого цвета; восьмизэтажное здание асимметрично: один из фасадов выполнен лестницей. Учебный корпус в восемь этажей имеет бордово-коричневый и бежевый цвет облицовочных плит.

Корпуса НГТУ огорожены и отделены от дорожной магистрали парковой зоной и аллеей, что делает здания скрытыми от глаз пешеходов кронами деревьев, особенно в летний период. В отличие от некоторых корпусов НГТУ, главный корпус СибУПК хорошо приметен как для пешеходов, так и для водителей благодаря красноватому цвету. Можно отметить двухэтажное здание кинотеатра «Аврора» в стиле конструктивизма, построенное специалистами треста «Новосибирскжилстрой-1» в 1969 г. (рис. 4). В настоящий момент здание заброшено и находится в аварийном состоянии.

Колористические решения зданий фиксировались при помощи цветового веера NCS и учитывают локальные цвета материала или красочного покрытия, кроме стеклянных поверхностей [8]. На основе полученных данных была составлена колористическая карта маршрута (рис. 5). Она наглядно демонстрирует, что цвета архитектурные сооружения приближены к ахроматическим. Три здания выполнены в красноватых оттенках; два здания нейтральных цветов из стекла и металла. В целом преобладает серовато-бежевая цветовая гамма.

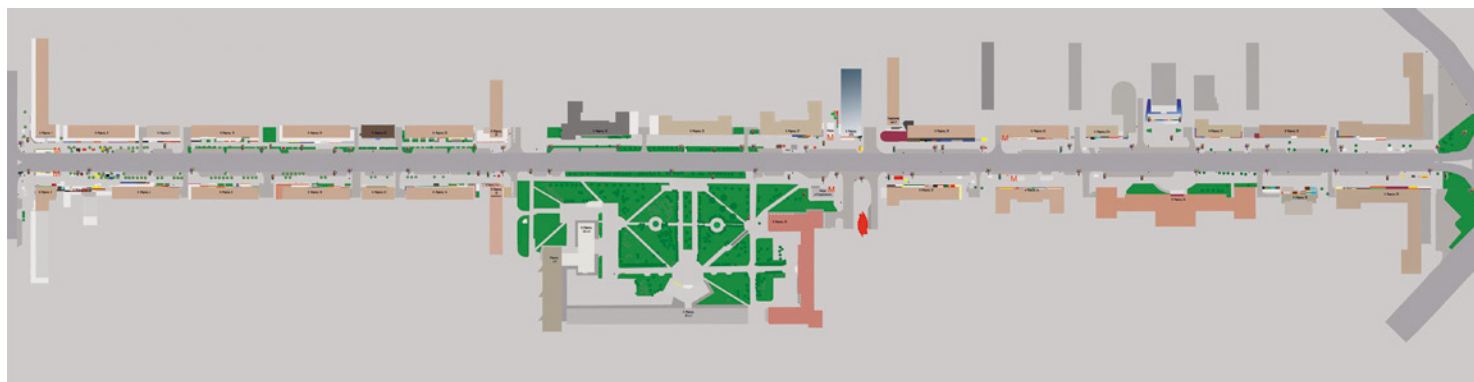
Цветовыми доминантами проспекта являются: первый корпус НГТУ красного цвета; здание СибУПК с преобладающим бордово-серым цветом, а дополнительными – бежевым и серым. Здание кинотеатра «Аврора» выделяется за счет стеклянных поверхностей и особенностей конструкции. Интересно современное пятиэтажное здание, находящееся подле кинотеатра на проспекте Карла Маркса, 53А. Облицовка здания золотистая, но выделяется оно за счет башнеобразной формы, отличающейся от окружающей архитектуры. Замыкают маршрут одинаковые восьмизэтажные здания угловой формы из серого кирпича.

Помимо негативного воздействия серого цвета на психофизиологическое состояние жителей, визуальный дискомфорт создает обилие наружной рекламы. Так, павильоны станции метро «Площадь Маркса» пестрят наружной рекламой. По четной стороне возле остановочного павильона «Улица Ватутина» несколько погибших деревьев. Остановочные павильоны по обеим сторонам сплошь оклеены объявлениями и вызывают дискомфорт: им требуются окрашивание и ремонт. На жилом доме по проспекту Карла Маркса, 11 на уровне первого этажа расположено большое количество (около 16) пестрых рекламных вывесок. В таком количестве информацию сложно читать: известно, что одновременно зритель может воспринимать не более трех графических объектов, в том числе относящихся к одному и тому же рекламному посланию. Таким образом, многие вывески находятся в так называемой слепой зоне, а потому неэффективны (рис. 6).

Оценка существующего состояния искусственного освещения. Среди рекламного освещения была обнаружена одна световая проекция, хорошо функционирующая как в летний, так и в зимний период: настенная реклама в виде световых панелей из оргстекла с нанесенной на поверхность прозрачной фотопленкой. Обе конструкции толщиной около 20–60 мм имеют яркую подсветку с торца. На маршруте обнаружены широкий рекламный холодильник-витрина Coca-Cola (frigorex fv-1200) и более узкий холодильник, в верхней части которых имеется подсветка. На маршруте 82 вывески, две из которых не подсвечиваются. Вывеска кинотеатра «Аврора» находится в заброшенном состоянии уже несколько лет. Из 66 билбордов 2 не подсвечиваются. Из 68 рассматриваемых конструкций сити-формата 4 требуют ремонта. Было обнаружено 6 пиляров, 2 видеозкрана, несколько входных групп. Входная группа представлена в едином оформлении входной зоны здания или иного сооруже-

> Рис. 5. Колористическая карта архитектуры проспекта Карла Маркса. Рисунок автора

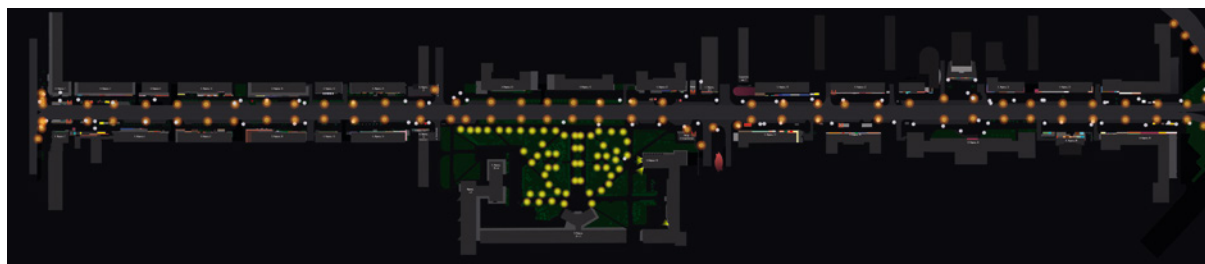
^ Рис. 6. Дневное состояние среды проспекта Карла Маркса. Рисунок автора

ния. Графические элементы (вывеска, табличка со временем работы, элементы рекламы) образуют законченную композицию за счет стиливого единства и колористики. В состав входной группы также входит фрагмент оформления фасада здания, козырька и маркизы. В ночное время, как правило, все элементы группы подсвечиваются, кроме вывески на двери. Не все киоски на маршруте имеют собственную подсветку; среди особо агрессивной ночной рекламы выделяются киоски для быстрого займа денег. Согласно схеме освещенности (рис. 7) и таблице, наиболее светлые участки маршрута из-за обилия рекламных вывесок и конструкций – сквер НГТУ и фрагмент от площади Маркса до ул. Космической.

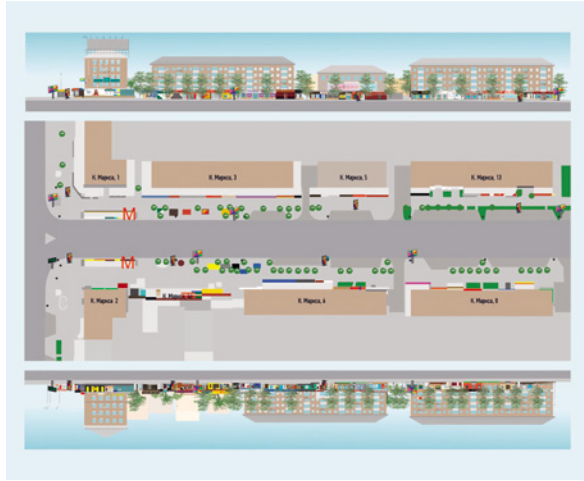
Согласно разверткам текущего состояния фрагмента маршрута (рис. 6, 7), рекламные вывески занимают фасады зданий до третьего этажа; одна конструкция расположена на крыше пятиэтажки. В целом преобладает холодное (белое) рекламное освещение, что оказывает неблагоприятное воздействие на психологическое состояние жителей. Особенный визуальный дискомфорт вызывает рекламная подсветка букмекерской конторы, находящаяся по проспекту Карла Маркса, 3: она содержит в своей рекламной палитре более пяти цветов. Единственная достопримечательность проспекта, кинотеатр «Аврора», практически не подсвечена; из-за этого образуется темный «провал» пешеходной зоны. Три из шести входов в метрополитен не подсвечены, ориентироваться можно лишь по внутреннему освещению. Ни одна домовая табличка не имеет собственной подсветки и видна лишь за счет иных источников света. Было обнаружено 74 идентичных дорожных фонаря: свет теплый, высота столба на уровне четвертого этажа, радиус интенсивного

светового потока около 4 м. Чрезмерной яркостью из них отличаются 12, светят очень тускло (красным светом) 4, не работают 14. Отдельно были исследованы 18 уличных фонарей НГТУ, расположенных на уровне второго этажа. Все они исправно работают и светят бело-желтым светом, который по яркости несколько интенсивнее дорожных фонарей. Состояние современного функционального и декоративного освещения оценено согласно правилам благоустройства территории города Новосибирска. Было обнаружено единственное здание с попыткой декорирования светодиодной лентой, часть которой не работает. Также зафиксирован декоративный элемент (снежинка), установленный на пилляре. Светодиодная декоративная подсветка смонтирована у шести рекламных объектов. В темное время суток к местам визуального дискомфорта относятся наименее освещенные участки маршрута, например, остановочные павильоны, не имеющие собственной подсветки. В этих местах пешеход чувствует себя потерянным. Оценка существующих средств навигации остановки наземного транспорта на маршруте «Улица Ватутина», «Метро Студенческая», «Жилмассив Горский» (площадь имени Лыщинского). Шесть остановочных входных павильонов, три по четной и столько же по нечетной стороне, находятся в крайне неудовлетворительном состоянии. Разнотипные павильоны увешаны объявлениями, на их стенах облупившаяся краска и следы ржавчины, название присутствует лишь на павильоне остановки «Метро Студенческая» (рис. 8).

На его козырьке дополнительно установлена конструкция в виде параллелепипеда, на фронтальной части которой имеется бумажная наклейка, поверх нее прикручена табличка меньшего размера с названием остановки.

< Рис. 7. Колористическая карта вечернего состояния проспекта Карла Маркса. Рисунок автора

в Рис. 8. Остановочный павильон на остановке «Метро Студенческая». Фото автора

^ Рис. 9. Состояние среды в дневное время летом. Рисунок автора

^ Рис. 10. Состояние среды в дневное время зимой. Рисунок автора

^ Рис. 11. Состояние среды в ночное время летом. Рисунок автора

^ Рис. 12. Состояние среды в ночное время зимой. Рисунок автора

Слева расположен герб Новосибирска, который мешает прочтению названия остановки. Рубленый шрифт Arial деформирован, сужен по вертикали для того, чтобы текст мог уместиться на формате. Поскольку название остановки пассажиры читают из движущегося транспорта или при посадке, необходимо следовать требованиям читаемости текста. Данный текст является трудночитаемым и неприметным, поскольку по колористике (желтый, зеленый, черный) и из-за названия фирмы-изготовителя напоминает рекламное сообщение. Проанализировано 39 домовых табличек, в том числе и дублирующих. Выявлено более 20 типов домовых табличек, имеющих различный визуальный облик, колористику, шрифты, композицию, габаритные размеры, размещение на здании. Поскольку четких предписаний относительно цвета табличек не обнаружено, будем следовать данным, рекомендованным П. Артуром и Р. Пассини, где указаны пропорции синего в сочетании с белым с контрастностью в 82%, что приемлемо для использования в среде города. М. А. Силкина дает рекомендации по использованию шрифтов, в том числе и для домовых табличек: соотношение размеров шрифта должно быть пропорционально расстоянию от зрителя. В России высота строчной буквы должна быть 250 мм для расстояния в 10 м.

Приведем анализ факторов, влияющих на текущее состояние среды. Новосибирск – молодой город (1893) с многоядерной градостроительной структурой. Исторически левый берег более населен благодаря располагающейся там деревне Кривощехово, а затем и одноименной станции. Территория левобережья начала активно осваиваться в 1930-е гг., что связано со строительством в годы первых пятилеток крупнейших за Уралом заводов, к примеру Сибкомбайна (Сибсельмаша). Это крупнейший машиностроительный комплекс по производству сельскохозяйственной техники, который с первых дней войны был переориентирован на военное производство. При заводах велось активное строительство двух- и трехэтажных жилых кварталов для размещения рабочих [9]. Первое сооружение на исследуемой нами территории появилось в 1939 г. Сегодня это памятник архитектуры и знаковый объект – водонапорная башня. В 1953 г. началось строительство учебных корпусов электротехни-

ческого института – НЭТИ (ныне НГТУ), а также главного корпуса института кооперативной торговли (СибУПК); таким образом, к промышленной добавлена образовательная функция. В 1955 г. введен в эксплуатацию Коммунальный мост, соединивший правый и левый берег Оби, что ускорило освоение левобережья. В 1987 г. на проспекте Карла Маркса был построен и сдан в эксплуатацию главный универсальный магазин (ГУМ), что привело к разрастанию рынка на прилегающей территории и хаотичному размещению торговых точек. Торговая специализация проспекта в районе станции метро «Площадь Маркса» способствовала активному выведению из жилого фонда квартир на первых этажах зданий для размещения торговых объектов, предприятий общепита и офисов. В 1990–2000-е гг. с распадом СССР и притоком товаров и услуг на фасадах зданий появляется наружная реклама, на территории появляются торговые павильоны, бизнес-центры и т. п. Торговая ориентация проспекта сохранилась по сей день и является своеобразной визитной карточкой левобережья.

Создание графиков, фиксирующих состояние среды в разное время года и суток, и их сравнительный анализ. Ниже приведено изображение состояния цветовой среды в летний период днем (рис. 9). Фрагмент включает развертку улиц, а также иллюстрацию плана, поскольку для демонстрации колористики нужно было показать дорожное покрытие, которое наилучшим образом просматривается сверху. Этот фрагмент территории наиболее функционально насыщен, фасады домов практически не видны из-за крон деревьев и пристроек. Пятиэтажки ничем не примечательны, козырьки некоторых пристроек служат местом для сушки ковров жителями вторых этажей. Можно отметить обилие серого цвета на горизонтальных поверхностях и обилие наружной рекламы, что выглядит особенно уныло в межсезонье и в зимний период днем (рис. 10). На рисунке отчетливо видно отсутствие зелени; рекламные сообщения выглядят агрессивно, активно выделяясь на белом фоне снега.

В дневное время летом найти дорогу на исследуемой территории сложнее, чем зимой, поскольку обзору мешают зеленые кроны деревьев. Зимой, когда деревья лишены листьев, зрителю открывается больший обзор.

С другой стороны, в солнечный зимний день слепящий свет мешает восприятию информации, особенно если речь идет о белых поверхностях. В ночное время проще ориентироваться зимой, чем летом, поскольку снег на горизонтальных поверхностях отражает искусственное освещение, из-за чего пространство кажется несколько светлее (рис. 12). К сожалению, исследования не включили график проспекта в весенний период днем, когда снег выглядит серым, а деревья все еще без листьев. Такое состояние среды влияет на психику жителей особенно негативно. Результат исследования светоцветового состояния проспекта: многие здания проспекта требуют реставрации и коррекции колористики (создание более теплых тонов, размещение суперграфики).

А. В. Ефимов рекомендует в городах с подобными Новосибирску климатическими условиями (такими, как Иркутск) использовать теплую цветовую гамму и высветлять серые цвета [2]. Доказано, что обилие серого цвета негативно сказывается на психологическом здоровье жителей. Если демонтировать наружную рекламу на маршруте, ситуация окажется и вовсе плачевной. И. А. Добрицына в подобных случаях предлагает использовать суперграфику, при помощи которой можно украсить глухие фасады домов [10]. На проспекте требуется установить навигационные стелы, указатели. Необходимо привести в порядок адресные таблички; желательно использовать единое графическое оформление. Остановочные павильоны следует графически оформить. Навигационная информация должна включать название остановки и транспортную карту. При разработке навигационных конструкций крайне необходимо учитывать не только существующую светоцветовую среду города, но и его природное окружение в дневное и вечернее время суток. Необходим учет сезонности. Нужно тщательно изучить существующие фактуры и поверхности, их возможность нейтрализовать впечатление от неблагоприятных погодных условий. Для таких городов с резко континентальным климатом, как Новосибирск, не рекомендуется активное использование холодной цветовой гаммы, усиливающей ощущение холода и подавляющей позитивное эстетическое восприятие городской среды.

Литература

1. Елизаров, В. Ж. Региональный контекст и цветовая концепция города / Колористика города: материалы международного семинара (Москва, 22–25 мая 1990 г.). – Москва, 1990. – С. 199–205
2. Ефимов, А. В. Колористика города. – Москва : Стройиздат, 1990. – 272 с.
3. Колгушкина, С. В. Исследование световой среды города с помощью технологии eye-tracking / Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Световой дизайн 2016». – Санкт-Петербург : Университет ИТМО, 2016
4. Матовников, Г. А. Освещение новых пешеходных улиц Москвы // Светотехника. – 2015. – № 2. – С. 11–17
5. Щепетков, Н. Цветовой свет в городе. Проблемы светоцветовой среды : материалы международного семинара «Колористика города». – Москва, 1990. – С. 182–190
6. Arthur, P. Wayfinding. People, Signs, and Architecture. – Oakville: Focus Strategic Communications Incorporated / P. Arthur, R. Passini. – New York : McGraw-Hill Book Co, 2002. – 238 p.
7. Линч, К. Образ города. – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с.

8. Hard, A. NCS – Natural Color System: Swedish standard for color notation / A. H rd, L. Sivik // Color Research & Application. – 1981. – V. 6. – P. 129–138

9. Багрова, Н. В., Филонов, С. В. Стилистическая динамика русского (советского) авангарда в архитектуре Новосибирска // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 70–73

10. Добрицына, И. А. Дизайн в обеспечении ориентации в среде современного города : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.06 – Техническая эстетика и дизайн. – Москва, 1985. – 209 с.

References

Arthur, P. (2002). Wayfinding. People, Signs, and Architecture. Oakville: Focus Strategic Communications Incorporated, New York: McGraw-Hill Book Co.

Bagrova, N., & Filonov, S. (2019). Stylistic Dynamics of the Russian (Soviet) Avant-Garde in the Architecture of Novosibirsk. Project Baikal, 16(62), 70–73. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1549>

Dobricyna, I. A. (1985). Dizajn v obespechenii orientacii v srede sovremenno goroda [Design in providing orientation in the modern city environment]. Diss. PhD in arts. Moscow [in Russian].

Efimov, A. V. (1990). Koloristika goroda [Colouristics of the city], Moscow: Strojizdat [in Russian].

Elizarov, V. Jgh. (1990). Regional'nyj kontekst i cvetovaya koncepciya goroda [Regional context and color concept of the city]. Materialy mezhdunarodnogo seminar: Koloristika goroda. Moscow [in Russian].

Hard, A. (1981). NCS – Natural Color System: Swedish standard for color notation. In Color Research & Application (Vol. 6, pp. 129–138).

Kolguškina, S. V. (2016). Issledovanie svetovoj sredy goroda s pomoshch'yu tekhnologii eye-tracking [Study of the city's light environment using eye – tracking technology]. Abstracts of the International scientific-practical conference Lighting Design 2016, Universitet ITMO. Saint Petersburg [in Russian].

Lynch, K. (1960). The image of the city, Cambridge, Massachusetts and London: The MIT Press.

Matovnikov, G.A. (2015). Osveshchenie novyh peshekhodnyh ulic Moskvy [Lighting the new pedestrian streets of Moscow]. Svetotekhnika, (No 2, pp. 11–17) [in Russian].

Shchepetkov, N. (1990). Cvetovoj svet v gorode. Problemy svetocvetovoj sredy [Color light in the city. Problems of the color environment]. In International workshop materials (pp.182– 190). Moscow [in Russian].

Есть такая категория зданий, которая уже сама по себе устойчиво связана с праздниками. В первую очередь это, конечно, здания театров. В статье Александра Анисимова рассматривается эволюция конструкции и декора театральных зданий Нового времени вплоть до наших дней. Революции в театральном искусстве переключаются с удивительными прорывами архитектурной мысли. Мощный импульс новейшим течениям происходит на пересечении европейской архитектурной мысли и новаторских тенденций Китая.

Эссе Петра Капустина посвящено символике и смыслам башни. Башня как связующий элемент между земным и небесным, мужским и женским, прошлым и настоящим... Эзотерический, неповседневный смысл башни роднит ее с темой номера.

Чемпионат мира по футболу 2018 года отшумел и уже начал забываться, несмотря на свою яркую праздничность. Пришло время более глубокого анализа опыта, который он привнес. Материал о «Волгоград Арене» посвящен вантовой конструкции комплекса. Проектирование и строительство комплекса выглядят как подлинное торжество конструкторской мысли и в то же время как прекрасный пример международного сотрудничества специалистов из множества стран.

Константин Лидин

здание-праздник / celebration building

There is a type of buildings closely related to celebrations. First of all, it includes theatre buildings. Alexander Anisimov's article considers the evolution of the structure and the decoration of theatre buildings in the modern and contemporary times. Revolutions in the theatrical art resonate with wonderful breakthroughs in the architectural thought. New streams are boosted at the intersection of the European architectural thought and Chinese innovative trends.

Petr Kapustin's essay is devoted to the symbolism and meanings of a tower. A tower is considered as a linking element between the sacred and the profane, the male and female, the past and the present... The esoteric and extraordinary meaning of the tower makes it related to the topic of the issue.

The 2018 FIFA World Cup is already fading from our memory, despite its bright festivity. It is time for a deeper analysis of the experience brought by the Championship. The article on Volgograd Arena is devoted to the cable-stayed roof system of the Complex. The design and construction of the Complex look like a real triumph of the engineering thought and, at the same time, an excellent example of international collaboration of specialists from different countries.

Konstantin Lidin

Рассматриваются причины изменения принципов формообразования в архитектуре зрелищных зданий конца XX – начала XXI века: изменение социальных условий, развитие техники и технологии сцены, совершенствование инженерного оборудования зданий, изменение критериев оценки архитектурной композиции общественных зданий и роли психологии в их восприятии. Объекты последних десятилетий рассмотрены на фоне этапных изменений в концепциях театрального проектирования более ранних периодов. Приводятся примеры объектов новой эпохи зрелищной архитектуры.

Ключевые слова: демонстрационное пространство; театр; город; композиция пространства; смена критериев; изменение темпа жизни; архитектор и постановщик. /

The article considers the reasons of the change in the form-making principles in architecture of entertainment facilities of the late 20th – early 21st centuries: the change in social conditions, development of stage technologies; improvement of engineering equipment of buildings; the shift in evaluation criteria of architectural composition of public buildings and the role of psychology in their perception. The buildings of the recent decades are considered in relation to stage-by-stage changes in the concepts of theatre design of earlier periods. The examples of architecture of entertainment facilities of the new age are provided.

Keywords: show space; theatre; city; space composition; shift in criteria; change in the pace of life; architect and stage director.

^ Рис. 1. Байройт. Бавария. Открытие фестивального зала Рихарда Вагнера. 1876. Архитекторы О. Брюквальд и Г. Земпер

Новая эпоха театральной архитектуры /

текст

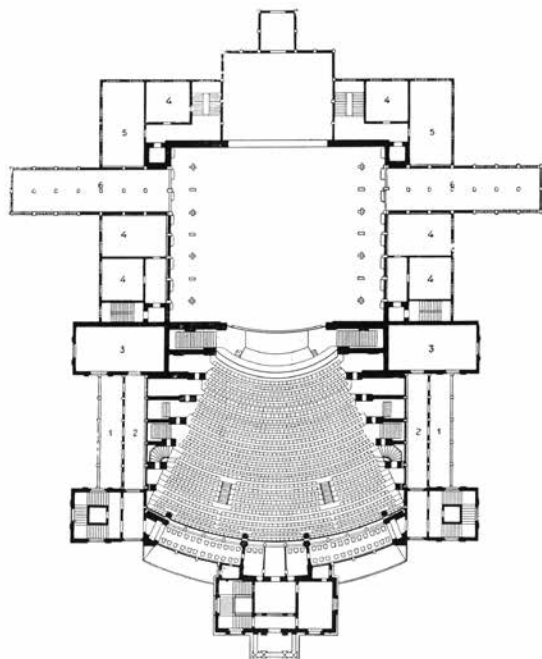
Александр Анисимов /
text
Alexander Anisimov

С детства кажется: театр всегда праздник, даже если в нем показывают, что «нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Хорошая архитектура театрального здания – праздник даже более надежный, чем само зрелище, и тоже требует качественного исполнения. Вообще-то говоря, архитектура остается зрелищем, даже если она уродливая. Любая архитектура формирует город и вместе с ним нашу жизнь. Большая архитектура Большого театра, как и паруса Сиднея – это пафос и героика большого искусства и большого праздника. Но малая по размеру, интимная архитектура тоже может превратиться в самый большой частный праздник человека и хорошего камерного искусства. Аналоги – Тимпиеццо в Риме, капелла Пацци в Санта-Кроче во Флоренции. То же с театрами.

Годами воспитывается любовь к определенному окружению, встреча с которым дарит счастливые минуты. Но идет время, меняются люди и потребности их восприятия, что-то надоедает, наступает разочарование, хочется новых впечатлений – и рождается любовь к новому пространству, которое создает новое понятие об этом празднике. А предыдущее уходит, казалось бы, безвозвратно. Но потом он же возникает уже как история, как ностальгия по прошлому, а для кого-то – по молодости.

Приходится учитывать, что со временем происходит и смена критериев, не только объективных, но и субъективных – в нашем мозгу. Это два масштаба критериев (общественный и индивидуальный).

Новое время, новые потребности, новые возможности. Иные ценности – жизненные вообще и ценности восприятия архитектуры в частности. Произошла смена потребностей и понятий о прекрасном и гармоничном. Очевидно изменение темпа жизни, темпа восприятия искусства; наконец, темпа восприятия архитектуры как искусства. Контрасты и диссонансы возможны не только в музыке, но и в архитектуре, особенно если они сделаны талантливой рукой. Не успел окончиться XIX век, как стали появляться театральные здания, поставившие под вопрос достоинства его (века) достижения – большие ярусные театры: «Сложившийся к XVIII–XIX векам тип классического ярусного театра с глубокой сценой проектировался как театр, пригодный для любой труппы того времени, но не для любого зрителя. И в тот момент, когда архитекторы были готовы создать совершенный театр этого типа, начал зарождаться новый подход к проектированию театрального здания через осмысление постановочных принципов труппы» [5, с. 246]. В августе 1876 в Байройте открылся театр Рихарда Вагнера Festspielhaus с немецким амфитеатром, необычным глубоким оркестром и двойным порталом («мистическая бездна»), построенный по проекту О. Брюквальда и Готфрида Земпера [1] при необычном для театра кирпичном фасаде (Рис. 1). В 1914 г. для выставки Немецкого Веркбунда Анри Ван де Вельде создает театр с трехчастным порталом и глубокими карманами сцены при совершенно непривычной внешней архитектуре монолитной формы – некоей смеси Art Nouveau с новейшей железобетонной архитектурой

60. Театр Вагнера в Байройте. План. Арх. Г. Земпер и О. Брюквальд
1—балкон, 2—фойе, 3—сцена, 4—уборные артистов, 5—хористы,
6—декорации

> Рис. 2. План театра Р. Вагнера в Байройте. Из кн.: Бархин Г. Б., «Архитектура Театра», 1947

< Рис. 3. Театр на выставке Немецкого Веркбунда в Кельне, 1914. Архитектор А. Ван де Вельде

A New Age of Theater Architecture

(Рис. 3). Трехпортальную сцену используют и братья О. и Г. Перре для театра на выставке декоративных искусств 1925 г. в Париже. Изобретательной архитектурой интерьера удивил Г. Пельциг, перестраивая цирк в Большой драматический театр в Берлине (1919). В 1928 г. Вальтер Гропиус с Эрвином Пискатором создают фантастический проект театра с овальным залом и двумя эксцентрично вращающимися кругами, перенасыщенный проекционной аппаратурой. Многие в нем были наивно и довольно быстро устарело. Спустя 20 лет даже авторы о нем не вспоминали. О несколько похожем овальном зале мечтал и Всеволод Мейерхольд. По его замыслу и проекту М. Г. Бархина и С. Е. Вахтангова началось строительство на площади Маяковского в Москве удивительного театра без сценической коробки, с открытой сценой прямо в зале с двумя поворотными кругами и оркестром позади сцены. Фасад не очень интересовал авторов; главной была оригинальная планировка и сценография, а также технология всего театрального организма. Но трагическая судьба превратила недостроенный театр в Концертный зал имени П. И. Чайковского, а большой круг превратился в партер. Все эти объекты были первой атакой на классический ярусный театр с барочным залом, традиционной сценой-коробкой и ордерной архитектурой с колонными портиками. В 1935–1950-х гг. в СССР возник рецидив неоампирной архитектуры, но ненадолго и в чисто внешней архитектуре фасадов. Менялось время, менялись люди, по улицам помчались в большом количестве личные автомобили. Портик заменили большим стеклом. Но и это не оправдало себя и надоело.

Появились иные скорости смены впечатлений; более того, иные потребности человека в смене впечатлений. То, что вчера было праздником, сегодня может стать скучной надоедливой темой... Это касается и архитектуры тоже. Архитекторов и постановщиков волновал не только темп смены декораций. Крушение классицизма произошло не потому, что он был плох: он надоел своей повторяемой одинаковостью и своим ограниченным прейскурантом ордерных систем, которая была хороша для иного темпа жизни и иной культуры.

Гениальные инженеры и новые строительные материалы освободили архитекторов от оков классической

эклектики и стоечно-балочной ограниченности. Появились гигантские пролеты, огромные тяжелые консоли, фантастической кривизны формы, плоскости двойной кривизны. Назревало новое явление в театральном строительстве.

Можно нафантазировать себе город из разных контрастных частей на вкус потребителя: старого квартала домов вчерашнего дня; за углом – квартал домов из далекой истории и т. д. И наконец – зданий супернового, еще непривычного облика. И человек сможет выбирать себе окружение, если ему позволят.

Можно сфантазировать себе и театр или целый зрелищный комплекс (это легче осуществить, чем построить город) с разными залами, целыми зданиями, целым ансамблем. Это вполне реально.

Театр в Туле. 1960-1970 гг.

v Рис. 4. Драматический театр в Туле. 1970. Арх. В. Красильников, В. Шульрихтер, А. Попов

^ Рис. 6. Театр на Таганке. 1983. Архитекторы А. Анисимов, Ю. Гнедовский, Б. Таранцев

Новая эпоха сменила многое, и невозможное стало возможным. Произошли:

- смена технологии. Смена инженерного оборудования и его дизайна;
- смена вкусов потребителя и авторов; смена требований к комфорту;
- изменился масштаб проектов: градостроительный масштаб стал важнее архитектуры одного здания;
- потрясающе изменились возможности постановочного освещения;
- транспорт внешний и внутренний (определяет уровень комфорта) диктует свои формы и планировку от генплана до внутренних вертикальных и горизонтальных коммуникаций. Это повлияло и на внешнюю, и на внутреннюю архитектуру. Архитекторы надеялись на совместную работу с постановщиками.

На промежуточном этапе появились интересные здания еще с некоторой оглядкой на старые закономерности формообразования. Прежде всего хотелось бы напомнить проекты нашего академика архитектора

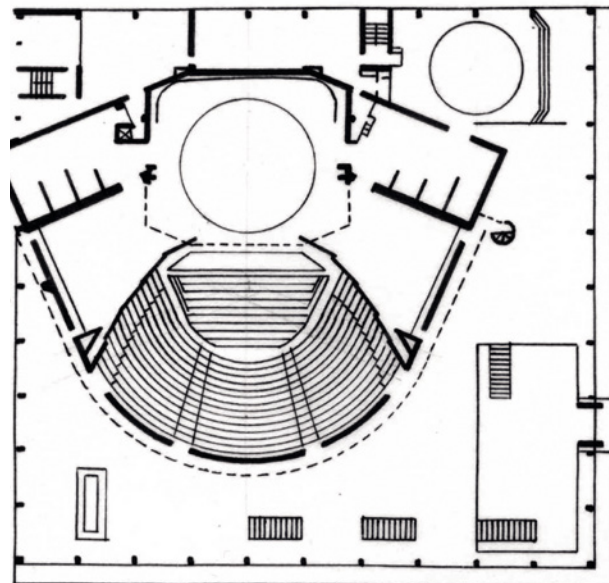

> Рис. 5. Театр в Туле. Интерьер вестибюля. План основного этажа

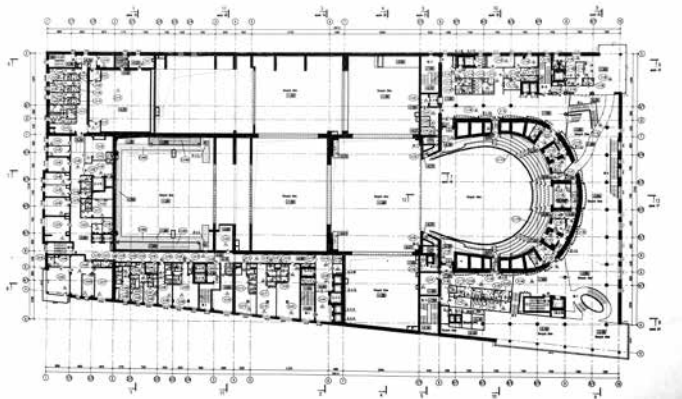

^ Рис. 7. Новое здание Мариинского театра. Верхняя часть с амфитеатром на крыше над главным входом

Владилена Дмитриевича Красильникова и его соавторов [3; 4.]: Театр в Туле (1960–1970; авторы В. Касильников, В. Шульрихтер, С. Галаджева, А. Попов) (Рис. 4, 5). «Мечта наших театральных авангардистов воплотилась в русском провинциальном городе» [3, с. 24]. Построен Детский музыкальный театр (1968–1979; авторы А. Великанов и В. Красильников), не осуществился проект Культурного центра в Багдаде (1975), а также оперного театра в Волгограде. Александр Кудрявцев в обзоре архитектуры этого периода пишет: «Всегда интересны оригинальные архитектурные сооружения, не имеющие аналогов в отечественной и зарубежной практике. Они рождаются местом расположения («genius loci»), неожиданными и немногословными композиционными средствами достигают максимального эффекта. <...> Особое место в ряду этих открытий занимает проект и реализация Театра на Таганке (1972–1980; арх. А. Анисимов, Ю. Гнедовский, Б. Таранцев, инж. В. Белицкий). В архитектуре московского Театра авторы хотели и смогли выразить культурное средокрестие ряда важнейших

в Рис. 7в. План на уровне сцены. Видны одинакового размера взаимозаменяемые подвижные планшеты 16 × 16 м основной сцены, карманов, арьерсцены и монтажной

^ Рис. 7а. Новое здание Мариинского театра. Потолок зрительного зала

в Рис. 7б. Главная лестница в фойе театра

факторов рождения образа. Первое – театр и город, вхождение города в театр, часто буквально – театрализация города, присутствие исторических элементов, истории места. Второе – новаторство театра, развитие знаковых находок театра, обеспечение сценического действия и сценографии театра новейшей технологией. И наконец – демонстрация современности архитектурного языка, его модернизма в мягкой форме северного регионализма – красный кирпич, белые наличники, арки, окна-бойницы» [4, с. 29–30] (Рис. 6).

Всеобщие изменения в социальной, политической и научно-технической жизни человечества повлияли на организацию и архитектуру театрального пространства. При этом на функциональной планировке отражаются требования демократии. Демократия заключается в возможности выбора. В конкретном случае – это выбор места, размера зала, характера его особенностей и энергетики действия; наконец, выбор эстетического окружения. Крупнейшие города, в которых много зрелищных сооружений, могут позволить роскошь такого выбора. В городах помельче возможна трансформация зрелищного пространства. В крупных городах можно трансформацию заменить многозальностью с разными типами залов по размеру и постановочным возможностям; это дешевле и эффективнее.

Наличие и уровень комфорта становится элементом демократии. Не детали интерьера, а качество его комфорта становится главным критерием. Подчеркнем, что эстетическое качество – тоже комфорт. Очень важен внутренний климат и его регулирование.

Произошла смена приоритетов: не фасад, а демонстрационное пространство, сцена-зал стало главным в театре сегодняшнего дня. Умудренный огромным практическим опытом архитектор В. Красильников подтверждает: «<...> наконец, главное – зрительный зал – это личное понимание сценографической задачи, наложенное на образную трактовку объекта, вытекающее из необходимости обеспечения многочисленных и противоречивых функциональных требований, предъявляемых к пространству, в котором происходит зрелище. Так что можно считать проектирование зрительного зала в какой-то степени локальной задачей. Это «сердце» зрелищного

> Рис. 8. Театр в Сиднее. Австралия. 1959–1973. Архитектор Йорн Уотсон

здания, но и как сердце живого организма, оно, конечно, не только дает жизнь всему телу здания, но и многочисленными «сосудами» жестко привязано к структуре всего сооружения» [3, с. 7]. В демонстрационном пространстве главное акустика и видимость, а не орнаменты на барьерах ярусов. Декорационная мишура мешает и навязывает свою эстетику. Новый Мариинский театр со стороны фасадов, казалось бы, ничего особенного из себя не представляет. Но его функциональная полнота, изощренная технология и нестандартные интерьеры с хорошей акустикой и освещением сделали его одним из лучших театров Европы. Зритель уже не хочет идти в старую тесную пыльную Мариинку (Рис. 7.1–7.4).

Опасности: перегрузка информацией вообще и обилием выбора, пространственным нечеловеческим масштабом. Возникает Усталость восприятия. А это порождает вначале безразличие и отсутствие интереса, а затем и отрицательное отношение. Появится тяга к интимному уединению, камерному театру, изоляции от этого проклятого современного города, где все несетя, крутится визжит и грохочет, заманивает, обманывает и разоряет в нравственном и финансовом отношении. Театр может стать изоляцией от этого утомляющего города. И не должен повторять его неизбежные недостатки. Так возникло огромное количество камерных залов, дешевых и гибких.

v Рис. 9. Большой Национальный театр в Пекине. 2007. Архитектор Поль Андре (Франция)

Особенности новой театральной архитектуры:

- Фасад, освобожденный от традиционных форм и отображения внутренней организации пространства. В театре главное – пространство для действия. В крайнем случае в современном театре собственного фасада может вообще не быть. Пример – Геликон-опера в Москве.
- Многофункциональность театрального пространства в зрительской и служебной части. Например, фойе, буфет, внутренний дворик могут стать и сценой, и залом. И наоборот, зал может получить дополнительные функции.
- Многозальность решает проблему выбора, а не трансформация, которая полезнее и интереснее как часть сценографии.
- Резкое увеличение сценической и связанной с ней площади относительно площади зала (рекорд в этом отношении побил Опера Бастилии).
- Резкое увеличение инженерно-технических площадей.

При слишком изощренной сложной технологии и механизации актер становится лишним. Это не ирония. Я вполне допускаю, что может появиться такой компьютерный минотавр с подвижными перегородками и разворачивающимися потолками, с богатыми программами сценического освещения, с режиссером-оператором за сложным компьютерным органом [5, с. 258]. И это тоже будет большим театральным праздником. Кто-то скажет: так можно и зрителей заменить с их смехом, аплодисментами и негодованием. Можно... И некоторые режиссеры уже позволяли себе такое: при боязни потери зрителя – включали записи. Но это тайна...

Архитекторы разочаровались в совместной работе с режиссерами. У них оказались разные понятия о ценности Времени. Здание строится годами – спектакль ставится неделями, иногда месяцами. Здание существует десятилетия, иногда больше века – спектакль живет значительно меньше. За свою жизнь архитектор построит 2–3 театра, исключительно редко – 10; режиссер поставит несколько десятков спектаклей, а то и сотню... Понятно?..

Пожалуй, первым объектом в новое время, решительно порвавшим с классическим образом традиционных крупных театров, можно считать Театр в Сиднее, про-

изведение Йорна Уотсона (1959–1973) (Рис. 8). Его выразительный образ на фоне моря – бетонные паруса – стал символом города и страны. Это был один из первых многозальных комплексов (5 залов общей вместимостью 5500 мест). За ним последовала Опера Бастилия с невероятно развитой сценической системой механизации (9 подвижных планшетов) и необычным фасадом из стекла и электронных экранов (1989) [6].

Шокирующе-новая театральная архитектура в XXI веке пришла неожиданно с востока, из Китая. За последнее двадцатилетие появилась целая серия необыкновенных по своей внешней и интерьерной композиции сооружений.

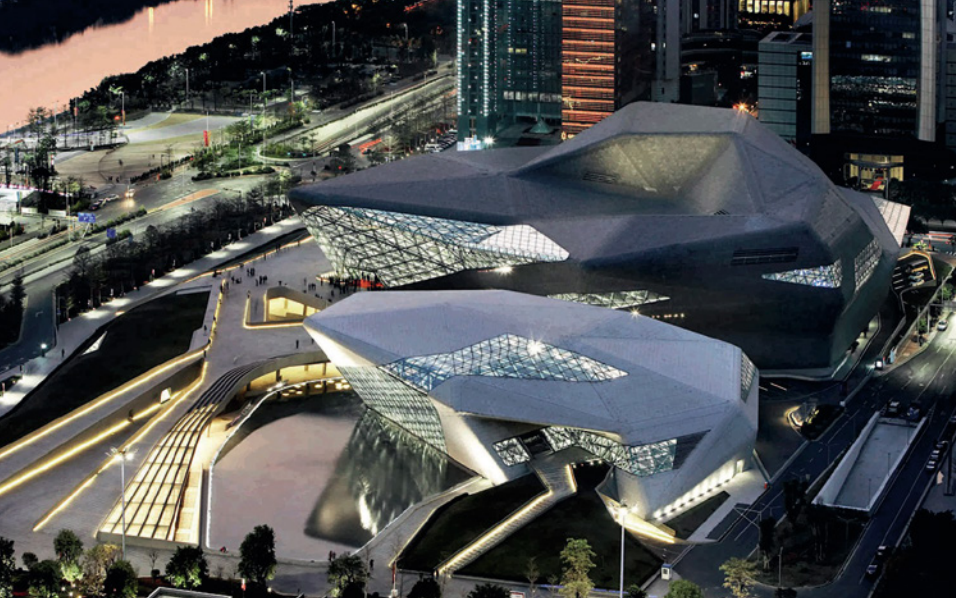
1. Национальный Большой театр Китая (2007; арх. Поль Андре, Франция) – «яйцо», придуманное французом в Пекине [6, с. 138–139]. Это невероятное грандиозное сооружение отличается смелостью как по месту своего размещения рядом с традиционными постройками, так и по небывалой для Китая форме архитектуры. Под единой фантастической оболочкой три зала – для оперы, концертов и драмы (Рис. 7–9).

2. Опера в Харбине (2010–2014; арх. MAD Architects) – некое морское чудовище, распластавшееся среди болотной воды [9]. Оперный театр, состоящий из двух отдельно стоящих зданий с залами на 1600 и 400 чело-

^ Рис. 10. Опера в Харбине. Китай. На фоне новой части города. 2010–2014. Арх. студия MAD Architects

< Рис. 12. Опера в Гуанчжоу. Китай. 2005–2010. Фрагмент фасада. Архитектор Заха Хадид

^ Рис. 12. Опера в Гуанчжоу. Китай. 2005–2010. Архитектор Заха Хадид

век, стал своеобразным культурным центром Харбина (Рис. 10). Здание расположено на острове, окруженном болотами реки Сунгари. «Извилистые и плавные линии здания как бы повторяют форму берегов реки, а линии стен, как волны, мягко поднимаются и затухают <...> Весь проект этого театра – это попытка повторить и слиться с природным ландшафтом. Внимание уделялось даже климатическим особенностям. Для того, чтобы здание соответствовало часто снежному пейзажу, для отделки фасадов использован преимущественно облачный белый цвет, белый камень и бетон» [9]. Вся архитектура построена на контрастах материала, цвета и формы. Деревянные плоскости интерьеров зала противопоставлены таким же фантастическим белым формам вестибюля и наружной архитектуры, напоминающим снежные сугробы и тающий лед.

– Новый оперный театр в Уси (Wuxi Grand Theatre) (построен в начале нового тысячелетия в Китае по проекту архитектурной студии PES Architects) – «крылья бабо-

v Рис. 11. Оперный театр в Уси (Wuxi Grand Theatre), Китай. Нач. 3-го тысячелетия. По проекту арх. студии PES Architects

< Рис. 14. Опера в Копенгагене. Дания. 2005. Архитектор Хеннинг Ларсен

чек», взлетевших над полуостровом живописного озера [10]. Он размещен на искусственном полуострове озера Wu-Li Lake, к югу от центра Уси и является наиболее важным новым культурным объектом этого района (Рис. 11). Два корпуса над восточным благоустройством (своеобразный «лес» из 9-метровых световых колонн от главного входа до самого озера) покрыты семью «крыльями», которые ассоциируются с крыльями бабочек, ориентированы на водный простор пейзажа. Тысячи светодиодов вмонтированы в эти «крылья», которые могут менять освещенность и цвет в зависимости от постановки. Силуэты крыльев ассоциируются со старинными китайскими постройками. «Новый театр стал событием, вошедшим в природный пейзаж – яркое выражение национальной особенности искусства этой страны» [10].

– Театр в Гуанчжоу, Китай (2005–2010; арх. Заха Хадид, конкурс 2002) [8] – «два валуна», придуманные англичанкой из Ирака для Гуанчжоу. Оперный театр состоит из двух залов в отдельных объемах на 1800 и 400 мест. Рядом с участком – берег реки Чжуцзян. В основу плана здания положен принцип «двух валунов»; их обтекаемые формы действительно напоминают обкатанную морем морскую гальку (Рис. 12). По мнению специалистов, главный зал обладает великолепной акустикой. В малом зале – сцена-арена и трансформация. В интерьере пластиковые стеклобетонные формы создают рукотворный ландшафт, отражающий архитектурную эстетику автора. «Функциональные особенности выражены в формах постройки, ненавязчиво разбитой на треугольники, состоящей из двух естественно перетекающих друг в друга объемов, с «низинной» между ними. <...> Ландшафтную естественность подчеркивают «хрустальные» вставки на темной бетонной «коже» здания, позволяющие солнечному свету проникать в пространства для репетиций, центральный холл, лаунж-зоны, служебные помещения. Прозрачность одной из стен здания позволяет его посетителям в антрактах любоваться речными видами» [8].

В интерьерах доминирует белый цвет, контрастирующий с черным (полы переходов, некоторые простенки). Лишь в Большом зале тепло-охристые стены сияют золотом под россыпью точечной подсветки, вмонтированной в поверхность плафонов, стен и элементов декора.

^ Рис. 13. Опера в Осло. Норвегия. 2003–2007. Архитектор Olafur Eliasson

Соавтором проекта был Патрик Шумахер, который относит это здание Захи Хадид, как, впрочем, и другие ее произведения, к «параметрицизму». Он так объясняет это понятие в своей статье «В каком стиле мы должны строить?»: «Параметрицизм – единственное течение, справедливо претендующее на роль главного стиля в XXI веке, это архитектурный ответ на те изменения, которые произошли в новую информационную эру (постморфизма), как когда-то модернизм стал ответом на машинный век <...>. Цифровые технологии создают совершенно новые условия для проектирования, инженерии, обмена данными, производства. В свою очередь для архитектуры – это ресурсы пространственного и социального программирования» [8].

«<...> возникает мысль, что в дальнейшем эта новая свободная эстетика будет диктовать свои правила будущим архитектурным композициям или она превратится в гигантскую скульптуру – памятник своему времени» [6, с. 139]. Новая ли это эпоха или временное увлечение – время покажет.

> Рис. 15. Концертный зал Сейдж Гейтсхед в Гейтсхеде. 1997–2004. Архитектор Норман Фостер

v Рис. 16. Дворец искусств королевы Софии. Валенсия. Испания. 1996–2005. Архитектор Сантьяго Калатрава

Европейцы XXI века оказались более сдержанными. Но и здесь проявилась новая образность зрелищного здания, порой тонко сочетающаяся с окружающей средой и оборудованной новейшей технологией в щедrom обновленном пространстве сцен. Примеры – получивший общее признание известный театр Оперы в Копенгагене и Опера в Осло, Норвегия (2003–2007; арх. Olafur Eliasson).

Архитектура норвежского театра органично вошла в северный пейзаж этого города и этой страны. Очевидцы пишут, что «<...> в целом снежно-белое здание с его асимметричными изломанными формами напоминает огромный айсберг, приплывший к берегам Норвегии из холодных северных морей» [11]. Наклонная крыша театра полого спускается до земли, превращаясь в мощный пандус наподобие склона снежной горы. Она очень быстро завоевала популярность у горожан и гостей Осло

(Рис. 13). «Облюбовали крышу театра и скейтбордисты» [11].

К новому направлению с необычным образом внешней формы можно отнести и произведение Нормана Фостера – трехзальный Концертный зал Сейдж Гейтсхед в Гейтсхеде (Рис. 15) и, конечно, произведения Сантьяго Калатравы в Валенсии и на Тенерифе (Рис. 16–17). Калатрава, благодаря своей уникальной эрудиции архитектора-художника и инженера-конструктора, создал неповторимые образы фантастических композиций. Дворец искусств с Оперой в Валенсии концептуально изменил понятие об образе современного театра. А морской пейзаж с гигантским бетонным клювом хищной птицы над двухзальным объемом делает скупую обычную театральную архитектуру в классическом стиле. По-прежнему следует признать, что нет плохих стилей, но есть плохие исполнители, произведения которых мы оставили за пределами этой статьи.

Литература

1. Бархин, Г. Б. Архитектура театра. – Москва : Издательство Академии архитектуры СССР, 1947. – 246 с. : ил.
2. Иконников, А. В. Архитектура Москвы. XX век. – Москва : Московский рабочий, 1984. – 222 с. : ил.
3. Красильников, В. Д. 10 залов в моей жизни. – Москва : Жираф, 2004. – 80 с. : ил.
4. Кудрявцев, А. П. Век XX. Архитектура РСФСР 1955–1990 / Штрихи к портрету // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 26–31
5. Анисимов, А. В. Театральные здания Москвы: курс. – Москва, 2017. – 380 с.
6. Анисимов, А. В. Проектирование объектов культуры в исторической среде // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 132–139
7. Большой национальный театр Пекина. – URL : <https://stroim.ru/unikalnaya-arhitektura/mir/opiernyi-teatr-piekina-chudo-sovremennoi-arhitektury>
8. Оперный театр Гуанчжоу // Деловой квартал. – URL : <http://delovoy-kvartal.ru/opernyy-teatr-v-guanchzhou> (дата обращения: 3.05.2018)
9. Культурное место. Оперный театр от MAD architects // project Bauhaus: журнал о дизайне и архитектуре. – URL : <http://probauhaus.ru/opernyj-teatr-harbin> (дата обращения: 1.04.2018)
10. Варванина, Е. Самые необычные и красивые театры мира (фото). Французский боз-ар, румынский неоклассицизм и китайский аван-

гард. Театр в Уси (Китай) // Mail Недвижимость. – URL : https://realty.mail.ru/articles/18423/samye_neobychnye_i_krasivye_teatry_mira_foto/ (дата обращения: 3.05.2018)

11. Оперный театр Осло. – URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%82%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80_%D0%9E%D1%81%D0%BB%D0%BE (дата обращения: 5.09.2018)

12. Сантьяго Калатрава. В поисках движения: каталог выставок. – Санкт-Петербург : Гос. Эрмитаж, 2012. – 163 с. : ил.

References

Anisimov, A. V. (2017). Teatralnye zdaniya Moskvy: kurs [Theatre buildings in Moscow: a course]. Moscow.

Anisimov, A. (2019). Designing Cultural Facilities in the Historical Environment. Project Baikal, 16(61), 132-139. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1515>

Barkhin, G. B. (1947). Arkhitektura teatra [Architecture of the theatre]. Moscow: Izdatelstvo Akademii arkhitiektury SSSR.

Calatrava, Santiago. (2012). V poiskakh dvizheniya: catalog vystavki [In search of motion: an exhibition catalogue]. Saint Petersburg: Gos. Ermitazh.

Glushkov, D. (2016, March 27). Kulturnoe mesto. Opernyi teatr ot MAD architects [A cultural place. The Opera Theatre by MAD architects]. Project Bauhaus. Retrieved April 1, 2018 from <http://probauhaus.ru/opernyj-teatr-harbin>

Ikonnikov, A. V. (1984). Arkhitektura Moskvy. XX vek [Architecture of Moscow. XX century. Moscow: Moskovsky rabochii.

Krasilnikov, V. D. (2004). 10 zalov v moei zhizni [The 10 halls in my life]. Moscow: Zhiraf.

Kudryavtsev, A. (2019). XX Century. Architecture of the RSFSR. Project Baikal, 16(59), 26-31. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1427>

Opernyi teatr Guanchzhou [Guangzhou Opera Theatre]. (2016, October 26). Delovoi kvartal. Retrieved May 3, 2018 from <http://delovoy-kvartal.ru/operniy-teatr-v-guanchzhou>

Opernyi teatr Oslo [Oslo Opera Theatre]. (n.d.). Retrieved September 5, 2018 from https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%82%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80_%D0%9E%D1%81%D0%BB%D0%BE

Opernyi teatr Pekina: chudo sovremennoi arkhitiektury [Beijing Opera Theatre: a wonder of contemporary architecture]. (n.d.). Retrieved from <https://stroj.mos.ru/unikalnaya-arhitektura/mir/opiyniy-tieatrpiekina-chudo-sovriemiennoi-arkhitiektury>

Varvanina, E. (n.d.). Samye neobychnye i krasivye teatry mira (foto) [The most extraordinary and beautiful theatres of the world (photos)]. Mail Nedvizhimost. Retrieved May 3, 2018 from https://realty.mail.ru/articles/18423/samye_neobychnye_i_krasivye_teatry_mira_foto/

в Рис. 17. Концертный зал в Тенерифе.

Санта-Крус-де-Тенерифе. Испания. 1991–2003. Архитектор Сантьяго Калатрава

^ Питер Брейгель. Вавилонская башня. 1563, Вена

Эссе посвящено феномену башни – одному из наиболее распространенных, но и загадочных типов зданий и сооружений. Башни известны буквально всем народам и всем эпохам... Но известны ли в самом деле? Может, башни лишь позволяют их использовать? Чем мы обязаны башням и почему так любим их? Эти и другие вопросы обсуждаются в эссе.

Ключевые слова: страх; мужество и надежда в архитектуре; башня; феноменология архитектуры; образ и смысл в архитектуре. /

The essay is devoted to the tower phenomenon. It is one of the most popular, but also the most mysterious types of buildings and structures. Towers are well-known throughout all nations and all epochs... But are they really known? Maybe towers just permit us to use them? What do we owe to them and why do we love them so much? These and other questions are discussed in the essay. Keywords: fear; courage and hope in architecture; tower; phenomenology of architecture; image and meaning in architecture.

Башня / The Tower

текст

Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

Башня, пожалуй, самая универсальная архитектурная форма. Башни то стягиваются до обелиска, то раздаются до бастиона. Башни – это и донжоны, и стрельницы, и вышки, и маяки, и каланчи, и колокольни, и минареты... Это обсерватории и зенитные башни, «ранние небоскребы» и сталинские высотки, сверкающие высокотехнологичным стеклом отели и старые кирпичные заводские трубы. Их формы разнообразны, а функции неисчислимы. Башнями может быть названа и поля баранка Кутафьей, и кружевная Эйфелева мачта, и плотная, как небольшой город, Сухарева. Башня, похоже, – это не особенность формы, не область возможных выполняемых задач, не тип даже, скорее – звание, присваиваемое за те или иные заслуги. Иногда посмертно: два покойника WTC стали башнями, лишь исчезнув. «Две башни» Толкиена не случайно так срезонировали с событием 11.09.2001 – башня довольно смертный объект, постройка, никогда не свободная от образов смерти, катастрофы, страха.

На страже

Башни устрашают. Они, собственно, для этого изобретены и построены, это – одна из их миссий. Башни призваны не столько обеспечивать защиту обороняющихся в них (что позволяет возвести их генезис к деревьям, издревле дававшим спасение людям от наземных нападений агрессивного мира¹), сколько сообщать нападавшим о тщетности их усилий. Но усилия такого рода не всегда тщетны: искусство брать башни и города штурмом или осадой развивалось параллельно с совершенствованием оборонительных сооружений. Впрочем, Эжен Виолле-де-Дюк замечает между делом: «Искусство фортификации часто развивается в народе пропорционально степени развала военного искусства на поле боя» [1].

Башни страшны: осада донжона с сюзереном, его семьей и свитой – отнюдь не романтическая история из жизни рыцарей и прекрасных дам. Можно предположить, что основой эстетизации башен стала инверсия страшного, страха в рамках артикулированных форм владения и, тем самым, гарантии безопасности – так мы любимся красотой оружия, несмотря на его способность убивать.

Да, Башня – оружейный тип архитектуры par excellence. Сколько бы ни были светлы и миролюбивы иные башни, воевать – так или иначе – приходится и им. Но не всегда их война видна.

Башни в плане (хочется сказать в их случае – в сечении, но ведь план и есть горизонтальное сечение, срез) бывают чаще всего круглые и прямоугольные. Энциклопедический тон, в который мы здесь впадаем, оправдан, поскольку различие существенно и типично. «Круглые» хороши как отдельно стоящие, они на все стороны равны, все в равной мере видят и отовсюду выглядят узнаваемо. Это ориентиры и маяки. Они не провоцируют фантазии достройки их (например, стенами), как провоцируют прямоугольные планы. К ним не подберешься с угла (Виолле-де-Дюк упоминает о действительности такого приема). Но «круглые» башни, пожалуй, уступают прямоугольным в силе утверждения присутствия, в способности создавать Место. Они хуже «цепляются» за свой контекст, лучше обтекаются всеми потоками, в т. ч. и смысловыми, а также ядрами и камнями из катапульта. Но они лучше охраняют доверенное им место, благодаря неполному в нем присутствию, меньшей уязвимости, способности скрыться. Круглой форме, разумеется, ничего заранее не запрещено, но, когда вы берете в качестве якоря шар, надо быть готовым к тому, что он может укатиться. Тем более, когда шар отполирован (аналогом чего в архитектуре можно считать стекло, зеркало и белый цвет). Такие качества требуют дополнительных усилий для удержания на месте, и, если соответственные меры не заложены в форме, то усилие приходится на глаз и восприятие. Можно бы вовсе отказать идеальным «круглым» и белоснежным башням в уместности. (Таковой, например, была бы Пизанская (да еще и с ярусами аркад!), не помоги ей «падение»). Можно, если бы не парадоксы знаков (а Башня – сильный знак, символ), которые, как нередко случается, проявляет игра слов: у – местность парадоксально синонимична у – топии. Утопическими белые или зеркальные круглые башни, разумеется, тоже назвать трудно: утопия не есть область столь простых решений, в нее непросто попасть. И еще труднее выйти, вынеся ценное. Вот так, на полпути от утопии к месту, они и обретаются; там их пост.

1. Башня – архитектор, нет – «менгир с глазами» (так говорил Малевич о продукции своих последователей-архитекторов). Измыслить такое могло лишь сильно ангажированное вертикализмом воображение. Т. е. такое, для которого спасение – в залезании вверх и огрызании сверху. Но не в беге, не в удержании фронта, не в контратаке. Башня, как никакая иная архитектурная форма, разоблачает наше конкретно-звериное, видовое – обезьянье – нутро; оттого мы так любим башни, хотя и несколько стесняемся этой любви. Но мы смогли приспособить башни и к дозору на границе, и к стоянию во фронт, в кремле; и даже, приделав колеса, к атакам на другие стены и башни. И тем самым, видимо, смогли немного изменить и свою природу

^ Башенный комплекс Вовнушки. XIV в., Ингушетия

^ Сторожевая башня в Ицари. XIV в., Дагестан

2. В русском варианте «Города желтого дьявола»: «Квадратные, лишённые желания быть красивыми, тупые, тяжёлые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно».

Большинство башен, поставленных в горах и коннотирующих дозор, все же имеет угловатые планы. Тем самым они «вырастают» из окружающего скального ландшафта и гомогенны ему. И, видимо, они хорошо представляют себе, в какие стороны должны смотреть, а какие не представляют угрозы их молчаливому стоянию в ожидании. Чего ждут они? Мудрецы предупреждают: у Майтрейи много башен и явлений стражи горной. Такую стражу не интересуют наши мелкие человеческие намерения; она прозревает пути идей. И почему башням, в самом деле, не сторожить токи идеальных смыслов, не контролировать контрабанду значений из сфер горного – в мир дольний? Ведь сквозь их частую расстановку (топику) все равно легко пройдет все живое, не отслеженное всегда отсутствующими наблюдателями, не отстрелянное их заложённых – уже при строительстве – бойниц...

Светотень Истины

Башнями печали и мрака («tower is gloomily and drearily»²) назвал Максим Горький небоскребы Нью-Йорка в 1906 году. Горький редко бывал точен в своих эпитетах, но тут попал. Печаль и мрак – невыветриваемые качества средневековых башен, пусть даже их сегодня используют под шоу-румы, магазины сувениров и пр. Но это также и качества их наследников, в т. ч. и «всех в белом», блестящих элегантной формой и функционирующих как нельзя более гламурно. В последнем случае скука изгоняется более-менее эффективно (впрочем, печаль и скука – чувства субъективные), а мрак уходит с глаз в какие-то иные измерения. Но он всегда рядом, всегда готов вырваться наружу, ибо башни не только защищают от зла, но и привлекают его – это выдающиеся аттракторы всякого недоброжелательства.

Башни хранят время, будь то срок заключения или часовой механизм: «часовые» – это не разновидность башен с циферблатом, это характер всего их семейства. Ведь время – универсальный ресурс; контроль над ним позволяет регулировать всякую деятельность, вплоть до полного пресечения оной. Башня – архитектурное «развитие» стойки, здание-стойка, наследница менгиров по прямой. Прямая стойка часового неизменна во времени, будь это смена дня и ночи, света и тьмы, добра или зла. Не часовому решать, кто прав, кто виноват:

v Каменецкая башня. 1271–1288, Каменец, Белоруссия

^ Симеон Столпник.
Русская икона. 1465

он сторожит, в надежности этого занятия его правда. Не случайно башни издревле служили тюрьмами и служили исправно: немецкое *Turm* (башня, вышка и пр.) дало имя пенитенциарным учреждениям. Восточно-европейское и славянское слово «вежа», согласно Брокгаузу и Ефрону, также означало и башню, и место заключения, и само лишение свободы: по литовско-польскому праву «верхняя вежа» – осуждение за гражданское правонарушение, а «нижняя вежа» – за уголовное, влекущее заточение в подземелье. Но «вежа» – это еще и знающий, образованный, ведающий, посвященный, тот, кто хранит нечто важное где-то глубоко внутри.

Поэтому все башни – сторожевые. У них нет иного выбора: если не стоять на страже, то уж точно всегда быть настороже. А кому они могли бы доверить такую миссию: ведь не вальяжным куполам, не легкомысленным аркадам, не вечно дремлющим мостам, не слепым и глухим стенам...

> Пороховая башня.
XV в., Прага

З. Л. Мис ван дер Роз разрабатывает свой первый концептуальный проект полностью стеклянного жилого небоскреба в те же годы, когда Е. Замятин в романе «Мы» описывает тоталитарное общество, обитающее в таких домах, и дает уничтожительную критику антигуманной «организации пространства», основанной на прозрачности и контроле, – в 1920–21 гг.

Хотя некоторые башни, в силу малого поперечного размера, внутри довольно светлы, как Невьянская башня Демидовых, сгустившийся в них за века сумрак не изгоняется солнечным светом, как не изгоняется и его виртуальный морок в вертикальных аквариумах Миса и его многочисленных последователей. «Насквозь просолнеченными» назвал Е. Замятин эти стеклянные призмы, но он же и показал их жуткий экзистенциальный мрак задолго до всемирного распространения модернистской моды³.

«Правильная» башня все же должна быть темной, если не черной (черный – не архитектурный цвет, или, по П. Мондриану, вообще не цвет), то темно-темно-коричневой, как башни Праги. Камень, старея, дает такой тон. Беленая башня подобна деревянной «красотке» со свекольными щеками; но сегодня – из старых – впечатляют и такие. На фоне зеленых лугов, лесов, сини неба и озер, белые башни, вроде той же Невьянской, или Пизанской, сверкают уже как бриллианты – прости Господи – духа. Ведь память и формируемые ею паттерны неприязнительны, увы; много же не надо тем, кто сам обманываться рад. А башни народом любимы.

Откуда и как произошел культ Башни в культуре? Помимо наследования менгиру, помимо мифологемы Вавилонской башни и помимо средневековой оборонительной инверсии, есть еще один сильный источник – подвиг столпничества. Потребность подняться над миром дольним ради обретения откровений истины приобретает в столпах святых если не архитектурное, то пространственное воплощение, конкретность топоса; стояние пред Господом – зримость духовного делания; безбрежное – концентрацию в локусе. «Премудрость созда себе дом и утверди столпов семь, закла своя жертвенная... [Притч. 9:1]», – цитирует П. Флоренский «Книгу Притчей Соломоновых» в своем «Столпе и утверждении Истины». Здесь столп упомянут многожды: как престол Богородицы, как символ Софии (Премудрости), как мост меж Землею и Небом...

Башня есть институт истинствования. Добровольное посвящение себя служению или насильственное заточение за веру, созерцание дали пространств и времен с верхней площадки или прозрение истины в подземелье ее – башня вся, целиком служит сбережению и кристаллизации сокровенного, сколь бы тяжким ни был сей труд. С башен сходит тлен столпнический и наставления святых, провозглашаются указы королей, читаются муэдзинами молитвы, спрыгивают вниз мечтатели – с голубиными крыльями и без оных. Башни смертны и жертвенны; уже этим оплачена их правда.

Истина башен не предлагается к досужему рассмотрению как истины утопий, не излагается бесстрастно и отчужденно как энциклопедический факт; она утверждает – весомо и основательно. Башни не говорят намеками (как делают это колоннады и аркады), не строят иллюзий (как строят их мосты) и не прибегают к языку аллегорий (как обелиски, сады и своды). Миссия утверждения, будь то учреждение учения или глашатайство о важном, для башен органична; даже ПРОУНЫ Лазаря Лисицкого (напомним: «Проекты Утверждения Нового») не обоглились без небоскреба, хотя бы и «горизонтального». Если вам надо что-либо утвердить – стройте башню.

Мужское и женское

«Башня из слоновой кости» – библейский образ; так названа женская шея в «Песни Песней Соломона», чем подчеркнута белизна и стройность. Отчего же этот пронзительный образ трансмутировал в одиозное определение ограниченности и надменной замкнутости? Не от обычного ли комплекса мужской неполноценности, срывающей свои любовные поражения на репутациях литературных героев, на понятиях и категориях? Так,

Татьяну Ларину предлагают уже считать неудачницей, принужденной расплачиваться за однажды проявленную холодность. Недоступность – вот что должно читаться в «башне из слоновой кости». Ну что же, нормальное качество приличной башни и приличной барышни.

Башни, в самом деле, довольно женственны. И это отнюдь не сентиментальная нежность или округлость форм. Даже суровые донжоны, побитые вражескими ядрами, со всей своей несомненной мужественностью и при всей – тривиальной уже – фалличности, слишком сложны, глубоко, субстанциальны, изначальны, чтобы сигнифицировать мужчину; ведь и женщины бывают мужественны, не теряя при этом женственности. Согласно гипотезе Ж. Бодрийяра, «женское вообще есть единственный пол, а мужское существует лишь благодаря сверхчеловеческому усилию в попытке оторваться от него» («Соблазн»)⁴ [2]. В башнях мы видим и эту отчаянную попытку, и ее закономерный провал: «...истощение и ослабление половой маркировки, причем не только исторически памятной марки мужского, крепившей некогда все схемы эректильности, вертикальности, роста, происхождения, производства и т. п., а ныне бесследно изгладившейся в хаосе навязчивой симуляции всех этих тем, – но и метки женственности, во все времена запечатлявшей соблазн и оболщание» (там же). Башни, как никакие другие архитектурные типы, способны освободить нас от наивного «фрейдизма».

Башня – Воительница, Берегиня (так Николай Константинович Рерих называл свою Елену Ивановну). В ней наличествует инкарнация Матери (быть может, присматривающей за детинцем – местом строительной жертвы младенцами?). Мрачность образов не должна пугать (пусть она пугает врагов!), ведь башня – очень серьезное дело. Оттого столь нелепы пресловутые «башенки» нуворишеских жилищ, легкомысленные и (якобы) свободные от смертных забот. Нелепы, но и милы, конечно, – как дети; нужны, тем самым, и они.

Башня в веках Истории – это стилет последнего шанса для Города или двора, семейства. Она удобна только для того, чтобы из нее отстреливаться. Все иные «функции» башня выполняет неохотно, в тесноте и со скрипом. Однако же башни – самый, пожалуй, многофункциональный архитектурный тип. Чем только не служат башни, несмотря на полную их к тому непригодность! Такова и Невьянская башня – символ и действительная постройка промышленной революции на Урале. Символ и феномен настолько сильны, что вытесняют из сознания всякие утилитарные соображения.

Большая часть башен по всему миру совершенно загадочны (что также относит их в сферу женского). Таковы многочисленные башни поселений Северного Кавказа, Тибета, Китая (Сычуань), американских индейцев. Их оборонительное назначение номинально и не подтверждается даже мало-мальски критичным военно-историческим анализом. Жилого назначения они никогда не имели. Веками они стоят пустыми и, кажется, для самой пустоты в них и возведены: это не фаллос, скорее чрево. Функционализм пристыженно отступает от таких башен: повержен оказывается он, а не отсутствующие под их стенами враги.

О таких башнях говорят, за неимением лучшего объяснения, что это – лестницы на небо. Каждая семья, род или клан, якобы, стремились иметь такую, и выше, чем у соседей. Этим объясняются и башни Болоньи (La torre Asinelli имеет высоту 97,2 м – какая уж тут оборона!), Сан Джиминьяно, сел горного Кавказа и др. Но что делать с башнями – а их немало – построенными в каменных нишах и упирающихся вершинами в скалу?! И горы: они же всегда выше жалких человеческих построек, всегда ближе к небу...

< Невьянская башня.
1721–1725, Невьянск

4. «Стоит мужчине хоть на миг зазеваться – и он вновь отброшен к женскому», – добавляет Бодрийяр там же

^ Бродвейская башня. 1794, Вустершир, Англия

v Кампанила собора Святого Марка. 1514, Венеция

Странное дело: трансцендентализм не объясняет смысл и происхождение многих башен (собственно религиозный трансцендентализм строг лишь для колоколен, минаретов и пагод). Не объясняет, но не покидает их совсем. Он, скорее, приобретает иные формы, привычно осуществляясь в ритуалах и обрядах. А последние традиционно оформляют циклы жизни и смерти: зачатие, рождение, инициацию, похороны. Возможно, этим циклам и посвящены башни, назначения которых забыты. Отголоски обрядности еще доходят до нас в виде преданий (так, говорят, в башнях уединялись супруги для продолжения рода, в башни уходили старики: поднимались на «небесные похороны»).

Проектный смысл притчи о Вавилонской башне

«Лестница на Небо» (а также ее поздний и порядком дискредитированный симулякр, названный сквозь зубы М. Горьким «скребницей неба») – тема, в которой трудно умолчать о Вавилонской башне. Умолчать трудно, но мы попробуем. Вавилонская башня требует отдельного текста, и не одного. И уж если о ней писать, то сомасштабно ее предприятию. Но, по сути, она получила уже свои тексты, и сполна – все, написанное на всех языках, есть тексты о ней. С каждого языка, с каждого слова она берет свою символическую дань, и символ здесь – не метафора.

Отметим лишь кое-что, существенное в рамках нашего предмета и интереса. С точки зрения исторической фактографии Мигдаль Бавель – не башня, но пирамида. Зиккураты Междуречья никак не удовлетворяют минимальному требованию для пропуска в типологию башен: их основания едва ли не превосходят их высоты. Если предположить, что Вавилонская как раз тем и отличалась, что резко нарушала эту пропорцию в пользу высоты (чем можно было бы объяснить ее строительную неудачу при том же материале кирпича и глины), то притча должна была бы быть не о языках и не о сложности замысла, а о негодности субстанций и ошибках в выборе их; или уж о различии подходов к малому и большому (или, если угодно, – к большому и очень большому). Тема покушения на Небо и наказанной гордыни при этом прекрасно бы сохранилась! Разумеется, тогда это была бы история строительная, а не лингвистическая, что заставляет подозревать первичность задачи объяснения множественности языков, для решения которой строительная байка была лишь удачно привлечена. Но зиккурат Этеменанки – наиболее вероятный прообраз легендарной башни – хоть и был выше прочих, но ничем другим из ряда не выделялся и принцип не нарушал. Так что история Вавилонской башни (Быт. 11:1-9) явно не об этом.

Важно как раз противоположное: отказ ставить Вавилонскую башню в один ряд с зиккуратами Месопотамии, возведение которых не было проблемой ни техники, ни организации труда, ни коммуникации строителей. Мифологическая же Вавилонская башня одинока и изрядна: она одна, ибо возведение ее не опиралось ни на прототип, ни на традицию или опыт. Библия сообщает о ней так, будто бы решение о ее возведении возникло на «пустом месте» и было чистой авантюрой. Библия полностью игнорирует всю практику зиккуратостроительства, что, как надо понимать нам, помнящим о ее существовании, должно указывать на беспрецедентный эксперимент. И это уже несомненно башня, а не пирамида, поскольку все достоинства и все грехи Башни здесь налицо.

Оттого и потребовалась постоянная, активная и содержательная (!) коммуникация, проговаривание каждой производственной операции, неумолчный говор, гул голосов – столпотворение. Для нас наиболее значимым в этой общеизвестной истории из Книги Бытия является то, что успех предприятия поставлен в зависимость

от коммуникации строителей. Это уникально и знаменательно: ведь воспроизводство сакрального прототипа вообще не требует разговоров (а нередко и прямо запрещает их!). На это никогда не обращали внимания исследователи, даже историки архитектуры⁵, но это представляется ключевым: прекращенные свыше разговоры, для чего они вообще были бы нужны?! О чем говорить, когда все действия отработаны веками и узаконены канонами цеха и жреческого клана? Традиционная стройка, как и любое другое ремесленное производство (тем более – ремесленно-жреческое), проходит в сосредоточенном молчании, молитве и сопровождается обменом сигналами, не всегда вербальными. Молчание – это доблесть цеха. У ремесленника все уже есть, все свое он носит с собой; он сам, его дело и его средства неразличимы. Знаки ремесла эту целостность, это единство деятельности закрепляют и держат. Но когда отсутствие средства трансляции замысла, обсуждения идей и принятия решений становится проблемой, останавливающей стройку, перед нами впервые и во весь рост встает ситуация семиотического разрыва в структуре деятельности. И пусть бы повод для библейской притчи был придуман, заимствован или основан на недоразумении (принятии недостроенной башни за разрушенную), зияние разрыва проявилось и уже не утратит своей власти над воображением.

Притча, ясное дело, трактует произошедшее в терминах богобоязни и гордыни, наказания и уничтожения, обиды и воздаяния, но она называет ключевое слово – язык. Неудача какого-то грандиозного начинания, в котором были уже недействительны типические (прототипические) скрепы зодческого ремесла, где потребовалось новое семиотическое средство удержания в мысли нетривиального замысла и адекватной передачи его на все уровни исполнения с одновременным обеспечением их взаимодействия и координации, – средства, которого трагически не было, не оказалось – эта история легла в качестве материала в притчу о Вавилонской башне со всеми ее богословскими нравоучительными и лингвистическими объяснительными денотациями.

Неудача – повод для притчи; какое-то событие действительно должно было быть (или, по известному афоризму, его надо было выдумать – настолько оно важно), поскольку в структуре самого ремесла разрыв, приводящий к его кризису, возникнуть не может. Ремесло есть абсолютная антитеза самоубийственному риску (т. е., собственно, творчеству), в нем не только невозможен невыполнимый замысел, выходящий за пределы канона, он просто немислим (его невозможно помыслить, не удастся)⁶: согласно Пармениду, он – небытие, которого нет.

Утрата единого праязыка, наверное, катастрофа, но ее развертывание – вопрос столетий, вопрос долгого выхода из ветхого мира. Однако отсутствие языка осознания и трансляции непрототипического замысла уже само тормозит развитие на многие столетия; это проблема входа в новый зон. Перед нами, видимо, первая фиксация проблематики проектирования (если угодно – проектирования без прототипов); еще грядущей, а не архаической, как могло бы показаться, в каком-то смысле – вечной, архетипической проблематики.

Место и его отсутствие

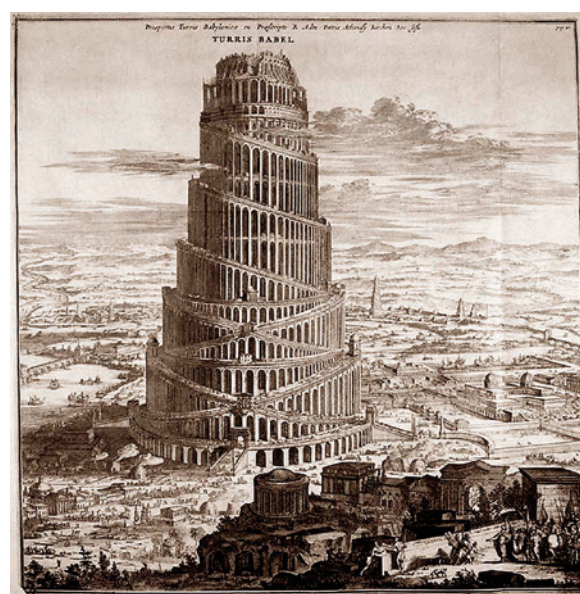
Где может стоять башня? Где угодно! В центре города, на его границе в окружении крепостных стен, одиноко в поле, в горах, в песках... Нельзя сказать, что башне не важен контекст: башня всякий раз уместна как раз потому, что она и создает место. А искусствоведы могут спокойно допустить, что всякий контекст «снимается» в ее форме.

> Башни Азинелли и Гаризенда. XII в., Болонья

> Башня Геркулеса – действующий древнеримский маяк. Ла-Корунья, Испания

> Ливен Крёйл (Lievev Cruyt). Перспектива Вавилонской башни. 1634–1720

5. Так, Л. Мамфорд, предлагая понятие мегамшины (в частности – на примере анализа возведения египетских пирамид), упоминает в качестве ее связующих начал, ее социально-психологических и семиотических скреп «... религиозную экзальтацию, магическую абракадабру и царский приказ» («Миф машины»).

6. Как и во всей цивилизации традиционного или архаического типа, централизованной на ремесло не только и даже не столько как на единственно известный способ производства, сколько как на универсальную модель мышления и деятельности вообще: См.: Платон, «Тимей»; Аристотель, «Метафизика» (особенно книга VII, глава VIII). Поэтому и заказ соответствующей степени трансгрессии поступить не мог – ни «царский приказ», ни конвенция «социального заказа», о котором упоминает Библия («И сказали они: построим себе город и башню высоту до небес...»). Нам остается или принять версию внешнего влияния, подвигшего на экстремальное предприятие («соблазн темных сил» – об этом, собственно, и вещает притча в своей моральной составляющей), или версию гениальной пророческой интерпретации возможной логики развития какого-то рядового, в сущности, события; ведь обрушения построек происходили нередко.

Но башня может создать и безместность (placelessness). Несомненно: последнее есть недавнее и довольно извращенное умение, но оно существует, и на него есть спрос. Башне и архитекторам ее надо очень постараться, чтобы организовать вокруг себя пустыню: ведь приходится идти против гениальной природы Башни, подвиг возведения которой всякий раз сопряжен с предельной концентрацией больших ресурсов и сил в малой точке на карте. Начать постройку башни, но не рассчитать средств и не закончить ее – библейская метафора несостоятельности (и это не про Вавилонскую – Лук. 14:28-33). Избежать такой неприятности стремились изо всех сил, не считаясь с жертвами, а потому возведенная башня всегда становилась событием. Событие осуществляется здесь и теперь, а не где-то там и не когда-либо еще: сущее обретает существование сообразно бытию. Со – бытие стягивает времена и пространства на себя, закручивает их вокруг своей оси. Тем и порождается феномен места. Он, феномен места, индивидуален не только по замыслу, но и по праву рождения в муках; он подлинен, поскольку явился осуществлением бытия здесь, в темпоральных границах присутствия (что дарует ему способность и право воспроизводить присутствие в веках); его место не может быть занято ничем иным.

Но когда ресурсы немерены, силы дармовые, контекст уже изначально пустынен, идеи экстерриториальны, а архитектор приглашен из-за океана, то может возникнуть «Бурдж-Халифа». Это значительно большая неприятность, нежели недостроенная башня для ветхого человека. Она не есть со-бытие, поскольку нет бытия, с которым она была бы совместна, которому причастна: ни у ее подошвы, ни окрест, ни вдали, ни на протыкаемом ее иглой небе. Апофеоз безместности – зал в этом дубайском небоскребе, где праздный посетитель может увидеть экранные симуляции размещения «Бурдж-Халифы» в других городах мира, в т. ч. Москве. И никакой из этих многих виртуальных контекстов не снимается, разумеется, в форме башни, как не снимается в ней и ландшафт аравийской пустыни, и вымышленное предметно-пространственное окружение, имитирующее колониальную гармонию, наблюдаемое далеко внизу. Напротив, все на свете теперь – лишь популярный фон для пафосного

жеста – «сообщения», оказывающегося пустым. Тем самым посетитель окончательно посылается в отсутствие, мощно генерируемое этим зданием-рекордсменом. Трудно представить себе большую пошлость в архитектуре. Если Вавилонская башня все же построена, то это «Бурдж-Халифа» – высшая точка падения архитектуры как искусства места и смысла.

Если башня создает не место, но безместность, она и сама рискует вскоре исчезнуть. Спасти такие «шедевры», смогли бы лишь столпники, поселившиеся в их шпильях, но мода на столпничество, кажется, прошла.

Твердыня

Есть еще одна мощная мифологема Башни, которая настолько же очевидна, насколько и скрыта: Твердыня. Речь о Единственной и Великой Башне, о вневременном архетипе, разрешающем в себе все противоречия, прощающем все блуждания; о Супер- или Мегабашне, вбирающей в себя всех страждущих, дарующей спасение и защиту и не нуждающейся в нашем оправдании: роль, которую с треском провалила Вавилонская башня. Не предощущение ли таковой Сверхбашни заставляет человечество тянуть ввысь свои небоскребы? Но дают ли они что-то, кроме тщеты? Даже если оставить за скобками проблему гордыни, мы не освобождаемся в стремлении к рекордам от другого человеческого, очень человеческого комплекса – редукционизма. Последний толкает нас на сведение сложного к простому, к прорывам там, где тонко, к отыгрыванию на слабом, к поиску под фонарем потерянного во мраке. Такова и тяга ввысь, пусть бы ее двигателем была не гордыня, но достоинство, любопытство, и тревожащие образы платонова анамнезиса – воспоминания о Будущем. Нам тесно на Земле; в нас всех живет маленький Циолковский. Быть может оттого, что мы, как и КЭ, не умеем организовать свою жизнь здесь и теперь, не способны войти в просвет бытия? Высоты физикалистской, измеряемой (параметризуемой), высоты небоскребов и полетов достичь ведь несравненно легче, нежели подлинно чаемой духовной выси.

Так что только ли в укрытии дело? Столько ли? Укрыться от разнообразных напастей человеку есть где, хотя типология укрытий и уступает разнообразию напастей.

< Бурдж-Халифа. 2010, Дубай, ОАЭ

< Мемориальная Башня Вангануи. 1925, Новая Зеландия

Сакральный смысл Башни – Спасение, что в духовном смысле поняли только столпники, несмотря на то, что обходились не столько башнями, сколько их малыми подобиями. Вот тут размер точно не важен, можно довольствоваться и «пеньком»⁷.

Что может быть таким Местом для всего человечества? Башня, о которой речь, способная утолить духовную жажду, должна быть Делом, Испытанием, Крестом нашим; она не оставляла бы выбора.

Но, быть может, мы и живем на такой Башне, уходящей слоями веков и поколений в Бездну, в Воды изначальные? Не есть ли она та Твердь, что создана на третий день Творения? И неверна, неточна метафора Платона: мы обитаем не в Пещере, но на Башне, растущей нашими трудами, нашим стремлением ввысь и забвением прошлого, на котором мы стоим. Все созерцаемые нами вещи – тени Идей – появляются не на пещерной стене, но на высокой башенной ограде, предуготованном экране, растущем и усложняющемся вместе с Башней. Это, пожалуй, немного тревожней консервативного платоновского образа, но зато, если мы сможем оторвать взгляд от экрана, сможем поднять – впервые – голову⁸, то увидим не каменный свод – Небо.

Башня не гарантирует вам высот духа, не страхует от глубин упадка. Башня есть вызов. Ее высота открыта нашим ошибкам и достижениям, утратам и обретениям, взлетам и падениям. Общественное служение, несение дозора и сокрытие позора – все можно спокойно доверить башне. Сокровенное и интимное, действительно значимое, в чем мы, по обыкновению слабости нашей, стесняемся признаваться, для башни не тайна: у нее так много тайн, она так много их повидала, что распознает и природу, и масштаб их по первому скрипу входной двери. Если купола и своды равнодушны к нашим тайнам (и лишь упиваются нашими эмоциями по своему поводу), а коробки плоских перекрытий не способны даже и на это; если шалаши, вигвамы и витрувианские хижины сами хотели бы причаститься к чужим тайнам для обречения хоть какой-то весомости, то башни взирают на нас с пониманием, с сочувствием и бескорыстно. Заметив башню издали (а не заметить не удастся), мы непременно приблизимся к ней, подойдем вплотную и вста-

нем пред стеною ее, закинув голову; и к такому башни тоже привыкли. Добровольно избрав самый неудобный для созерцания ракурс, мы невольно имитируем позицию осаждающих. В этом глядении снизу вверх трудно найти что-то медитативное, вроде того, как любим мы подолгу глядеть на огонь. Здесь другое: башни, скорее, возбуждают, их вызов хочется принять, ощутив себя штурмующим. Башни же смотрят на нас и... улыбаются; даже наиболее сумрачные из них не отталкивают, проявляя глубинный материнский инстинкт. Все-таки башни, предположительно, были первым жилищем человека, осознавшего себя; они воспитали нас, они тренировали наше мужество и стойкость – им не чужд подошедший к их подножию. Весь вопрос лишь в том, захочет ли, сможет ли он войти.

Литература

1. Annals of a fortress by Eugene-Emmanuel Viollet-le-Duc. 1876 by j. R. Osgood in Boston [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://openlibrary.org/books/OL23277708M/Annals_of_a_fortress
2. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.
3. Харитоновна Г. Столпничество [Электронный ресурс] // Церковное слово. – 2003. – № 24. Режим доступа: <http://pravoslavie.by/page/12320>

References

- Annals of a fortress by Eugene-Emmanuel Viollet-le-Duc. (1876). Boston: j. R. Osgood. Retrieved from: https://openlibrary.org/books/OL23277708M/Annals_of_a_fortress
- Baudrillard, J. (2000). Seduction. Moscow: Ad Marginem.
- Kharitonova, G. (2003), Stolpnichestvo [Stylitism]. Tserkovnoe slovo, 24. Retrieved from: <http://pravoslavie.by/page/12320>

7. Заметим: обелиск – столп, на который не встанешь. Трудно, разумеется, предположить особый «антистолпнический» умысел в острых наверх обелисков Египта и позже, подобный некоторым нынешним антивандальным устройствам. Скорее, верно обратное: «Изначально столпничество являлось противоположностью языческому почитанию гор и холмов. Столпники занимали высоты гор и ущелья, а затем устраивали там столпы, напоминавшие собой языческие священные ограды и жертвенники, чтобы ниспровергнуть культ идолопоклонства и заменить его христианским богопочтением» [3]

8. Вспомним же: Платон и не предлагал нам поднять голову, он говорил о ее повороте – для обнаружения существ с идеями у нас за спиной [Государство, книга VII]

< Маяк La Jument. 1910, Франция

Рассматриваются уникальные проектные решения вантовой системы кровли многофункционального спортивного комплекса «Волгоград Арена», построенного в Волгограде к Чемпионату мира по футболу – 2018 в России. На основе проектного опыта автором статьи рассмотрены этапы подготовки и монтажа вантовой системы кровли, спроектированной по индивидуальному проекту. Анализируются преимущества и недостатки вантовой системы кровли.

Ключевые слова: стадионы; вантовая система кровли; архитектурные решения; конструктивные решения; многофункциональные спортивные комплексы. /

The article deals with modern design and architectural solutions for the cable-stayed roof system of the multifunctional sports complex "Volgograd Arena" built in Volgograd for the 2018 World Cup in Russia. On the basis of the design experience, the author of the article considers the stages of preparation and installation of a unique cable-stayed roof system designed according to an individual project. The advantages and disadvantages of the cable-stayed roof system are also considered.

Keywords: stadiums; cable-stayed roof system; architectural solutions; design solutions; multifunctional sports complexes. /

«Волгоград Арена»

Современные конструктивные и архитектурные решения вантовой системы кровли многофункционального спортивного комплекса /

текст
Павел Смольянов
Ольга Суслова /
 text
Pavel Smolyanov
Olga Suslova

Многофункциональный спортивный комплекс «Волгоград Арена» является первым и единственным на всей территории России стадионом на 45 тыс. зрительских мест с вантовым висячим покрытием (аналог вантовой системы меньших размеров находится в Краснодаре).

Проект многофункционального спортивного комплекса и архитектурную концепцию разработал проектный институт уникальных сооружений «Арена» (руководитель авторского коллектива Д. В. Буш; разработка архитектурной концепции: Орлов А., Куфонин И., Подъяпольский Д., Заклучаев А., Бузмакова Е., Романова Л., Серикова О., Харитоновна К., Коробков С., Цыплаков А., инженеры: Бекмухамедов Е., Есина Л. [1].

Вантовая система выполнена по принципу «велосипедного колеса». Стальные тросы (ванты) расходятся от центра крыши. Было принято современное проектное решение, благодаря которому при возведении объекта существенно снижается металлоемкость (Рис. 1).

В мировом опыте проектирования и строительства зданий и сооружений спортивного назначения большепролетные висячие покрытия получили широкое распространение (спортивный комплекс «Олимпийский», Олимпийский велодром в Лондоне, Большой спортивный бассейн в Токио архитектора Кензо Танге). В них основные несущие элементы – ванты, прокатные профили, мембраны, которые работают на растяжение. Висячие системы имеют ряд преимуществ перед фермами, рамами

и арками. Они могут перекрыть пролеты более 300 м; несущая способность вант реализуется в полной мере, вес покрытия минимальный. При увеличении пролета масса несущих элементов на единицу площади не увеличивается, строительная высота покрытия минимальная. Нет проблем с транспортировкой конструкций (ванты можно свернуть в бухты), при выполнении монтажа покрытия снижается потребность в лесах и подмостях. В процессе эксплуатации они менее чувствительны к различного рода перегрузкам и осадкам опор. Все это положительно влияет на минимизацию затрат при строительстве и эксплуатации стадиона.

У этих конструктивных систем есть ряд недостатков. Основной – их деформативность, отсутствие пространственной жесткости. Этот недостаток может привести к нарушению геометрии крыши, тем самым ограничить возможность установки навесного кранового оборудования, а также негативно отразиться на аэродинамической устойчивости покрытия. Отмеченные проблемы решаются стабилизацией висячих конструкций. Некоторым недостатком является необходимость постоянного эксплуатационного контроля за силой натяжения. Например, для спортивного бассейна в Токио создана целая лаборатория, которая является активным элементом объемно-пространственного решения (Рис. 2).

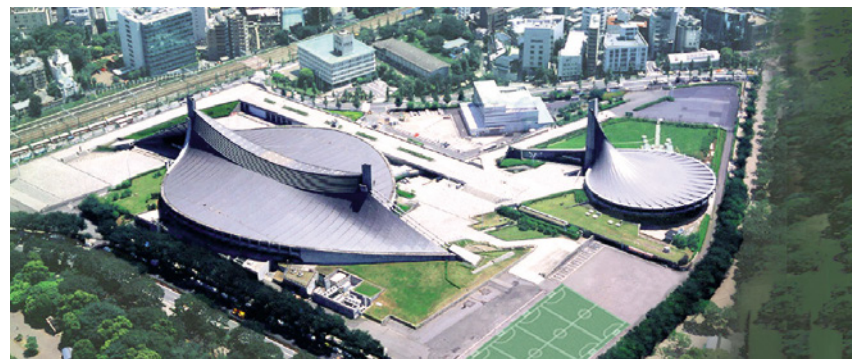
Висячие покрытия классифицируются по следующим признакам: геометрическая форма поверхности, Гауссова кривизна, материал, форма покрытия в плане и т. д. [2].

Применение вантовых покрытий на спортивных сооружениях обусловлено их технико-экономическими преимуществами перед традиционными конструкциями и, что особенно важно для спортивных объектов, с помощью данной технологии возможно перекрыть очень большие пролеты без промежуточных опор.

Конструкция стадиона «Волгоград Арена» является уникальной: для нее были разработаны специальные технические условия и особый план производства работ, включающий поэтапное возведение, начиная с фасада, который представляет собой металлическую решетку, спроектированную по принципу гиперboloида Шухова. Разработка проекта включала в себя обязательную продувку макета в аэродинамической трубе. Для поиска

^ Рис. 1. Монтаж вантовой конструкции на стадионе «Волгоград Арена» в Волгограде

v Рис. 2. Олимпийский комплекс Кензо Танге в Японии

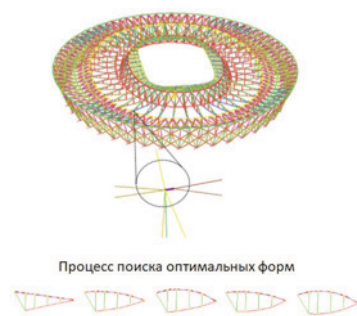
"Volgograd Arena"

Modern Design and Architectural Solutions for the Cable-Stayed Roof System of the Multifunctional Sports Complex

оптимальной формы оболочек производился расчет нагрузок и составлена расчетная модель (Рис. 3). Каждый отдельный элемент конструкции – металлический профиль или вантовая ферма – были тщательно подобраны и проверены [3].

Каждая стадия монтажа была смоделирована в специальной программе, чтобы оценить монтажные нагрузки на каждом этапе возведения. После постройки фасада начались работы по монтажу покрытия над фойе. Таким образом, конструкция получилась замкнутой снаружи, и монтажники оказались готовы к следующему этапу – большому подъему тросовой системы. Каждый из 88 тросов вантовой фермы натягивался отдельно с помощью канатных домкратов. После возведения всех металлических конструкций был начат монтаж висячей оболочки.

В процессе проектирования концепция изменилась. Вначале предполагалось, что козырек над полем будет сделан из поликарбоната, а остальная часть кровли – из ПВХ-мембраны. Однако, учитывая ряд особенностей поликарбоната и отрицательный опыт эксплуатации ранее построенных спортивных объектов, было решено отказаться от применения этого материала, имеющего к тому же низкие противопожарные показатели. В качестве материала для покрытия над козырьком была предложена однослойная ЭТФЭ-мембрана. Материал имеет высокую прочность, устойчив к атмосферным воздействиям, а также способен самоочищаться. Мембрана белого и голубого цвета задерживает ультрафиолетовое излучение, не снижая общего уровня освещенности.

< Рис. 3. Вантовая система кровли на стадионе «Волгоград Арена» в Волгограде

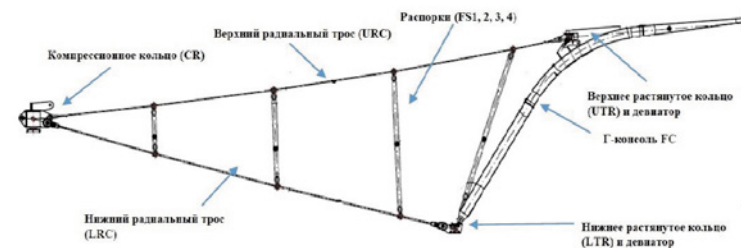
Монтаж вантовой системы кровли стадиона занял довольно продолжительное время и включал в себя два больших этапа: сборку и подъем собранной системы в проектное положение. Подготовительные работы длились три месяца и включали в себя соединение необходимых элементов, выполнение работ по монтажу временных конструкций, раскладку вант и непосредственно подъем. Внутренний контур вантовой системы является гибким. Он состоит из стальных канатов высокой прочности, которые образуют друг над другом два пояса на высоте 34 м и 48 м. Диаметр верхнего пояса 130 м, нижнего 150 м. Оба пояса состоят из шести канатов с алюмоцинковым покрытием, которые объединены между собой девиаторами (зажимами). Первоначально верхний ярус вант подняли на высоту 27 м, после чего началась установка «Г-консоли», далее закрепили к ним нижний ярус вант. В результате за счет натяжения нижнего яруса громадная металлическая конструкция поднялась на проектную высоту (Рис. 4). Несущими элементами вантовой крыши являются прочные стальные канаты, которые расположены над трибунами стадиона.

^ Рис. 4. Монтаж вантовой кровли на стадионе в Волгограде

Внешним контуром вантовой системы кровли стадиона служит жесткое компрессионное кольцо (еще его называют опорным кольцом), оно располагается на высоте 40 м и опирается на 44 несущие колонны (Рис. 5). Диаметр опорного кольца 200 м, периметр 700 м [4].

Внутренний и внешний контур вантовой системы крыши соединены радиальными вантами высокопрочными стальными канатами. Над трибунами стадиона находится

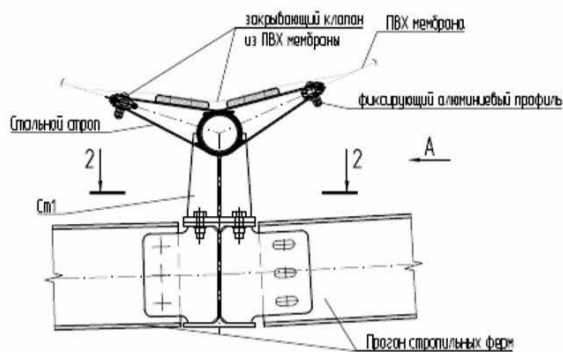
v Рис. 5. Схема покрытия над трибунами на стадионе в Волгограде

> Рис. 8. Стадион
ФК «Краснодар»
в Краснодаре

> Рис. 6. Крепление
кровли на стадионе в
Волгограде

система из 44 вантовых ферм, в которую входят 44 нижних и 44 верхних радиальных ванта, крепкие металлические вертикальные распорки, соединяющие между собой верхние и нижние ванты. Таким образом осуществляется стабилизация конструкции.

После завершения монтажа и поднятия вантовой системы в проектное положение на 48 м на нее закрепили мембранное покрытие в белых, синих и голубых цветах. Кровельное покрытие – прочная и устойчивая к перепадам температур эластичная мембрана на основе ПВХ (поливинилхлорид), которая крепится фиксирующими элементами к прогонам (Рис. 6). ПВХ-мембрана имеет полимерное покрытие на основе поливинилденфторида и акрила.

v Рис. 7. Способ закрепления ПВХ-мембран на стадионе в Волгограде

Мембрана над фойе смонтирована по другому принципу. Она не закреплена, а свободно перемещается над жесткой металлоконструкцией (Рис. 7). Так как изначально здесь был запланирован поликарбонат, крыша в этом месте должна была быть плоской; соответственно, результаты продувки в аэродинамической трубе на уровне макета уже не годились. Специалистам пришлось проводить дополнительные расчеты и моделировать продувку виртуально, с помощью специального программного обеспечения. Нагрузки для плоской крыши – только вертикальные, но так как вместо поликарбоната сконструирована мембрана, за счет формы оболочки появилась двойная кривизна и стали учитываться нагрузки как вертикальные, так и горизонтальные. Однако проблема заключалась в том, что металлические конструкции крыши были уже смонтированы. Для того, чтобы они смогли выдержать новые нагрузки, разработан специальный вариант арок с затяжкой, которые крепились к прогонам, а не к фермам. В процессе разработки 3D-модели каждая арка имела собственную форму и размер.

Покрытие стадиона (включая вантовую систему над трибунами и металлические фермы над фойе) в плане представляет собой круг диаметром 290 м, площадь кровли – 62 тыс. м². Спроектированное покрытие рассчитано на снеговую нагрузку в 120 кг/м² (сможет выдержать вес более 7000 т).

При проектировании многофункционального спортивного комплекса учитывался международный опыт, но все же проект уникален и не имеет аналогов в мире. Вантовая система весом около 2300 т, в сумме более 12 км тросов диаметром от 60 до 110 мм. Точность натяжения каждого троса контролировалась с помощью специального оборудования и компьютерных программ. Учитывая сложность конструкции вантовой крыши, ее монтаж осуществлялся под ежедневным строительным контролем со стороны инженеров компаний проектировщиков и заводов-изготовителей вантовой системы, которая была произведена в Швейцарии. Шефмонтаж выполняла международная компания из Франции, которая известна участием в строительстве мостов в Санкт-Петербурге и Владивостоке.

^ Рис. 9. Стадион
ФК «Краснодар»
в Краснодаре

Французские строители признались, что вложили в работу на волгоградской арене сердце и душу и очень довольны результативным сотрудничеством. По словам руководителя шэфмонтажа Марка Гонтье, к работе по подъему вантовой системы «Волгоград Арены» была привлечена многонациональная группа инженеров из разных стран [5].

Добавило оригинальности спортивному комплексу архитектурное решение внешнего облика в виде перевернутой короны. При взгляде на комплекс с высоты птичьего полета можно увидеть, как образуется пятиконечная звезда – дань памяти и уважения к городу-победителю. Так тесно взаимосвязана архитектура города и спортивного комплекса.

Меньший по размеру образец вантовой системы покрытия был смонтирован в городе Краснодаре на стадионе ФК «Краснодар» и уникален необычной мембранной крышей с газовым отоплением (Рис. 8).

Стадион является одним из интереснейших строительных проектов последних десятилетий. Технические возможности спортивного объекта позволят проводить на нем международные матчи, а зрительская зона вместимостью более 33 тыс. человек отличается повышенной комфортностью. Над стадионом установлена крыша особой вантовой конструкции, закрывающая все трибуны, покрытая высокопрочной мембраной и стеклянным козырьком. Кроме того, в кровлю встроены инфракрасные обогреватели, чтобы в холодную погоду зрителям на трибунах было тепло и комфортно (Рис. 9).

Покрытие над трибунами стадиона «Краснодар» представляет собой вантовую систему типа «велосипедное колесо» с двумя сжатыми наружными поясами и растянутым внутренним кольцом. Наружные пояса неразрезные, выполнены из стали коробчатого сечения. Внутреннее кольцо состоит из набора 8 тросов, связанных системой с 56 радиальными тросами. Нижнее сжатое кольцо (опорный контур) коробчатого сечения размером 650x1200 мм, толщиной стенок 35 мм и 40 мм, с поперечными ребрами жесткости и торцевыми плитами толщиной от 60 до 80 мм. Верхнее сжатое кольцо коробчатого сечения размером 700x1200 мм, толщиной стенок 50 мм и 70 мм

с поперечными ребрами жесткости и торцевыми плитами толщиной от 40 до 100 мм.

Маятниковые колонны коробчатого сечения размером 400x400 мм с толщиной стенок от 20 до 45 мм. Диаметры верхних радиальных тросов от 70 до 115 мм. Диаметры нижних радиальных тросов 52 мм и 70 мм. Диаметры диагональных тросов 31 м. Вся крыша стадиона состоит из трех основных элементов: металлоконструкций, тросов и мембраны. Около 2500 т металлоконструкций изготовлено на российском предприятии ЗАО «Курган-стальмост»; конструкция покрытия разработана компанией из Германии, а мембрана – фирмой из Италии [6]. Стадион с подобной вантовой системой крепления козырька есть в Варшаве и Турции. Авторы архитектурно- и конструктивного решения стадиона в целом и кровли в частности – немецкие специалисты. Стадион «Краснодар» является плодом международного сотрудничества. Разработкой проекта занималась немецкая компания, известная в спортивном мире благодаря проектированию объектов к Олимпийским играм в Китае и к Чемпионату мира по футболу в ЮАР, а также стадионов для команд немецкой Бундеслиги. Реализация столь амбициозного строительного проекта предусматривала применение только самых надежных и передовых материалов и технологий, соответствующих международным стандартам качества.

По проекту большое количество климатического и инженерного оборудования предусматривало его размещение на кровле, что предъявляло повышенные требования к кровельному ковро. Для обеспечения прочной и долговечной защиты эксплуатируемой части кровли застройщик выбрал битумно-полимерный материал. Материал монтируется методом наплавления, создавая абсолютный непроницаемый слой на крыше. Важно отметить одну из уникальных особенностей гидроизоляционных материалов для кровли: производитель использует гидрофобизированный сланец в качестве посыпки для верхнего слоя битумно-полимерных материалов. Он образует на поверхности кровельного ковра прочный «каменный щит»; сланец в течение всего срока эксплуатации надежно препятствует воздействиям на кровельную систему

механических факторов, перепадов температур и ультрафиолетового излучения.

Качественную гидроизоляцию неэксплуатируемой части кровли обеспечивает полимерная мембрана. Этот наукоемкий кровельный материал производится из европейского сырья в России на заводе «Лоджикруф» методом экструзии – передовой технологии, благодаря которой конечный продукт обладает идеально однородным составом, что во многом обуславливает его высокие эксплуатационные свойства.

После завершения чемпионата мира все вновь построенные стадионы используются как многофункциональные комплексы в режиме «наследие» [7]: на стадионах будут устроены фитнес и спа-центры, тренажерные и кардио-залы, взрослые и детские спортивные секции, фан-клубы, залы для проведения мероприятий и конференций, кафе и рестораны, магазины спорттоваров и клубной символики.

В соответствии с техническим заданием были разработаны два варианта схемы планировочной организации земельного участка:

- на период проведения мероприятий Чемпионата мира по футболу 2018 года;
- на период использования стадиона после Чемпионата мира по футболу 2018 года.

В будущем стадионы должны стать не только местом проведения футбольных матчей международного и национального уровней, но и иных массовых мероприятий. За счет проведения данных мероприятий будут покрываться расходы на эксплуатацию и содержание стадионов и их территории. Многофункциональность стадионов принималась во внимание еще на этапе проектирования: рассматривались различные варианты приспособления стадионов под многофункциональные центры, призванные дать новый толчок к развитию экономики городов.

Сравнительное исследование архитектурных и конструктивных решений вантовых систем кровель двух многофункциональных спортивных комплексов, построенных в Волгограде и Краснодаре, показывает, что каждый из них уникален. Они не являются типовыми проектами, у каждого есть свои отличительные черты и современное проектное решение. На основе анализа процесса проектирования и строительства этих двух стадионов можно сделать вывод, что научный и проектный потенциал, накопленный за эти годы в России, вывел строительную индустрию в строительстве спортивных объектов на совершенно новый уровень развития и обеспечил нам конкурентоспособность в этой области. Отечественный спорт получил площадки, отвечающие всем современным требованиям по оборудованию, микроклимату и комфорту для спортсменов и зрителей. Применение новых архитектурных решений с использованием вантовых систем кровель в сочетании с новейшими технологиями, современными кровельными материалами и новейшим оборудованием дало сильный толчок развитию отечественной архитектуры.

Литература

1. Буш, Д. Стадион для проведения игр Чемпионата мира по футболу – 2018 в Волгограде // Проект Байкал. – 2017. – №51. – С. 66-67
2. Трущев, А. Г. Пространственные металлические конструкции. – Москва: Стройиздат, 1983. – 215 с.
3. Стадион с вантовой кровлей: «Волгоград Арена» // Кровли: интернет-издание. – URL: <http://www.krovlirussia.ru/%D0%B1%D0%B5%D0%B7-%D1%80%D1%83%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8/roof-digest/stadion-s-vantovoj-krovlej-volgograd-arena> (дата обращения: 02.11.2019)
4. Вантовая система кровли стадиона «Волгоград Арена». – URL: http://www.stroytransgaz.ru/img/vlg7/vantovaya_sistema.pdf (дата обращения: 02.11.2019)
5. Завершение подъема самой крупной в России вантовой кровли на стадионе «Волгоград Арена» отметили шампанским // Высота 102: информационное агентство. – URL: <https://v102.ru/news/65826.html> (дата обращения: 02.11.2019)
6. Стадион «Краснодар», г. Краснодар. – URL: <http://www.kurganstal-most.ru/deyatelnost/stadiony/stadion-fk-krasnodar-g-krasnodar/> (дата обращения: 02.11.2019)
7. Распоряжение Правительства РФ от 24 июля 2018 г. N 1520-р «Концепция наследия чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года». // Гарант. Ру: информационно-правовой портал. – URL: <http://static.government.ru> (дата обращения: 02.11.2019)

References

- Bush, D. (2017). Volgograd Stadium for the 2018 World Football Championship. Project Baikal, 14(51), 66-67. doi:10.7480/projectbaikal.51.1122
- Informacionnoe agentstvo "Vysota 102". (2017, July 7). Zavershenie pod`ema samoj krupnoj v Rossii vantovoj krovli na stadione «Volgograd Arena» otmetili shampanskim [The lifting of the largest cable-stayed roof at the stadium "Volgograd Arena" was celebrated with champagne]. Retrieved October 24, 2019 from <https://v102.ru/news/65826.html>
- Internet izdanie "Krovli". (2018, June 14). Stadion s vantovoj krovlej: «Volgograd Arena» [A stadium with a cable-stayed roof: "Volgograd Arena"]. Retrieved October 24, 2019 from <http://www.krovlirussia.ru/%D0%B1%D0%B5%D0%B7-%D1%80%D1%83%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8/roof-digest/stadion-s-vantovoj-krovlej-volgograd-arena>
- Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 24 iyulya 2018 g. N 1520-r. [Order of the Government of the Russian Federation of July 24, 2018 # 1520-r "The concept of the legacy of the 2018 FIFA World Cup"]. Retrieved October 24, 2019 from <https://static.government.ru>
- Stroytransgaz. (2018, May 10). Vantovaya sistema krovli stadiona «Volgograd Arena» [A cable-stayed roof system of the stadium "Volgograd Arena"]. Retrieved October 24, 2019 from http://www.stroytransgaz.ru/img/vlg7/vantovaya_sistema.pdf
- Trushchov, A.G. (1983). Prostranstvenny`e metallicheskie konstrukcii [Spatial metal structures]. Moscow: Strojizdat.
- ZAO "Kurganstal`most". (2016, July 1). Stadion "Krasnodar", g. Krasnodar [Stadium "Krasnodar", the city of Krasnodar]. Retrieved October 24, 2019 from <https://www.kurganstal-most.ru/deyatelnost/stadiony/stadion-fk-krasnodar-g-krasnodar/>

< С. Л. Владиславич-Рагузинский

Рассматривается архитектура одного из малых исторических городов Забайкалья – Кяхты. Анализируется характер застройки Кяхты, памятники истории и зодчества, отмечается уникальность и необычность этого пограничного поселения на юге Бурятии. Чайный путь из Китая в Европу стал основанием для строительства соответствующих зданий и комплексов. Богатая историческими событиями и памятниками культуры, Кяхта вызывает постоянный интерес со стороны отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: застройка; Савва Рагузинский; Троицкий собор; П. С. Паллас; крепость; А. М. Лушников; форпост./

Architecture of one of the small historic cities of Transbaikalia, Kyakhta is considered. The author analyzes the nature of the Kyakhta buildings, historical and architectural monuments, notes the uniqueness and unusualness of this border settlement in the south of Buryatia. The tea route from China to Europe became the basis for the construction of the corresponding buildings and complexes here. Rich in historical events and cultural monuments, Kyakhta is of constant interest among local and foreign researchers.

Keywords: building; Savva Raguzinsky; Trinity Cathedral; P.S. Pallas; fortress; A.M. Lushnikov; outpost.

Малые исторические города Забайкалья: архитектурное наследие Троицкосавска – Кяхты / Small and Historic Cities of Zabaikalye: Architectural Heritage of Troitskosavsk-Kyakhta

Кяхта – удивительный по своей архитектуре и истории город, центр Кяхтинского района, расположенный на границе с Китаем в южной части Бурятии, около 250 км от ее столицы Улан-Удэ. Кяхту часто посещают туристы, а также лица высокого ранга. Так, в 2013 г. здесь побывал Владимир Евгеньевич Чуров, председатель ЦИК и руководитель научного совета Российского военно-исторического общества. Он посетил все основные достопримечательности Кяхты, а также обсудил с настоятелем прихода храма в честь Успения Пресвятой Богородицы протоиереем Олегом Матвеевым вопрос о важности и необходимости восстановления в Кяхте уникального по своей архитектуре Троицкого собора, который находится в полуразрушенном состоянии. Отвечая на вопрос, что его привело сюда, В. Е. Чуров рассказал, что сам он является далеким потомком Чингисхана: по материнской линии он относится к потомкам Далбегги-хана, родственники которого бежали на Русь, где приняли православную веру, потом исправно служили русскому царю Михаилу Федоровичу, а затем и Петру. Именно В. Е. Чуров высказал идею, что Кяхта как уникальный исторический город-музей должна быть внесена в список Всемирного наследия, о чем следует ставить вопрос перед ЮНЕСКО.

Истории Кяхты, ее прошлому и современному состоянию посвящено немало публикаций не только в отечественной [1-8], но и в иностранной литературе [9; 10].

Важное место в них занимают вопросы торговли в Кяхте, а также исторические проблемы, связанные с обменом товаров, чаеоторговлей и взаимоотношениями между местным и китайским купечеством. И чем больше подобного рода публикаций, тем полнее и шире ретроспектива исторических и современных сведений об этом уникальном поселении, о его людях и событиях, происходивших здесь на протяжении почти трех столетий.

«Кяхта» (бурятское «хаягта», монгольское «хиагт») в переводе означает «пырейное место». Здесь, в пограничье между Россией и Китаем, в долине речки Кяхта по указанию Саввы Лукича Рагузинского-Владиславича возник в 1727 г. русский пограничный пункт Троицкосавская крепость. Заложенная в день Троицы, крепость получила название, в котором нашли отражение два важных факта: сам праздник (Троица) и имя святого Саввы Сербского. По всей вероятности, этот святой являлся покровителем и самого Саввы Рагузинского-Владиславича.

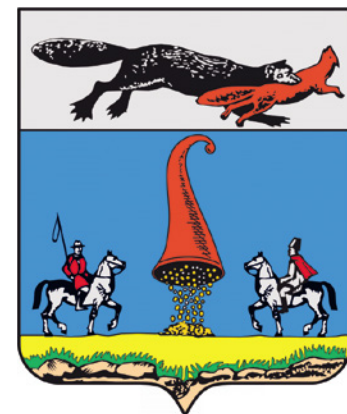
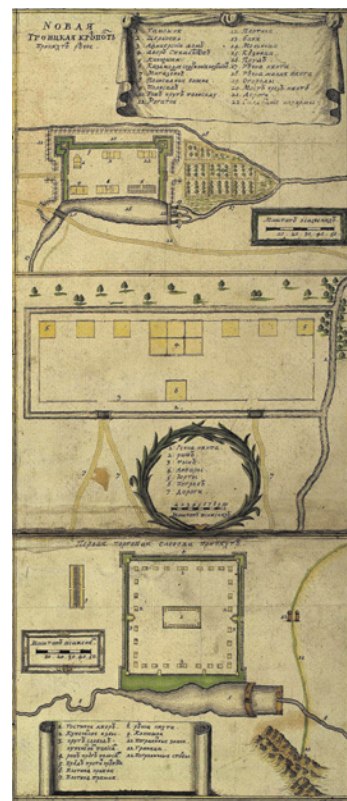
Кяхта возникла на месте так называемого Барсуковского зимовья, вместо которого в 1727 году по распоряжению Саввы Лукича русские казаки заложили Троицкую крепость. Квадратная в плане, она имела по углам не башни, а бастионы. Спустя четыре года после этого события между Россией и Китаем был подписан договор о границе между двумя государствами. В результате в четырех километрах от крепости в 1743 г. появилась

торговая слобода под названием Кяхта, довольно быстро ставшая центром торговли между Россией и Китаем. Из России торговцы везли в Китай меха, кожи, сукно, листовое железо, а в Россию из Китая через Кяхту поставляли в основном чай, которым снабжались затем и европейские страны. Кроме чая, в Россию привозили предметы декоративного искусства, а также ремень, шелк, сахар-леденец. Любопытно, что в Западной Европе ввозимый чай называли уже не китайским, а русским, поскольку туда его доставляли не китайские торговцы, а русские кяхтинские купцы.

На торговле чаем в Кяхте по-настоящему «озолотились» многие торговцы, поэтому не случайно Кяхту в тот период называли единственным в мире «поселком миллионеров». Из литературы известно, что кяхтинские богачи не скупились: они постоянно вкладывали часть своих средств и жертвовали их на благие дела. На их финансовые вливания в Кяхте строились храмы, крупные здания общественного и административного назначения, они помогали деньгами исследователям. Через Кяхту шли и останавливались в ней на некоторое время не только торговцы, но и многие исследовательские экспедиции. Судя по историческим документам и материалам, здесь побывали выдающиеся исследователи, которые направлялись

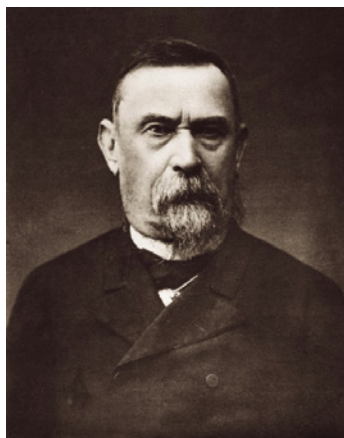
> Герб Кяхты. 1846

v План первой Троицкой крепости. 1720–1730

^ Петер Симон Паллас

^ А. М. Лушников

^ Церковь Воскресения. Общий вид

в Монголию и Центральную Азию, в том числе всемирно известные: В. А. Обручев, Н. М. Пржевальский, Г. Н. и А. В. Потанины и многие другие. В 1773 г. в Кяхте побывал немецкий исследователь на русской службе П. С. Паллас, а в первой половине XIX столетия – востоковед и изобретатель П. Л. Шиллинг. В Кяхте брали свое начало и в ней же заканчивались многие экспедиции русских исследовате-

лей. Члены почти всех экспедиций останавливались и проводили какое-то время у местного купца 1-й гильдии, общественного деятеля и мецената Алексея Михайловича Лушникова, который не только содействовал проведению этих исследований и экспедиций, но часто помогал им деньгами.

История существования Троицкосавска в качестве самостоятельного населенного пункта

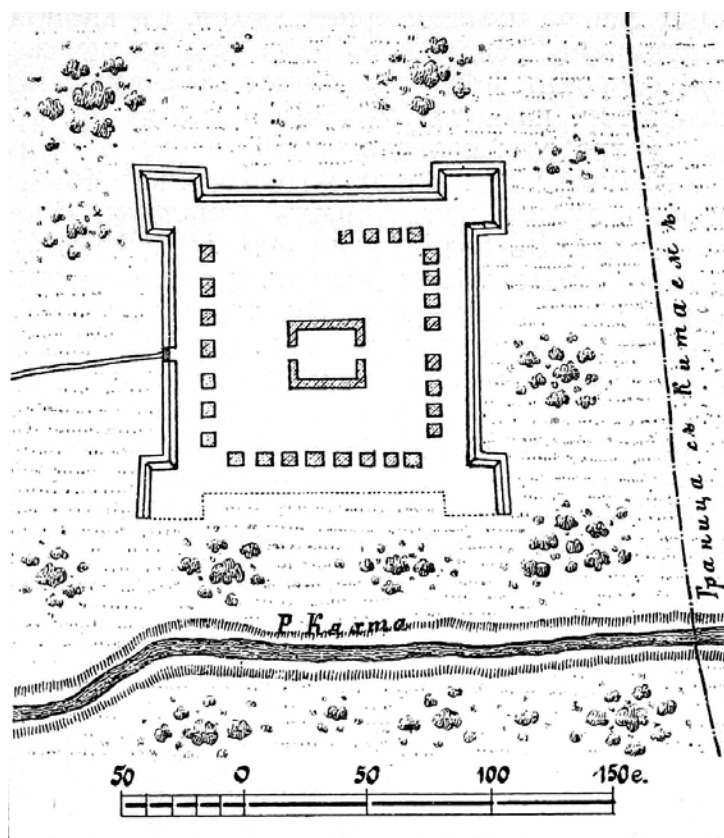
насчитывает немногим более 200 лет: с 1727 до 1930-х гг.; в 1934 г. произошло его объединение с Кяхтой. За два с небольшим века существования и Кяхта, и Троицкосавск прошли свой путь формирования, взаимоотношений друг с другом и соседними странами (Монголией и Китаем). Они разрослись территориально, а свободные территории между ними практически исчезли, так что в результате на всех современных картах и в атласах в настоящее время существует только одно название – город Кяхта.

Герб Троицкосавска (Кяхты) официально был утвержден в середине XIX столетия Высочайшим Указом императора Николая I, более ста лет спустя после основания здесь крепости. Вот ее описание: «Щит разделен на две части, в верхней, меньшей, в серебряном поле – Иркутский герб, а в нижней, пространной, – в голубом поле рог изобилия, из коего сыплется золотые монеты; по сторонам оного, в песчаном грунте, слева казак, а справа бурят, оба верхом на конях». В более позднее время разрабатывались и другие гербы, а в настоящее время имеется у Кяхты уже новый, современный герб, утвержденный относительно недавно – в 2007 г.

С точки зрения архитектурной выразительности городов немало важная роль отводилась с давних времен культовым сооружениям различных конфессий. В русских

городах функцию таких архитектурных доминант выполняли православные храмы. Не являлась исключением в этом отношении и Кяхта. Здесь уже в начале XIX столетия появился величественный Свято-Троицкий собор (освящен в 1817 г.), а вслед за ним церковь Воскресения (1838), Успенская церковь (1888) и Михайло-Архангельская гарнизонная военная церковь (1910). Из всех названных в настоящее время функционирует только один храм – церковь Воскресения, (ул. Сухэ-Батора, 36). Она не только сохранилась, но и продолжает действовать, в ней идут службы. Сохранились и ее многочисленные фотографии, в том числе и самое, видимо, первое гравированное изображение. Она является главной композиционной доминантой в застройке города.

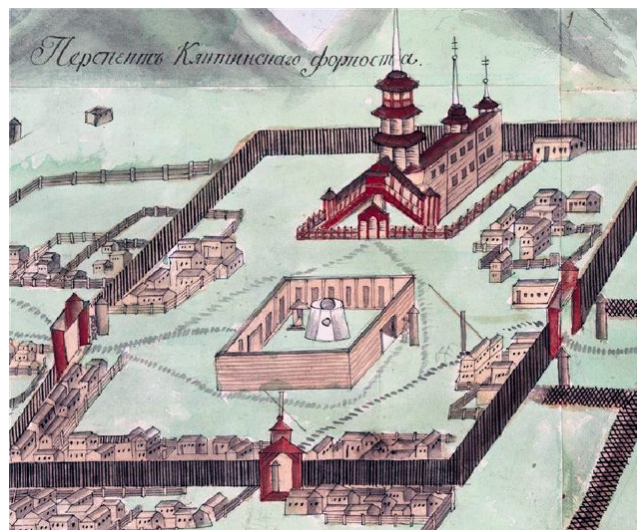
Церковь Воскресения имеет продольно-осевую планировочную композицию с объемом храма, трапезной и четырехъярусной колокольней. История ее начинается в середине XVIII столетия, когда в юго-восточном углу первой Кяхтинской крепости была поставлена небольшая по размерам деревянная церковь. Со временем она обветшала, поэтому власти приняли решение о сооружении новой, теперь уже каменной церкви. Заложение нового храма происходило 1 июня 1830 г., а строительство его продолжалось практически восемь лет. Примечательно, что храм этот строили по проекту московского зодчего Григория Герасимова. Оконченная строительством

< Кяхтинская крепостца

^ Вид с юго-востока

^ Перспектива кяхтинского форпоста

в 1838 г., Воскресенская церковь обладала многими новшествами и редкой для культовой архитектуры отделкой интерьеров. В частности, как свидетельствуют исторические документы, в середине XIX в. иркутский архиепископ Нил утвердил для храма проект роскошного иконостаса в главном приделе, разработанный известным в то время сибирским зодчим А. Е. Разгильдеевым.

Многие путешественники и исследователи, которые посещали в разное время Кяхту и знакомились с ее архитектурными и историческими достопримечательностями, отмечали, что «по внутреннему убранству и богатству храм этот едва ли найдет себе равных во всей Сибири... Благолепно выполненный, с хрустальными колоннами и серебряными царскими вратами», бронзовый иконостас храма имел серебряные царские врата, престол и жертвенник, а также усеянное цветными камнями паникадило и драгоценное Евангелие. Все это роскошное и богатое убранство, к сожалению, не сохранилось до наших дней. Но Воскресенская церковь до сих пор представляет не только чисто архитектурный, но также и большой искусствоведческий, художественный интерес.

Композиция Воскресенской церкви продольно-осевая: на ее главной оси находятся собственно храм, трапезная и объем высокой четырехъярусной колокольни. С восточной, северной и южной сторон храмовый объем подчеркнут шестиколонными портиками.

По углам четверика храмового объема установлены невысокие, квадратные в плане башенки с арочными световыми проемами, завершенные небольшими куполами. Стены храма гладкие, без декора. Главный цилиндрический барабан (диаметр пять саженей) увенчан мощным куполом. Высота колокольни (до макушки креста) составляет почти 43 метра. Воскресенская церковь играет важную роль в планировочной структуре города, выделяясь среди разнообразных зданий своей высотой и являясь едва ли не главной его архитектурной и композиционной доминантой.

Еще в 1736 г. при закладке Кяхтинской крепости ее основатель Савва Лукич Рагузинский-Владиславич построил первый храм – деревянную Троицкую церковь и поручил попечительство за ней Посольскому монастырю. Изображение этого древнего православного храма сохранилось на старинном перспективном рисунке Кяхтинского форпоста. Рисунок выполнен в духе своего времени, но понять структуру храма можно. На строго осевую композицию последовательно нанизаны все составные элементы церкви: входная часть с многоярусной колокольней, а вслед за ней собственно трапезная, храмовая и алтарная части храма. Два высоких лестничных марша примыкают к колокольне с северной и южной сторон, а небольшие маковки венчают храмовый и алтарный объемы храма.

Лишь в 1811 г., спустя 75 лет после строительства первого храма,

^ Колокольня Воскресенской церкви

^ Троицкий собор в Кяхте

Соборъ въ городѣ Кяхтѣ.

^ Церковь Воскресения в Кяхте

состоялась закладка каменного Троицкого собора, строительство которого завершилось и произошло его торжественное освящение в 1817 г. Выдержанный в формах и стилистике позднего классицизма, Троицкий собор имел в плане прямоугольную форму (28 × 54 м), его высота до верха креста составляла 30 м, а высота колокольни – почти 38 м. К сожалению, в храме имелось довольно много деревянных конструкций, что и привело в 1963 г. к пожару, уничтожившему купол, хоры, пол храма, а также сводчатые конструкции перекрытия над верхним этажом. Его остатки до сих пор находятся в парковой зоне города как наглядный немой укор властям и жителям города, которые вот уже много лет не находят ни решения, ни финансовых средств, чтобы его восстановить. Старинные фотографии сохранили для нас внешний вид важного для города храма.

Еще одно культовое сооружение Кяхты – военная полковая церковь, тоже находящаяся в развалинах. Сохранились графический рисунок-чертеж с изображением бокового (южного) фасада этого храма, фотографии общего вида, интерьера и остатков после разрушения. Храм имел, судя по иллюстрациям, продольно-осевую композицию, в которой последовательно (с запада на восток) располагались все его элементы: входная часть с высокой колокольней, просторная трапезная (молельный зал) и восточная часть, где рядом с алтарем возвышался собственно храмовый объем с купольным завершением.

Интересен интерьер церкви: в нем представлено свободное, освещенное большими окнами пространство, рассчитанное на большое количество людей. На стенах вообще отсутствуют какие бы то ни было росписи и иконописные изображения. Становится грустно от многого, увиденного на улицах Кяхты. Но не подлежит сомнению, что Кяхта заслужила своей историей и наличием памятников старины признание статуса исторического поселения: в ней за продолжительное время созданы и сохранились постройки, ставшие памятниками истории и культуры не только регионального, но и федерального значения. К памятникам федерального значения отнесено восемь объектов, в том числе четыре памятника архитектуры: Троицкий собор, Гостиные ряды, здание Гостиного двора и Воскресенская церковь. Памятников истории и культуры местного (регионального) значения насчитывается более 90, однако многие из них требуют внимания реставраторов. Прежде всего, это знаменитый своей историей дом известного не только в Кяхте, но и далеко за ее пределами жителя и общественного деятеля Алексея Михайловича Лушниковца, а также деревянные дома, связанные с важными историческими событиями.

Как известно, Лушников являлся в Кяхте не только общественным деятелем, но и меценатом. Огромное историко-архитектурное значение имеет собственный дом Лушниковца, где он когда-то при-

нимал декабристов и многих знаменитостей, общался с ними. Здесь у Лушниковых гостили братья Бестужева, К. П. Торсон, И. И. Горбачевский, И. И. Пущин, С. П. Трубецкой и С. Г. Волконский с семьями. В доме бывали и пили чай с хозяевами русские исследователи Азии Н. М. Пржевальский Г. Н. и А. В. Потанины, В. А. Обручев и другие выдающиеся деятели. Известно, что в доме Лушниковца в 1865 году родился Д. Н. Прянишников, будущий основоположник российской агрохимии, ставший со временем академиком и Героем Социалистического Труда.

Первоначально дом Лушниковца был одноэтажным, каменным, но спустя несколько лет хозяева надстроили над ним второй, деревянный этаж – так называемый мезонин с четырехскатной вальмовой крышей. Со стороны улицы вдоль дома была устроена каменная ограда с трехчастным арочным проездом во двор усадьбы. Сегодня дом заброшен, хотя и имеет статус памятника истории федерального значения. Известно, что местные власти предполагают сделать в этом доме Музей замечательных людей Кяхты, прославивших город и тех, кто бывал здесь по делам службы или находясь в ссылке, как декабристы. Но когда это будет и случится ли вообще – вопрос остается пока открытым.

Следует рассказать и об обитателях этого дома – семье Лушниковых. Свое образование Алексей Михайлович получал в Кяхтинской русско-монгольской

школе, рисованию учился у декабриста Н. А. Бестужева, а торговому делу – в торговой фирме Нерпина и Ременникова здесь же, в Кяхте. Работая в начале 1850-х гг. приказчиком Торгового Дома Нерпина и Ременникова, Алексей Михайлович сопровождал караваны с чаем из Кяхты в европейскую часть России, а после банкротства фирмы с 1857 г. стал в торговом деле пробовать себя самостоятельно. В середине 1860-х гг. Лушников женился на Клавдии Хрисанфовне Кандинской, которая приходилась внучкой известному забайкальскому купцу Хрисанфу Кандинскому, проживавшему в Нерчинске. Имея в этот период определенный капитал, а также налаженные деловые отношения и авторитет среди торговцев, Лушников в 1866 г. стал купцом 1-й гильдии, а вскоре его избрали старшиной кяхтинского купечества. Алексей Михайлович был человеком просвещенным, много читал, покупал и жертвовал книги для школ, библиотек, на свои средства открыл и содержал две сельские школы, а в Кяхте создал первую в Забайкалье картинную галерею.

Меценат, общественный и культурный деятель, просветитель и попечитель учебных заведений – таким неординарным был этот человек. Он постоянно опекал Женскую гимназию, в течение многих лет возглавлял ее Попечительский совет; являлся также попечителем реального училища в Троицкосавске. Благодаря его финансовой поддержке пополнялись коллекции

^ Остатки Троицкого собора

^ Дом Лушников в Кяхте

музея в Кяхте. Будучи весьма просвещенным человеком, Алексей Михайлович имел и свою собственную, довольно богатую и разнообразную библиотеку, книги из которой после его смерти стали храниться в Чите, в Забайкальской краевой научной Пушкинской библиотеке. Он стремился дать приличное образование своим детям. В самой Кяхте сделать это было практически невозможно, поэтому он отправлял их в столичные российские города и даже в европейские страны. Старшая дочь Вера вышла замуж за народовольца И. И. Попова, а Екатерина стала художником, училась скульптуре во Франции у самого Огюста Родена, там же вышла замуж и стала Катрин Песке. Сын Алексей стал инженером-строителем, принимал непосредственное участие в строительстве Транссиба, а еще одна дочь Вера училась в Петербурге на высших Бестужевских женских курсах. На одном из сохранившихся исторических снимков можно увидеть некоторых членов семьи Лушниковых на ступенях веранды собственного дома (или дачи) в Преображенском селении.

Практически все они частенько приезжали в каникулярное или отпускное время к родителям в Забайкалье, чтобы провести лето на их даче в Спасо-Преображенском селении. Видимо, это первоначальное название теперешнего села Усть-Киран, расположенного в 30 км от Кяхты. В этом селении на средства кяхтинского купца Я. А. Немчинова была выстроена деревянная Преображенская цер-

ковь, два придела которой освящены в 1862 и 1863 гг. По названию церкви дачное место кяхтинцев стали называть село Преображенское. Именно здесь, на сельском погосте и завещал похоронить себя Александр Михайлович Лушников. На его могиле установлен большой мраморный крест, привезенный из Богемии. Алексей Михайлович, заказывая этот крест, предполагал установить его на могиле друга своей семьи – Николая Бестужева в Селенгинске. Однако не сложилось: заказ прибыл из Европы уже после того, как умер сам заказчик, поэтому кяхтинское купеческое общество приняло решение об установке креста на его могиле.

Кяхту с ее застройкой стали изображать уже на этапе основания Троицко-Савской крепости. Со временем появлялись все новые и новые виды отдельных улиц, разных частей города, его панорамы. Улучшалась застройка, появлялись здания, со временем ставшие памятниками архитектуры местного и общероссийского (федерального) значения. Кяхта постепенно разрасталась и многие годы жила за счет торговли чаем. Но это не могло продолжаться до бесконечности. Местные власти старались развивать в городе образование, культуру, местное производство. Следовало обучать и молодое поколение кяхтинских жителей.

Кроме дома Лушников, в Кяхте имеются еще три памятника истории федерального (общероссийского) значения. Они в основном

v Интерьер полковой церкви

связаны с революционной борьбой, монгольской народно-революционной партией и Сухэ-Батором. Это дом Цыренова (ул. Горнозереутуйская, 4), в котором в начале 1920-х гг. под руководством Сухэ-Батора и Чойболсана проводились нелегальные совещания монгольских революционеров, а также дом, в котором в 1923 г. останавливался во время следования в Монголию и Тибет путешественник П. К. Козлов (ул. Крупской, 5). Имеется в городе и мемориальный дом-музей «Конспиративная квартира Сухэ-Батора».

В 1862 г. в Кяхте открылось женское училище, преобразованное спустя восемь лет в гимназию, третью по времени открытия в России. Ей практически сразу же было присвоено имя графа Н. Н. Муравьева-Амурского. Гимназия на много лет стала любимым

детисем Александра Михайловича Лушников, который в течение длительного периода времени возглавлял Попечительский совет этого учебного заведения. На начальном этапе в училище были приняты 42 девочки, а спустя 40 лет их обучалось в гимназии уже около 300 человек. Как и многие другие учреждения подобного рода в Кяхте, здание женской гимназии было деревянным, своим продольным главным фасадом выходило на красную линию улицы. При гимназии имелся просторный двор, в котором гимназистки в теплое время года отдыхали и качались на качелях.

В число памятников архитектуры Кяхты – Троицкосавска следует отнести и здание Алексеевского мужского реального училища, построенное в 1876 г. Спустя пять лет после окончания строительства

^ Остатки полковой церкви

в нем разместилось Троицкосавское Алексеевское мужское реальное училище, появление которого было связано с посещением в 1873 г. Забайкалья Великим Князем Алексеем Александровичем, приходившимся сыном российскому императору Александру II. Судя по сохранившимся сведениям, «<...> в 1873 г., во время проезда Великого Князя Алексея Александровича по Забайкальской области и в бытность его в Троицкосавске и Кяхте, здешнее купечество изъявило желание ознаменовать посещение Его Высочеством этого края учреждением в городе Троицкосавске, на желаемую ими сумму, мужского среднего учебного заведения и наименованием его в честь Великого Князя Алексеевским». Так благодаря

местному купечеству в городе появилось реальное училище и состоялся первый прием учащихся. Реальное училище в Кяхте стало первым мужским учебным заведением в Забайкалье. Только за первые четверть века (1876–1901) его окончили 565 мальчиков. За более чем столетний период работы училища и многолетние выпуски из его стен вышли люди, создавшие славу своей школе, городу и всему Забайкалью. Выпускниками этого учебного заведения были: академик Академии наук Монголии Ринчен-Доржи Раднажапович Бимбаев; доктор биологических наук, профессор, член-корр. АН СССР Владимир Петрович Казанцев; профессор Иннокентий Александрович Молчанов; доктор геолого-

минералогических наук, первый профессиональный врач среди кяхтинских бурят Санжимитов Будажапovich Цыбиктаров и многие другие, создавшие славу своему первому учебному заведению и городу, в котором они жили и получили первое образование. Сегодня оно продолжает свое существование под названием «Кяхтинская общеобразовательная школа № 4».

В июне 2018 года в Кяхте произошло торжественная установка и открытие памятника основателю города – Савве Лукичу Владиславичу-Рагузинскому. Автор памятника – скульптор Владимир Хатолак из города Электросталь Московской области. Памятники этому видному историческому деятелю имеются в нескольких городах, в том

числе в Шлиссельбурге. Но все они представляют собой небольшого размера бюсты, установленные на постаментах. Кяхтинский монумент первый, самый крупный и пока единственный в мире изображает Рагузинского в полный рост. Открытие памятника стало настоящим праздником для жителей Кяхты и всего Забайкалья. На его торжественном открытии присутствовали не только местные жители, но и многочисленные гости, приехавшие из Улан-Удэ и из окрестностей Кяхты, а также представители разных организаций и первые лица города, района и Бурятии.

Кяхта давно получила свою известность благодаря местному купечеству, поэтому в городе должен обязательно появиться

^ Вид Кяхты

^ Деревянная застройка Кяхты

^ Памятник купцу

^ Памятник С. Л. Рагузинскому в Кяхте

памятник и этому персонажу. Довольный состоянием своих дел, уже постаревший, сидит он на лавочке где-нибудь в сквере. Именно таким его и увидел один из скульпторов (рис. Памятник купцу). И в принципе неважно, из какого города этот купец – из Кяхты или Твери, Казани или Москвы.

Из числа памятников архитектуры большой интерес представляет здание гостиных рядов, расположенное на улице Банзарова, 9. Построенное в первой половине XIX в., оно имело вид вытянутого прямоугольника с аркадами вдоль продольных фасадов. Окрашенное в красный цвет, здание выделялось в застройке центра и цветом, и своей архитектурой. Через 11 арочных пролетов посетители входили в торговое заведение с двух сторон, посещая последовательно одну за другой его секции. Со временем здание пришло в ветхое состояние, но в 1977 г. его отреставрировали и открыли для торговцев и покупателей. По всей вероятности, в здании не соблюдались меры противопожарной безопасности, и оно в начале октября 2018 г. сгорело. Пожар, по свидетельствам очевидцев, начался одновременно в трех местах здания, что наводит на мысль о преднамеренном его поджоге. Интересно необычной архитектурой здание Национального банка.

Краткий экскурс и анализ особенностей некоторых памятников показывает, что в Кяхте на протяжении нескольких столетий сформировалась интересная и разнообразная в стилевом отношении

архитектура, позволяющая придать городу вид, который до сих пор привлекает в город предпринимателей и любителей старины, изучающих архитектуру русских городов. Кяхту интересно рассматривать в любую погоду, в разное время года и суток, она всегда интересна и привлекательна.

Кяхта более всего привлекала чаоторговцев из Китая, и эта «чайная эпопея», продолжавшаяся не одно десятилетие, тоже чрезвычайно интересна и поучительна.

Николай Крадин / Nikolai Kradin

Литература

1. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. Т. 16 : Крещение Господне – Ласточковые. – Москва, 2010. – Мороз, И. Т. Кяхта. – С. 534–535
2. Кяхта историческая: Основание города. Граница. Торговля. Духовная жизнь. Культура. Музей // Байкал. – 1994. – № 3. – 164 с.
3. Хохлов, А. Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII – середина XIX в.) // Бурятия XVII – нач. XX в. Экономика и социально-культурные процессы : сборник статей. – Новосибирск, 1989. – С. 15–50
4. Климов, А. П. Город Кяхта. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1978. – 190 с. : ил.
5. Попов, Р. И. Китайское купечество конца XVIII – первой половины XIX веков глазами русских современников. – URL : https://china.ivran.ru/f/Popov_R.I._Kitajskoe_kupechestvo_konca_XVIII_-_pervoj_pолоviny_XIX_veka_glazami_russkih_sovremennikov.pdf (дата обращения: 30.01.2020)

6. Старцев, А. В. Русские предприниматели в Монголии: социальный облик и общественно-культурная деятельность // Востокведные исследования на Алтае. Вып. IV. Сборник научных статей. – Барнаул : Аз Бука, 2004. – С. 63–85

7. Силин, Е. П. Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли. – Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1947. – 204 с.

8. Жиров, А. А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели: (фрагменты истории повседневности) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири : сборник статей. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета. – 2005. – С. 139–172

9. Foust, 1969 – Clifford M. Foust Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and Its Setting, 1727-1805. The University of North Carolina Press Chapel Hill, 1969

References

Bao, Muping. (2006). Trade centres (maimaicheng) in Mongolia, and their function in Sino-Russian trade networks. International Journal of Asian Studies, 2.

Foust, Clifford M. (1969). Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and Its Setting, 1727-1805. The University of North Carolina Press Chapel Hill.

Khokhlov, A. N. (1989). Kяхта i kяхтинская торговля (20-е гг. XVIII – середина XIX в.) [Kяхта and Kяхта trading (the 20s of XVIII – middle of XIX)]. In Buryatia XVII – nach. XX v. Ekonomika i sotsialno-kulturnye protsessy: sbornik statei (pp. 15-50). Novosibirsk.

Klimov, A. P. (1978). Gorod Kяхта [The city of Kяхта]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.

Kяхта istoricheskaya: Osnovanie goroda. Granitsa. Torgovlya. Dukhovnaya zhizn. Kultura. Muzei [Historical Kяхта: Foundation of the city. Border. Trade. Spiritual life. Culture. Museum]. (1994). Baikal, 3.

Moroz, I. T. (2010). Kяхта. In Bolshaya Rossiiskaya entsiklopediya: v 30t. [Big Russian Encyclopedia: in 30 Vols]. Vol. 16: Kreshchenie Gospodne-Lastochkovye (pp. 534-535). Moscow.

Popov, R. I. (n.d.). Kitaiskoe kupechestvo kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX vekov glazami russkikh sovremennikov [Chinese merchantry of the late XVIII – the first half of the XIX centuries through the eyes of Russian contemporaries]. Retrieved January 30, 2020 from https://china.ivran.ru/f/Popov_R.I._Kitajskoe_kupechestvo_konca_XVIII_-_pervoj_pолоviny_XIX_veka_glazami_russkih_sovremennikov.pdf

Silin, E. P. (1947). Kяхта v XVIII veke. Iz istorii russko-kitaiskoi torgovli [Kяхта in the XVIII century. From the history of Russian-Chinese trading]. Irkutsk: Irkut. obl. izd-vo.

Startsev, A. V. (2004). Russkie predprinimateli v Mongolii: sotsialnyi oblik i obshchestvenno-kulturnaya deyatelnost [Russian merchants in Mongolia: a social character and a socio-cultural activity]. In Vostokovednye issledovaniya na Altae (Issue IV, pp. 63-85). Barnaul: AzBuka.

Zhirov, A. A. (2005). Kupecheskaya sloboda Kяхта i ee obitateli (fragmenty istorii povsednevnosti) [Merchant sloboda Kяхта and its inhabitants (fragments of the everyday history)]. In Protsessy urbanizatsii v Tsentralnoi Rossii i Sibiri (pp. 139-172). Barnaul: Izd-vo Altaiskogo universiteta.

< Рис. 1. Рецепции русского оборонительного зодчества в китайской туриндустрии. Историко-ландшафтный парк «Усадьба Волга», 10 км от Харбина. КНР. Входная зона, решенная как вариация Илимского острога. Фото: март 2015

Распространенность и относительная дешевизна обеспечили широкие возможности для адаптации и экспериментов со стилистикой объемно-пространственными формами деревянных зданий в Сибири и на Дальнем Востоке. Но деревянная архитектура оказалась подвержена риску разрушения и уничтожения. Статья основана на полевых исследованиях в различных регионах и детальной графической реконструкции ряда объектов; это позволяет составить более полное представление о развитии и сохранении деревянной архитектуры Тихоокеанской России.

Ключевые слова: деревянная архитектура; фронтир; Дальний Восток; Тихоокеанская Россия; колонизация; культурное наследие./

The abundance and relative cheapness of the material provided ample possibilities for adaptation and experimentation with stylistics by volume-spatial forms of wooden buildings in Siberia and the Far East. At the same time, wooden architecture was at high risk of degradation and destruction. The article based on field research in various regions and detailed graphic reconstruction of several objects allows to form a more complete estimate of the development and preservation of wooden architecture in the Pacific Russia.

Keywords: wooden architecture; frontier; Far East; Pacific Russia; colonization; cultural heritage.

Утраченная деревянная архитектура Тихоокеанской России /

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00537

^ Рис.2. «Усадьба Волга». В оформлении входной группы используются мотивы Спасской проезжей башни Илимский острога (1669) с Казанской надвратной часовней (1669). Фото: март 2015

Как дореволюционная, так и советская архитектура восточных территорий отчетливо делится на государственную и гражданскую. Стилиевые особенности государственной архитектуры восходят к архитектуре метрополии; прежде всего это кирпичные, каменные или бетонные постройки силовых и железнодорожных ведомств. Гражданская же архитектура до 1960-х годов (переход на индустриальное домостроение и массовое возведение типового жилья) оставалась преимущественно деревянной.

Деревянная гражданская архитектура была крайне неоднородной по своему характеру и типологии; именно в ней наиболее заметно проявлялся разрыв между высокой городской и архаичной деревенской культурой. С другой стороны, дерево как более дешевый и доступный материал позволяло экспериментировать со стилистикой и объемно-планировочными решениями. Деревянная архитектура – наиболее уязвимый и быстро исчезающий элемент культурного ландшафта, что затрудняет ее исследование и систематизацию.

Выделим основные категории утраченных деревянных построек XIX – первой половины XX века.

1. Оборонительные сооружения: посты, форты, остроги.
2. Культовая архитектура: часовни и церкви.
3. Инженерные, промышленные и складские постройки (нефевышки, элеваторы, драги, объекты

горного дела, амбары, склады, пакаузы и проч.).

4. Общественные здания с различными функциями (торговля, образование, медицина, связь), здания железнодорожных станций, линейные (путевые) и прочие градостроительные объекты, которые изначально строились с перспективой замены каменными или кирпичными зданиями.

5. Временная деревянная архитектура с элементами национального и колониального стиля, оформлявшая общественные пространства (арки, веранды, навесы, резные фасадные декорации и т. д.).

6. «Береговая архитектура»: купальни, пристани, павильоны, дебаркадеры.

7. Дачи, усадьбы и замки, возведенные иностранцами и вестернизированными русскими предпринимателями (Янковскими, Старцевым, Ф. Геком и проч.).

8. Вернакулярная жилая архитектура (жилища аборигенов и избы переселенцев, послужившие прототипами для малоэтажной застройки 1920–1950-х гг.).

9. «Барачная» застройка, которая и сегодня составляет значительную часть жилого фонда дальневосточных поселений. В последние годы развернулась мощная компания по тотальной зачистке дальневосточных городов от «барачной» застройки, и целые кварталы сносятся параллельно нашему исследованию. Многие объекты, которые мы описывали ранее, уже ликвидированы.

< Рис. 3. «Усадьба Волга». Полномасштабная реконструкция шатра оборонительной башни, используемого в качестве беседки. Фото: март 2015

< Рис. 4. Спасская проезжая башня Илимского острога в этнографическом музее Тальцы. Фото Николай Крадин. // Проект Байкал . – 2013. – № 37–38. – С. 46

Lost Wooden Architecture of the Pacific Russia

Краткий очерк утраченной деревянной архитектуры начинается с острогов как важнейшего символа восточного фронта. Остроги традиционно считаются основной формой архитектурно-пространственного оформления раннего фронта XVII–XVIII вв., но их продолжали строить и в XIX в. Самый драматичный сюжет связан с Муравьевским постом в Корсакове (Сахалин, 1853–1954 гг.), сожженным японцами на глазах отплывающей русской эскадры.

Оборонительные деревянные сооружения стали темой кандидатской диссертации Н. П. Крадина; в 1988 г. была выпущена одноименная монография [1]. По проекту и при прямом участии Н. П. Крадина в середине 2010-х гг. в историко-ландшафтном парке «Усадьба Волга» под Харбином в оформлении входной зоны был воспроизведен фрагмент Илимского острога с мощной въездной башней и частоколом из вековых лиственниц (рис. 1).

ла до Якутска; въездная башня «Усадьбы Волга» является вариацией на тему Спасской проезжей башни Илимский острога (рис. 2). Этот памятник деревянного фортификационного искусства сегодня можно увидеть в этнографическом музее Тальцы, расположенном под Иркутском, недалеко от озера Байкал [2]. Массивную въездную башню «Усадьбы Волга» фланкируют две дозорные вышки, образуя стройную симметричную композицию.

Деревянная архитектура первой волны колонизации принципиально отличалась от суровых и героических срубов раннего фронта. Официальная государственная эстетика опиралась на мелкомащтабный, дробный и нарочито фольклорный русский стиль, придуманный для международных выставок. Сказочные теремки с подзорами и резными рушниками («погодинские избы») смотрелись идеологизированным анахронизмом даже в московском контексте. На берегах Амура эти игровые.

многодельные, хрупкие и уязвимые постройки выглядели особенно беззащитно и резко контрастировали с аскетичными избами и бараками переселенцев, в некоторых особо brutальных краях (Сахалин, Камчатка) полностью лишенных декора. Государственный «народный» стиль имел мало общего с настоящей народной архитектурой восточных территорий, но был популярен среди мещанского сословия и мелкой буржуазии.

Основным источником визуальной информации о первом этапе освоения восточных территорий от Сретенска до Корсакова служит трехтомный альбом фотографий В. В. Ланина 1874–1878 гг. [3]. Деревянная архитектура Николаевска-на-Амуре развивалась в двух направлениях: национально-ориентированном («русский стиль») и «колониальном». Постройки в «русском стиле» по решению композиции фасада можно разделить на несколько условных категорий.

В первом, самом распространенном случае объемно-пространственная композиция одноэтажного здания представляла собой простой вытянутый параллелепипед (изба-пятистенок). Архитектурная выразительность достигалась обилием резьбы, которая занимала большую часть фасада. Эти фольклорные накладные декорации, воспроизводящие канонические «мотивы русской архитектуры», располагались на уровне глаз и хорошо прочитывались идущими по тротуарам пешеходами. В качестве примера можно привести городскую аптеку Николаевска (рис. 5) – длинное одноэтажное здание с тремя входными группами, оформленными сильно выступающими козырьками на точеных столбах-колонках.

Вторая категория объединяет постройки с классицистским решением главных фасадов: резной декор накладывается на симметричную фасадную композицию. Самый известный пример – иконостасный ансамбль, состоящий

^ Рис. 5. Городская деревянная архитектура: поиск дальневосточного стиля. Николаевск-на-Амуре. Аптека, на заднем плане – Градо-Николаевский собор. 1858

^ Рис. 6. Николаевск-на-Амуре. Народное училище им. Пьянковых. 1898–1899

^ Рис. 8. Петропавловск-Камчатский. Дом губернатора. Архитектор К. А. Заранек. Реконструкция по фотографии В. И. Иохельсона. 1910. Главный фасад

^ Рис. 9. Петропавловск-Камчатский. Дом губернатора. Боковой фасад

из двухэтажного Торгового дома «Кунст и Альберс» и гостиницы «Северная». Многократно воспроизводимая фотография этих объектов (заимствованная из книги Лотара Деера [4]) сформировала массовое представление об архитектурном ландшафте Николаевска.

К этой же категории зданий с симметричным фасадом относится построенное через 40 лет народное училище им. Пьянковых (1898–99), которое напоминает в плане типовые советские школы в форме буквы «Н»: два прямоугольных самостоятельных объема, объединенные блоком-перемычкой. Композиция главного фасада представляет собой все ту же двухчастную схему с ризалитами под треугольными фронтонами на флангах и осью симметрии, зафиксированную бельведером на крыше. Однако декор резко отличается от нарядного и вычурного оформления зданий

1859 г. постройки. Широкий фриз огибает все училище по периметру и состоит из крестообразных балок, наложенных на бревенчатые стены, которые однозначно прочитываются как фахверк (рис. 6). Это ранний пример утилитарной архитектуры, которая благодаря материалу (дерево) продолжает считаться «национальной».

К третьей категории построек в условном «русском стиле» мы относим здания с ассиметричной объемно-пространственной композицией, имеющие сильную вертикальную доминанту и эффектный силуэт. Такие объекты возводились на перекрестках в расчете на восприятие здания с разных ракурсов и с дальних расстояний; в этом варианте декор имел меньшее значение. Лучший пример – здание Городской думы и управы (1859) (рис. 7), которое, подобно Офицерскому собра-

нию, имело башню, перекрытую шатром, но из-за обшивки досками, скрывавшими бревенчатую основу фасадов, динамичной композиции и сдержанному декору сильно отличалось от рассмотренных выше объектов.

В этой статье мы рассматриваем утраченную архитектуру русского восточного фронта. К счастью, дом губернатора в Петропавловске-Камчатском уцелел, более того, он находится в прекрасном состоянии и является главным иконическим объектом. Сегодня там располагается Краеведческий музей, и судьба здания не вызывает опасения. Мы приводим рисунки фасадов камчатского дома губернатора для удобства сравнения со зданием Николаевской городской думы (рис. 8, 9).

В первой трети XX в. в Николаевске появились интересные версии деревянной проторациональной архитектуры, которую трудно стилистически атрибутировать, так как основной искусствоведческий аппарат разработан для капитальных (каменных) построек. Самый выдающийся объектом этой категории, безусловно, является мореходное училище на ул. Кантера (рис. 10), поставленное на кромке рельефа и развернутое в смелом ракурсе. В плане училище образует широкий тупой угол со срезанной вершиной. Крылья двухэтажные, центральный объем трехэтажный, срезанный фасад четырехэтажный.

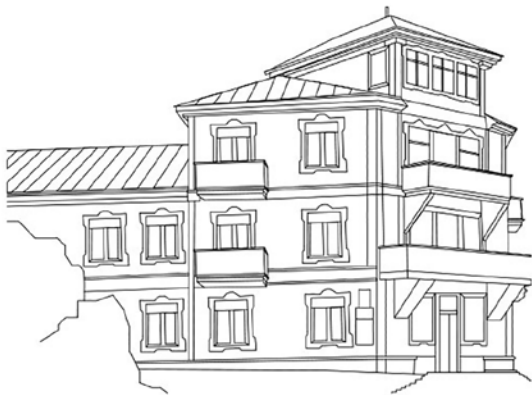
Мы заканчиваем обзор Николаевска-на-Амуре упоминанием объекта с производственной

функцией (рис. 11) – паровой мельницы, уцелевшей до сегодняшнего дня и дающей представление о возможном развитии деревянной архитектуры по пути «скандинавского функционализма», когда архитектурная выразительность достигается не обилием декора, а смелостью объемно-пространственной композиции.

Деревянный «русский стиль» процветал в Хабаровске. Кружевная гражданская архитектура особенно эффектно смотрелась на фоне краснокирпичных построек военного ведомства, составивших костяк культурного ландшафта нового города. Первый вокзал – важная точка Транссиба, ознаменовавший строительство Амурского моста и окончательное объединение континентальной и Тихоокеанской России, был трактован как сказочный теремок, покрытый кружевной резьбой. Выставка Приамурского края 1913 года состояла из десятков деревянных павильонов, среди которых выделялся огромными размерами и фантастичным обликом дворец германского торгового дома «Кунст и Альберс», которому Тихоокеанская Россия и Желтороссия обязаны великолепной архитектурой. Именно благодаря немецкой фирме в Приамурье и Южно-Уссурийском крае появились лучшие образцы русского стиля – громадный краснокирпичный торговый дом в Благовещенске, несколько деревянных магазинов в Николаевске-на-Амуре и ансамбль деревянных общежитий для сотрудников во Владивостоке на ул. Светлан-

^ Рис. 7. Городская деревянная архитектура: поиск дальневосточного стиля. Николаевск-на-Амуре

^ Рис. 10. Городская деревянная архитектура: поиск дальневосточного стиля. Николаевск-на-Амуре. Штурманское (Морское) училище на Портовой улице, переведенное в Николаевск из Петропавловска-Камчатского в 1856. Нетривиальный пример производственной советской архитектуры [5]

^ Рис. 11. Николаевск-на-Амуре. Здание паровой мельницы мелькомбината № 14, ул. Советская, 154. 1934. Замечательный пример производственной советской архитектуры

ской. Памятники архитектуры краевого центра подробно описаны в классических книгах Николая Петровича Крадина [6; 7], которые мы рекомендуем нашим читателям. Лишь кратко упомянем, что практически все уничтоженные образцы хабаровской деревянной архитектуры относились к типу городского особняка и располагались на ярко выраженном рельефе. Престижные «ровные» пространства на водоразделах в первую очередь застраивались общественными и ведомственными объектами, а жилье вытеснялось вниз, на склоны сопки, что привело к появлению характерного «хабаровского» типа особняков переменной этажности, на каменном/кирпичном цоколе и с асимметричными композициями главных фасадов. Разумеется, в городе было много построек с более привычным объемно-композиционным решением, но нам интересны примеры, формирующие «локальную идентичность». Углы, выходящие на перекрестки или отмечавшие границы участков домовладений, акцентировались гранеными шатрами, благодаря которым невысокие одно-, двухэтажные дома получали живописные динамичные силуэты (рис. 12).

В отличие от Владивостока (о котором речь пойдет чуть ниже) хабаровские особняки не имели открытых террас и галерей, но во многих домах устраивали остекленные веранды (рис. 13), морфологически восходящие к традиционным для «народной» архитектуры «холодным» сенам,

часто имевшим большие окна с крестообразными или ромбовидными переплетами.

В своде памятников Хабаровского края 2006 г. из 216 объектов, охраняемых государством, только 23 дома построены с применением дерева. Большинство выявленных памятников имеет кирпичный первый этаж или высокий кирпичный цоколь; большинство деревянных домов не больше десятка [8]. За прошедшие 13 лет большинство построек погибло или было полностью реконструировано. Объект на рис. 13 – «новодел» с совершенно новым планировочным решением. Однако горожане с благодарностью воспринимают инициативы местного бизнеса, связанные с воссозданием исторического облика города. Типичным примером подобного, несколько спорного с профессиональной точки зрения, подхода может служить «реконструкция» двухэтажного деревянного дома по ул. Ким Ю Чена, 23, тем не менее, по мнению автора, это лучше, чем «зияющие пустоты» в культурном ландшафте города.

В Благовещенске местные тузы-золотопромышленники и владельцы амурских латифундий строили парадный – речной – фасад города из камня и кирпича, но общественные постройки, у которых был более скромный бюджет, возводились из дерева. Прекрасным примером гражданского русского стиля могло бы служить здание Благовещенской трехклассной школы: просторная изба под высокой двускатной крышей

с главным фасадом, украшенным «русским портиком». К сожалению, большинство образцов деревянной гражданской архитектуры уничтожено; зато жилой сектор Благовещенска до сих пор поражает прекрасной сохранностью просторных, крепких и замечательно выразительных изб.

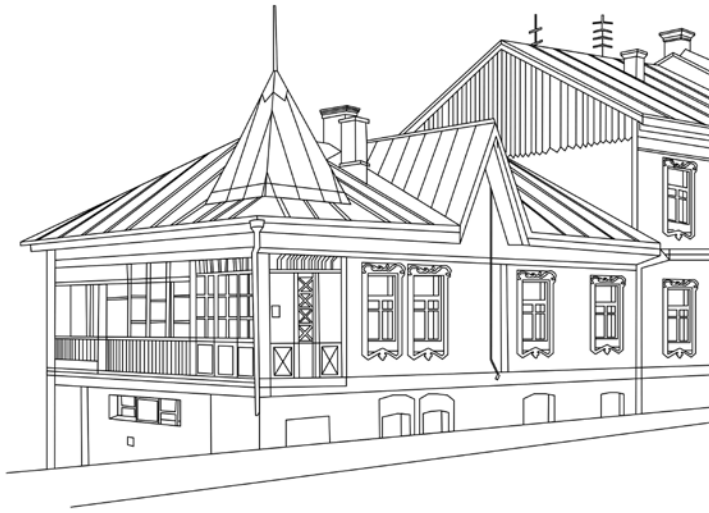
Большинство рассмотренных нами примеров деревянной архитектуры фронта по ряду признаков (резьба, наличники, шатры) можно отнести к «русскому стилю». Совершенно другой характер деревянная архитектура имела во Владивостоке. Город получил импульс к развитию после перевода туда Сибирской флотилии и объявления режима порто-франко, но на первом этапе был сплошь деревянным. По свидетельству современников, «<...> полуостров Муравьева-Амурского, бассейны Суйфуна, Амбамбиры и других речек в окрестности были богаты строевым лесом хвойных и лиственных пород» [9, с. 183]. Главный летописец дальневосточной столицы Н. Матвеев писал: «<...> постройки вообще шли туго и не капитально, потому что ожидали перенос порта в пост Ольгу» [9, с. 192]. Но, как и в случае с Николаевском-на-Амуре, в первые же годы существования нового «места силы» там появились отличные постройки, уничтожение которых до сих пор ощущается как «фантомная боль».

Только в 1880 г., на обеде, которое городское общество давало генерал-губернатору (и где присутствовали «американцы, французы,

немцы, японцы и датчане») было принято решение оставить порт во Владивостоке, «<...> тогда город ожил, пошли постройки и между ними стали возводиться капитальные здания» [9, с. 192]. Заметим, что «капитальные здания» стали строиться на месте деревянных объектов, изначально расположенных на лучших, ключевых участках будущего города. Поэтому деревянные постройки эпохи порто-франко довольно скоро оказались полностью снесены в ходе строительного бума, и мы можем судить о них только по фотографиям.

Главным зданием нового города стал первый дом командира портов Восточного океана (7, а). Эта постройка несколько напоминает здание штаба командира порта в Николаевске-на-Амуре. Пропорции и объемно-пространственная композиция николаевского штаба были повторены во Владивостоке (не исключено, что использовался тот же проект), что, очевидно, должно было означать единство тихоокеанских портов России. К сожалению, нам не удалось найти изображения штаба порта Петропавловска-Камчатского, чтобы полностью восстановить оформление этого маршрута постепенной передислокации Сибирской флотилии все дальше на юг, вплоть до Порт-Артура.

«Дом губернатора», как обозначается этот объект в мемуарах современников – одноэтажное прямоугольное деревянное здание на высоком цоколе из бутовой кладки – был развернут к бух-

^ Рис. 12. Хабаровск. Городская деревянная архитектура: поиск дальневосточного стиля. Особняки располагаются на рельефе, поэтому установлены на цоколях переменной этажности. Ул. Ким Ю Чена, дд. № 3, № 5. Реконструкция по фотографии 1980-х годов

^ Рис. 13. Хабаровск., ул. Калинина, 72. Полностью воссозданный заново бывший доходный дом С. Д. Таболова и А. А. Багирова. 1911. Арх. М. Осколков, один из лучших в дореволюционном Хабаровске

те узким торцом с фронтоном, образованным скатами крыши. Ось симметрии парадного фасада была акцентирована флагштоком (по свидетельству Матвеева, флагштоками были украшены почти всех торговые дома иностранных купцов, и во время праздников над Владивостоком плескались флаги десятков государств [9]).

Замечательным примером адаптации новой композиционной схемы к привычному «русскому баракку», скомбинированному из поставленных вплотную друг к другу нескольких срубов, является дом купца Степанова (рис. 16). Двухъярусная «этажерка», составленная из двух портиков, расположена на оси симметрии, отмеченной неизменным флагштоком. Дом, расположенный на высоком каменном цоколе, обращен к бухте длинным фасадом, вдоль которого организована узкая терраса-галерея с тремя лестницами, поставленными под острым углом. Опоры перил крестообразны, что придает дополнительную экспрессию и без того динамичной композиции. Портик под двускатным навесом, смело врезанный в «большую» крышу, удивляет неожиданной грациозностью. В отличие от прочих объектов на рис. 14, здание не обшито тесом, бревна сруба открыты, что делает фасад еще более экстравагантным. К этому же типу относится дом купца Шмидта на Светланской улице, которая с первых дней застраивалась в основном иностранцами. Это двухэтажное с высоким мезонином здание имеет совершенно «амери-

канский» вид (рис. 17) благодаря сильно вынесенному вперед двухъярусному портику и маленькому граненому эркеру на фронтоне. Стены четко разделены на ярусы профилированными межэтажными карнизами, большие окна не имеют ставень. Два этажа оштукатурены, фронтоны зашиты горизонтальной доской. В оформлении дома Шмидта полностью отсутствует декор, но благодаря эффектной ордерной декорации (столбы двухъярусной колоннады имеют тосканские капители) оно воспринимается «настоящей» архитектурой и задает совершенно новые цивилизационные стандарты строящемуся Владивостоку (помимо прочего следует упомянуть элегантно ограждение участка, к которому трудно применить привычное определение «штукатурки»). Среди срубов первых русских колонистов и китайских трущоб, составлявших в 1858–1878 годах, судя по альбому Ланина, 90 процентов застройки Владивостока, дом Шмидта казался «дворцом», демонстрируя высокий эстетический потенциал деревянной архитектуры вне привычного «русского стиля».

Отметим, что с 2016 г. во Владивостоке уверенно набирает популярность условно-скандинавский, крайне сдержанный стиль. Он используется в основном в пешеходном туристическом центре для оформления кафе, хостелов, общественных пространств, в том числе – временных торговых рядов и «новогодних» городков, вытесняя привычную «народную» эстетику.

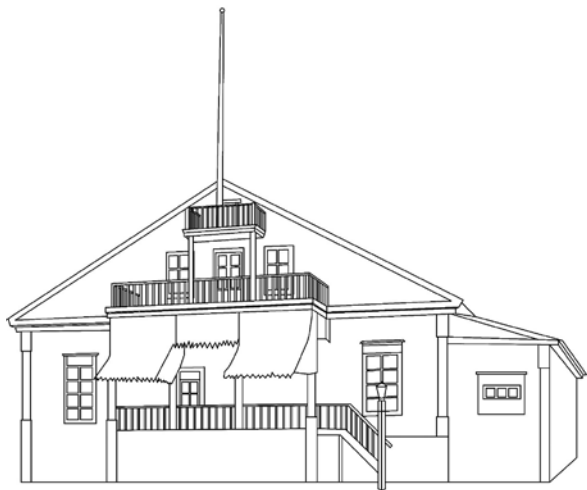
Манифестом владивостокского колониального стиля являлось здание телеграфной станции (рис. 19). Матвеев пишет, что «<...> русское правительство предоставило для концессии Датской компании огромный участок земли, между Алеутской и Посьетской улицей» [9, с. 111], на углу которого и было построено здание станции, окруженное по всему периметру двухъярусной галереей. Композиционным центром фасада являлось большое «веерное» окно мезонина – первое окно подобного типа в новом городе. Объем здания был прорезан многочисленными «французскими» окнами, еще более подчеркивающими его «иностраный» характер.

Приведенных примеров «колониальной» архитектуры достаточно для того, чтобы получить представление о возможном развитии «дальневосточного» стиля. Не менее интересной частью утраченного наследия первой волны колонизации Приморья являются усадьбы и дачи, принадлежавшие в основном иностранному коммерсантам (исключение составляет имение «Родное» А. Ф. Старцева на о-ве Путятина). Фотографии и описания загородных имений приводятся в хорошо известных мемуарах их прежних владельцев [10–13]. Впервые тему загородной приморской архитектуры ввел в научный отечественный дискурс Н. В. Касьянов [14]; ему же принадлежит первая попытка графической реконструкции особняка Янковского в бухте Витязь, по-

Гамова, Хасанский район Приморья. Во время летних экспедиций 2017–2019 гг. мы обследовали некоторые локации, где находились имения и дачи, но, помимо руин в бухте Витязь и «склепа Бринера» (дорического портика) в Безверхово ничего не сохранилось.

Потомок известного владивостокского клана Ирина Бринер в 1992 г., через 61 год после бегства из России, побывала на полуострове Сидеми, где у Бриннеров, Янковских и Геков были летние поместья. В своих воспоминаниях она пишет: «Пристань совершенно развалилась, наш домик утратил крышу и часть стен. Все было в запустении, поскольку рядом располагалась консервная фабрика. Дедов дом тоже развалился. Однако самым грустным зрелищем оказалась семейная спальница Бриннеров, где похоронили четырех членов нашей семьи. Саму спальницу строили в псевдоклассическом стиле, но теперь от нее остались лишь колонны и две стены. <...> В спальнице были венки с железными листиками и фарфоровыми фиалками и ландышами» [10, с. 8].

Дом в поместье Янковских является самым интересным примером загородной приморской архитектуры. Янковские, судя по мемуарам, были неплохие архитекторы-самоучки и возводили свои замки, не прибегая к помощи профессионалов. Главный дом имения в Сидеми легко опознается на фотографиях благодаря высокой граненой башне, но его объем-

^ Рис. 14. Утраченное наследие тихоокеанского фронта. Владивосток, 1858–1878. Стиль «порто-франко» как попытка создания интернациональной эстетики с элементами британской колониальной архитектуры. Все объекты деревянные, построены из бревна (бруса) и обшиты тесом. Реконструкция по фотографиям из «дальневосточного альбома» В. В. Ланина. Подписи к иллюстрациям даны на основе атрибуций, собственноручно подписанных Ланиным на фотографиях. Дом главного командира портов Восточного океана, губернатора и командира войсками Приморской области (сентябрь 1876); в альбоме В. В. Ланина – фотография № 82 (далее фото из этого альбома указываются только номерами). Главный фасад торцевой, группа «порт-балкон-фронтон-флагшток» органично ложится на него

но-пространственная композиция с трудом поддается реконструкции. Этот объект переменной этажности (2–3–4 этажей), окруженный множеством пристроек, башенных объемов и крытых навесных галереек, не имеет аналогов в дальневосточной деревянной архитектуре, но благодаря свидетельствам очевидцев, мы можем представить его планировку и детали интерьеров.

Мы приводим схематичную реконструкцию главного дома поместья в Сидеми (рис. 20), выполненную по фотографиям с разных ракурсов, иллюстрирующих книги Янковских и Элеонора Прей [10–13]. На рисунке не указаны самые живописные детали сооружения – зубцы-машикули, которые обрамляли смотровую площадку башни и карнизы парадного

фасада, развернутого к Амурскому заливу.

Замечательная деревянная дачная архитектура, близкая по характеру к модерну, развивалась в Сад-городе (пригородная зеленая зона Владивостока). Экспериментальная планировка и застройка Сад-города были вдохновлены идеями Э. Говарда, которые в ту пору только получали известность. Эта тема раскрыта в статье С. С. Левашко [15]. Последняя «историческая» дача Сад-города была снесена в августе 2018 г. [16]. «Дачный» деревянный модерн вслед за «колониальным» стилем бесследно исчез из культурного ландшафта приморской столицы.

Развитие деревянной дальневосточной архитектуры продолжалось в первые десятилетия Советской

^ Рис. 15. Утраченное наследие тихоокеанского фронта. Владивосток, 1858–1878. Первый торговый дом «Кунст и Альберс»; № 92. Главный фасад – боковой, поэтому организован дополнительный фронтон, придающий постройке вид классицистского особняка, типичного для британских колоний

власти в связи со строительством новых городов (Биробиджана, Комсомольска-на-Амуре) и общей сменой господствующей идеологии, требующей оформления, визуально отличающегося от предыдущей эпохи. Дерево позволяло экспериментировать с новыми формами, стали появляться неожиданные объемно-пространственные композиции (рис. 21–22), декор все более упрощался, пока не исчез полностью.

Комсомольск, который позиционировался как образцовый пример социалистического города, застраивался «норвежскими» домами по проектам ленинградских архитекторов [8]. В «колыбели революции» был разработан и генплан «города юности» (подобные прямолинейные метафоры были ти-

пичны для большевистского романтизма) с квартальной застройкой и лучевой планировкой.

Эксперименты с поисками новой выразительности к середине 1930-х гг. сошли на нет, и основной жилой ячейкой Комсомольска-на-Амуре стал обычный барак. В 1937 г. по проекту архитектора Рябова был построен комплекс деревянных двухэтажных многоквартирных жилых домов предположительно для военных строителей с заглубленными лоджиями и большими «конструктивистскими» окнами, но и эти постройки были снесены в процессе строительства панельного 10-этажного дома для сотрудииков завода им. Ленинского комсомола.

В г. Свободном (бывш. Алексеевск) в руинированном состоянии

^ Рис. 16. Утраченное наследие тихоокеанского фронта. Владивосток, 1858–1878. Дом купца Степанова на Светланской улице. 1874; № 95. Вдоль главного фасада – галерея с тремя высокими крыльцами, двухъярусный портик на оси симметрии

^ Рис. 17. Утраченное наследие тихоокеанского фронта. Владивосток, 1858–1878. Дом купца Шмидта. 1876; № 79

^ Рис. 18. Утраченное наследие тихоокеанского фронта. Владивосток. 1858–1878. Поиск эстетической выразительности инфраструктурных объектов вне «русского стиля». Дом Большого Северного телеграфного общества; № 92. На фото заметно, что над зданием развивается датский (?) флаг. Прямоугольный объем развернут к бухте длинным фасадом, центральная часть выделена пристройкой под большим фронтоном

^ Рис. 19. Утраченное наследие тихоокеанского фронта. Владивосток. 1858–1878. Телеграфная станция; № 87

находятся постройки рассматриваемого периода (рис. 10), несколько напоминающие дома в Аварийном квартале Комсомольска-на-Амуре (которые были более конструктивистскими по духу). Это ансамбль двухэтажных строений на основе сруба (видны выпуски бруса), оштукатуренных поверх драмки. Композиция главного фасада двухчастная с заглубленным центром и выступающими вперед боковыми корпусами под высокими вальмовыми крышами, фронтоны которых даже теперь, лишившись декора, выглядят элегантно. Характер балюстрады балконов и кронштейны наводят на мысль о попытках «ориентализации» привычной классицистской схемы. Отличные деревянные наличники и переплеты

по характеру близки к рациональному модерну. Для Алексеевска, который мог стать столицей Приамурья, проектировали петербургские архитекторы, и в этих домах чувствуется дыхание высокой культуры. К сожалению, развитие постсоветского вернакуляра пошло другим путем.

Поразительно, но «государствообразующий» статус русского стиля продержался на восточных территориях до конца 1950-х гг.; при этом эксперименты с национальной эстетикой если и не были официально запрещены, то явно не поощрялись советской властью. Русский «деревянный» стиль использовался наряду с официальным классицизмом, (в котором оформлялись все без исключе-

ния Дома культуры от Магадана до Мухена). В качестве примера этого удивительного рудимента можно вспомнить оформление линии Пивань-Совгавань, цитатно воспроизводившей архитектуру Транссиба. Чтоб убедиться в источниках вдохновения неизвестных мне дизайнеров ветки Пивань-Совгавань, достаточно сравнить фотографии из альбома НКПС СССР 1946 г. [17] (хранится в архиве Управления железных дорог, г. Хабаровск) с иллюстрациями из серии увражей «Великий путь. Виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги» [18].

Просуммируем основные тезисы статьи. В качестве рабочей гипотезы рассматривается предположение, что деревянный «русский стиль» наряду с кирпичной «гарнизонной архитектурой» являлся главным способом оформления процесса колонизации восточных территорий в 1858–1890-х. Элементы «национального» стиля (резьба, шатры), использовались в ведомственных и гражданских постройках, а также оформляли общественные пространства, являясь важными символическими маркерами, символизирующими культурное единство с материковой Россией.

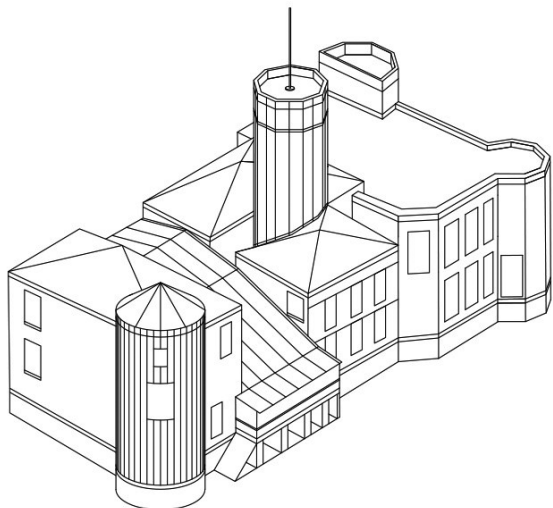
Для «городской» версии жилой деревянной архитектуры были характерны следующие черты:

- обязательная обшивка тесом (доской, вагонкой) бревенчатой структуры здания и оформление углов досками (лопатками), скрывающих выпуски бревен. Долгие десятилетия сруб однозначно ассоциировался с «избой» и резко

снижал статус объекта. Только сегодня, через 150 лет возвращается понимание красоты бревенчатых фасадов, и сруб становится знаком «престижного потребления», вытесняя кирпичную кладку из верхнего сегмента «народной» архитектуры; – сложная объемно-пространственная композиция с вертикальными акцентами, нарушающими монотонность вытянутых прямоугольных объемов, частое использование башенок или эркеров, увенчанных гранеными шатрами со шпильями.

Помимо «русского стиля» получила развития локальная архитектура совершенного иного, «колоннального», характера. Ее примеры были немногочисленны и быстро исчезли из культурного ландшафта Владивостока, но мы предлагаем рассматривать это направление как убедительную и жизнеспособную альтернативу «русскому стилю», чье массовое внедрение в повседневный обиход проблематично в связи с мощным комплексом идеологических коннотаций.

В советский период развитие дальневосточной деревянной архитектуры отчасти продолжало «колоннальную» линию с использованием многоярусных веранд, галерей и длинных балконов, занимающих большую часть фасадов, но поиски архитектурной выразительности в жилой архитектуре уступили место жесткому функционализму. В послевоенные годы появились локальные примеры ренессанса «русского стиля», связанные с оформлением северо-восточных

^ Рис. 20. Имение Янковских в Сидеми (ныне п. Безверхово), находилось напротив Владивостока на западном берегу Амурского залива

^ Рис. 21–22. г. Свободный (бывш. Алексеевск), Амурская область. Апрель 2018. Прекрасные, но, к сожалению, практически погибшие, примеры совершенно оригинальной жилой архитектуры

железнодорожных линий. В 1950–е гг. в важных инфраструктурных объектах (ж/д и морвокзалы, аэропорты малой авиации), символизирующих связь восточных территорий в единое освоенное пространство, использовались элементы «советского палладианства». Этот феномен, имеющий локальный характер, (по побережью Охотского моря и Татарского пролива, Якутия), требует специального изучения. Пока же, подводя итог, зафиксируем, что деревянная архитектура крайне уязвима: это самый быстро уничтожаемый слой культурного ландшафта, уже поэтому требующий к себе приоритетного внимания исследователей и общества в целом.

Алина Иванова / Alina Ivanova

Литература:

- Крадин, Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. – Москва: Искусство, 1988. – 190 с.
- Крадин, Н. П. Илимский острог в музее деревянного зодчества «Тальцы» под Иркутском // Проект Байкал. – 2013. – № 37–38. – С. 44–54
- Ланин, В. В. Альбом Амура и Уссурийского края. – 1871–76 гг. – 176 с.
- Деег, Л. Кунст и Альберс Владивосток: История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924 гг.). – Владивосток: ИД ДВФУ, 2012. – 392 с.
- Николаевск-на-Амуре. – Культурное наследие Хабаровского края. – URL: khabkrai-nasledie.ru/nikolaevsk-namure (дата обращения: 10.01.20).
- Крадин, Н. П. Памятники архитектуры Хабаровска: аннотированный и иллюстрированный каталог. – Хабаровск: Этнос-ДВ, 1996. – 252 с.

- Крадин, Н. П. Старый Хабаровск: Портрет города в дереве и камне (1858–2008). – Хабаровск: Риотип, 2008. – 448 с.
- Объекты культурного наследия. Памятники истории и культуры Хабаровского края/Правительство Хабаровского края, М-во культуры Хабаровского края; [сост.: А. В. Дыминская и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Хабаровск: М-во культуры Хабаровского края, 2013. – 247 с.: ил., цв. ил., карты, факс.
- Матвеев, Н. Краткий исторический очерк г. Владивостока. – Владивосток: Рубеж, 2012. – 512 с.
- Бриннер, И. Что я помню: Воспоминания. – Владивосток: Рубеж, 2014. – 208 с.
- Янковский, Ю., Янковский, В. Нэнун. Дальневосточная одиссея. – Владивосток: Рубеж, 2012. – 640 с.
- Янковский, Ю. М. Полвека охоты на тигров. – Владивосток: Уссури, 1990. – 159 с.
- Прей, Э. Письма из Владивостока. 1894–1930. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 464 с.
- Касьянов, Н. В. Приморские имения в окрестностях Владивостока на рубеже XIX–XX веков // Русская усадьба. – 2005. – № 11. – С. 271–286
- Левовшко, С. С. Тема «города-сада» в градостроительстве на Дальнем Востоке России рубежа XIX–XX вв. // Вестник ДВО РАН. – 2004. – № 2. – С. 17–29
- На Садгороде снесли последний столетний «теремок» старого дачного Владивостока. – Город В, 20.07.2018. – URL: bit.ly/2ZiJhku (дата обращения: 10.01.20)
- Линия Пивань-Совгавань: Альбом НКПС СССР, 1946 г. – URL: periskop.su/550762.html (дата обращения: 10.01.20)
- «Великий путь». Виды Сибири

и Великой Сибирской железной дороги. – Красноярск: М. Б. Аксельрод и К°, 1899. – 124 с. – URL: elib.tomsk.ru/purl/1-10839/ (дата обращения: 10.01.20)

References

Brinner, I. (2014). Chto ya pomnyu: Vospominaniya [What I remember: Memories]. Vladivostok: Rubezh.

Deeg, L. (2012). Kunst i Albers: Istoriya nemeckogo torgovogo doma na rossijskom Dal'nem Vostoke (1864-1924) [Kunst and Albers: History of the German Trading House in the Russian Far East, 1864-1924]. Vladivostok: Far Eastern Federal University Press.

Dyminskaya, A.V. (2013). Obiekty kulturnogo naslediya: Pamyatniki istorii i kultury Khabarovskogo kraja [Objects of Cultural Heritage: Historical and Cultural Monuments of the Khabarovsk Krai]. Khabarovsk: Ministry of Culture of Khabarovsk Krai.

Gorod, V. (2018). Na Sadgorode sнесли poslednij stoletnij «teremok» starogo dachnogo Vladivostoka [The last centennial "teremok" of old Vladivostok was destroyed on Sadgorod]. Access: bit.ly/2ZiJhku (retrieved 10.01.20).

Im, V.A. (1899). "Velikij put". Vidy Sibiri i Velikoj Sibirskoj zheleznoj dorogi [The Great Way: Overviews of Siberia and the Great Siberian Railway]. Krasnoyarsk: M.B. Akselrod i Ko. Access: elib.tomsk.ru/purl/1-10839/ (retrieved 10.01.20).

Kasyanov, N.V. (2015). Primorskie imeniya v okrestnostyah Vladivostoka na rubezhe XIX-XX vekov [Primorsky Estates in Vladivostok's Suburbs at the Turn of the XIX-XX Centuries]. Russkaya usadba, 11, 271-286.

Kradin, N.P. (1988). Russkoe derevyannoe obronnoe zochestvo [Russian Wooden Defensive Architecture]. Moscow: Iskusstvo.

Kradin, N.P. (1996). Pamyatniki arhitektury Khabarovska: Annotirovannyj i

illyustrirovannyj katalog [Monuments of Architecture of Khabarovsk: Annotated and Illustrated Catalogue]. Khabarovsk: Etnos-DV.

Kradin, N.P. (2008). Staryj Habarovsk: Portret goroda v dereve i kamne (1858-2008) [Old Khabarovsk: Portrait of the City in Wood and Stone]. Khabarovsk: Riutip.

Kradin, N. (2013). The Ilimsky Ostrog in the Taltzy Museum of Wooden Architecture near Irkutsk. Project Baikal, 10(37-38), 44-53. doi:10.7480/project-baikal.37-38.569

Lanin, V.V. Albom Amura i Ussurijskogo kraja. 1871-76 [Album of Photos of Amur and Ussuri Krai, 1871-76].

Levosshko, S.S. (2004). Tema "goroda-sada" v gradostroitelstve na Dal'nem Vostoke Rossii rubezha XIX-XX vv [The Idea of „Garden City“ in Urban Planning in the Far East of Russia at the Turn of XIX-XX Centuries.]. Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, 2, 17-29.

Matveev, N. (2012). Kratkij istoricheskij ocherk goroda Vladivostoka [A Brief Historical Outline of Vladivostok]. Vladivostok: Rubezh, 2012.

Prej, E. (2011). Pisma iz Vladivostoka, 1894-1930 [Letters from Vladivostok, 1894-1930]. Vladivostok: Rubezh.

Unknown (1946). Liniya Pivan-Sovgavan. Albom NKPS SSSR, 1946. Access: periskop.su/550762.html (retrieved 10.01.20).

Unknown (2020). Nikolaevsk-na-Amure [Nikolayevsk-on-Amur] (2020). Access: khabkrai-nasledie.ru/nikolaevsk-na-amure (retrieved 10.01.20).

Yankovskij, Yu. M. (1990). Polveka ohoty na tigrov [Half a century of tiger hunting]. Vladivostok: Ussuri.

Yankovskij, Yu., Yankovskij, V. (2012). Nenuni: Dal'nevostochnaya odiseya [Nenuni: Far Eastern Odyssey]. Vladivostok: Rubezh.

В статье проводится анализ процессов, происходивших в советское время, характеризуются их этапы. Первый этап рассматривается как прототип всех последующих, как экстремистское обоснование пролетарской идеологии переустройства мира. Второй этап – смена революции на «культурную контрреволюцию». С 50–60 гг. архитектура подчинена строительному комплексу; архитектор эволюционировал в служащего-проектировщика. С застоя прекращаются попытки обновления и реформирования системы. Но пространственный ее компонент, создаваемый усилиями государственного стройкомплекса, заметных изменений не претерпел и продолжил жить под управлением нового российского девелопмента.

Ключевые слова: утопия; коммунизм; проектирование; архитектура; социалистический город; идеология; будущее. /

The article analyses the processes that occurred in the Soviet period and features their stages. The first stage is considered as a prototype of all the succeeding stages, as an extremist ground for proletarian ideology of restructuring the world. The second stage is replacement of revolution with “cultural counterrevolution”. Since the 1950-60s architecture has been subject to the building complex; an architect has evolved into a design officer. During stagnation the attempts to renew and reform the system ceased to be made. However, its spatial component formed by the state building complex did not undergo any noticeable changes and continued to exist under a new Russian development. **Keywords:** utopia; communism; design; architecture; socialist city; ideology; future.

Три утопии (памяти СССР посвящается)¹ / Three Utopias (Dedicated to the Memory of the USSR)¹

Первая советская утопия

Первая советская утопия просуществовала с 1917 по 1932 год, с момента принятия первых декретов Советской власти до статьи И. Гронского в «Литературной газете» о методе «социалистического реализма». Именно первая утопическая модель, рожденная революционным, на сегодняшнем языке – «экстремистским» сознанием, стала прототипом последующих моделей, предельно идеологизированных, политизированных, агрессивных и непримиримых. Если социально-экономическое содержание первой утопии, по крайней мере в общих чертах, казалось достаточно ясным, то пространственное ее предъявление поначалу не вызывало особого интереса власти, озабоченной судьбами мировой революции. Решение этой задачи стало занятием энтузиастов-архитекторов, воспитанных предреволюционной, предвоенной, бунтарской, протестной контркультурой, стремившейся к разрушению и не успевшей подготовить ясные и позитивные архитектурные заявления. Эти заявления возникли позднее по ходу и в процессе перемен, поначалу без прямого вмешательства власти и при участии новых лидеров профессии, относившихся и относимых к «русскому художественному авангарду». Тех, кто еще недавно успешно проектировал и строил церкви, особняки, доходные дома и банки, кто занимался практической коммерческой архитектурой, потеснили теоретики, концептуалисты, визионеры, отвергающие

традиционные ценности и порядки, открытые самым дерзким изменениям, склонные ко всему передовому и прогрессивному, предпочитающие нечто ясное, чистое, рациональное, универсальное и демократичное.

Параллельно с изменением ценностей и предпочтений меняется облик архитектурной деятельности, ее этические основания. Из представителя свободной профессии, из участника рынка коммерческих проектных услуг новый, или современный, архитектор превращается в человека миссии, призванного служить обществу и его интересам. Но если в послевоенной Европе современный архитектор находит общий язык лишь с отдельными экзальтированными и интеллектуальными муниципалитетами, контролируемые социалистами и левыми, то в СССР сферой влияния и объектом воздействия становится вся страна.

За неимением иных предложений, содержащих альтернативу прежнему порядку, власть заключила с авангардом взаимовыгодный и поначалу почти равноправный союз, подобному которому последующая история не знала. Художественный, пластический язык авангарда, бывший предметом увлечения ограниченного круга российских и западных радикалов, неожиданно превратился в официальный, упорно насаждаемый, единственно допустимый к употреблению на всем пространстве СССР. Архитектурный авангард получил едва ли не монопольное

право на формирование зримого облика нового мира, право, которое не было доверено ни живописи, ни кино. Архитектор начинает активно вторгаться в политику, обнаруживая возможность влияния культуры на власть. Он охотно сближается с властью, ощущает себя властью, увлеченно вещает от лица власти и готов не столько к исполнению поручения, сколько к управлению пространственным развитием. Риски и последствия этих отношений и взятой на себя ответственности не замедлили отразиться на судьбах профессии, впоследствии дважды подвергнутой власти суровому наказанию.

Вопреки представлению о множестве архитектурных группировок, претендовавших на роль создателей первой утопии, реально весомым был вклад двух сообществ: ОСНОВА с Ладовским и Докучаевым и ОСА с Весниными и Гинзбургом. Первые мечтали об архитектуре самостоятельной, свободной от внешнего давления, и главным итогом их деятельности стало создание новой архитектурной школы – ВХУТЕМАСа. Вторые были настроены на активное сотрудничество с властью, на решение практических задач и интеграцию в зарождавшееся на Западе движение функционалистов, навстречу техническому прогрессу и возможностям индустриального производства.

Последующие события практически стерли грань между взглядами представителей осужденного властью архитектурного авангарда

1. Мы публикуем окончание статьи Андрея Бокова. Начало см.: Проект Байкал. – № 62. – С. 37–41 / We are publishing the end of the article by Andrey Bokov. See the beginning of the article in Project Baikal 62, pp. 37–41.

и сильно упростили картину происходившего. Обширное наследие первой утопии не без основания видится сегодня вполне целостным, что подчеркивается отнесением его к «конструктивизму» – русской версии функционализма, исповедуемого, в первую очередь, влиятельными и продуктивными членами ОСА.

Неослабевающий интерес к первой советской утопии несравним с интересом к двум последующим утопическим моделям. Вторая и третья утопии, опиравшиеся на заимствования и принцип «догоняющего развития», представляются скорее явлениями экзотическими, частью уникальной истории советской и российской архитектуры. Конструктивизм и первая утопия – признанная часть мировой истории архитектуры, явление яркое, оригинальное и самобытное, во многом предсказавшее и определившее развитие событий далеко за пределами России 20-х годов прошлого века.

Реализация первой утопии стала целью и содержанием первой пятилетки, последовавшей за НЭПом, за периодом восстановления хозяйства и накопления необходимых ресурсов и инструментов, включая план строительства будущего, нарисованный архитекторами.

И утопии, и авангарду не близки малые дела и постепенные шаги. Электрификация, национализация, индустриализация, коллективизация, воспитание нового человека, организация нового быта охватили все пространство страны вплоть до жилой ячейки и рабочего места.

План ГОЭЛРО, который касался не только электрификации, и последовавшая за ним первая пятилетка по сути превращали страну в единый и единственный объект проектирования с общим инфраструктурным каркасом, собранным из дорог и инженерных сетей. В узлах этого каркаса рядом с крупными промышленными городами вроде Нижнего Новгорода, Казани, Свердловска или на месте малых поселений вроде Кузнецка или станицы Магнитной возникают «социалистические города». Соцгород, новый город, новый район при крупном предприятии – главный элемент новой системы расселения – отбирал и вбирал все доступные ресурсы страны и при этом подчеркнуто дистанцировался от старого города, отделился от него пространственно и стилистически.

Вместо собственного усадебного домика, бывшего основным материалом российского дорево-

люционного города, мало отличавшегося от дома деревенского, предлагается коллективное жилье в виде коек и комнат в общежитиях и коммунальных квартир в бывших доходных и частных домах. Место церковей занимают рабочие клубы, место продуктовых рынков и трактиров – фабрикикухни. Соседские сообщества и муниципальные образования вытесняются производственными коллективами.

Соцгород оказался не столько антитезой старому городу и деревне с собственным семейным домом, сколько приговором, обрекающим их на забвение. Брошенный на произвол судьбы, выживающий вопреки устанавливаемому порядку естественный мир, тем не менее, долгие годы для абсолютного большинства граждан огромной страны оставался неизбежной антиутопической реальностью.

Вторая советская утопия

Начало эпохи второй утопии было отмечено рождением универсального метода «социалистического реализма», а финал – Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР 1955 года «Об устранении излишеств...». Из состояния ресурса и очага мировой революции страна переходит в состояние отдельно взятого изолированного образования, готовящегося к неизбежному столкновению с соседями. Главной задачей становится создание прочного тыла и избавление от внутреннего врага, на роль которого назначались в том числе создатели и носители первой утопии. Иностранные специалисты изгоняются, страна закрывается. Революция сменяется реакцией с признаками «культурной контрреволюции». Леворадикальная риторика, суровая, чистая, правдивая аскетичность первой утопии вытесняются запросом на картину богатства, процветания, сытой и веселой жизни в пышных архитектурных декорациях. Время второй утопии, время большого террора, Отечественной войны, перешедшей в войну холодную, время тяжелейшего послевоенного восстановления оставило в итоге поистине удивительное культурное, в том числе архитектурное, наследие, отмеченное высоким качеством и ценное по сей день.

Вместо теоретизирующих умников, любителей новаций и носителей прозрений к созданию второй утопии были приглашены лояльные и потому выжившие мастера старой школы, дореволюционные академики вроде Жолтовского, Щусева,

Щуко, а также готовые верно служить партии молодые архитекторы вроде Алабяна. Вместо творческих архитектурных сообществ, вместо ОСА и ОСНОВА создается единый Союз архитекторов, а место ВХУТЕМАСа занимает Академия архитектуры. Вслед за писателями, художниками и музыкантами архитекторы превращаются в сплоченный отряд исполнителей воли партии. Архитектора избавляют от прежней ответственности за содержание утопии, предложив сосредоточиться на утверждении высокой профессиональной культуры, градостроительной грамотности, и воспользоваться правом на художественные высказывания в границах дозволенного официального стиля и порядка.

Архитекторы авангарда с почтением относились к инженерному труду и инженерному типу сознания, охотно делили лидерство с инженерами. Архитекторы второй утопии с гордостью ощущали себя художниками и приобрели право контроля над областью, традиционно принадлежавшей инженерам, включая генпланы городов, проектирование каналов, набережных, дорог, мостов, станций метро и т. п. Страна отказывается строить не очень понятный и удобный коммунальный соцгород и возвращается на путь, сходный с тем, которым пошли в XIX веке европейские города.

Заботой профессии становятся не мечты о будущем, а качество решений, качество генпланов, ансамблей, фасадов, деталей и декора – всего того, что впоследствии будет отнесено к «излишествам». Фасад дома, фасад города или центральный ансамбль, наконец, фасад страны, в роли которого выступает столица – Москва становятся главным предметом заботы архитектора и власти, инструментом пропаганды и активного утверждения новой утопии.

Власть жаждет казаться respectable, стабильной, понятной, она вбирает все лучшее, что было в окружающем мире в прошлом и есть в настоящем, отвергает все худшее и лишнее с ее точки зрения. Оказывается востребованным и опыт американских небоскребов, и опыт имперского строительства крупнейших городов вроде Петербурга и Одессы, Вены и Парижа. При этом парадные площади, магистрали, бульвары и набережные превращаются в место политических манифестаций и праздников, а небоскреб трансформируется

в постамент памятника Ленину с огромным залом заседаний Верховного Совета СССР внутри.

Принцип создания целостного, завершенного, иерархически выстроенного ансамбля становится универсальным и распространяется на весь созданный после войны соцлагерь. Соцлагерь – это ансамбль стран во главе с СССР, СССР – ансамбль республик во главе с Россией, Россия – ансамбль городов и деревень во главе со столицей. Ансамбли всех уровней создаются по единому генеральному плану, эталоном которого становится сталинский генплан Москвы 1935 года.

Принципиальными особенностями системы в целом, каждого его уровня и компонента становятся герметичность, закрытость, пространственная изоляция и статичность. Все связи идут через вышестоящий центр, каждый город оказывается в той или иной степени закрытым, деревня консервируется и отделяется от города, а любой завод стремится полностью обеспечить себя и комплектующими, и жильем, и хлебом. Страна избегает новаций и занята либо ответами на внешние вызовы вроде появления атомной бомбы, либо реализацией отложенных с дореволюционных времен идей вроде освоения Севморпути или строительства ВолгоДонского канала, объявленного одной из великих строек коммунизма.

Призыв к освоению наследия не только погасил волну сноса памятников и церквей, но обозначил переход от тотального уничтожения старой застройки и строительства на новых землях к реконструкции, т. е. к действиям с использованием существующего материала, к учету контекста и отказу от универсальных решений в пользу уникальности.

Монументальный характер сталинской архитектуры, ее претензии на вечность, которой не был изобачен авангард, позволили сформировать ранее отсутствовавший или уничтоженный войной устойчивый планировочный каркас множества городов, их узнаваемый образ, нынче отчетливо ощущаемый как историческая и культурная ценность. Это ощущение – следствие несомненно большей подвижности и ди-

версифицированности сталинской архитектуры в сравнении с архитектурой первой утопии.

Продекларированная властью идея «национальной формы» как важнейшего признака социализма способствовала проникновению в сталинскую архитектуру открытий ардеко того времени, появлению национальных школ и множества вариаций на тему «национального ордера».

Нормой становится типологическое разнообразие массового жилья, появление домов малой и средней этажности, формирующих принципиально иной тип кварталов с несплошной периметральной застройкой и обширным озелененным двором в середине. Легализуются и возвращаются в практику проектирования и строительства односемейные или сблокированные усадебные дома для сел и поселков городского типа, которые еще недавно казались лишенными прав и перспектив.

Возрожденный ансамблевый подход недвусмысленно подчинял отдельные дома логике улицы, площади и двора, т. е. делал интересы открытых пространств приоритетными, исключая появление неорганизованных пустот и пустырей, ставших впоследствии трудно решаемой проблемой российского города. Этот же подход явственно облегчал адаптацию городов инженерной инфраструктуры, строго определяя локализацию сетей, линий метрополитена и транспортных коммуникаций.

Вторая утопия не была бы утопией вне характерного пафоса подчинения, преодоления природы, борьбы с природой. Стратегия колонизации Арктики, Севера, Сибири и Дальнего Востока исключала капитуляцию перед холодом и непогодой. Архитектура Норильска не имела права отличаться от официальной архитектуры городов центральной России.

Чем более пышными и торжественными были новые декорации, тем более критичным и ощутимым становился разрыв между утопией и антиутопией, тем короче оказывался путь от «домов на набережной» до ГУЛАГа. Темные и светлые части одного мира, существующие параллельно и тесно связанные, становятся в эти годы практически признаваемым условием существования друг друга, объектами одинакового контроля и внимания со стороны власти.

Третья советская утопия

Третья и последняя советская утопия, запущенная грозным постановлением «Об излишествах...», рождалась во вдохновляющей атмосфере оттепели. Страна впервые за многие десятилетия стала примерять на себя гражданские одежды. Людей в сапогах и погонях на улицах и в кино сменили люди в костюмах и платьях. Власть от военных и спецслужб перешла в руки партийных функционеров. Систему насилия и контроля сменила система партийного управления, которая, однако, унаследовала предельную глубину и широту охвата всего, что происходит в обществе и экономике, во времени и пространстве.

Одновременно с развенчанием сталинской архитектуры протекал демонтаж гигантской тени сталинского режима: шла ликвидация лагерей, началась выдача паспортов жителям сел и деревень, осуществлялось последовательное расселение трущоб, бараков и коммуналок. Миф о внутренних врагах был признан несостоятельным. Строительство коммунизма из политической абстракции превращалось в конкретную задачу ближайших лет. Трагическая раздвоенность, расчлененность страны, на первый взгляд, уходила в прошлое. По торжественному обещанию партии коммунизм должен был наступить в 1980 году. Все, чему не надлежало существовать при коммунизме, включая сталинскую архитектуру и не дождавшийся реабилитации авангард, уходило в прошлое.

Мир, который предстояло строить, по-прежнему был антизападным и антибуржуазным, но менее закрытым и агрессивным, склонным не столько к конфликту, сколько к сосуществованию и мирной конкуренции. На фоне политики большей внешней открытости происходит расширение границ соцлагеря. Вокруг стран народной демократии образуется новое внешнее кольцо латинских и африканских стран, объявивших о строительстве социализма. Главным украшением этого кольца становится социалистическая Куба, с энтузиазмом принявшая утопический концепт.

Отныне бремя основных забот по управлению строительством огромного социалистического мира фактически возлагался на новые всеисильные советские суперминистерства вроде Госплана и Госстроя. В недрах этих структур, рядом с ними усилиями множества неожиданно появившихся рефлексирующих ученых и просто

разумных и образованных людей создавались не только методики работы с огромными и сложными объектами, но и формировалось знание этих объектов, которому было места в системе утопических представлений. Математические и логические модели системы расселения и размещения производительных сил, попытки сбалансировать множество разнонаправленных усилий и интересов, успехи и просчеты в осознании реалий при взгляде из нынешнего времени представляют не вполне осознанную, но, похоже, несомненную ценность.

При этом ликвидируется кузница стили и кадров – Академия архитектуры, и на ее руинах возникает подчиненный Госстрою Госгражданстрой с системой центральных и межрегиональных научно-исследовательских институтов, институтов экспериментального проектирования. Рядом с этими институтами продолжают жить и расти ведомственные проектные учреждения и региональные Гражданпроекты, сосредоточенные на решении не столько художественных, сколько сугубо практических функциональных задач, включая предельную экономию средств и ресурсов.

Физические, пространственные очертания новой утопии столкнулись с воздействием как вполне объективных, так и сугубо субъективных обстоятельств, включая очевидную неприязнь Хрущева к Сталину и к архитекторам, создавшим оболочку сталинского мира. Если кино, литература, музыка и живопись сталинских времен не обнаружили особой жизнестойкости и были вполне бесследно удалены из информационного и культурного пространства, то избавление от сталинского архитектурного наследия потребовало серьезных усилий и стало не менее символическим актом, чем вынос вождя из мавзолея. Суд над «сталинским ампиром» и добротными сделанными «сталинками», которые не вызывали в публичном сознании ни очевидной неприязни, ни скрытого разочарования, потребовал особых усилий, а кампания по борьбе с архитектурой оказалась не менее жестокой, чем еще сталинская борьба с космополитизмом, генетикой и поэзией Ахматовой.

Итог борьбы оказался шокирующе трагичным. Архитектура была отдана в подчинение вновь формирующемуся гигантскому строительному комплексу и пере-

стала считаться важнейшей частью художественной культуры. Труд архитектора приобретал черты труда исполнительного служащего и характером оценок, подходов, и типом сознания. Студентов МАрХИ учат копать землю и вести кладку. Архитектура теряет признаки свободной профессии. Проектирование ведется лишь крупными комплексными государственными проектными институтами, а архитекторы растворяются в огромной массе проектировщиков, одетых в одинаковые белые халаты.

Новое состояние профессии оказалось, однако, не лишенным неожиданных преимуществ. Перестав быть частью культуры и перейдя под контроль строителей, архитектура ушла из под грозившего ей внешнего партийного идеологического пресса. Следствием этого стала возможность заимствования, освоения не только западных технологий, но и специфически художественных, архитектурных настроений и открытий. Погружение в современную культуру после многолетней паузы оказало огромное воздействие на профессиональные представления и облик города. Архитекторы на удивление быстро пришли в себя после пережитого потрясения и энергично откликнулись на призыв партии строить новый утопический мир.

Готовность эта отчасти поддерживалась немногими оставленными за архитекторами атрибутами прежней жизни, вроде почетных званий и творческого союза с домами творчества и клубными радостями. Пространство самореализации резко сузилось, что стимулировало его интенсивное, неожиданное и остроумное обживание.

Третья утопия продолжила и существенно развила главный советский мегапроект, предполагающий создание новых городов на базе огромных предприятий. Задуманные при Хрущеве и реализованные при «раннем» Брежневем Тольятти и Набережные Челны стали не просто тенью ВАЗа и КАМАЗа, но своего рода эталонами правильно организованного социалистического города. Число подобных городов, впоследствии названных «моногородами», к концу эпохи исчислялось сотнями. Более ранний хрущевский мегапроект, оказавшийся менее удачным, был связан с освоением целины и индустриализацией деградирующего сельского хозяйства. Остатки сельских приусадебных хозяйств и неперспективные деревни лик-

видировались за ненадобностью, поскольку вместо них, в том числе на целинных и залежных землях, должны были возникнуть новые агрогорода, огромные и более производительные, чем поразившие Хрущева во время визита в Штаты американские фермы.

Не менее противоречивым, но более успешным оказался мегапроект строительства массового индустриального панельного жилья. Сотни построенных в течение нескольких лет по всей стране заводов начали производство одинаковых, поначалу пятиэтажных, жилых домов. Эти дома стали поводом к появлению не только новых сопутствующих отраслей промышленности гражданского и «двойного» назначения, но способствовали формированию нового, более «городского» образа жизни страны, значительная часть населения которой упорно сохраняла устойчивую связь с землей. И новые, и старые горожане, обитателей коммуналок перебирались в «малометражные», но отдельные квартиры в многоподъездных домах, расставленных в пространстве в соответствии с принципами «свободной планировки».

Именно третья утопия подарила стране модель социально-пространственной организации жизни, замена которой отсутствует по сей день. Суть модели сводилась к безальтернативному зонированию или делению города на жилую и производственную части и к строгой иерархической организации жилой зоны. Главным элементом цепи жилых единиц становится микрорайон, который делится на жилые группы из нескольких многоподъездных домов и входит в один из жилых районов, образующих жилую зону.

В отличие от западных прототипов советские жилые единицы не являлись самоуправляемыми муниципальными образованиями, их природа и параметры определялись устройством социальной инфраструктуры, ступенчатой системы обслуживания, важнейшее звено которой – средняя школа – оказывалось центром микрорайона. Вслед за жильем все объекты социальной инфраструктуры, включая школы, детские сады, поликлиники возводились по типовым проектам. Страна приобретала ранее недоступный однородный, единый, подлинный утопический облик.

Типовое окружение и ступенчатое обслуживание стали прямым, наиболее полным и завершенным

воплощением идеи социального равенства, коллективной жизни, бесплатного государственного обеспечения жильем, образованием, медициной, услугами транспорта и ЖКХ. Проблема свелась к тому, что бремя этих издержек в сочетании с огромными расходами на оборону, на поддержание всей соцсистемы оказалось неожиданно непосильным. Но если социальноэкономический компонент утопии распался в одночасье, то ее пространственная оболочка непостижимым образом продолжает сохраняться и воспроизводиться, вопреки сомнениям в ее эффективности и адекватности.

Третья утопия и ее сущностные признаки не были прямыми перевертышами или антитезами принципов и догматов предшественников; она не предполагала реинкарнации или возврата к первой советской утопии. Отвергнутое, осужденное и обесцененное однажды не могло восторжествовать вновь. Заявленный возврат к подлинным ценностям и заветам марксизма-ленинизма вовсе не означал возврата в послереволюционное прошлое. Первый русский авангард хоть и не был запрещен, но и не был до конца реабилитирован. К нему относились как к наивному увлечению молодости, изжитому, преодоленному и не слишком содержательному. Клеймо формализма хоть и переставало ощущаться приговором, трансформировалось в признак неполноценности. Этому способствовало и настроение активных действующих лиц русского авангарда вроде Барща и Синявского, успевших стать убежденными сторонниками академизма и преданными учениками Жолтовского.

Достаточно условным и не вполне адекватным можно считать отнесение всего наследия третьей утопии к «советскому модернизму». Архитектура последнего советского тридцатилетия, за исключением архитектуры массового жилья, не была стилистически столь же едина, что и архитектура предшествующих эпох. Причина очевидного разнообразия архитектурного языка – отсутствие прямого контроля и государственной художественной цензуры. Главным же предметом заботы стройкомплекса было удешевление проектирования и строительства, обернувшееся полной потерей качества, во многом обесценившей усилия архитекторов.

Низкое качество жилья, спроектированного и построенного

под диктатом стройкомплекса, в сочетании с огромными объемами этого строительства, охватившего всю страну, давшего почти две трети нынешнего национального жилого фонда, снизило социальный эффект огромных усилий и фактически привело к разрушению среды и деградации культурных ландшафтов.

Хрущевская утопия парадоксальным образом сочетала строительство коммунизма с решением амбициозной задачи «догнать и перегнать США по производству мяса и молока на душу населения», что, однако, не было поводом возникновения в общественном сознании, казалось бы, неизбежного «когнитивного диссонанса». Первый осознанный и чувствительный удар по утопии был нанесен фактическим отказом от строительства коммунизма и заменой его «реальным социализмом». Хрущеву, последнему мечтателю, способному «штурмовать небо» и «добиваться победы любой ценой», были предъявлены недвусмысленные обвинения в утопизме, названном «волютаризмом».

С брежневских времен, с застоя начинается процесс деутопизации, ликвидируются признаки коммунистического самоуправления, прекращаются попытки обновления и реформирования системы. Но если социальноэкономическому компоненту третьей утопии было отказано в реализации, то пространственный ее компонент, создаваемый усилиями государственного стройкомплекса, заметных изменений не претерпел и продолжил жить по инерции, перейдя в наши дни под управление нового российского девелопмента.

Рисуемое третьей утопией светлое будущее потеснили жизненные реалии, а обещанный коммунизм заменила Олимпиада80. Миру и стране был наглядно продемонстрирован созданный строителями образцовый социалистический город, полностью избавленный от ненужных примесей, временно скрытых от посторонних глаз или перемещенных за 101 километр.

Самостоятельный позитивный концепт, собственная повестка строительства нового мира по новым лекалам будущего все активнее уступала место удовлетворенности реальным и настоящим, движению «от противного», борьбе с «западной» культурой, американским образом жизни и капиталистическим городом. Продвижение утопии

и активная культурная экспансия СССР фактически завершилась еще до вторжения в Афганистан.

Умирающая третья утопия, возможно, могла бы уступить место четвертой, рожденной в процессе перестройки и горбачевских реформ, если бы не известные события, приведшие к отказу от всех и всяческих утопий, от любых предсказаний, стратегий и попыток строительства внятного будущего.

**Андрей Бокон /
Andrey Bokov**

^ Станция обслуживания «Фиат Тальеро» в виде аэроплана. Архитектор Д. Петацци. 1938. Асмэра, Эритрея

Ар-деко: терпкие плоды забытого сада / Art Deco: Harsh Fruits of a Deserted Garden

Явление стиля

Ар-деко – одно из престранных явлений в истории проектно-художественных практик. Вдруг – примерно в середине 1930-х гг. – по всему цивилизованному миру, включая СССР (то есть по миру, охваченному художественно-авангардной революцией), разлилось некое подобие стиля. Этот стиль не только никто специально не разрабатывал, его – в отличие от ар-нуво или от международного стиля – даже никто и не презентовал. Он стал откровением для современников и загадкой для искусствоведов. Ладно бы, если бы это был стиль, органически продолжающий усиленные попытки 1920 – начала 1930-х гг. создать «стиль нашего времени», то есть если бы это был стиль некоего созревшего авангарда, каким считается модернизм международного стиля и т. п. Напротив, он был явственным протестом против усилий авангарда, хотя и вобрал в себя некую (в ряде своих вариаций не столь уж малую) толику его достижений.

Ар-деко пытались объяснить как стиль тоталитарных режимов. В этом объяснении есть резон, поскольку власти мало любили конструктивизм и его подобию: они хотели бы получить выразительное и впечатляющее искусство архитектуры (и всего остального, к ней примыкающего) и получили его в лице ар-деко (вариантов которого несколько). Тоталитарный вкус воплотился в ар-деко вполне, даже стал архетипом: архитектура и техника планеты некромонгеров

в «Хрониках Риддика», их обмундирование и оружие, как и другие подобные голливудские образы («Дюна», «Звездные войны» и т. п.) закрепили его уже как штамп. Однако ар-деко в США, отнюдь не спешащих отречься от своей демократии, в 1930–1950 гг. достиг наивысшего расцвета. Оттенки тоталитарности или глобализма, не устранимые в империалистическом духе нью-йоркских небоскребов, дизайне техники или в рисунках Хью Ферриса, не могут объяснить всего. Не кто-нибудь, а Альберт Шпеер писал: «Меня удивило, что в общественных зданиях и французы тяготеют к нео-классицизму, ведь так часто утверждали, будто этот стиль характерен для архитектуры тоталитарных государств. Ничего подобного. Скорее классицизм был присущ тому периоду: его влияние чувствуется в Вашингтоне и Лондоне, в Париже и Риме, в Москве и в наших планах реконструкции Берлина» [1, с. 113]. Ар-деко оказался чудовищно популярен, он превзошел по объему строительства зданий и производства вещей ар-нуво в несколько раз, а по времени жизни – в три раза.

Ар-деко пришел на эпоху... расцвета модернизма! Странное совмещение времен еще не получило своего объяснения, но ар-деко, хронологически совпадая со многими значимыми явлениями в истории модернизма, был, все же некоей паузой перед его торжеством. Модернизм любил бахвалиться своим долголетием (устаи Р. Бэнэма,

Загадка ар-деко состоит в его повсеместности и универсальности. Он везде, включая и наше время, и становится похож на симптом какого-то вирусного заболевания, пандемии. Но этот симптом пытаются «не замечать», легко сводя его проявления к локальным «штаммам», ареал действия которых ограничен национальными, хронологическими или формально-стилистическими границами. В статье сделана попытка посмотреть на феномен ар-деко более широко и понять его действительное место в эволюции модернизма.

Ключевые слова: ар-деко; авангард; модернизм; Л. Г. Салливен; власть; история архитектуры XX в. /

The mystery of Art Deco is in its universality. Art Deco is everywhere, including our time. It is like a symptom of a virus disease, a pandemic. But this symptom is disregarded. Its demonstration is reduced to local "strains", the range of which is limited by national, chronological or formally stylistic borders. The article tries to consider the Art Deco phenomenon more widely and to reveal its real position in the evolution of modernism.

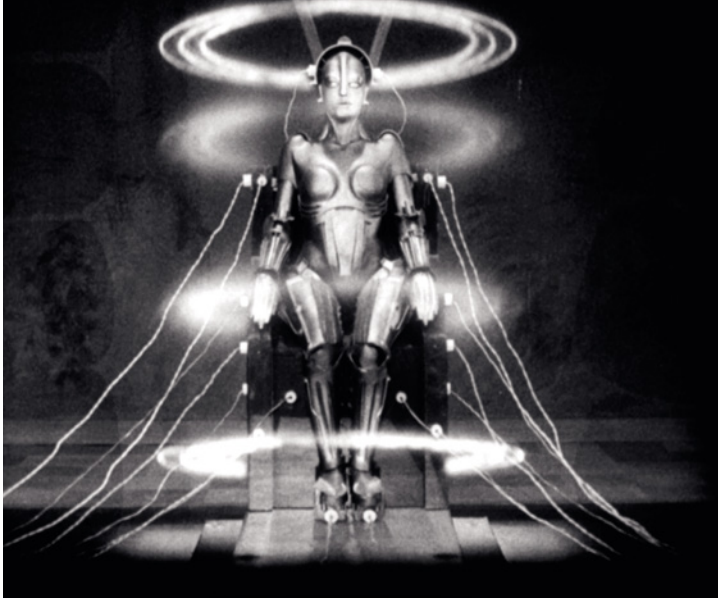
Keywords: Art Deco; avant-garde; modernism; L. H. Sullivan; power; history of architecture of the 20th century.

например), но с равным успехом можно интерпретировать его возникновение и его существование как фигуру дополнительности, получившую место в тени ар-деко. По крайней мере, ар-деко точно был промежуточной площадкой между авангардом и модернизмом. Зачем понадобилась такая площадка?

Объяснение социологическое гласит: ар-деко есть реакция на натиск авангардистского миропреобразования, которое утомило всех и исчерпало свои ресурсы убедительности и эффективности (то есть ресурсы проектности). С этим трудно не согласиться. Но с другой стороны, само имя принято возводить к знаменитой Парижской выставке декоративного и промышленного искусства 1925 года, а на ней имело место лишь очень малое количество авангардистских работ. И все они обладали еще юношеской свежестью, никак не успевшей кого-то утомить, как утомили спальные районы в 1960–1970-х!! Это павильон Мельникова, «Эспри Нуво», павильон туризма Малле-Стевенса (причем последний уже причисляют к «левому крылу» ар-деко! Да и с Мельниковым не все так просто. А уж если вспомнить знаменитый цветовой фонтан Рене Лалика (по сути, центр той выставки), то получается, что в 1925 году ар-деко не только «возник», но уже торжествовал победу! Да немножко ли изменилось предметно-пространственное окружение от 1910-х гг. – эпохи ар-нуво – к 1925 году?

Детский сад

Среди текстов Салливена А. Г. Раппапорт метко указал на «Беседы в детском саду» как на текст, в котором следует искать следы перехода от ар-нуво к ар-деко. Действительно, текст 1918 года – времени перехода; надо же куда-то двигаться и самому Саллиvenu, но авангард для него недоступен, а модерн (ар-нуво) исчерпан (он сам и исчерпал его американский вариант). И несмотря на то, что тезис «форма следует за функцией» не нов (1896), а «функция высотного здания» с тех пор не изменилась, ему нужны какие-то новые опоры, зацепки... Что может ими стать при столь убогом лозунге? Догматизация – вот ответ! Салливен всегда был ригористом, но тут у него характер окончательно портится. Стиль письма и речи Салливена, и без того отличавшийся безапелляционностью, достигает здесь почти вершины (абсолютная вершина – книга «Автобиография идеи», написанная им «в стол» в 1922–1923 гг. и полная болезненной обиды человека, забытого всем миром – в ней он говорит о себе в третьем лице: «<...Луис оставался глух ко всем возражениям. Если бы и тысяча человек признала, что он заблуждается, то и это не смогло бы заставить его изменить взятый курс...>» [2, с. 60]; шедевр самолюбования!) А «Беседы в детском саду» – яркий пример патерналистского жанра в теории и популярной литературе конца XIX – начала XX вв., то есть жанра снисходительно-разъяснения знающим челове-

< Кадр из кинофильма Metropolis, Германия, 1926. Реж. Ф. Ланг и Т. фон Гарбоу

< Хью Феррис. Архитектурная фантазия. 1929. США

ком давно ясных для него истин. Если Ф. Л. Райт и был учеником Салливена, то, скорее всего, именно в этом стиле самопрезентации.

Модернистские «доблести» зреют, но и Салливан, и Райт движутся плавно и транзитом, они прекрасно обходятся без авангардистских крайностей и радикализма. Все это им заменяет собственный догматизм, возведенный в эстетический культ – это, кажется, звучит как формула всего ар-деко (автор вовсе не утверждает, что Райт и Салливан ему принадлежат, равно как и ар-нуво. Скорее, и то, и другое принадлежит к тому, и другому как инструменты или состояния сознания). Точнее, для того, чтоб это была формула ар-деко, а не общемодернистская, нужна еще какая-то привязка к стилю, форме. Ею, наверное, и становится пресловутая «органичность».

«Нередко можно услышать вопрос: «В каком стиле это здание?» И когда дается категорический ответ, даже если он звучит вроде: «Здание это в стиле Людовика XIV, с готическими деталями и кельтским орнаментом, приспособленным к современным требованиям», – то ответ этот воспринимается с удовлетворением; потому что он совпадает с условными представлениями об архитектуре задающего вопрос, а именно, что это вещь, выполненная «в стиле».

Теперь предположим, что ответ не столь категоричен: «Здание представляет собой серьезную попытку серьезного архитектора создать сооружение, естественно,

логично и поэтично вырастающее из существующих условий», – и такой ответ вряд ли удовлетворит спрашивающего, ибо не будет совпадать с его условными представлениями, а последние всегда властвуют над человеком, если только он не обладает подлинной культурой» [3, с. 55].

Отрицание истории (прошло-го) здесь носит общий для эпохи характер: оно отождествлено со стилями, но позитивная часть отличается от воззваний к «духу нашего времени» или «к современной технике». Натурализм воздвигается в принцип: истина существует в природе, ей следует подражать (а авангард и модернисты природу ненавидели). Метод «серьезного архитектора» по выращиванию зданий (флоральные мотивы модерна!) вытесняет стили, он даже отрицает категорию стиля как таковую (в частности, нет и задачи на выражение стиля современности, то есть искомого завтрашнего стиля. Эту гонку со временем, начавшуюся с модерна, Салливан останавливает, но при этом демонстрирует и отсутствие интереса к будущему – главной заботе авангарда и модернизма). Таким образом, отказ от будущего здесь – не легкомысленное погружение в текущий момент, но попытка обмануть ловушку темперированного воображения. И будущее, и прошлое, здесь с легкостью коллапсируют в безвременное длящееся настоящее. Хронотоп ар-деко безразмерен, он претендует на вечность, для него характерны «третьи рейхи», «последние

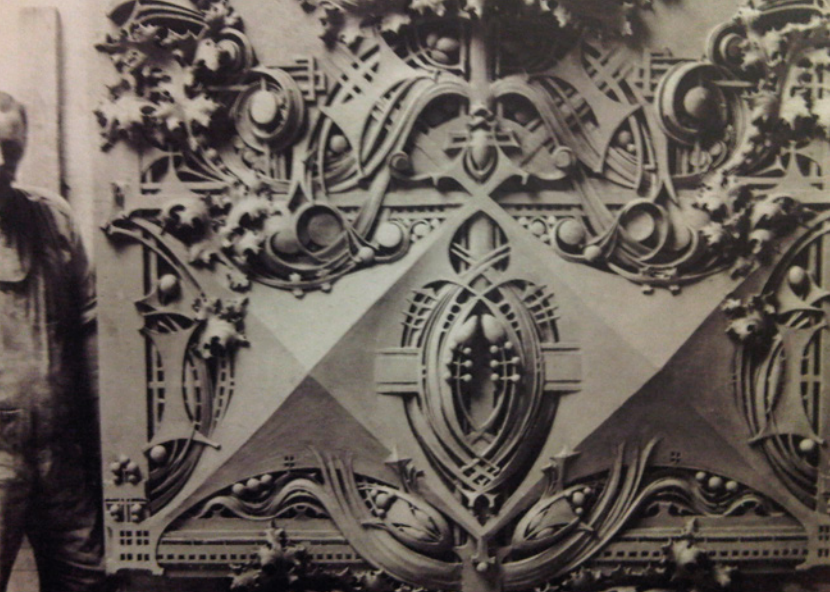
империи», «наивысшие формации», «существенные утопии», вольно или невольно классицизирующие.

Но упомянутый догматизм – это не просто убежденность в правильности ранее сказанного, это уже новая качественная стадия существования догмы, доксы:

«Приведу примеры: форма дуба сходна с назначением или выражает функцию дуба; форма сосны походит и указывает на функцию сосны; форма лошади обладает сходством и является логическим продуктом функции лошади; форма паука напоминает и ощущимо подтверждает функцию паука. Так же как форма волны выглядит, как функция волны; форма облака говорит нам о функции облака; форма дождя указывает на функцию дождя; форма птицы раскрывает нам функцию птицы; форма орла зримо воплощает функцию орла... форма воды есть функция воды; форма ручья – функция ручья; форма реки – функция реки; форма озера – функция озера; форма тростника – функция тростника...» [4, с. 46-48].

И так – на многие страницы текста! Что это за «функция» – быть орлом? Водой, ручьем, облаком, тростником (мыслящим?)? Подлог очевиден: сложная, далекая от однозначности форма вещей замещается якобы ясной функцией. Но на поверку эта «функция» – фикция. Она даже не есть конструкт рассудка; она берется как конвенция, а это не соответствует положению дел. Теория у Салливена не складывается. Но он

вовсе и не строил теорию, ему было нужно утверждение, суггестивная формула, монотонно повторяемая в каждой ситуации в соответствии с местным набором «существующих условий», а также нужна и такая фигура умолчания, позволяющая обойти скользкие проблемы стиля и формы. Фикция функции дуба позволяет ничего не говорить о форме дуба et cetera. Именно так и будет разворачиваться дальше дискурс модернизма. Именно это и есть новая стадия: натуралистическая идея, камуфлирующая подлинные процессы мышления и деятельности, подлинные цели и ценности, ритмично навязывающее восприятию в качестве актуального носителя истины и красоты. Это уже – формула ар-деко. Но это также и рецептура всяческих фабрик грез, за выразительными прелестями которых ощущима властная рука. Усыпляющее бдительность бормотание Салливена было довольно быстро опознано как новое средство манипулирования сознанием. Следствия сугубо функционалистские – отдельная тема. Интересна уже сама схема натуральной данности функции формой (и наоборот): если здание модерна, также «вырастающее из конкретных условий», коннотировало все что угодно, помимо своей утилитарной назначенности, то теперь форма напрямую денотирует функцию, форма и функция связываются как сосюрсовские означающее и означаемое – при сохранении возможности инверсии! Высказывания Салливена с 1896 года к 1920-м меняются очень

^ Луис Салливан рядом с орнаментальной композицией для Фермерского Банка Оватонны, 1908. Миннесота, США

^ Кадр из к-ф. «Тайна двух океанов», СССР, 1956. Разговор в подводной лодке

v Гараж Госплана. Архитектор К.С. Мельников. 1936. Москва

заметно: поэтические рассуждения и витиеватые отступления сменяются жесткой риторикой без полутонов.

Монументальное ускользание

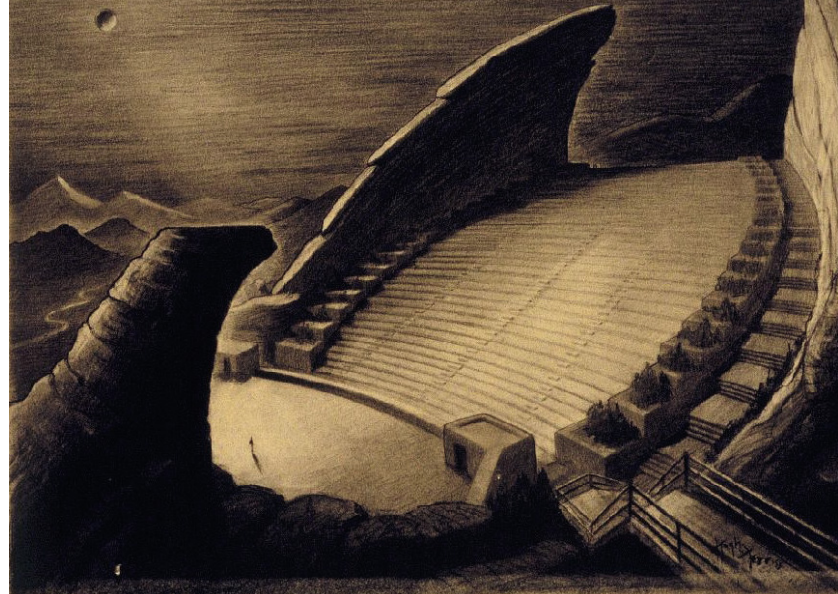
Ар-нуво был отчетливо экстравертен, формирующий же ар-деко – интравертен. Ар-деко при этом сохраняет размах и притязания ар-нуво (модерна), в т. ч. и притязания на свой (=истинный) вариант Gesamtkunstwerk. Ар-нуво, однако, не хватал своих зрителей за шиворот: он соблазнял, а ар-деко берет свое силой. При разнообразии вариаций ар-деко, среди которых есть весьма забавные и человеческие (например, в американском стайлинге, а у Ф. Л. Райта он и вовсе сливается с модерном почти до неразличимости), в целом стиль все же довольно угрюм (особенно в сравнении с ар-нуво, с его «южными» вариантами). И не случайно вершины своей он достиг в тоталитарных деспотиях XX века – там он востребован безоговорочно.

Ар-деко – параноидальная стадия эволюции ар-нуво. Параноидальность обеспечена введением в самодостаточное тело ар-нуво больших инъекций коммерциализированного Баухауза и других экзотических препаратов, входивших тогда в моду. Главное – он параноиден той мерой службы властным силам политики и рынка, которая оказалось беспрецедентной для всего Нового времени (хотя осталась так и не замеченной многими исследователями и писа-

телями, предпочитавшими говорить лишь о «джазовом модерне»).

Странность ар-деко в том, что говорить о нем можно популярно различно: как о веселом и легком стиле поведения и жизни и как о мрачном, унифицирующем поведении каноне; как об изысканном искусстве богемы и как о грубоватом и тяжеловесном эстетическом окормлении масс. Различны его вариации, что постоянно ставит вопрос о правомерности объединительного термина. Но представляется, целостный взгляд плодотворен: он намекает на реальность, на подоснову существования в массовой культуре, на цену, которую приходится платить за восторг идентичности. Здесь проявляется и обратная сторона натурализма: как и природа, внешне прекрасная и блестящая, до краев наполнена жестокой борьбой за выживание, так и ар-деко прикрывает природную дикость общественных процессов артистичной игрой своих форм и поверхностей, оставляя тем самым место дикости, принимая ее в свой состав в качестве неустрашимого и органичного компонента. Но вернемся от социологии к технологии.

Данности функции формой, а формы функцией – логика постова (Gestell Хайдеггера), которой еще не было у модерна (ар-нуво). Важно помнить о фиктивности, иллюзорности как компонентов, так и их связей. А также и о отмеченной выше инверсии: она подозрительно напоминает оруэлловские реконструкции

^ Хью Феррис. Архитектурная фантазия по мотивам амфитеатра Denver Red Rock. Архитектор Б. Хойт. 1936–1941. США

семиотики тоталитарной идеологии. Ведь лазеек иному значению и иной форме эта обращаемая семиотика не оставляет: никакого инакомыслия при фундаментальном двоямыслии самой идеологии. Обоюдоострая формофункция может лишь воспроизводиться, клонироваться, цепляясь за любые неровности смысла как колючка, как плющ. Коль здание – голый факт явленности назначения этого здания, то и форма его торжествующе неслучайна, она есть и воплощение его значения, и средство это значение утвердить. А значение здесь синонимично на-значению – назначенному, данному кем-то свыше значению. Функция, о которой столько сказано, на поверку – это след сакрального действия высших сил, что для общества атеистов 1920–1950-х означает «действия власти». Ар-деко здесь откровенен, сам же функционализм прячет свои откровения в научных, технических, социотехнических и др. аргументах.

Налицо очередная попытка создать «говорящую архитектуру», а также ставшее уже традиционным в Новое время профанирование формулы священного символа. Вполне ясно, что будет, или должна говорить такая архитектура *par excellence*. Коль скоро инверсия означающих и означаемых объективна (узаконена в новой природе вещей), то сообщения архитектуры, сознательно использующей ее, – серьезны; ее здания – социально и телесно весомы; ее формы – внушительны. Эстетика сформирована.

Власть и авангард

Ар-деко, разумеется, феномен власти. Едва ли не все его начала инспирированы властями, но... к вящей радости проектно-художественной элиты и «широких масс трудящихся». Это ее, власти, альтернатива стиля современности. Причем власти самой разной, хотя единство вкуса наводит на подозрения в преувеличенности политических расхождений во второй четверти XX в. Но значит ли это, что перед нами альтернативная проектность? Могла ли она столь масштабно противопоставить себя максималистской, предельно энтузиастической проектно-авангарда? Если да, то весь лозунговый пафос, вся риторика разрыва с историей, устремленность к Будущему *et cetera* ничего не стоят? Можно ли обойтись без всего этого? Образ Будущего по ар-деко жутковат? Так и авангардистско-модернистские образы не лучше. И там, и там примерно равная мера искусственности, степень сознательных и волевых усилий, которые требуется приложить поверх естественно протекающих процессов для утверждения запрокинутого; мера проектности сопоставима.

Вокруг ар-деко и его тоталитарных разновидностей рождено множество мифов, ставших очень распространенными и устойчивыми. Разумеется, это героические мифы в жанре борьбы титанов. Сталин лично угробил наш светлый и радостный конструктивизм, первый из таких мифов. Его с удоволь-

ствием используют как те, кто ставит себе задачей окончательную дискредитацию Сталина (не замечая при этом скрытый комплимент его управленческим сверхспособностям), так и те, кто хотел бы мифологизировать и романтизировать «конструктивизм», который вовсе не был ни безоблачным или «правдивым», ни даже уникальным, а его актеры не были ангелами. То же с Гитлером и Муссолини: противостоять таким историческим фигурам – это же героизм! Но противостояния не было, все происходило плавно, часто цинично и гадко, не без удовольствия с «потерпевшей» стороны.

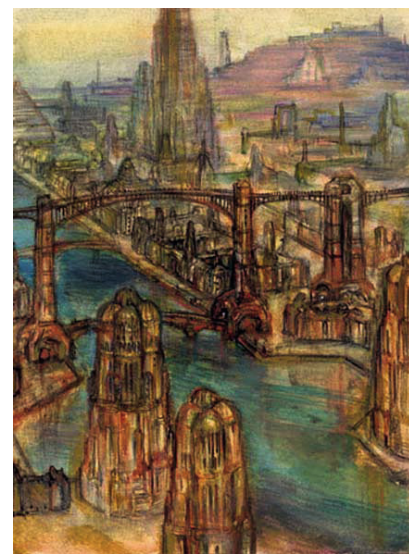
Выскажем нашу гипотезу. Ар-деко, несомненно, был паузой в поступательном движении современной проектности (проектности «современного движения»), но не столько связанной с утомлением от нового бравого мира, сколько ради адаптации к нему. В декоративных и «плотоядных» формах ар-деко, в его латунном коконе из авангардистского семени созревали плоды модернизма. В разбавленных, но густо и прямо приправленных порциях модернистское мировоззрение потреблялось широкими массами, вырабатывая привыкание. И нет проблемы в том, что морфология совсем иная, а вслед за ней иные символика и феноменология. Последняя не столь уж и резко отличается от феноменов выдающихся модернистских жестов (вспомним, как легко конструктивистские здания одевались в декор «освоения наследия»). Даже

на уровне персоналий разницы нет почти никакой – увлечение ар-деко легко вытеснило авангард и переросло в модернизм. По поводу многих «творцов авангарда» до сих пор в ходу заблуждения. Например, кажется невозможным принять почти очевидный факт: К. С. Мельников был художником ар-деко и ни на гран не разделял увлечений «среднестатистического» авангардиста. А с какой легкостью Н. А. Ладовский выдал свои «Красные ворота»!

Можно предположить, что ар-деко решал важную для властей задачу «подтягивания» сферы идеологии до уровня актуального мировоззрения и стиля. Авангард действительно обладал некоторыми архаическими чертами, как это отмечают исследователи сегодня. Главной из таких черт было восстановление в правах мифологии, причем это всегда была довольно экзотическая мифология, сугубо персональная или движенческая. Шаг от мифологии к идеологии был шагом вперед, к более прогрессивной и перспективной, а главное – удобной и приемлемой для власти и ее PR-задач конфигурации. Но следующим шагом было восстановление формы, осуществленное в модернизме. И эта «современная форма» была уже лишена своего мифа, стала пустой, бессодержательной и послушной. Идеологические задачи, однако, она выполнять уже могла. Такая оскопленная форма и была растиражирована на весь мир интернациональным стилем и его национально-региональными вариациями.

> Яков Черников. Графический лист из серии «Дворцы коммунизма». 1934–1941. СССР

> Яков Черников. Графический лист из серии «Старые города» 1933–1941. СССР

Ар-деко, таким образом, не случайно и не зря расположился между авангардом и модернизмом: его роль окончательно дискредитирует распространенное представление о том, что модернизм впрямую наследует авангарду, в лучшем случае – опосредованно. И питательная среда, насыщенная целями и образами, чуждыми авангарду, а вовсе не радикализм авангарда, запустила модернизм вокруг земного шара, она обеспечила ему легитимность и авторитет.

Идеология входит в состав рецептуры ар-деко неустранимо и обязательно. Она ощутима даже в таких мелких и, казалось бы, нейтральных коммерческих изделиях, как керамика Рассела Райта или скутер Гарольда ван Дорена, – не меньше, чем в шпеевском мраморном столе для военно-политических карт в Рейхсканцелярии. Ее тягучая сила непосредственно и – хочется сказать – непрерывно формирует свои объекты (в чем уже при желании можно видеть осуществление революционных грез о великой воле современности, освобождающей от случайности и художнического субъективизма). Разумеется, все это – политический театр, но он предельно далек от того, что мы сегодня хотели бы видеть, вводя в обсуждение понятие театрализации [5; 6] и, надо признать, последующие направления поисков все же были несколько иными [7]. Различные в ценностях и целях. Ни один стиль, ни одна формальная система столь откровенно и цинично не демон-

стрировали служение властвующей идеологии. Арсенал средств зодческой выразительности, начиная с Древнего Египта, здесь работает по назначению и отнюдь не декоративно. «Конструктивный орнамент», зерна которого А. Ван де Вельде стремился найти в модерне, теперь пророс лесами гофрированной латуни, населенными золочеными горгульями и скуластыми атлантами. Случайность и спонтанность модерна теперь не в чести, однако на смену им приходит не рассудочная логика, но горячая, полная эмоций симпатия к новым организующим конвенциям тотального распространения, чему способствуют новые масс-медиа. И эти конвенции тесно связаны с «киндустриальной» ритмикой в ее превращенных и сублимированных формах – не только в речах вождей, но и в растущей популярности джаза и в зарождающемся ритм-энд-блюзе.

Чудеса мимикрии

Один штрих к портрету ар-деко может, кажется, помочь опознать его сущность: ар-деко был стилем откровенной имитации и несколько этого не стеснялся; за откровенность это ему и прощали. Но вот что интересно: к стилистике ар-деко или очень близкой к нему долго прибегали те, кто по роду службы обязан был скрывать внешний облик передовой и секретной техники (ракет, космических кораблей, сверхзвуковых самолетов, подводных аппаратов и т. п.). Этот камуфляж «под Жюля

Верна» секретной техники 1950-х и даже 1960-х годов можно увидеть на марках и др. печатной продукции, посвященной победам СССР в космосе, или, например, в фильме «Тайна двух океанов» (1956). Интересно следующее: до определенного момента за нелепыми и условными изображениями видели то, что и требовалось видеть – современную передовую технику, плоды НТП. И никого условности и немотивированности формы не смущала! Но в конце 1960-х стилистика изображений резко сменилась на более реалистичную и приняла на себя всю полноту сказанного и изображенного ранее в несобственных формах. Кажется, то же самое произошло и в архитектуре, и в дизайне, и в предметно-пространственном окружении в целом: несобственные формы легко и без конфликта передали идеологическую эстафету «современности».

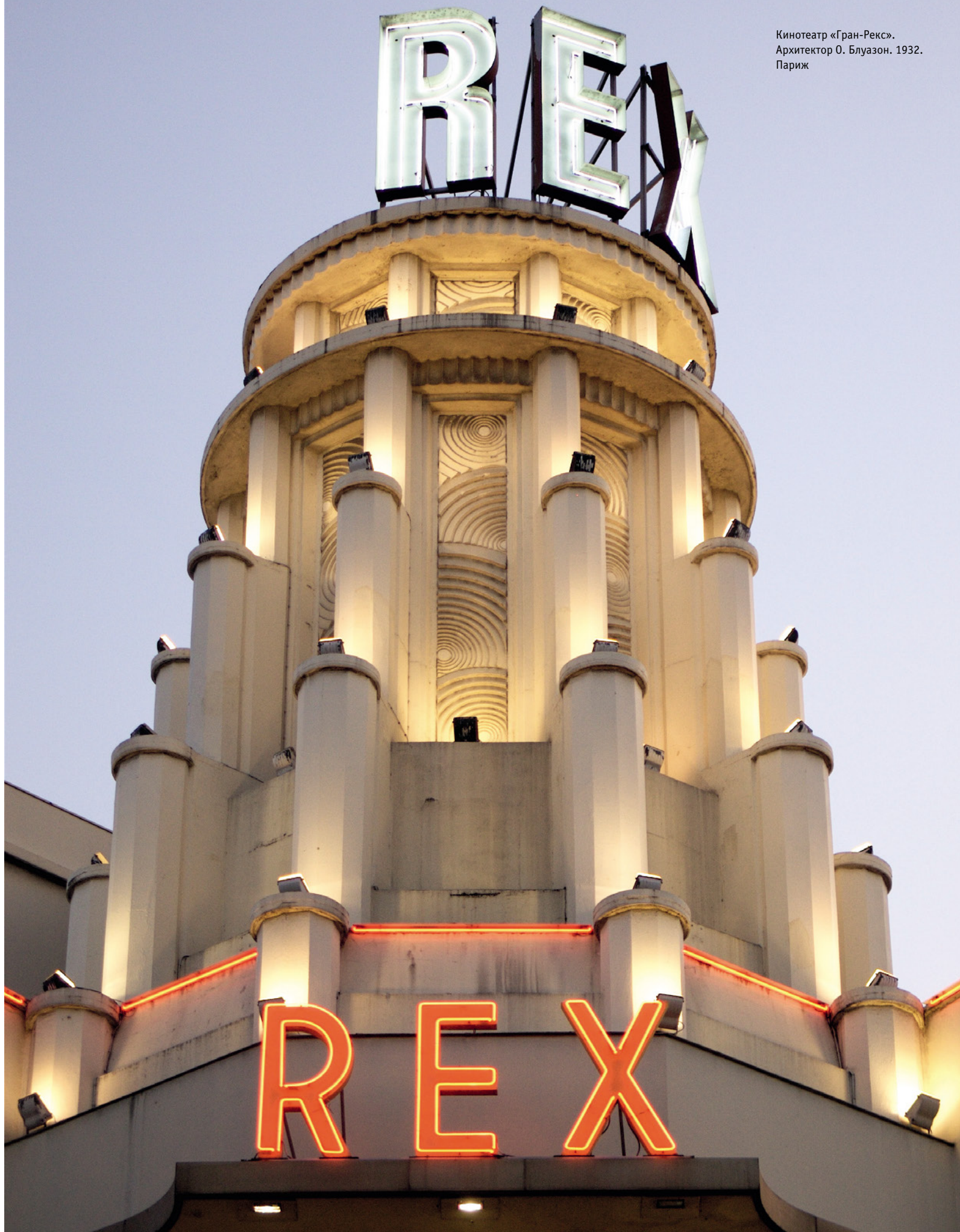
Сказанное позволяет сформулировать гипотезу более сильно: ар-деко был нужен власти для лишения авангарда прав на его идеи и его формы. Очнувшийся мир не обнаружил подмены, привычно отождествляя различное и воздавая почести героям в опустошенных могилах. Стоял ли за всем этим замысел или события текли естественно, в гомеостатической логике отправления социального диспозитива власти, каким его описывает Мишель Фуко, – вопрос открытый. Конститутивная декоративность стиля, впрочем, не должна вводить в заблуждение: если вы

так живете, если для вас все это – истина и среда, то онтологические притязания стиля на весомость и серьезность не стоит подвергать осмеянию: «Джон Доу жил. Он ничего не знал, да и не хотел знать ни о форме, ни о функции; но он жил и тем и другим; он расплачивался и тем и другим, идя по своему жизненному пути. Он жил и умер. Вы и я живем и умрем. Но Джон Доу жил жизнью Джона Доу, а не Джона Смита: такова была его функция, таковы были его формы» [4, с. 47].

Ар-деко считается – по крайней мере, в своих наиболее гламурных вариантах (а гламур – изобретение ар-деко; одно из его малоизвестных сегодня «народных» наименований – Шик-модерн) – стилем голливудских звезд, богемы 1920–1950-х. Наверное, это точно характеризует богему: стиль, трансцендентальные ресурсы которого полностью выбраны идеологией, здесь функционирует лишь в плоскости обращения симулякров. Недвусмысленную апологию такого эстетствующего натурализма провозгласил уже Салливен: «Для Человека не существует ничего, кроме физической реальности; то, что он называет своей духовной жизнью, – всего лишь предельный взлет его животной природы» [4, с. 48].

Но, поскольку шлюзы воображения открыты давно, а истинные интенции давно скрываются, то можно легко имитировать и трансцензус, и символ, и Дары Святые. Такая стратегия поведения становится нормой не в эклектике, которая требовала культуры и знания истории,

Кинотеатр «Гран-Рекс».
Архитектор О. Блуазон. 1932.
Париж

^ Почтовая марка. 1961. СССР

^ Тамара Лемпицка. Автопортрет в зеленом «Бугатти», 1929

и не в модерне, где еще была жива интуиция уникальности и действительного «квыращивания» своих решений в условиях «здесь и теперь», а в прямой и сладкой атмосфере ар-деко, в мерцающих грезах о тотально установившемся Dasein: «Мы, архитекторы, – это секта криводушных людей, исповедующих культ лукавства» [4, с. 47-48].

Горький – или, по меньшей мере, терпкий – привкус грандиозного провала/триумфа архитектурного самомнения, случившегося в эпоху ар-деко, останется с профессией навсегда.

**Петр Капустин /
Petr Kapustin**

Литература

1. Шпеер, А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 654 с.
2. Салливан, Л. Г. Из книги «Автобиография идеи» // Мастера архитектуры об архитектуре: Зарубеж. архитектура. Конец XIX-XX в.: Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов: Переводы/Сост. и авт. предисл. А. В. Иконников; под общ. ред. А. В. Иконникова и др. – Москва: Искусство, 1972. – С. 58-61
3. Салливан, Л. Г. Об исторических стилях // Мастера архитектуры об архитектуре: Зарубеж. архитектура. Конец XIX-XX в.: Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов: Переводы/Сост. и авт. предисл. А. В. Иконникова и др. – Москва: Искусство, 1972. – С. 55-56
4. Салливан, Л. Г. Из книги «Беседы в детском саду» // Мастера архитектуры об архитектуре: Зарубеж. архитектура. Конец XIX-XX в.: Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов: Переводы/Сост. и авт. предисл. А. В. Иконников; под общ. ред. А. В. Иконникова и др. – Москва: Искусство, 1972. – С. 46-49
5. Капустин, П. В., Лесневская, Р. В. Реабилитация театрализации архитектуры // Архитектурные исследования. – 2017. – № 1 (9). – С. 44-53. – URL: <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№1-9.pdf> (дата обращения: 02.10.2019)
6. Капустин, П. В., Лесневская, Р. В. Стратегии театрализации в городском интерьере // Проект Байкал. – № 56. – 2018. – С. 52-58. – URL: www.projectbaikal.com/index.php/pb

/article/view/1321 (дата обращения: 02.10.2019)

7. Лесневская, Р. В., Капустин, П. В. Поиск средств индивидуации архитектуры и среды: событийность и театрализация в концепциях 1960-70-х гг./Р. В. Лесневская, П. В. Капустин // Русистика без границ (Болгария) (Russian studies without borders). – 2018. – № 1. – С. 46-59. – URL: www.rusistikabg.com (дата обращения: 02.10.2019)

References

- Kapustin, P. V., & Lesnevskaya, R. V. (2017). Reabilitatsiya teatralizatsii arkhitektury [Rehabilitation of theatricalization of architecture]. *Arkhitekturnye issledovaniya*, 1(9), 44-53. Retrieved October 2, 2019 from <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№1-9.pdf>
- Kapustin, P., & Lesnevskaya, R. (2018). Strategies of Theatricalization in the Urban Interior. *Project Baikal*, 15(56), 52-58. doi:10.7480/projectbaikal.56.1321
- Lesnevskaya, R. V., & Kapustin, P. V. (2018). The search for the means of individuation of architecture and environment: the eventfulness and theatricalization in the concepts of the 1960-1970. *Russian studies without borders*, 1, 46-59. Retrieved October 2, 2019 from www.rusistikabg.com
- Speer, A. (2005). *Tretii reikh iznutri. Vospominaniya peikhministra voennoi promyshlennosti* [Inside the Third Reich. Recollections of the Nazi Minister of Armaments]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
- Sullivan, L. H. (1972a). Iz knigi "Avtobiografiya idei" [From the book "The autobiography of an idea"]. In A. V. Ikonnikov et al. (Eds.), *Mastera arkhitektury ob arkhitekture: Zarubezh. arkhitektura. Konets XIX-XX v.: Izbr. otryvki iz pisem, statei, vystuplenii i traktatov: Pervody (pp. 58-61)*. Moscow: Iskusstvo.
- Sullivan, L. H. (1972b). Iz knigi "Besedy v detskom sadu" [From the book "Kindergarten Chats"]. In A. V. Ikonnikov et al. (Eds.), *Mastera arkhitektury ob arkhitekture: Zarubezh. arkhitektura. Konets XIX-XX v.: Izbr. otryvki iz pisem, statei, vystuplenii i traktatov: Pervody (pp. 46-49)*. Moscow: Iskusstvo.
- Sullivan, L. H. (1972c). Ob istoricheskikh stilyakh [About historical styles]. In A. V. Ikonnikov et al. (Eds.), *Mastera arkhitektury ob arkhitekture: Zarubezh. arkhitektura. Konets XIX-XX v.: Izbr. otryvki iz pisem, statei, vystuplenii i traktatov: Pervody (pp. 55-56)*. Moscow: Iskusstvo.

Средовой подход 60–70-х годов поднял вопрос соотношения стиля и среды, расширил символический строй и контекст города. В результате понятия стиля и ансамбля перестали быть довлеющими. Архитектура и градостроительство превратились в проектирование дизайна городской среды. Появились новые для традиционной архитектуры подходы: дизайнерский – приспособление города к потребительским стандартам массового городского общества и понимание архитектуры как воплощения постмодернистского мышления, вобравшего в себя всю новейшую психологию и когнитивную науку. Ключевые слова: стиль; среда; средовой подход 60–70-х годов XX века; дизайн городской среды; архитектура; постмодернистский подход. /

The environmental approach of the 1960-70s gave rise to the question of how the style and the environment correlate and widened the symbolic structure and the context of the city. As a result, the notions of style and ensemble ceased to be dominating. Architecture and town planning turned into making an urban environment design. New approaches emerged in traditional architecture: a design approach, where the city adapts to the consumer standards of the mass urban community, and the idea of architecture as the realization of postmodern thought, which encapsulates the entire current psychology and cognitive science.

Keywords: style; environment; environmental approach of the 1960-70s; urban environment design; architecture; postmodern approach.

Стиль и среда / Style and Environment

Вопрос соотношения стиля и среды рассматривается с первым появлением средового подхода в 60-70-х годах. Тогда понятие среды оказалось революционным ограничением таких категорий, как стиль и ансамбль, поскольку ансамблевая установка архитектуры в рамках сталинского ампира неявно предполагала, что множество разных зданий в городе, объединенных общим местом и стилем, должны образовывать некое художественное единство, сохраняющее право отдельных частей на свою физиономию, и это единство называлось ансамблем. Однако ансамбль рассматривались в тех же категориях гармонии форм и линий, что и отдельные здания.

Потребность в таком расширении понятия архитектуры и города вытекала из того, что в 60-е годы появляются здания, уже лишенные черт классики и инкорпорирующие сооружения, построенные ранее в центре города. Однако идеология средового подхода открывала не только возможности относительной свободы в выборе форм и композиций, но и ориентацию на некоторую иную идеологию, в которой ценностный ориентир смещался от идеологии коммунистического города к человеку или коллективу, живущим в том или ином районе города; среда вводила в архитектурный дискурс новое понимание гуманизма. Если социалистический гуманизм предполагал единый порыв в строительстве коммунизма, то в средовом подходе среда обозначала уже артикуляцию город-

ских пространств и зданий для нормальной ориентации людей разного возраста, склонностей и пр.

Средовой подход резко расширил символический строй и контекст города. Теперь в качестве его значимых элементов рассматриваются уже не только архитектурные объемы и декоративные детали ордера или иных стилей, но все значимые компоненты: реклама, осветительные приборы, скамейки, небольшие павильоны, элементы ограждений, автодороги, сами средства транспорта и пр.

Важно то, что теперь в это новое единство входят чисто технические компоненты – новые автомобили и вагоны, урны и скамейки, павильоны и остановки для транспорта и пр.

Второй важный момент средового видения состоял в том, что восприятие архитектурного ансамбля растягивалось с созерцанием картины или спектакля, то есть с избранных перспективных точек и их повышенного уровня требований к целому. Среду разрешалось воспринимать как в статичной позиции созерцателя, так и в движении пешехода или пассажира, и направленность этого восприятия расфокусировалось: из архитектурной сцены оно превращалось в своего рода видовой фильм, куда попадали все компоненты зрительного поля – небо, облака, деревья, сооружения технического типа, лица людей, фотографии, плакаты и рекламы, витрины, зеркала и отражения, транспорт и пр. вплоть до движущихся изображений на кинопанелях и стендах.

Третий момент – концепция среды впускала в область созерцания всю предшествующую историю места, то есть некоторое многообразие стилей, типов сооружений, персонажей, людей и животных, птиц и кустарников, но также небо, погоду и пр.

Таким образом, в среду втягивалась вся прошлая и современная культура и все то, что в культуру не входило, но культуру наполняло и индивидуализировало, причем в гетерохронных сочетаниях настоящего и прошлого.

Тем самым в теорию города и архитектуры втягивалась вся история и культура. Не только архитектура, но и живопись, фото и кино задавали нормы восприятия города.

Вслед за ними в среду стали втягиваться и способы описания города в литературе. Появились замечательные литературные сборники вроде описания физиологии Парижа или Петербурга, написанные еще задолго до эры социализма. Иными словами, средовой подход неявно восстанавливал свои связи с досоциалистическим городом и тем самым выходил за рамки коммунистического проекта города – города-сада или города-мемориала.

Но возможно, самое сильное влияние на архитектурную и градостроительную мысль оказало в средовом подходе то, что он вольно или невольно ставил знак равенства между городом и природой, природной и искусственной городской средой. И это неявно произошедшее отождествление архитектуры и природы дало новый

импульс массе инициатив понимания архитектуры как естественного природного объекта, вплоть до бионики в архитектуре, которая со средовой поэтикой и эстетикой в ее историческом облике уже ничего общего не имела и явилась продолжением футуристического и конструктивистского проекта города-будущего как утопической фантазии. Только если ранее она предьявлялась в формальном языке геометрии, то в бионике уступила место языку натуральных форм и криволинейных поверхностей.

Такой средовой синтез в итоге неизбежно вел к новой точке схода, которой становился человек при всей неопределенности этого понятия. Среда стала пониматься как среда человека, и тут уже началась совершенно новая перспектива отождествления области видимого, воображаемого и желаемого, утопии и реальности, сна и иллюзии с настоящим и реальным; родились индивидуальные отклонения и массовые стереотипы.

Практически это привело к своего рода взрыву социологических и культурно исторических исследований и социологии города, в которых увидели вариант новой сферы пророчеств и примеров. Социология и психология архитектуры стали активно теснить все традиционные теоретические концепции, которые, в свою очередь, проецировались в прошлое благодаря исследованиям Огюста Шуази в афинском Акрополе и трудам теоретиков формальной школы в Германии и Австрии.

Вот здесь и произошло то знаменательное событие, которое я бы назвал превращением архитектуры и градостроительства в проектирование городского дизайна среды, с одной стороны, и поиски нового основания архитектуры в глубинах мышления – индивидуального восприятия и философской концепции восприятия и понимания мира. Эти стороны расколовшегося архитектурного профессионального мышления ввели в новые для традиционной архитектуры сферы: первую, дизайнерскую – приспособление города к потребительским стандартам массового городского общества, а вторую – превращение архитектуры в новую форму материального воплощения нового постмодернистского мышления, впитавшего и впитывающего в себя всю новейшую психологию и когнитивную науку.

Александр Раппапорт /
Alexander Rappaport

Дается определение «пассивного» дома, выявляются проблемы внедрения и реализации проектов «пассивных» домов в России. Рассмотрены социально-просветительская, градостроительная, энергетическая, экономическая и законодательно-правовая проблемы, выявлены основные факторы, затрудняющие их решение. Проводится исследование уровня развития альтернативной энергетики в России и в мире. Формулируются основные направления политики в отношении возобновляемых источников энергии, а также новейших технологий, связанных с ними, в частности концепции автономного энергоэффективного жилого дома.

Ключевые слова: «пассивный дом»; энергоэффективность; энергосбережение; энергоэффективное строительство; автономный дом; альтернативная энергетика; экология. /

The article reveals issues of development and implementation of passive house technologies in Russia, including sociological, energetical, economical, legislative and urban planning problems, as well as the main obstructing factors. The authors conduct research on the level of alternative energy development in the world and Russia in particular. On this basis, the main directions are formulated for solving problems concerning renewable energy and related new technologies, and, in particular, the concept of autonomic energy efficient house.

Keywords: passive house; energy efficiency; energy saving; energy efficient building; autonomic building; alternative energy; ecology.

Проблемы внедрения и развития технологий «пассивного» дома в России /

Во многих развитых странах мира одним из главных вопросов государственного урегулирования в архитектурно-строительной сфере являются требования к повышению энергоэффективности и энергосбережения зданий. Решение этого вопроса не только значительно сохранит государственные энергоресурсы, но и защитит окружающую среду за счет рационального использования природных ресурсов, снижения вредных выбросов в атмосферу, уменьшения парникового эффекта.

Задачи снижения электропотребления решаются посредством развития энергосберегающих технологий, использования альтернативных источников энергии. Германия, Великобритания, Испания, Дания, Норвегия, Финляндия, Белоруссия успешно переходят на использование возобновляемых источников энергии, постепенно заменяя ими ископаемые. В городскую среду внедряются устройства, преобразующие энергию солнца, ветра, воды в тепловую или электрическую энергию. Появляются новые технологии строительства, позволяющие возводить дома нового типа, отвечающие современным требованиям по экологии и энергосбережению. Разработкой, внедрением «зеленых» (экологически нейтральных) проектов и комплексов занимаются специалисты по экоустойчивой архитектуре. Экоустойчивая архитектура – архитектура, здания и сооружения, спроектированные и построенные согласно принципам устойчивого развития. В свою

очередь, устойчивое развитие – развитие, отвечающее потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности [1]. Термин «устойчивое развитие» или «sustainable development» является общепризнанным международным сообществом в рамках деятельности ООН. Неотъемлемой частью экоустойчивой архитектуры являются автономные энергоэффективные («пассивные») дома. Такие дома не требуют поступления электроэнергии извне.

Для возведения автономного энергоэффективного здания важно учитывать множество факторов. Решающими являются утепление здания (в том числе фундамента, кровли, стыков всех конструкций, узлов дверей и окон) современными эффективными утеплителями: исключение «мостиков холода» создает единый тепловой контур. Большое количество окон должно выходить на юг, чтобы снизить теплопотери и оптимально использовать солнечную энергию. Устанавливаются вентиляционные системы с рекуперацией тепла, обеспечивающие его сохранение путем теплообмена между вытяжным и приточным потоками воздуха. В здании должны использоваться альтернативные источники энергии, например, солнечные батареи, преобразующие солнечное излучение в тепловую и электрическую энергию. Или солнечные коллекторы, нагревающие и сохраняющие температуру воды при помощи

энергии солнца. Для наиболее эффективной работы солнечных батарей и коллекторов участок проектирования должен быть выбран с минимальной затененностью.

Из всего вышеперечисленного ясно, что наилучший подход к разработке и реализации проектов «пассивных» домов – это комплексное использование архитектурных и инженерных приемов и решений [2]. Однако в России на данный момент существует ряд проблем, без решения которых применение комплексов наиболее эффективных решений, внедрение в городскую среду и реализация проектов кварталов автономных энергоэффективных жилых домов будет вестись недостаточно эффективно либо не будет вестись вообще.

Весьма важная проблема – недостаточно информативная просветительская деятельность в России по вопросам экологии в стране и использования альтернативных источников энергии и их применению в автономных энергоэффективных домах в комплексной системе.

По итогам интерактивного социологического опроса (в опросе участвовали 786 жителей разных регионов России), 40% заявили, что не знают, существуют ли в стране электростанции на альтернативных источниках энергии, а 36% уверены, что возобновляемые источники энергии (ВИЭ) стране вообще не подходят. Лишь 13% респондентов знают, что в России имеются солнечные электростанции [3].

Всего 33% россиян тщательно следят за потреблением электроэ-

нергии, однако главной причиной для этого служит экономия денежных средств: у 79% основным мотивом регулирования потребляемых энергоресурсов является желание сэкономить деньги, у 15% – экономия природных ресурсов [4].

Противники перехода на альтернативную энергетику уверены, что глупо полагаться на изменчивую погоду и использовать в основном возобновляемые источники энергии, а тем более строить дома и целые кварталы, полностью зависящие от них. Страх граждан можно понять, но опыт других стран, например Дании, уже давно доказал, что использование ВИЭ стабильно и эффективно при грамотной структуре, «сети» источников энергии. Тем не менее, в СМИ и телевидении данная проблема и ее решения не освещаются, и большая часть населения твердо убеждена, что использование ВИЭ стабильно и эффективно при грамотной структуре, «сети» источников энергии. Тем не менее, в СМИ и телевидении данная проблема и ее решения не освещаются, и большая часть населения твердо убеждена, что использование ВИЭ стабильно и эффективно при грамотной структуре, «сети» источников энергии.

Об экологии и защите окружающей среды большинство россиян не задумывается. По данным ВЦИОМ на 2018 год, россияне в отношении экологии считают проблему свалок второй по значимости после загрязнения воздуха. При этом примерно 70% уверены, что вопросы, связанные с окружающей средой, должны решать власти. И только 20% говорит, что за сохранение природы ответственны сами граждане [5].

Менее 5% россиян считает необходимым участвовать в акциях,

< Ветряные установки в Нижней Австрии. Фото Евгений Матюшенков, 2016

Implementation and Development Issues of Passive House Technologies in Russia

призывающих прекратить загрязнение окружающей среды. Более половины опрошенных признаются, что ничего не слышали о мероприятиях, проводимых в рамках Года экологии (2017). В официальную школьную программу и программу непрофильных университетов не входят основы экологии и энергосбережения. Населению попросту негде узнать о современных тенденциях и технологиях, в том числе об энергоэффективном строительстве и его преимуществах.

Государство не налагает штрафы за игнорирование сортировки мусора; граждане, мусорящие не в отведенных для этого местах, никак не наказываются. Власти не уделяют должного внимания экологическим проблемам и вопросам повышения энергоэффективности. Строительство «пассивных» домов государством никак не поддерживается. Большая часть россиян не задумывается о проблемах экологии, и одними из главных причин являются отсутствие просветительской деятельности и принуждающих механизмов со стороны государства.

В градостроительном плане надо иметь в виду, что внедрение и реализация проектов по строительству автономных жилых домов будет вестись наиболее эффективно в масштабах комплексной застройки кварталов и районов. Поэтому в рамках разработки проекта планировки территорий должны быть сформулированы градостроительные и архитектурные требования для повышения энергоэффективно-

сти, использования альтернативных источников энергии и спецификой конструктивных решений, используемых материалов к объектам такой застройки на этапе подготовки технического задания. Попыткой реализовать такой подход является появление в ГрК РФ понятия «комплексное устойчивое развитие территории». Однако в настоящее время механизмы реализации такого подхода на законодательном уровне требуют доработок. Другой градостроительной проблемой в реализации проектов «пассивных» домов можно считать проектирование в исторической среде, для которой устанавливаются различные охранные ограничения, препятствующие возможности использования некоторых конструктивных, инженерных и архитектурных решений. В свою очередь, затруднительна и энергоэффективная реконструкция уже существующих жилых массивов, их преобразование в квартал «пассивной» застройки [6].

Для формирования загородных кварталов важным является их грамотное и современное планирование архитекторами-градостроителями, учитывающее всю необходимую инфраструктуру и общественные пространства. Хорошо проработанные и комфортные для жизни кварталы привлекали бы жителей и развивали бы страну в целом. Однако в России они только начали появляться.

Исходя из опубликованной Концепции миграционной политики РФ, за последние 5 лет интенсивность внутренней миграции выросла

на 10% [7]. В основном мигранты перемещаются внутри своего региона – из сельских поселений в городские. В крупные города граждане едут за образованием, карьерой, лучшей оплатой труда.

Москва и Санкт-Петербург, крупнейшие города России, по большей части уже застроены многоэтажными многоквартирными жилыми домами как в центральных районах, так и по периферии. Следовательно, новые кварталы должны выноситься за пределы городов, а это, в свою очередь, породит ряд проблем.

По данным Росстата в городах проживает 74% россиян, из них менее 10% живут в индивидуальных жилых домах [8]. Можно сделать вывод, что большинство населения не привыкло и не готово к жизни в отдельных домах и небольших кварталах, где инфраструктура и количество рабочих мест минимальны. Необходимость выезда в город на работу или с целью отдыха все равно будет оставаться. Отдаленность от центра и большое время в дороге также не привлекают потенциальных жителей. Кроме того, ситуация усугубляет уже существующая транспортная проблема в самих городах и на въездах в них из-за недостаточно развитой дорожной инфраструктуры и системы общественного транспорта.

Таким образом, для развития кварталов, отдаленных от городских центров, и привлечения в них жителей необходимо решение транспортного вопроса, в том числе и развитие общественного транспорта.

Постепенный отказ от использования ископаемых видов топлива и переход к возобновляемому обосновывается и стимулируется прежде всего экологическими причинами: борьбой с загрязнением среды и изменением климата. Общеизвестно также, что идеи энергосбережения и эффективного энергопотребления стали активно реализовываться в европейских странах после экономического кризиса, послужившего серьезной мотивацией для стран ЕС.

Россия пока не имеет серьезных проблем с энергоресурсами и экономикой энергетики в целом. Избыток дешевого газа и относительно дешевая нефть могут обеспечить энергопотребление в стране на долгие годы. Из-за этого идеи энергосбережения и, в частности, энергоэффективного строительства развиваются очень медленно и принимаются местными застройщиками неохотно. Так, количество «пассивных» домов в России настолько незначительно, что официальная статистика по ним не ведется. По неофициальной же информации и данным некоторых строительных компаний количество домов такого типа в России варьируется от нескольких до нескольких десятков, тогда как в Европе кварталы таких домов строятся повсеместно. Для граждан Великобритании, Франции, Белоруссии и других автономные энергоэффективные дома уже перестали быть новым явлением в мало- и среднеэтажном строительстве.

Препятствием для внедрения проектов «пассивных» домов также

> Сорочинская солнечная электростанция «Уран» мощностью 60 МВт. Запущена в 2018

является и сохранение на постсоветском пространстве жесткой системы электроснабжения, которая не предусматривает реализацию излишков энергии, производимых автономными энергоэффективными домами у их владельцев. На общем рынке отсутствуют необходимые устройства – двунаправленные счетчики электроэнергии, а также необходимые документы, регулирующие процедуру реализации излишков и их учет.

Существенно затрудняет энергоэффективное строительство и то, что в России по сравнению с западными странами ВИЭ развиты слабо.

По данным российской компании РОСНАНО доля ВИЭ в электропотреблении в России на 2018 год составила 0,2%; в Германии аналогичный показатель составил около 40% [10]. Данный показатель свидетельствует о малом развитии потребления ВИЭ и слабо развитом российском рынке оборудования, необходимого для оснащения энергоэффективных домов (солнечных батарей, коллекторов, тепловых насосов, рекуператоров и других).

Перечисленные аспекты неразрывно связаны с экономической и законодательной проблемами. С точки зрения экономической

обоснованности, строительство и эксплуатация автономных жилых домов слишком дороги как для индивидуальных предприятий, так и для крупных застройщиков. В большинстве случаев потребитель не заинтересован в выборе более дорогого «пассивного» дома, так как не видит его основных преимуществ: выгоду в долгосрочной перспективе, надежность, безопасность. Высокая стоимость «пассивного» дома обусловлена несколькими факторами, первый из которых – высокая цена на специальное электрооборудование для повышения энергоэффективности дома. Средняя цена вентиляционного рекуператора на российском рынке в 1,5–3 раза выше, чем на общеевропейском. Вторым фактором является отсутствие достаточного опыта в строительстве домов такого типа и развитых технологий строительства. Проектированием и строительством мало- и среднеэтажных энергоэффективных домов занимается узкий круг компаний, которые действуют в основном в центральной России. Это объяснимо, так как для создания «пассивного» дома с учетом всех строительных тонкостей, а также особенностей, связанных с российским климатом, необходимы квалифицированные профессиональные кадры, подготовка и переподготовка которых должна вестись в странах Европы, где технологии пассивного дома широко применяются.

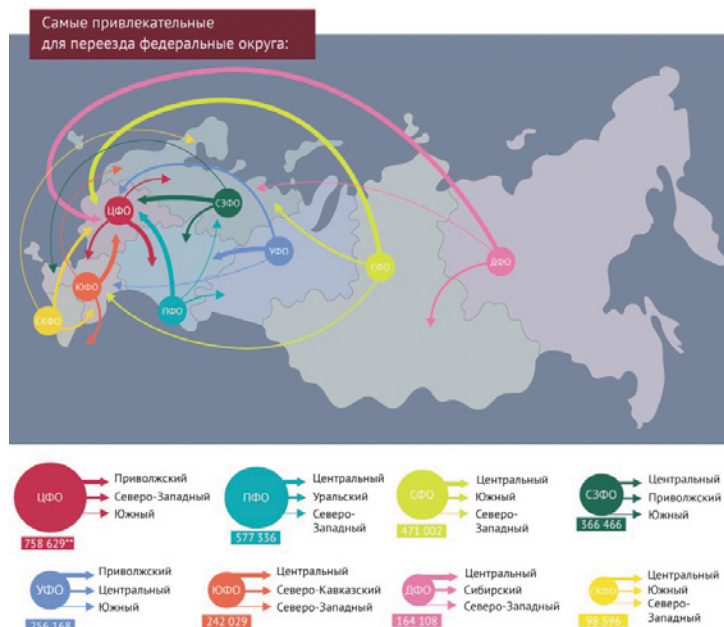
Развитие строительства «пассивных» домов делает невозможным и то, что в настоящее время нет

достаточно современной законодательно-правовой базы по строительству, обеспечению и обслуживанию данного типа зданий.

Так, ФЗ № 261 «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», заменивший закон от 1996 года и почти полностью построенный на его основе, хотя и конкретизирует правовые понятия, меры и принципы регулирования политики в сфере повышения энергоэффективности, имеет ряд проблем, затрудняющих его эффективное использование [9].

Основным недостатком Закона является то, что его положения носят скорее рекомендательный, чем предписывающий характер. В свою очередь, область политики, в которой необходимы точные координационные указания, имеет неточные рекомендации. Примером является статья 21 указанного ФЗ. В данной статье обозначены важнейшие направления государственной поддержки в области энергосбережения и энергоэффективности. Однако механизм инвестиционной помощи прописан неточно: неясно, каким образом производится господдержка и кто осуществляет надзор за ее исполнением [9].

Немаловажной проблемой является и то, что положения нового ФЗ все еще достаточно абстрактны в отношении исполнителей законодательных предписаний, средств и способов осуществления контроля, инвестирования и прочего [9].

^ Карта внутривосприимчивости миграции населения, 2018. URL: aif.ru/

< Первый реализованный в России проект «активного дома». Экспериментальная лаборатория POLYGON, 2011

Структура ФЗ № 261 такова, что без большого количества сопроводительных уточнений и постановлений он эффективно действовать не может. Так, положениями закона предусмотрена разработка программ по энергосбережению и повышению энергоэффективности муниципальными и региональными властями. Но на практике для установки всех основных требований по данным программам существует еще и акт Правительства Российской Федерации, при этом к данному акту в Законе имеются еще и дополнительные требования, что является абсолютно нерациональным и значительно затрудняет применение ФЗ. В результате муниципальные программы, играющие чуть ли не основную роль в продвижении и популяризации идей энергоэффективности, разрабатываются с учетом трех нормативных актов: Приказа Минэкономразвития России от 17 февраля 2010 года №261 «Об утверждении примерного перечня мероприятий в области энергосбережения и повышения энергоэффективности» и Постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 года №1225 «О требованиях к региональным и муниципальным программам в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности», который в свою очередь также имеет ряд ссылок и предписаний [9].

В нормировании и законодательстве с серьезным отставанием учитываются новые технологии строительства (например, строи-

тельство средне- и многоэтажных домов по каркасной системе, деревянные конструктивные системы многоэтажных зданий, строительство из эластичного бетона), новые теплоизолирующие материалы (вакуумные теплоизолирующие материалы, жидкие теплоизоляторы, пластмигранты) и другие современные возможности и тренды в архитектуре и строительстве.

Настоящие федеральные, муниципальные и общегородские программы по повышению энергоэффективности значительно устарели, так как основные положения по регулированию списаны с документов нормативной базы предыдущих лет.

Государственная программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года» [12], принятая еще в 2009 году, не только не будет выполнена до назначенного срока, но еще осталась абсолютно незамеченной населением и застройщиками и показала себя нерентабельной (суммарный выброс парниковых газов не уменьшился, доля использования альтернативной энергии не увеличилась и не достигла намеченной отметки).

При детальном рассмотрении становится ясно, что региональные программы по энергосбережению и энергоэффективности в основном направлены на установление приборов учета потребления электро- и теплоэнергии, проведения капитальных ремонтов зданий, систем, замену неэффективных изношенных тепловых сетей на неэ-

ффективные новые тепловые сети.

По опыту зарубежных застройщиков (Германии, Швеции, Норвегии, Белоруссии и прочих) видно, что большую роль в улучшении энергетической ситуации играет общегосударственная политика в области энергетики. Исходящая политика должна быть комплексной и нести санкционный и поощряющий характер по отношению к застройщику. Однако сегодня в России не существует целостной базы экономического стимулирования возведения «пассивных» домов и системы поощрения экономии энергии и использования альтернативных источников.

Как уже было сказано выше, федеральные и региональные программы не предусматривают субсидирование строительства кварталов энергоэффективных домов. Застройщиков, которые все-таки начинают интересоваться идеями энергоэффективного домостроения, отталкивает экономическая непричастность к такой застройке государства, отсутствие субсидирования и льгот, необходимой нормативной базы, которой почти нет и которая поэтому может измениться в любой момент.

Таким образом, дотационность крайне важна в нашей стране, где потребуются значительные дополнительные затраты при строительстве на приобретение дорогостоящего оборудования и привлечение квалифицированных кадров. Производство и транспортировка энергии, добытой посредством ВИЭ, также требуют дополнительных

вложений из-за прохладного климата и недостаточного количества солнечного света.

Несмотря на все вышеперечисленные проблемы, в нашей стране ежегодно реализуются коммерческие проекты домов с повышенной энергоэффективностью. Все они построены на частные средства, по экспериментальным технологиям больше с исследовательскими, чем бытовыми целями. Наиболее известным примером энергоэффективного дома на территории России является дом по проекту VELUX «Активный дом», построенный в 2009 году в Подмоскowie. Этот индивидуальный жилой дом построен по технологии Active house в свободной планировке и объединяет три базовых принципа: энергоэффективность, благоприятный микроклимат и единение с окружающей средой. Проект был реализован в качестве первого экспериментального образца, по которому можно было возводить подобные дома по всей территории РФ. Однако проект был настолько сложен и дорог, что не прижился и не получил дальнейшего распространения.

По примеру первого пилотного проекта энергоэффективного дома застройщики пытались повысить энергоэффективность и энергосбережение домов. Так, в России были реализованы следующие проекты: полностью коммерческий лофт-квартал «Docklands» в Санкт-Петербурге (2015 год) – квартал домов с пониженным энергосбережением; загородный коттедж

Natural balance студии ROCKWOOL, построенный в традиционном стиле (2013) и реализующийся по сей день в центральной части России; проект современного двухэтажного коттеджа с ультранизким энергопотреблением и минимизированными тепловыми потерями от ДПК «Трехречь» в Подмоскowie.

Распространение практики проектирования и строительства пассивных домов и домов с повышенной энергоэффективностью показывает, что данные тенденции действительно интересны российским проектировщикам и застройщикам. И хотя пока примеры реализации энергоэффективных строений немногочисленны, не всегда соответствуют международным требованиям и стандартам, не поддерживаются государством и не имеют большой популярности у потребителей, можно сказать, что эта отрасль строительства действительно может и должна развиваться при решении всех вышеуказанных требований.

Сегодня устойчивое развитие страны является важной задачей. Устойчивое развитие территории в свою очередь предполагает создание удобного, развитого и энергоэффективного комплекса городов и поселков. Данный курс обеспечит России экономическую стабильность, поможет улучшить экологическую ситуацию. Однако для этого необходимо устранить ряд вышеперечисленных проблем. Без серьезных изменений в разных сферах государственного регулирования внедрение и реализация проектов «пассивных» домов невозможны. Необходимо создать целостную законодательно-правовую базу по строительству, обеспечению и обслуживанию «пассивных домов», запустить механизмы экономического стимулирования энергосбережения и повышения энергоэффективности. Немаловажно и проведение исследований по заимствованию и адаптации зарубежных технологий строительства и производства инновационных строительных материалов. Без проведения просветительской работы с населением, без подготовки квалифицированных кадров строительство энергоэффективных зданий не будет в полной мере привлекать крупных строительных девелоперов и потребителей, носить очаговый характер.

Денис Лысюк, Екатерина Мамчиц, Олег Федоров / Denis Lysyuk, Ekaterina Mamchits, Oleg Fedorov

Литература

1. Федоров, О. П. «Экоустойчивая архитектура» как профессиональный термин в архитектурной деятельности // Вестник гражданских инженеров. – 2016. – № 6 (59). – С. 86–90
2. Мельникова, Е. А., Донцова, М. Г., Федоров, О. П. Архитектурные приемы и решения при проектировании экоустойчивой архитектуры. Материалы 70-й Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы архитектуры», 05–07 апреля 2017 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2017. – С. 229–233
3. Альтернативную энергию разобрали по регионам. – URL : <https://iom.anketolog.ru/2014/04/29/alternativnuu-energiu-razobrali-po-regionam> (дата обращения: 10.11.2019)
4. Энергоэффективное поведение россиян: мониторинг. – URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9937> (дата обращения: 02.10.2019)
5. Экологическая ситуация в России: мониторинг. – URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9544> (дата обращения: 02.10.2019)
6. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (с изм. и доп. от 22 июля, 31 декабря 2005 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2005. 3 янв. – № 1 (часть I). – Ст. 16. 10, 24
7. Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 2018
8. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. – URL : http://www.rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 17.10.2019)
9. Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 11.11.2009 № 261-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ, 23.11.2009
10. Возобновляемая энергетика в России: есть ли будущее после 2024 года? – URL : <https://www.rusnano.com/about/press-centre/media/20180607-deutsche-welle-vozobnovlyaemaya-energetika-v-rossii-est-li-budushee-posle-2024-goda> (дата обращения: 12.11.2019)
11. СП «50.13330.2012 Тепловая защита зданий. Актуализированная редакция СНиП 23-02-2003» от 01.07.2013 № СП 50.13330.2012 // Москва : Министерство регионального развития Российской Федерации, 2012
12. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2010 N 2446-р (ред. от 16.02.2013) «Об утверждении государственной программы «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ, 24.01.2011, № 4, ст. 622
13. Федоров, О. П. Методика прогнозирования тенденций развития экоустойчивой архитектуры на основе анализа международных систем экологической сертификации в архитектуре // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 11-1. – С. 90–95
14. Ильвицкая, С.В., Лобкова, Т.В. Философия экологичности архитектуры как основа современного проектирования жилища // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2018. – № 8. – С. 69–74
15. Ремизов, А.Н., Егорьев, П.О. Экоустойчивый взгляд на интеграцию инновационных технологий в строительстве // Жилищное строительство. – 2019. – №5. – С. 17–24

References

- Act of the Government №2446 “Energy saving and energy efficiency improvement for the period up to 2020”. (2011). Compendium of legislation of the Russian Federation. Alternativnuyu energiyu razobrali po regionam [Alternative energy was examined according to regions]. (2014, April 29). Retrieved November 10, 2019 from <https://iom.anketolog.ru/2014/04/29/alternativnuu-energiu-razobrali-po-regionam>
- Chislennost naseleeniya Rossijskoj Federacii po municipalnym obrazovaniyam [The number of population of the Russian Federation in municipal units] (n.d.). Retrieved October 17, 2019 from http://www.rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce
- Ekologicheskaya situaciya v Rossii: monitoring [Ecological situation in Russia: monitoring]. (2019, February 6). Retrieved October 2, 2019, from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9544>
- Energoeffektivnoe povedenie rossiyan: monitoring [Energy efficient behavior of Russians: monitoring]. (2019, October 8) Retrieved October 8, 2019 from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9937>
- Federal law № 261 “On energy saving and energy efficiency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. (2009). Compendium of legislation of the Russian Federation.
- Fedorov, O. P. (2016a). “Ekoustojchivaja arhitektura” kak professional'nyj termin v arhitekturnoj dejatel'nosti [“Sustainable architecture” as a professional term in architectural activities]. Vestnik grazhdanskij inzhenerov, 6(59), 86-90.
- Fedorov, O. P. (2016b). Metodika prognozirovaniya tendencij razvitiya ekoustojchivoj
- arhitektury na osnove analiza mezhdunarodnyh sistem ekologicheskoj sertifikacii v arhitekture. [The Method of Predicting Green Architecture Trends Based on the Analysis of International Environmental Certification Systems in Architecture]. Fundamental'nye Issledovaniya, 11-1, 90-95.
- Il'vickaja, S.V., & Lobkova, T.V. (2018). Filosofija jekologichnosti arhitektury kak osnova sovremennogo proektirovaniya zhilishha. [Philosophy of Ecology of Architecture as a Basis of Modern Planning]. Vestnik belgorodskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuhova, 8, 69-84.
- Mel'nikova, E. A., Doncova, M. G., & Fjodorov, O. P. (2017). Arhitekturnye prijomj i reshenija pri proektirovanii ekoustojchivoj arhitektury [Architectural Methods And Decisions For Designing Sustainable Architecture]. In Materialy 70-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. Aktual'nye problemy arhitektury (pp. 229-233). Saint Petersburg: Saint-Petersburg State University of Architecture And Civil Engineering.
- Remizov, A.N., & Egor'ev, P.O. (2019). Ekoustojchivij vzgljad na integraciju innovacionnyh tehnologij v stroitel'stve. [Eco-Sustainable View on Integration of Innovation Technologies in Construction]. Zhilishhnoe stroitel'stvo, 5, 17-24.
- State Standard 50.13330.2012. “Thermal protection of buildings. Updated edition of state standard 23-02-2003 (with Change N 1)”. (2012). Moscow: Ministry of regional development of the Russian Federation [In Russian].
- The presidential decree №622 “On the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025”. (2018). Compendium of legislation of the Russian Federation.
- Urban Planning Code of the Russian Federation of December 29, 2004 no. 190-FZ. (2005, January 3). SZ RF, №1 (Part I). Art. 16.10, p. 24.
- Vozobnovlyaemaya energetika v Rossii: est li budushee posle 2024 goda? [Renewable energy in Russia: is there a future after 2024?]. (2018, June, 7). Retrieved November 12, 2019 from <https://www.rusnano.com/about/press-centre/media/20180607-deutsche-welle-vozobnovlyaemaya-energetika-v-rossii-est-li-budushee-posle-2024-goda>

Рассматриваются проблемы современной архитектуры, имеющие системный характер, влияющие на архитектуру в целом и определяющие ее перспективы. Из них наиболее интересны те, которые связаны с условно называемым устойчивым развитием, включая вопросы планирования жизненного цикла, развития архитектурной науки, обеспечения комфорта, природосообразности, энергоэффективности. Поиск путей их решения позволит прояснить возможности текущего и перспективного развития архитектуры, а также эффективные методы применения творческого и научного потенциала.

Ключевые слова: архитектура; устойчивая архитектура; жизнеспособная архитектура; архитектурная наука; проблемы архитектуры; архитектурное проектирование; жизненный цикл зданий /

The article considers the issues of contemporary architecture, which have systemic characteristics that affect the architecture as a whole and its determining prospects. The most interesting are the problems of modern architecture related to sustainable development, including such issues as life-cycle planning, the development of architectural science, ensuring comfort, environmental compatibility, and energy efficiency. The search for ways to solve them will clarify the possibilities of the current and future development of architecture, as well as effective methods of applying creative and scientific potential.

Keywords: architecture; sustainable architecture; viable architecture; architectural science; architectural issues; architectural design; building life cycle.

«Черные дома» – праздник или будни города? Некоторые вопросы апгрейда архитектуры / Are “Black Buildings” the City’s Holiday or Daily Grind? Several Issues on Architecture Upgrade

Развитие любой отрасли знаний предполагает разработку новых технологий и творческих приемов, возникающих в ответ на запросы времени, связанные в том числе с изменением или повышением требований к комфорту. Как правило, они детерминированы социально-экономическими преобразованиями, а также развитием науки и техники в целом, изменением уклада жизни, моды, требованиями к эстетике, пониманием и оценкой искусства. В результате архитектурные решения, концепции, идейное содержание проектов, дизайн фасадов и интерьеров должны постоянно эволюционировать, чтобы избежать морального старения.

Устойчивое развитие – одна из знаковых идей «витрины» современной архитектуры, признанная как архитектурным сообществом, так и руководством отрасли. Сегодня трудно найти проект, авторы которого не говорили бы, что они реализовали данную идею. В действующих нормативных документах термин «устойчивая архитектура» официально не определен, однако аналогичные термины приведены в:

- ГОСТ Р 54598.1-2015 «Менеджмент устойчивого развития. Часть 1. Руководство»: устойчивое развитие (sustainable development) – «развитие, удовлетворяющее потребностям настоящего времени, не ставя под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности»;
- ГОСТ Р 57274.1-2016/EN 15643-1:2010 «Устойчивое развитие в строительстве. Часть 1. Общие

положения»: устойчивое развитие (sustainability) – «способность объекта сохранять необходимый уровень своих экологических, социальных и экономических показателей для существующих и будущих поколений».

Следует отметить, что само по себе словосочетание «устойчивая архитектура» не совсем удачно, оно больше похоже на дословный машинный перевод английского выражения «sustainable architecture» без учета значения слов и контекста. «Устойчивость» в русском языке – характеристика скорее механическая, подразумевающая в том числе неизменность, а значит – консерватизм концепций. При его упоминании прежде всего невольно возникает образ здания, которое не должно падать в любых ситуациях (рис. 1). Однако, как видно из приведенных выше определений, данное понятие значительно шире. Архитектура должна характеризоваться высокой способностью адаптации к постоянно меняющимся социально-экономическим, градостроительным и природно-климатическим условиям. Поэтому представляется возможным предложить другой вариант термина – жизнеспособная архитектура. Руководствуясь существующими определениями устойчивого развития в указанных выше ГОСТах, а также научных публикациях [1, с. 11], можно предположить, что под «устойчивой (жизнеспособной) архитектурой» следует понимать архитектуру, которая обеспечивает максимальный жизненный цикл создаваемого

объекта с минимальным моральным старением в перспективе, учитывая научно-технические, социально-экономические тенденции и экологические концепции развития общества.

Надо отметить, что в концепции «устойчивой (жизнеспособной) архитектуры» нет ничего принципиально нового: архитектура всегда стремилась к повышению жизнеспособности посредством планирования, гармонизированного с развитием общества. Со временем в сферу ее проблематики постепенно включались новые направления: комфорт, микроклимат, климатология, экология, безопасность, оценка

жизненного цикла, энергосбережение, экология и т. п. Фактически «устойчивая архитектура» – это давно формируемый подход к проектированию, получивший на современном этапе новое название. Учитывая мнение исследователей [2, с. 18-19; 3, с. 38; 1, с. 13-14], можно определить следующие основные принципы современного понятия «устойчивой (жизнеспособной) архитектуры»:

- социально-экономическая целесообразность;
- планирование жизненного цикла с учетом развития общества и прогноза морального старения принятых архитектурных решений;

▲ Рис. 1а. «Неустойчивые» здания. Тайвань, землетрясение 2018 г.

^ Рис. 2а. Застройка ул. Тверской. Гостиница «Интурист». Построена в 1970 году. Архитекторы В. Л. Воскресенский, Ю. Н. Швердьяев, А. С. Болтинов

^ Рис. 2б. Новое здание на месте гостиницы «Интурист». Построено в 2007 году. Архитекторы А. Д. Меерсон, В. В. Воронова, Н. Б. Зайончковский, Е. А. Колесникова

- повышение роли архитектурной науки и инновационной составляющей проекта;
- комфорт, обеспечиваемый архитектурными и техническими решениями;
- природосообразность, адаптивность к рискам изменения природно-климатического и техногенного характера, угрожающих архитектуре;

- сохранение материальных и энергетических ресурсов и экологическая безопасность самого архитектурного объекта для пользователей и для градостроительно-го окружения;
- этическая ответственность архитектора;
- учет архитектурного контекста, ответственность за эстетические характеристики объекта.

Одна из распространенных ошибок в практике проектирования – одностороннее представление устойчивой (жизнеспособной) архитектуры как решающей только одну группу вопросов, чаще всего вопросов экономичности, энергоэффективности и экологичности проектных решений. Отчасти этому заблуждению способствует ГОСТ Р 57274.4-2016/EN 15643-4:2012

«Устойчивое развитие в строительстве. Часть 4. Принципы оценки экономических показателей». Документ разработан на базе перевода англоязычной версии одного из фрагментов серии европейских стандартов EN 15643, который определяет оценки строительного объекта, ограничиваясь экологическими, социальными и экономическими показателями. Сам по себе

^ Рис. 16. «Неустойчивые» здания. Шанхай, землетрясение 2009 г.

^ Рис. 3а. Транспортная доступность. Пробки на прилегающих улицах

^ Рис. 3б. Отсутствие стоянок во дворах

факт использования в качестве основы национального стандарта иностранного документа вызывает сомнение в его эффективности из-за принципиальной разницы юридической базы и градостроительных традиций. Кроме того, в нем рассматриваются строительные объекты, т. е. не архитектура, а только ее утилитарная часть.

Чтобы реализовать устойчивую (жизнеспособную) архитектуру, в действительности должны быть выполнены все перечисленные выше принципы. Невыполнение указанного комплекса принципов является серьезной проблемой современной архитектуры, без решения которой дальнейшее развитие существенно затруднено или даже приводит к деградации. Рассмотрим некоторые наиболее актуальные вопросы.

Этическая ответственность архитектора за свой проект, учет контекста, эстетические характеристики объекта в практике проектирования и строительства в подавляющем большинстве случаев уходят на второй план или остаются как бы незамеченными. Причина – стремление проектных организаций выживать в условиях бизнеса, когда получение заказа связано с известными сложностями, а его потеря крайне нежелательна. Поэтому принцип «заказчик всегда прав» стал актуален для архитектуры так же, как и для любой другой сферы деловой деятельности. Даже когда заказанный проект идет вразрез с моральными и творческими принципами архитектуры, а в неко-

торых случаях – и с обеспечением безопасности, исполнитель вынужден принять условия и отстаивать его перед экспертами и критиками.

Вот один из многочисленных примеров: гостиница «Интурист» (1970–2002), снос которой сопровождался массивной, как по заказу, критикой ее неуместности на данном участке в существующем контексте застройки. Однако те, кто так истово боролся с ошибкой 30-летней давности, на этом же месте сразу выстроили новое здание (рис. 2), о чем подробно рассказывал в своих публикациях Феликс Новиков. Новое здание еще больше нарушило исторический облик и контекст застройки, но тем не менее было разрешено к строительству. При этом автор уверен в своей правоте, неожиданно «перековавшись» из модернистов в убежденные постмодернисты, а реклама инвестора с «широкой улыбкой» утверждала, что новый отель – один из лучших класса de luxe и в отличие от предшественника органично вписывается в историческое окружение центра города.

Планирование жизненного цикла архитектурного объекта также непростой вопрос, несмотря на то что сегодня многие считают его чисто техническим. Он легко решается, только если рассматривать архитектурный объект как замкнутую и независимую от окружения систему и решать этот вопрос только в пределах отдельно взятого объекта. Но здание, квартал, микрорайон, промышленный кластер

не могут существовать вне влияния городской среды, окружающей застройки и взаимодействия друг с другом. Самое комфортабельное жилье или офисное здание окажется мало востребованным раньше окончания своего физического срока службы, если архитектор не учтет, что к нему нельзя будет подъехать из-за постепенно нарастающих пробок (рис. 3), припарковаться, или из его окон открываются неэстетичные виды (например, на блоки кондиционеров, наружные вентустановки, глухие торцы окружающих зданий и т. п.). Для жилья принципиальное значение будет иметь отсутствие или потеря рекреационных территорий в пешеходной доступности, наличие инфраструктуры обслуживания, включая детские сады, школы, медицинские учреждения. Однако создается впечатление, что архитекторы не замечают этих проблем, замыкаясь на обеспечении комфорта внутри здания или квартала без связи с внешним миром. Чтобы ее восстановить, необходимо градостроительное планирование. Но в этой области наметились существенные перемены в связи с тем, что генплан постепенно потерял свой статус [4]. Сегодня чиновниками рассматривается вопрос о переходе от генерального плана к документу, основанному только на стратегии социально-экономического развития. По сути это означает переход от конкретной градостроительной политики и планирования развития городов к более абстрактной модели, в ко-

торой не будет адресных решений, а соответственно, и ответственности. «Как обычно, вместо того, чтобы сделать глубокий анализ того, что происходит, и найти адекватные решения, пытаются решить проблему привычными бюрократическим методами. А их результат можно предсказать заранее» [5].

В профессиональном сообществе часто обсуждается вопрос, что бедой наших городов стало переуплотнение застройки. Но вместо поиска путей ее разуплотнения архитекторы снова и снова предлагают решения, как повысить интенсивность использования территории, в том числе за счет отмены или снижения санитарных, противопожарных и градостроительных норм. Продолжается как бы незамечаемая точечная застройка; планируется реновация, которая во многих случаях подразумевает повышение этажности; несмотря на печальный опыт, продолжают массово строиться так называемые апартаменты без инфраструктуры (рис. 4); застройка продолжает теснить границы озелененных рекреационных зон и т. п. (рис. 5). Одним из множества примеров повышения плотности застройки в центре служит застройка по ул. Башиловка (рис. 6). Особым бедствием жителей стало расширение дорог за счет озелененных пространств и газонов перед домами. Отмена генпланов, определяющих развитие города на перспективу, грозит тем, что процесс урбанизации территорий может приобрести хаотичный характер. «Отмена генпланов уве-

квартирный вопрос

> Рис. 4а. Жилые комплексы, включающие апартаменты. ЖК «Царская площадь», Москва, пересечение Ленинградского проспекта и ул. Беговая

^ Рис. 4б. ЖК «Серебряный фонтан», Москва, ул. Новоалексеевская

> Рис. 4в. ЖК «Хорошевский», Москва, ул. 3-я Хорошёвская, вл. 7

личит скорость застройки. Однако у этого решения будут и негативные последствия. У общественности пропадет важный инструмент влияния на развитие города и контроля властей. Градостроительная политика станет мягче, а застройка еще более хаотичной» [4].

Получается, что при проектировании здания, квартала мы не можем определить перспективное развитие окружающей застройки и изменение ее функционального назначения, повышения плотности (в том числе за счет этажности), сокращения и доступности рекреационных зон. Следовательно, даже в незначительной временной перспективе наш объект может потерять свою социальную значимость, а вместе с этим и экономическую привлекательность, требуя вложения дополнительных средств в реконструкцию или утилизацию. При этом в момент строительства он

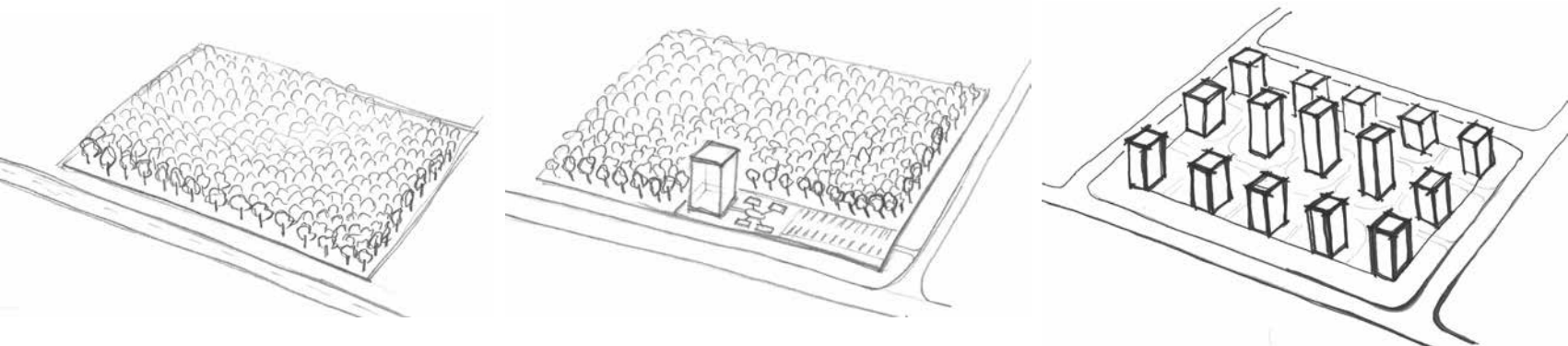
мог казаться вполне эффективным и привлекательным.

Роль науки в принимаемых сегодня проектных решениях минимальна и даже можно отметить ее дальнейшее снижение. Об этом можно судить по сокращению научно-исследовательских институтов даже в столице. Так, единственным институтом с реально действующим научным подразделением в области типологии зданий можно назвать ЦНИИПромзданий при том, что ранее научный потенциал в данной области представлял целый ряд таких известных организаций, как ЦНИИЭП жилища, МНИИТЭП, МНИИПОКОЗС, Институт общественных зданий, ЦНИИЭП им. Мезенцева и др. Не лучшим образом обстоят дела и у институтов, занимающихся конструкциями: ЦНИИСК, НИИОСП, НИИЖБ. Их территория попала под реновацию, в связи с чем утрачена значительная часть

лабораторно-испытательной базы, включая уникальные сооружения и установки. Для оправдания происходящего была сформулирована идея, что научными центрами должны стать высшие учебные заведения. Однако они не могут заменить всю имевшуюся и требуемую для развития архитектуры и строительства научную базу, тем более что специфика и главное назначение ВУЗов – теоретическая подготовка специалистов. В то время как НИИ всегда были ближе к прикладной науке, так как имели непосредственную связь научного потенциала и производства. Такой ход вещей, безусловно, отражается на архитектуре, где обоснованные исследования инновации, испытывая вакуум новых научных решений, стали подменяться слепым копированием зарубежного опыта без учета специфики природно-климатических условий

России, менталитета и национальных традиций. И это не может обеспечить жизнеспособность принимаемых проектных решений; скорее наоборот – обуславливает их бесперспективность.

Вопросы эстетики в архитектуре традиционно не регламентируются официальными документами: какие-либо нормативные требования к архитектурному облику зданий и застройки отсутствуют. Это объясняется сложностью оценки результата, неоднозначностью ее критериев и необходимостью обеспечить архитекторам свободу творческого подхода в создании архитектурно-художественного облика. В таком случае возникают специфические проблемы, связанные с частым использованием художественных приемов низкого качества, которые выдаются за оригинальность подхода и особое современное авторское видение.

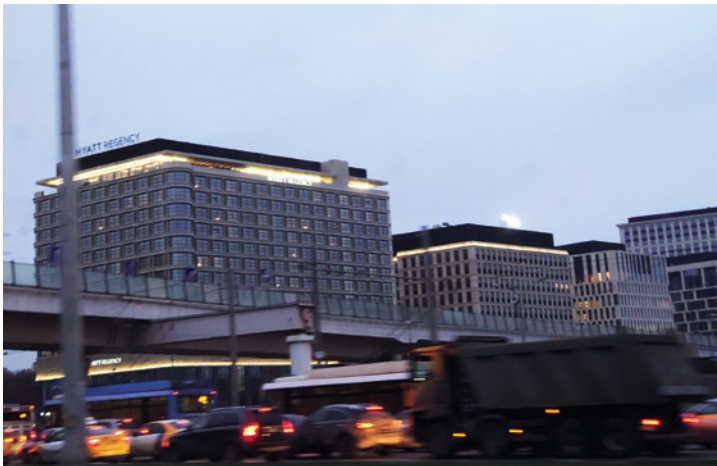

^ Рис. 5. Тенденции уплотнения застройки: парк; квартиры с видом на парк; микрорайон в парке

^ Рис. ба. Уплотнение застройки на ул. Башиловка в Москве до реконструкции

v Рис. бб. Уплотнение застройки на ул. Башиловка после реконструкции

На первое место ставится неожиданность приема независимо от его смысла, уместности и качества исполнения, что определяет его эффективность («креативность», на языке студентов), позволяет выделиться при отсутствии или недостатке превосходства по другим позициям. Так понятие мастерства отодвигается на второй план или полностью исключается.

В качестве примера можно привести спорный тренд нашего времени – «черные дома», которые едва ли можно назвать праздничными. Нельзя не заметить, что в последние годы многоэтажная застройка жилых кварталов и целых районов все чаще «украшается» темными или откровенно черными фасадами (рис. 7). Если бы это были единичные здания, то можно

было бы говорить о создании разнообразия, поиске оригинальности, использовании их как композиционных акцентов и т. п. Но целые кварталы с темными фасадами – следствие превращения колористического приема в типовой, хотя застройку города это совсем не украшает.

Черные фасады исторически пришли из скандинавской и дальневосточной архитектуры, где для наружных конструкций при строительстве часто использовали обожженное дерево, позволявшее увеличить срок их службы (по некоторым оценкам – до 80 лет и более) без дополнительного нанесения защитных покрытий красками и лаками, которых либо не было, либо они имели большую цену. В Британии девятнадцатого

века использовали черный цвет, чтобы на этом фоне не было видно сажи [6]. И три столетия назад это был совершенно оправданный и экологичный прием, органично вписавшийся в малоэтажную архитектуру того времени и удачно сочетающийся с природной колористикой «родных» стран. Поэтому вполне естественно, что и сейчас фасады с применением обожженного дерева или оформленные под него используются в их архитектуре как традиционные для того, чтобы ввести здание в исторический контекст или просто выделить здание в окружающей застройке.

Совершенно другое отношение вызывает этот прием, когда он копируется в наших условиях, отличающихся от описанных выше прежде всего природными характеристиками и колористикой, градостроительными, национальными культурными традициями. Заменяя собой традиционное применение строгих сдержанных оттенков, он влияет на психоэмоциональное состояние людей, вызывая уныние и депрессивные настроения, ощущение недостатка света, подсознательное чувства дискомфорта.

В архитектурной колористике восприятие цветов субъективно, но при этом не отрицается, что цвета имеют психологическое значение; каждый оттенок вызывает определенные смыслы и эмоциональную окраску. Для большинства европейцев и русских черный цвет традиционно имеет отрицательное значение, ассоциируется со смертью, трауром, негативом, гневом,

несчастьем. В Голландии дома, окрашенные в черный цвет, сообщали, что житель был болен чумой [6]. Нельзя не учитывать, что в разных странах значение цветов может быть противоположно, поэтому копирование колористической палитры одной страны в другой может в перспективе привести к отрицательным результатам.

Аналогичная проблема возникает с использованием цветов ярких резких оттенков, которые все чаще появляются в наших городах. Его концепция такова, что на фоне априори называемой «серостью» существующей застройки яркие разноцветные, так называемые «праздничные здания» должны поднимать настроение и даже создавать чувство уюта, праздника и т. п. И в том, и в другом случае все строится на полном отрицании традиций и, как водится, даже без их анализа. Между тем используемые смелые цветовые решения не только не создают заявленного эффекта, наоборот, шокируют, отрицательно влияют на психику (рис. 8). Проблема возникает из-за несоответствия природному и градостроительному окружению.

Как известно, активные, в том числе радужные цвета, возбуждают сильные эмоции; со временем такое пространство начинает давить на психику, а в результате может даже вести в уныние. Диссонанс, который создается при восприятии таких зданий на несоответствующем фоне природного окружения, особенно на фоне снега, может привести к чувству дискомфорта

^ Рис. 7а. Жилые здания с темными фасадами, так называемые черные дома. Отдельные блок-секции в микрорайоне

^ v Рис. 7б, 7в. Жилые здания, построенные по индивидуальным проектам

и агрессии. При этом в климате жарких стран такая раскраска зданий, напротив, представляется уместной. Особенно отрицательное воздействие и раздражение вызывают совмещение в одной застройке «черных» и «праздничных» домов (рис. 9).

Речь идет не о том, чтобы отказаться от цвета и создавать «серость», унылую застройку: такой идеи в нашем градостроительстве никогда не было. Чтобы грамотно решить вопрос цвета, достаточно обратиться к научным работам по колористике городов, сделанным ранее и выполняемым сегодня. Конечно, «<...> архитектурно-градостроительная деятельность нуждается во всестороннем использовании цвета – носителя смысловой, эмоциональной и эстетической информации, знания особенностей его восприятия в пространстве, формообразующего действия, семантики, его роли в создании художественного образа архитектурного произведения, района, города» [6, с. 268]. При этом, как показывает международный опыт, в основе колористики города лежат полихромия природного окружения, историческое архитектурное многоцветие и предпочтения жителей, профессионально грамотно объединенные архитектором [6, с. 6; 7, с. 97]. Богатый отечественный опыт формирования колористики городов также говорит о целесообразности следования исторической архитектурной полихромии и современной колористической культуре. При этом

главная задача архитектора – «<...> поиск меры участия в ней исторического и современного» [8, с. 63], не забывая, что чувство настоящего праздника заключается в гармонии.

Комфорт в архитектуре – весьма обширная тема. Напомним, что это понятие не ограничивается простым удобством, когда человек может уютно устроиться в кресле. Его недопустимо свести только к эргономике. Комфорт – это комплекс характеристик, включающий выполнение действующих норм и рекомендаций по безопасности, объемно-планировочным и конструктивным решениям, эргономике, необходимому инженерно-техническому оснащению, пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологическим требованиям, экологической безопасности и безопасности для здоровья человека строительных материалов, комплексной безопасности и антитеррористической защищенности. Безусловно, комфорт реализуется в каждом проекте: ведь обеспечение его минимальных параметров регламентировано действующими нормами. Но только минимальных, без учета повышения этих требований в ближайшей перспективе. И в большинстве случаев по рассмотренным выше причинам проектировщик старается придерживаться именно этого минимума, чтобы не нарушать инвестиционную привлекательность проекта.

Вот один из слабых аспектов комфорта: в современных проектах пока мало, можно даже сказать

квартирный вопрос

– совсем не учитывается необходимость обеспечения комплексной безопасности и антитеррористической защищенности. Конечно, вопрос мероприятий в данной области еще только рассматривается на предмет обязательности для массовой застройки жилых зданий; пока они принимаются в основном на ответственных объектах с массовым скоплением людей (высотные здания, вокзалы, крупные торгово-развлекательные объекты). Но факты говорят о большом количестве аварий и инцидентов в рядовом жилищном

фонде, происходящих каждый год на нескольких объектах и приводящих к обрушению нескольких квартир или целых секций. Решения, позволяющие их предупредить, уже рассматриваются в НИР и методических рекомендациях, например, в 2019 г. выполнена работа по теме: «Проведение научных исследований и разработка методического пособия «Здания жилые многоквартирные. Комплексная безопасность и антитеррористическая защищенность. Рекомендации по проектированию». Принимая во внимание данный материал,

можно уверенно говорить о том, что в ближайшей перспективе обеспечение комплексной безопасности будет обязательным для массовой застройки и проекты, не учитывающие этого сегодня, могут спровоцировать существенные проблемы при эксплуатации построенных по ним зданий.

Не решаются и вопросы в рамках комплексной безопасности по адаптивности к рискам изменения природно-климатического и техногенного характера, угрожающие архитектуре. Это чрезвычайные ситуации, вызываемые на-

воднениями, ураганами, тайфунами, оползнями, землетрясениями и т. п. В их числе наиболее масштабные примеры с режимом федерального характера: наводнения в Иркутской области в июле 2019 г. (подтоплены 3,5 тыс. жилых домов в 31 населенном пункте), в Якутии в мае 2018 г. (в зоне затопления оказались 1,4 тыс. жилых домов в 63 населенных пунктах), в Ставропольском крае в мае 2017 г. (произошло подтопление 3,5 тыс. жилых домов в 29 населенных пунктах) [9]. Список можно продолжать. Это означает, что при планировке населенных

в Рис. 8а. Жилые здания с использованием ярких цветов при оформлении фасадов. Комплексная застройка

^ Рис. 86. 8в. Жилые здания с использованием ярких цветов при оформлении фасадов. Отдельные многоэтажные жилые здания

пунктов, а также при их дальнейшем развитии, выборе территорий нового строительства, при проектировании и реконструкции зданий не были учтены риски ЧС, не приняты меры по устройству необходимых защитных сооружений. Кроме того, существует печальная статистика по частым ЧС в многоквартирных жилых зданиях с разрушением квартир или части здания (рис. 10). При этом затраты на учет мероприятий по предотвращению ЧС при строительстве многократно меньше затрат на ликвидацию последствий. Следует вновь отметить, что затопленные и обрушившиеся здания, какими бы энергоэффективными они не были, нельзя считать устойчивыми (жизнеспособными).

С учетом изложенного материала следует упомянуть стандарт организации СТО НОСТРОЙ 2.35.4-2011 «Зеленое строительство». «Здания жилые и общественные. Рейтинговая система оценки устойчивости среды обитания». В нем устанавливается градация жилых и общественных зданий на 7 классов для последующей сертификации на основе десяти базовых категорий: 1) комфорт и качество внешней среды; 2) качество архитектуры и планировки объекта; 3) комфорт и экология внутренней среды; 4) качество санитарной защиты и утилизации отходов; 5) рациональное водопользование; 6) энергосбережение и энергоэффективность; 7) применение альтернативной и возобновляемой энергии; 8) экология создания, экс-

плуатации и утилизации объекта; 9) экономическая эффективность; 10) качество подготовки и управления проектом.

Указанный стандарт, разработанный ведущими научными организациями России, наиболее полно отражает принципы жизнеспособной архитектуры; приведенные в нем методики расчетов представляются вполне реалистичными. Но и в нем не учитываются следующие параметры: а) роль архитектурной науки, б) адаптивность к рискам изменения природно-климатического и техногенного характера, в) этическую ответственность архитектора,

г) учет архитектурного контекста, ответственность за эстетические характеристики объекта.

Чтобы создать полноценную базу для оценки жизнеспособности градостроительных и объемно-планировочных архитектурных объектов на основе официального документа, представляется целесообразным предложить разработку нового национального стандарта, учитывая СТО НОСТРОЙ 2.35.4-2011. Но это должно быть не копирование данного или зарубежных стандартов, которые, как мы видим, имеют существенные пробелы, а полноценная разработка (возможно,

на основе НИР), самостоятельного документа с учетом современных реалий развития архитектуры и комплекса рассмотренных выше вопросов.

Таким образом, нельзя не обращать внимания на большое количество и сложность проблем, стоящих перед современной архитектурой, без решения которых невозможно обеспечить ее устойчивое (жизнеспособное) развитие. При этом главной задачей является именно комплексный подход и решение всех вопросов, определяющих ее основные качества. Как корабль с идеальным дорогим дизайном

v Рис. 9. Использование резких цветов и темных оттенков в многоэтажной застройке – «черных» и «праздничных» домов

^ Рис. 10а. Наводнение в Иркутской области в июле 2019 г.

v Рис. 10б. Обрушение жилого здания в Перми в июле 2015 г.

помещений, просторными палубами, красивой подсветкой и экономичным двигателем, но с плохими мореходными качествами не уплыет далеко, так и архитектура, будучи проработана наполовину, лишь в части энергоэффективности и экономичности, не сможет жить долго, а значит, не может называться устойчивой (жизнеспособной). Нельзя называть устойчивым

энергоэффективное здание, даже энергоактивное, запроектированное без учета градостроительного контекста, небезопасное с точки зрения техногенных или природных воздействий и т. п., построенное в районе, неблагоприятном (или который в перспективе станет таким) с точки зрения экологии, транспортной доступности, инфраструктуры бытового обслуживания.

Ответственность за решение возникающих проблем в области архитектуры сегодня лежит на профессиональных проектных организациях и индивидуальных мастерских. Но учитывая различный уровень их сложности и характер, становится очевидна необходимость в общей координации с помощью нормативного регулирования и обеспечения научной базы

принимаемых решений, которая может быть наиболее эффективной на государственном уровне. Следует отметить, что для определения стратегии и подходов к координации, выработки теоретических и практических решений существует потребность в проведении НИР, привлечении научного потенциала. Причем не только университетов, на которых все чаще перекладывают надежды по развитию строительной и архитектурной науки в связи с разрушением базы НИИ. Ценность созданных ранее и в незначительном количестве уцелевших сегодня научно-исследовательских и проектных институтов заключается во взаимосвязи прикладной науки и практики проектирования, что нельзя воссоздать в университете или даже крупной проектной организации. При грамотном подходе, используя теоретические наработки для развития прикладных решений и их внедрения в практику архитектурного проектирования, применяя новые методики, регулируя процесс проектирования и обеспечивая переход от устаревших технологий к новым, повышение комфорта, безопасности с помощью нормирования, можно будет решать проблемы любого уровня за счет перспективного планирования, современных инноваций и общего повышения качества проектирования.

**Елена Булгакова, Николай Дубынин, Асмик Ключко /
Elena Bulgakova, Nikolai Dubynin, Asmik Klochko**

< Рис. 10в. Наводнение в Якутии в мае 2018 г.

Литература

1. Есаулов, Г. В. Устойчивая архитектура – от принципов к стратегии развития // Вестник ТГАСУ. – 2014. – № 6. – С. 9–24
2. Дианова-Клокова, И. В., Метаньев, Д. А. Устойчивая архитектура и пространство инноваций // Архитектура и строительство России. – 2015. – № 7 (211). – С. 16–31
3. Салмина, О. Е., Быстрова, Т. Ю. Принципы создания устойчивой архитектуры // Академический вестник Уралниипроект РААСН. – 2015. – № 4. – С. 36–40
4. Щукин, А. Генпланы помешали строителям // Эксперт. – 2019. – № 15 (1115). – С. 6. – URL: <https://expert.ru/expert/2019/15/genplanyi-pomeshali-stroitel'yam/> (дата обращения: 02.12.2019)
5. Гурвич, В. Генеральные планы российских городов: где они есть – отменим, а где нет, то и не надо? Мнения экспертов // ИА Строительство : официальное издание Ассоциации строителей России. – 2019. – 01 апр. – URL: <https://dom.iastr.ru/arhproekt/3138-generalnye-plany-rossijskih-gorodov-gde-oni-est-otmenim-a-gde-net-to-i-ne-nado-mneniya-ekspertov.html> (дата обращения: 02.12.2019)
6. Лапшина, Е. Г., Вечкасова, Е. Н. Цвет в архитектуре: эстетика и символика черного // Архитектура : международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – Вып. № 5(83). Ч. 2. – С. 97–102
7. Робезжник, Л. В. Колористическая среда современного города. Тенденции и принципы формирования // Творчество и современность. – 2018. – № 4 (8). – С. 91–97
8. Ефимов, А. В., Панова, Н. Г. Из опыта проектирования колористики исторических городов // Architecture and modern information technologies. – 2016. – № 4 (37). – С. 250–265

9. Режим ЧС федерального характера и случаи его введения в России // РИА Новости. – 2019. – 03 июля. – URL: <https://ria.ru/20190703/1556187619.html> (дата обращения: 02.12.2019)

References

- Dianova-Klokova, I.V., & Metan'ev, D.A. (2015). Ustoichivaya arkhitektura i prostranstvo innovatsii [Sustainable Architecture and Innovation Space]. *Arkhitektura i stroitel'stvo Rossii*, 07(211), 16–31.
- Efimov, A.V., & Panova, N.G. (2016). Iz opyta proektirovaniya koloristiki istoricheskikh gorodov [From the experience of designing the colors of historical cities]. *Architecture and modern information technologies*, 4 (37), 250–265.
- Esaulov, G.V. (2014). Ustoichivaya arkhitektura – ot printsiptov k strategii razvitiya [Sustainable architecture - from principles to development strategies]. *Vestnik TGASU*, 6, 9–24.
- Gurvich, V. (2019). Generalnye plany rossijskikh gorodov: gde oni est – otmnim, a gde net, to i ne nado? Mneniya ekspertov [Master plans of Russian cities: where they are - canceled, and where not, then do not? Expert Opinions]. *Stroitel'stvo*. Retrieved December 2, 2019 from <https://dom.iastr.ru/arhproekt/3138-generalnye-plany-rossijskih-gorodov-gde-oni-est-otmenim-a-gde-net-to-i-ne-nado-mneniya-ekspertov.html>
- Lapshina, E.G., & Vechkasova, E.N. (2019, April 1). Tsvet v arkhitekture: estetika i simbolika chernogo [Color in architecture: aesthetics and symbolism of black]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal Arkhitektura*, 5(83). Part 2, 97–102.
- Rezhim ChS federalnogo kharaktera i sluchai ego vvedeniya v Rossii [Federal state of emergency and cases of its introduction in Russia]. (2019, July 3). RIA

Novosti. Retrieved December 2, 2019 from <https://ria.ru/20190703/1556187619.html>

Robezhnik, L.V. (2018). Koloristicheskaya sreda sovremennogo goroda. Tendentsii i printsipty formirovaniya [The coloristic environment of the modern city. Trends and principles of formation]. *Tvorchestvo i sovremennost*, 4(8), 91–97.

Salmina, O.E., & Bystrova, T.Yu. (2015). Printsipy sozdaniya ustoichivoi arkhitektury [Sustainable Architecture Principles]. *Akademicheskij vestnik Uralniiproekt RAASN*, 4, 36–40.

Shchukin, A. (2019, April 8). Genplany pomeshali stroitel'yam [General plans prevented builders]. *Ekspert*, 15 (1115), 6. Retrieved December 2, 2019 from <https://expert.ru/expert/2019/15/genplanyi-pomeshali-stroitel'yam/>

Иллюстративный материал заимствован из общедоступных ресурсов интернета, не содержащих указаний на авторов этих материалов и каких-либо ограничений для их заимствования.

в Рис. 10г. Обрушение жилого здания в Рязани в октябре 2016 г.

В работе анализируются особенности современной массовой жилой застройки и способы ее адаптации к мобильным потребностям владельцев квартир. Подчеркивается взаимосвязь объемно-пространственных характеристик зданий и функциональных особенностей городской среды. Характеризуются принципы формообразования трансформируемых жилых ячеек. Проектируемые жилые кварталы выполнены сообразно современным требованиям к жилой застройке. Ключевые слова: массовая жилищная застройка; комфорт; трансформируемое жилье; резервирование ресурсов; регулируемая автономность. /

The article analyses specific aspects of contemporary mass housing and the means of its adaptation to mobility needs of the residents. It underlines the interrelation between volumetric and spatial characteristics of buildings and functional peculiarities of the urban environment. The form-making principles for transformable dwelling units are described. The residential blocks are designed according to the current housing requirements. Keywords: mass housing; comfort; transformable dwelling; resource reservation; regulated self-dependence.

Адаптируемое жилье на примере застройки территории микрорайона «Птичья Гавань» в Иркутске /

дипломный проект

автор проекта

Анастасия Холявко, магистрантка

Института архитектуры и

строительства ИРНТУ

руководитель проекта

Инна Евгеньевна Дружинина

среду, которая может оперативно подстраиваться под изменение запросов и потребностей пользователей. Такая адаптивность может быть представлена разнообразной типологией зданий, широким выбором квартир, которые, в свою очередь, позволят собственникам по-разному их использовать. Именно эта идеология легла в основу создания дипломного проекта.

В ходе работы было проведено исследование адаптируемого жилья, из выводов которого определились два основных принципа формообразования трансформируемых жилых ячеек: принцип резервирования ресурсов и принцип регулируемой автономности. Разные типы ячеек сориентированы на разные типы семей и сценарии их развития, поэтому данный вид жилья можно описать как трансформируемое жилье в зависимости от жизненного цикла семьи. Примечательно, что такое жилье может внедряться в стандартную компоновку многоквартирных жилых домов

и сочетаться с «традиционными» квартирами, что и было разработано в проекте. Соотношение трансформируемых и обычных квартир в проекте составило 30 и 70 процентов соответственно. Оно обусловлено особенностями российского менталитета: все новшества обществом воспринимаются с осторожностью, поэтому нововведения в массовой жилой застройке (и не только) стоит вводить постепенно, предоставляя потребителю право выбора.

Разработанный проект жилой группы является фрагментом проекта застройки территории микрорайона «Птичья Гавань» в Иркутске (в границах улицы Розы Люксембург – парк «Молодежный» – ручей Сарафановка). Оба жилых квартала выполнены по сложившимся современным требованиям к жилой архитектуре: безбарьерная среда, приватные дворовые пространства, коммерческие помещения в первом уровне, многочисленные вспомогательные помещения для жильцов, отдельный сбор мусора, подземная парковка,

которая имеет свои особенности. С целью рационального использования площадей была применена система parklift: механический подъемник для автомобилей (2 в 1, второе место в приямке), применение которого позволило обеспечить необходимое количество машиномест, избегая второго подземного уровня. Почти во всех квартирах заложено решение кухни-гостиной как общесемейного пространства, а также разработаны принципы мобильных трансформируемых перегородок для обеспечения свободной планировки независимо от типа квартиры.

Таким образом, произведена попытка разработать новый тип жилья, идея которого заключается в создании регулирующего инструмента, имеющего все предпосылки для внедрения в регламенты массовой жилой застройки как в масштабе городского района, так и в масштабах мировой практики.

**Инна Дружинина,
Анастасия Холявко /
Inna Druzhinina,
Anastasia Kholiavko**

Массовая жилищная застройка является одним из главных факторов в формировании архитектурного облика города; его визуальная привлекательность, функциональность и характер среды определяются объемно-пространственными характеристиками зданий. Все это в совокупности влияет на качество и уровень повседневной жизни горожан. Чтобы обеспечить оптимальный уровень комфорта для всех социальных групп, необходимо внедрять адаптивную жилую

Adaptable Housing Through the Example of the Birds' Harbor Neighborhood Development in Irkutsk

авторы

Анисимов Александр Викторович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, главный научный сотрудник Отдела современных проблем средоформирования и градорегулирования Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры (НИИТИАГ филиал ФГБУ ЦНИИП Минстроя России),

Анненкова Татьяна Борисовна – член редколлегии журнала ПРОЕКТ БАЙКАЛ (Иркутск)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Барышников Виталий Владимирович – начальник Управления культуры и туризма администрации г. Иркутска

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ, народный архитектор России (Москва)

Болдсайхан Номин – студентка института архитектуры Иркутского научно-исследовательского университета (ИРНТУ)

Булгакова Елена Александровна – кандидат архитектуры, советник РААСН, профессор МИТУ МАСИ

Ворожейкина Вера Александровна – доцент кафедры коммуникативного дизайна и графики Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ)

Гимельштейн Александр Владимирович – издатель и главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда», профессор Иркутского государственного университета (ИГУ)

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадаемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, вице-президент Союза архитекторов России (Иркутск)

Дианова Юлия Викторовна – магистр дизайна, преподаватель архитектурно-строительного отделения Пермского строительного колледжа

Дружинина Инна Евгеньевна – член Союза архитекторов России, доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНТУ)

Дубынин Николай Васильевич – кандидат архитектуры, доцент, начальник отдела научных исследований жилых и общественных зданий АО «ЦНИИПромзданий» (Москва)

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствоведения, профессор кафедры дизайна ИРНТУ, член Союза архитекторов России, действительный член Международной академии наук о природе и обществе (Иркутск)

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Капустин Петр Владимирович – кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой теории и практики архитектурного проектирования Воронежского государственного технического университета

Киселёв Тимофей Александрович – член Союза архитекторов России, старший преподаватель Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета (ИАИД СФУ, Красноярск)

Киселёва Олеся Владимировна – член Союза архитекторов России, старший преподаватель ИАИД СФУ (Красноярск)

Клочко Асмик Рубеновна – кандидат архитектуры, доцент Института строительства и архитектуры Московского научно-исследовательского государственного строительного университета (ИСА НИУ МГСУ)

Козьмин Алексей Павлович – руководитель экспертного совета Сибирской лаборатории урбанистики, член экспертного совета лаборатории IMM DesignLab Миланского политехнического университета (Иркутск)

Корелина Мирья Вячеславовна – член Союза дизайнеров России, доцент кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна им. В. Г. Смагина Института архитектуры, строительства и дизайна ИРНТУ (Иркутск)

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, профессор кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Лисицина Яна Юрьевна – кандидат исторических наук, член Союза художников России и международной ассоциации искусств – АИАП ЮНЕСКО, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИГУ (Иркутск)

Лысюк Денис Александрович – студент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ)

Малько Анастасия Васильевна – доктор-инженер, научный сотрудник Международного Совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (Берлин, Германия)

Мамчиц Екатерина Дмитриевна – студентка СПбГАСУ (Санкт-Петербург)

Маяренков Сергей Юрьевич – советник министра экономического развития Иркутской области, член Правления Сибирской лаборатории урбанистики

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»)

Салмин Леонид Юрьевич – член Союза дизайнеров России, кандидат искусствоведения, архитектор, профессор кафедры графического дизайна Уральского архитектурно-художественного университета (Екатеринбург)

Смолянов Павел Александрович – аспирант Департамента архитектуры Инженерной академии Российского университета дружбы народов

Сурикова Евгения Игоревна – архитектор дизайн-бюро S-Classic (Иркутск)

Суслова Ольга – кандидат архитектуры, профессор кафедры конструкции зданий и сооружений МАрХИ (Государственная академия)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва, член Союза журналистов России

Успенская Ольга Михайловна – член Союза архитекторов России, старший преподаватель ИАИД СФУ (Красноярск)

Федоров Олег Павлович – доцент СПбГАСУ (Санкт-Петербург)

Холявко Анастасия Олеговна – магистрант ИРНТУ, архитектор Сибирской лаборатории урбанистики (Иркутск)

Чертилов Алексей Константинович – архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, доцент ИРНТУ (Иркутск)

В № 62 на с. 124, фото справа, следует читать: Здание Наркомвоенмора. Арх. Л. В. Руднев, 1937.

Благодарим за участие в подготовке номера и работе редакции архитекторов **Евгению Сурикову**, **Руслана Хотулева** и администратора ИДА **Наталью Князеву** (Иркутск)

authors

Alexander Anisimov – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, honored architect of the RF, chief researcher of the Department of Contemporary Problems of Environment Formation and Urban Regulation at Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Tatyana Annenkova – member of the editorial board of Project Baikal journal (Irkutsk)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Vitaly Baryshnikov – head of the Culture and Tourism Department of the Irkutsk City Administration

Andrey Bokov – Doctor of Architecture, full member of the RAACS, president of IAAM, people's architect of Russia (Moscow)

Nomin Boldsaikhan – student of the Institute of Architecture at Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Elena Bulgakova – Ph.D. in Architecture, advisor of the RAACS, professor of Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute (MITU-MACI) (Moscow)

Vera Vorozheikina – Ass. Professor of the Communication Design and Graphics Department at Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA)

Alexander Gimelstein – publisher and editor-in-chief of Vostochno-Sibirskaya Pravda newspaper, professor of Irkutsk State University (IGU)

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, honored architect of the RF, full member of IAAM, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR) (Irkutsk)

Julia Dianova – Master of Design, lecturer of the Architectural and Construction Department at Perm College of Building

Inna Druzhinina – member of the UAR, Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering of INRTU

Nikolai Dubynin – Ph.D. in Architecture, head of the Department of Scientific Research of Residential and Public Buildings of AO TsNIIPromzdaniy (Moscow)

Olga Zheleznyak – Ph.D. in Art History, professor of the Department of Design of INRTU, member of the UAR, full member of the International Academy of Nature and Society Sciences (Irkutsk)

Alina Ivanova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Institute of Architecture and Design at Pacific Ocean State University (Khabarovsk)

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Timofey Kiselev – member of the UAR, senior lecturer of Institute of Architecture and Design at Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Olesya Kiseleva – member of the UAR, senior lecturer of Institute of Architecture and Design at Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Asmik Klochko – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Institute of Construction and Architecture at National Research Moscow State University of Civil Engineering

Alexei Kozmin – head of the expert board of Siberian Laboratory of Urbanistics, member of the expert board of IMM DesignLab at Polytechnic University of Milan (Irkutsk)

Mirya Korelina – member of the Union of Designers of Russia, Ass. Professor of V. G. Smagin Department of Monumental and Decorative Painting and Design of INRTU Institute of Architecture, Construction and Design (Irkutsk)

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, honoured architect of Russia, professor of the Department of Architecture and Urbanistics at Pacific Ocean State University (Khabarovsk)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Yana Lisitsina – Ph.D. in Historical Sciences, member of the Union of Artists of Russia and AIAP UNESCO, Ass. Professor of the Department of Journalism and Media Management of ISU (Irkutsk)

Denis Lysyuk – student of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Anastasia Malko – Dr.-Ing., research officer of the International Council on Monuments and Sites (Berlin, Germany)

Ekaterina Mamchits – student of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Sergey Mayarenkov – adviser to the minister of economical development of the Irkutsk region, member of the board of Siberian Laboratory of Urbanistics

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, researcher of Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Leonid Salmin – member of the Union of Designers of Russia, Ph.D. in Art History, architect, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Pavel Smolyanov – postgraduate of the Department of Architecture, Academy of Engineering of Peoples' Friendship University of Russia

Evgeniya Surikova – architect of design bureau S-Classic (Irkutsk)

Olga Suslova – Ph.D. in Architecture, professor of the Department of Structures of Buildings at MArchI (State Academy)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts, member of the Union of Journalists of Russia (Irkutsk)

Olga Uspenskaya – member of the UAR, senior lecturer of Institute of Architecture and Design at Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Oleg Fedorov – Ass. Professor at Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (Saint Petersburg)

Anastasia Kholiyavko – graduate student of INRTU, architect of Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Alexei Chertilov – architect, chair of the Board of IRO All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, Ass. Professor of INRTU (Irkutsk)

We are thankful to architects **Evgeniya Surikova**, **Ruslan Khotulev** and manager of the Irkutsk House of Architects **Natalia Knyazeva** (Irkutsk) for their help with the preparation of the issue and the editorial work.

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism

